

Татьяна Юрганова

МГНОВЕНИЯ

...И пережитые мгновенья
Я вижу на твоём лице...

О. Б.

Татьяна Юрганова

М Г Н О В Е Н И Я

Книга «Мгновения» создана на основе архивных документов, оставшихся после смерти Татьяны Юргановой. Поскольку книга посвящена 70-летию со дня ее рождения, издание построено на мемориальных основах, отражая весь жизненный путь автора.

Мгновения – отрезки времени, указанные в каждой главе, и основные события, случившиеся в жизни Татьяны Юргановой. Они отражены в избранных фрагментах произведений. В книгу вошли части дневников, периода 1964 и 1970 годов, уже опубликованных в романе «Автопортрет любви без ретуши», а так же, никогда не публиковавшиеся драмы, ироничные новеллы, повести и поэма «Бессоница».

к 70-летию
со дня рождения

Владимир 2022

Введение

1.

Татьяна Александровна Тузова (Юрганова) родилась 29 июня 1949 года в Минске – столице Белоруссии. Ее жизнь продлилась недолго – 32 года. За это время она сумела многого достичь: закончила среднюю школу, факультет журналистики Белорусского государственного университета. Блестяще защитила диплом и поступила в аспирантуру кафедры стилистики русского языка этого же университета. В 1971 году, в возрасте двадцати двух лет, она вышла замуж, родила троих детей, активно работала над диссертацией, одновременно и непрерывно занимаясь литературным творчеством. Приступила к написанию автобиографического романа *«Автопортрет любви без ретуши»*. Ее литературный архив содержит около тридцати рассказов, повестей и пьес, которые Т. Юрганова никогда и нигде не публиковала. На то были свои причины, которых я коснусь чуть позже. Главное то, что она достигла прижизненной зрелости, в которой была очевидна ее глубокая и оригинальная личность, яркие, духовные перспективы которой были бесспорны...

Завершение прижизненных литературных усилий Татьяны Юргановой, накопленных в ее архиве, позволили открыть и понять смысловую суть практически

всех ее произведений. Осознать авторскую оригинальность идей, которыми она руководствовалась, создавая галерею литературных персонажей. Осмыслить суть времени, в котором она жила. Понять содержательный смысл ее творчества, в который укладывались ее представления о добре и зле. Работа над ее литературными архивами привела к совершенно неожиданным, а порой и к парадоксальным открытиям, которые почти сорок с лишним лет были скрыты от читателей.

Первый опыт отражения чувственного мира во многом становится видимым в раннем девичестве Татьяны Тузовой, когда она пожелала показать в своих дневниках собственное духовное становление. Тогда же обнаружили первые стихи автора, выявившие в ее поэтическом даровании не столько понятную для ее возраста эмоциональность, сколько способность выразить переживания своих духовных проблем. Они были лишены банальности. В них нет примитивизма. Эти проблемы будили в ее душе готовность к деятельному осмыслению жизни. Разумеется, они же рождали противоречия. Обещали скорые ошибки. Но, главное, у Татьяны формировался честный взгляд на себя со стороны. И это было важным итогом времени ее детства.

Стихийная образованность Татьяны порождалась природной любознательностью, заставляя пристально вглядываться в окружающий мир и поглощать великое множество книг. Так складывалась ее весьма обширная эрудиция. Однако отсутствие системности в ее духовной жизни приводило к ошибкам и неверным решениям, что, в свою очередь, приводило к утрате душевного спокойствия, слабой готовности верить в себя, в свои силы, достигать реальных успехов...

Человеку, которому исполнилось 16 лет, нелепо ожидать, что его личные переживания, запечатленные в дневнике, когда-либо станут предметом серьезных размышлений исследователей. А если учесть, что жизнь человеческая в 60-х и 70-х годах прошлого века – время записей в дневнике – протекала в меняющихся

пространствах и времени, осмыслить все даже самому юному сознанию было далеко не просто. И все же, когда дневник попадает в руки исследователя, суть времени становится предметом анализа. Оно может осмысливаться историком. Литературоведом. Философом или просто близким автору человеком, как в настоящем случае. В этот момент все написанное в дневнике обращается из частного переживания в факты, сопутствовавшие жизненной реальности, отраженной в бытии личности, в случившемся и запечатленном в тексте событии. Вольно или невольно они были сообщены уже иному поколению, которое всматривается в неведомые ему идеи, рожденные почти полвека назад.

Пространство бытия дневника, время, люди, населявшие его, их мысли, отношения – документально определены автором – Татьяной Тузовой, ученицей десятого класса средней школы. Ни фамилия, ни имя матери в дневнике не названы, как и не обозначен здесь же отец. Есть только одна, весьма нелестная, реплика о нем. По тексту же можно предположить, что фамилия автора дневника – «Тузова» – и принадлежит она ее отцу. Говорить об этом приходится, потому что спустя шесть лет, с момента начала дневниковых записей, то есть с 1964 по 1970 годы, статус автора радикально изменится, как и пространство ее бытия. Время начнет иной отсчет ее судьбы. Татьяна выйдет замуж и станет Юргановой. Тогда же наступят мгновения *любви*, *материнства* и зоркого *наблюдения* за реальностью, жизнь наполнится совершенно другими событиями. Иными станут смыслы времени. Изменяются интересы, род занятий, вместив новых людей, хотя немало тех, кто был отмечен ее вниманием в дневнике, останутся в круге ее общения...

...Семидесятилетие Татьяны Юргановой – явление виртуальное. Оно не вошло в бытие ее прижизненных событий. Однако следы духовного присутствия Татьяны в мире живых продолжают оставаться заметными. Ее книга, «*Автопортрет любви без ретуши*», была издана в Минске, где она родилась

и скончалась. Книга была тепло встречена сверстниками и друзьями Татьяны, а также современными читателями, включая многих сотен посетителей сайта Lib.ru, где ее роман доступен вот уже пятнадцать лет.

Книга «*Мгновения*» – дань памяти Татьяны Юргановой. В ней представлена *личность*, пребывающая в возрасте от шестнадцати лет до тридцати. Показан *характер*, меняющийся с годами, выражающий себя в стихах, ироничной прозе, в письмах. Виден *человек*, рано ушедший от нас, оставивший тексты, расшифровывать которые, возвращая ее авторство, мне приходилось с нежным и трепетным чувством.

При публикации повестей и рассказов, пролежавших без движения несколько десятков лет, возникают риски непонимания идей, заложенных в них. Смысловая недоступность, увы, возможна. Время, умчавшееся вперед, обогнало суть переживаний автора, запечатленных в ее стихах и в прозе. Надо окунуться в глубину ушедшей эпохи, а это, без малого, почти полвека! И вместе с тем понятая суть текстов гораздо ярче разочарования. *Вероятность* обнаружить, в публикуемых откровениях молодости автора, новизну и оригинальность, безусловно, выше *возможности* наткнуться на банальность...

...Вернусь к девичьему дневнику Татьяны Тузовой, помещенному 1964 годом. На девяноста страницах изложены переживания двух подруг-одноклассниц, испытавших острые волнения, связанные с пришедшей к обеим любовью. Толстая тетрадь начинается словами семнадцатилетней школьницы Тани: «*Мы хотим его (дневник) писать вместе...*». На финальных страницах этого же дневника, ее же почерком, выведено: «*Я хочу его познать...*». Рукой подруги Татьяны – Татур Натальи – сделаны редкие вставки в тексте. Они нисколько не мешают воспринимать содержательную оригинальность основного автора – Татьяны. Обе сверстницы пребывают в *одном мгновении*. Переживают похожие чувства. Разница – в характерах, которые оттеняют друг друга. Главный источник смыслов,

складывающихся в описываемых событиях, – стихи Татьяны. Они лишь однажды соседствуют с поэтическими текстами незнакомых авторов. Случилось это, скорее всего, для выражения чувств Татьяны, пребывавшей на самом пике своего драматического переживания.

Некоторые фрагменты этого дневника были размещены Татьяной Юргановой в книге «*Автопортрет любви без ретуши*». Над романом она работала с 1975 по 1980 год. Завершать книгу, в связи с ее смертью, пришлось мне. В мгновениях ранней юности были скрыты начала переживаний девичества, постепенно переходящие ко времени молодости, с «Мгновениями материнства» и последующим «Мгновением созерцания» поздней *реальности* воплотились тексты ее иронических миниатюр, повестей и драм.

Жизненная миссия Татьяны складывалась более или менее отчетливо с 1969 года. Она поступает в университет на филфак, затем переводится на факультет журналистики. Следы душевных переживаний Татьяны отражаются в ее стихах, в девичьей увлеченности и в таинствах юной личности.

В 1970 году происходит болезненная смена жизненных парадигм. Хрупкость чувств приводит Татьяну Тузову к целому ряду роковых ошибок. Она пытается их осмыслить в новом дневнике, начатом в том же году.

В 1971 году, выйдя замуж и став Татьяной Юргановой, родив первенца, она окончательно выбирает журналистику и экстерном завершает учебу в университете. Поступив в аспирантуру, она сдает кандидатские экзамены и с головой погружается в научную работу.

Жизненная миссия Т. Юргановой успешно продолжается. Рождение после первенца еще двоих детей вызывает в ней прилив творческой энергии, воплощаемой в *мгновениях материнства*. В 1975 году Татьяна начинает собирать материал к задуманному роману, в котором воплощаются ее творческие идеи, отражающие ценности супружества и материнства.

И все же поэзия продолжает сопутствовать ее жизненной миссии. В 1978 году она пишет большую ироническую поэму «Бессонница», однако множество стихов, коротких сказочных повестей, раскиданных по страницам тетрадей, посвящены Татьяной нашим детям...

...Вернусь к дневнику, датированному 1964-м годом. *Мгновения*, запечатленные в нем, характерны для каждого шестнадцатилетнего подростка. Мои собственные дневники, когда мне было шестнадцать, мои смыслы, изложенные в нем, были обыденными. Равно как и мгновения моих переживаний. Я читал даже дневник русского царя Николая II. Скажу честно, ничего кроме регистрации событий, без глубоких суждений, я там не обнаружил. Допускаю, что дневник – отпечаток личности. Прочитав записи, ты осознаешь свойства страстей человеческих. Окунаешься в мир его противоречий. Осмысливаешь тревожную, порой очень напряженную суть дней и ночей, впитывающуюся в строчки, написанные автором. Ощущаешь его эмоции. Наблюдаешь чувства, которые автор обозначает такими словами, как «любовь», «предательство», «равнодушие», «познание», «страдание», «жестокость», «опасность».

Автор дневника тогда, в 1964 году, была влюблена не в меня. Я находился в ином временном пространстве, отдаленном от Татьяны на десять лет. И все же, наши жизненные дороги пересеклись и я прожил с ней с 1971 года по 1981, то есть почти *три тысячи триста пятьдесят дней и ночей*. О существовании ее дневника, отразившего годы раннего девичества, я не знал до 1981 года, когда распечатал ее архивы для завершения книги «Автопортрет любви...», рукопись которой там находилась. Смыслы своего бытия с 1964 по 1969 год Татьяна до поры до времени оставила непознанными. Обнаружив дневник в ее архиве, я мог оценить логику переживаний юной девушки. Они были вплетены в лабиринты *мгновений*, уже доступных мне, когда я работал над завершением главной книги покойной жены, растянувшимся на двадцать пять лет!

...В том, что Татьяна пишет превосходные стихи, я убеждался не раз. Близкая подруга, с которой ее связывали многие годы, по-видимому, оказала на Татьяну некое сдерживающее влияние. Наталья была поэтессой публиковавшейся. И, как ни странно, именно этот факт, как я полагаю, сдерживал развитие поэтического дарования самой Татьяны, которая публиковаться не спешила. Острая придирчивость к себе была причиной тому. Так возникла опасность конкурентного сосуществования двух дарований. Стихотворный навык более амбициозной, агрессивной подруги вольно (или невольно?) подавлял поэтическую инициативу Татьяны. Ее некая «вторичность», как бы сама собой, становилась для Татьяны очевидной. Ее дневник отражает факт, во времена девичества, когда она, наталкиваясь на энергию одноклассников, оказывалась на периферии их внимания, чувств и достижений. По-видимому, и в этом была своя логика, ведь Татьяна росла в семье, где между родителями царили острые нравственные и эмоциональные разногласия. Подраставшая девушка видела авторитарность отца и чувствовала психологическое давление матери. Родители нередко демонстрировали конфликтное и весьма враждебное противостояние.

Когда, буквально по крупичкам, я собирал ее стихи, написанные в мгновения острых переживаний ранней юности 1964-1967 годов, мне представились очевидные свидетельства яркого поэтического самовыражения автора. Теперь в этом можно убедиться.

...Дневник 1964 года демонстрирует время юной девичьей любви. Будучи, по содержанию описываемых событий, личностью очень противоречивой в шестнадцать и семнадцать лет, Татьяна тем не менее демонстрировала работоспособность формирующегося сознания. В жизнь юной девушки входит переживание виртуального акта *слияния* не столько с близкой подругой, сколько с... предметом собственных романтических увлечений. В эти мгновения, вместе со смятением, рождавшимся в ее душе и едва ли не разрывающем ее сердце, возникают глубокие

любовные переживания. Они переплавляются в два взаимоисключающие состояния: *утраты* и обретения. Одно вызывается недоступностью предмета любви, второе – *щедрыстю* чувств и жадной духовной самоотдачи. Так впервые девичья любовь порождает волшебство неосознанного и очень противоречивого *слияния*. Именно в эти мгновения природный поэтический дар юности и девичества преобразуется в *духовный синтез*. Живя в таком состоянии, юная личность обретает мощную творческую энергию, вливающуюся и в стихи, и в тексты дневниковых записей.

В этой книге представлены поэтические строчки Татьяны, разбуженные искренностью чувств. Многие из них отражают печальные интонации, эстетику грусти и разочарования. Вместе с тем уже весьма важную роль в поэтических текстах играет отчетливое понимание автором *превратностей* окружающего мира. Она пока не осознает все его проявления. Однако понимает влияние противоречий на собственное мироощущение, неожиданно делая поистине философские обобщения.

*У каждого есть тайное мгновенье,
Которое ему не позабыть.
В нем вечное, мятежное сплетенье
Того, что было
И могло бы быть...*

Содержание *случившегося* и того, что *могло бы быть*, – постоянно меняющиеся *константы* в пространстве бытия Татьяны-старшеклассницы. Для возраста 16-17 лет эти противоречия выражены болезненно и ярко. Откровенность мгновений девичества пока переполнена только сигналами: «*нравится – не нравится*», «*люблю – не люблю*» Все краски противоречий девичьей чувственности воплощаются в поэтических текстах эмоционально или как предостережение.

*Не подходи ко мне! Не говори!
А только изредка, вот как сейчас,
Из-под ресниц задумчиво смотри...*

Нет мне дорожке взгляда этих глаз...

Иной раз – как горечь непонимания. Нередко – как признаки пессимизма, стойкого, до самоуничтожения.

Я без тебя – лодка без весел.

Протяни мне руку молча...

Не хочешь...

Уходишь?

Уходишь...

В это же время, может быть, через день, два или три, возникнет и вовсе нелепая коллизия, когда своя же одноклассница начнет примерять на себя виртуальные одежды... разлучницы. Оснований вроде бы нет. Ну что значит момент консультаций перед контрольной работой? Но... Оба: он... она – одноклассники... Сидят за партой, голова к голове. Тихо переговариваются, глядя в учебник. Этот эпизод демонстрирует интимное *удинение* в классе, рождая в душе Татьяны жестокий миг сомнений и ревности, которыми пронизаны поэтические строчки.

Как жесток этот дружеский взгляд

Безразличия светлого полный...

Созерцая это случившееся событие со стороны, она... приговаривает себя к драматической безнадежности.

А он уходит с другими,

И никого уже нет...

Как будто тронул иней

Едва расцветший букет.

Раздумья – вечный спутник ранней юности – в душе Татьяны выступают поэтическим фоном, рождая элегические строчки:

Эта ночь-чернота.

Эта ночь –

Только тихие всплески,

Да квадраты окон

В фиолетовой дымке домов...

Следующее и тоже вечное состояние ранней юности – одиночество. Ощущение непрочности возникшей ответной симпатии

романтического героя. Оно порождает смущение и одновременно беспричинную радость. Назавтра одолевают сомнения, которые запечатлены в дневниковых записях. Вдруг снова возникший оптимизм, увы, краток. Так ощущаемое волшебство чувств радости сменяется настроением утраты уверенности в себе. И снова ночное, одинокое раздумье...

*Вот прошла
Колдовская ночь,
Ворожила и
Ветром развеяна.*

После всех этих противоречивых раздумий, запечатленных на страницах дневника, Татьяна неожиданно пишет строчки, наполненные ярким светом и сочными, жизнеутверждающими переживаниями, уже не связанными с грустными раздумьями о событиях, происходивших в ее классе. Казалось бы, очевидны утраты былых чувств. Завтра настанет вечер, когда Татьяна произнесет роковые строчки стихов, но вовсе не собственного сочинения. Сейчас же она пишет о своих снах.

*А в снах моих такое солнце!
Как гнев в языческих глазах,
Как меда золотая вязь,
Как шелк восточного узора.*

Комментировать, сопоставляя все новые и новые строчки стихов, перемешанных с записями в дневнике, можно бесконечно долго. Чего ждать? И вот апофеоз настал!

Юная душа готовится к развязке, она решает громко объявить о своем добровольном акте. Он прозвучит для всех ее одноклассников как глас судьбы! Ее суть станет очевидной лишь спустя годы, а пока, сейчас, в дневнике излагаются стихи поэтессы, неизвестной одноклассникам, в которых она передает оптимистическую драму... самой Татьяны, и только ей понятен горький смысл этих стихов. Но прежде была запись в дневнике от 31 октября 1964 года. «Вчера пришла домой после школы и дома ходила по комнате, не зная за что взяться.

*Постояла... Помолчала... Потом, вдруг начала читать...
Слышишь светлый мой, слышишь милый,
Я тебя подарила, я сама тебя подарила,
Подарила девочке с курносый личиком,
с робким взглядом*

И была так счастлива и была так рада!

Читала будто свое. Будто говорила и... плакала. А кончила – ни слез, ничего! Выказалась...»

Через день, 1 ноября, на классном «Огоньке» прозвучали эти стихи Натальи Котовщиковой, и запись о *впечатлении*, которое произвели на одноклассников не столько сами эти стихи, сколько их чтение Татьяной...

...Мы случайно и крайне редко узнаем о характерах наших близких в годы их ранней юности. Нам чаще недоступно *это* их время. Даже если мы слышим некие откровения в кругу домашнем или в дружеском общении, подробности случившихся событий, запечатленных в дневниках или в письмах – редкая удача! Суровый акт реальности – смерть – нередко становится арбитром при выборе – рассказывать или нет о ранней юности наших почивших родителей. Случается, они оставляют после себя следы духовного бытия, растворившегося в их далеком прошлом. И тогда вероятность *понимания* юного характера все же существует, возвышая личность, уже ушедшую из жизни...

Года через три или четыре, то есть в 1970 году, у Татьяны Тузовой наступит *мгновение*, называемое *молодостью*. Многое изменится в ее чувствах, скорее, преобразуется, наполнится иными оттенками, а колорит переживаний, которые Татьяна познала в девичестве, в *молодости* станет сочнее и ярче. Однако ее духовные противоречия еще сохранятся, питая роковые ошибки.

Окончена школа... Наступило время поиска своей судьбы... Возникли сложные жизненные коллизии... Переживания любви оборачиваются в бесконечные барьеры запутанного лабиринта, выход из которого, кажется, невозможно найти. Бегство

из дома. Связь с любовником. Жизнь в Самаре. Беременность. Выкидыш. Драма одиночества. Возвращение домой. Восстановление учебы в университете. Подступающая «взрослая» жизнь наполняется до краев ошибками, неоправдавшимися надеждами, разочарованиями. Этот *сгусток* поступков и событий завершается встречей со мной в Минске, в январе 1970 года...

...Второй дневник, датированный февралем того же года, хранит в *мгновениях молодости* гораздо более зрелые чувства. Формирующийся жизненный опыт накапливает уже свои противоречия. Бросаться в омут новых переживаний страшно! И все же мировоззрение молодой личности постепенно обретает *прочность* нравственных убеждений. Описывая события, случившиеся в ее жизни – вторую беременность, расставание со мной, неожиданное восстановление ранее прерванных отношений с любовником... Почти три месяца Татьяна скрупулезно восстанавливает в своем новом дневнике случившееся с ней, подвергая тщательному анализу все произошедшее во *мгновениях молодости*. Надо признать, что она и теперь привлекает к своему анализу поэзию. Правда, уже не в качестве духовного арбитра. Скорее, как эстетический «манометр», измеряющий критические уровни давления внутри собственной души. Но главным инструментом, которым она пользуется, в поисках истины, для ответа на собственные вопросы, является *правда!* Татьяна старается *понять* свое решение, справедливо оцениваемое ею как ошибочное. Она им разочарована. Страшится его последствий. Но когда его принимает, не пытается себя оправдать...

Блестящая стилистика текста, острый угол зрения в дневниковых записях позволяют судить о резком скачке уровня интеллектуального восприятия Татьяной Тузовой той сложной жизненной коллизии, в которую она, по собственному недомыслию, попала осенью 1970 года. Недаром она полностью включает этот дневник в свою книгу: «*Автопортрет любви без ретуши*». Такое бесстрашие ее самооценок вызывает

глубокое уважение...

...*Мгновения молодости*, начинаются со сцены знакомства со мной. «...Итак, Юрганов. Первое впечатление двойственное: лицо мистически знакомое, так бы сразу и сказала, как увидела: «Здравствуй, вот славно, что ты здесь!» Улыбка, которую называют очаровательной. Однако неверно это. Даже приторно. Просто — смелая улыбка. Так улыбаются сильные люди. Встал, протянул руку. И тут же возникло впечатление второе: да когда же он встанет во весь рост? Была уверена после такой улыбки, что он — громадный. На секунду перестала воспринимать происходящее вокруг. Неожиданно вспомнила вычитанную где-то мысль: маленькие мужчины ненасытны и со всеми женщинами очаровательны.

...Звонок в дверь. Юрганов — мимо меня — делает шага три в коридор.

Кто там, интересно? Он любопытен до... детства, до озорства. Но... По-прежнему не воспринимаю. Мал золотник? Вместе с вошедшим проходит в комнату. Я этого не вижу, своими мыслями занята и стою спиной. Оборачиваюсь — и сразу как в холодную воду. Итак, Юрганов, вот что с тобой! Неуклюжая походка, страшно милая — причиняет боль. Чувство, будто смотришь на Природу, как на толстенную, сытую и наглую бабу, и поражаешься ее жестокости, тупости. И хочется схватить ее за неумные руки и встряхнуть до желудка: что ты сделала? И не хромота, а эта неуклюжесть, которую так не терпится сбросить черт знает куда! Человеку с таким лицом надо, не то, что бегать — летать, ходить ходуном, плясать!»

Дневник 1970 года полностью посвящен автором осмыслению моих духовных принципов и свойств характера. Собственная судьба самой Татьяны тогда стала условием понимания жизни *другого* человека. Вместе с тем смена *мгновений* девичества на период *мгновений молодости* была отягощена выбором *будущего*. Однако неумение отстаивать свои убеждения

приводила Татьяну в состояние ступора. Ей *казалось*, что она *ошибается*, и тем не менее действовала, *разрушая* все преграды на своем пути. Этот парадокс в психологии ее личности грозил ей полным крахом жизни. Стоя среди обломков, как оказалось, неверных решений, она снова упорно ищет выход из лабиринта любви. Позднее она напишет главу, в упомянутом мной романе, которую так и назовет: «*В лабиринтах любви*».

В дневнике *мгновений молодости* Татьяна осмысливает себя очень основательно. Особенно подробно она оценивает свой окончательный выбор. Поэзия ею отодвигается, уступая место эпистолярной прозе, с ее размышлениями, глубокими оценками, суждениями, наполненными нравственными смыслами. К финалу 1970 года, она, наконец, понимает, чего она хочет, и решительно стремится восстановить все, *разрушенное* ею. Текст дневника 1970 года полон бесконечных надежд обрести *самоуважение*, без которого *молодость* не в силах достигнуть порога зрелости. О том, что это для Татьяны, тогда еще Тузовой, невыносимо трудно, свидетельствуют два стихотворения, о которых я упоминал выше. Как эстетический манометр. Е. Евтушенко — «*Мы с этой женщиной прощались...*»

*...И понял я внезапно то, что
на нас нахлынуло, нашло.
Любовь – особенная точка,
и, может, более ничто...*

Это признание было полностью растворено в противоречии молодой женщины, что крайне затрудняло ей возможность обратит в скорое будущее свои высказанные в дневнике надежды. Второе стихотворение, и тоже не собственное, а другого автора, гласит:

*Есть ремесло не засыпать ночами
И в конуре, прокуренной дотла,
Метаться зверем,
Пожимать плечами
И горбиться скалою у стола...*

Автор – Борис Смоленский, студент, погибший в Отечественную.

Итак, духовный синтез идей и мыслей молодой женщины, ее чувств и переживаний *мгновений молодости* привел к решению, которое было итогом колоссального напряжения сознания Татьяны, еще не достигшего порога безусловной зрелости, но уже готового к будущим испытаниям...

В душевной палитре Татьяны, вступившей в пору *мгновений молодости*, краски переживаний и тонус изложения текста разительно меняются. Два крупных поэтических продукта, созданных ею в промежутке с 1971 по 1975 годы, представляются своеобразным контрастом. Большое стихотворение: «*Теперь, когда у меня есть несколько дней...*», изложенное в форме «белого стиха», неожиданно раздвигает границы поэтического мировоззрения автора. Мир ее идей становится гораздо конкретнее. Он подчинен господствующей мысли автора – *любви к человеку!* Абстракции раннего девичества бесследно исчезли. Они уступили место реализму чувств. Сложилась личность с ее любовью, которая очевидна и абсолютно непреодолима! И это спустя шесть лет, после меланхолии девичьих страданий, хрупких переживаний, наивных в своей прелестной беспомощности.

*Это не я люблю тебя
(не Пигмалион, не леплю тебя),
это любовь создала меня, чтобы тебя любить.
Вот так же Средневековье, дымное
от костров и затмений,
тосковало по Возрождению...
По возрождению-наваждению
Улиц в праздничном солнце,
цветами увитых балконов...*

Владение словом в поэтическом тексте достигает подлинного изящества. Образность обретает свободу обладания прекрасным. Эстетика стихов избавлена от пресного груза штампов...

...Поэма «*Бессонница*» была написана едва ли не за ночь.

Время написания крупных поэтических полотен обычно уточняется множеством заинтересованных исследователей. Я могу сказать определенно, что этот миг «творческой удачи» Татьяны Юргановой случился в непрерывном шуме веселья, в день тридцатилетия нашего общего приятеля Володи Б. Мы с женой, по одиночке, пришли в квартиру, где наш приятель — сын генерала — праздновал это событие. Накануне я укладывал детей спать, уговаривая их не шуметь и дать «нам с мамой» возможность немного отдохнуть от «суеты жизни». Дети спорить не стали, но уверенно заснули только через час. Я пересек улицу и вошел в шумное сборище друзей и подруг, праздновавших случившееся у нашего приятеля событие, чувствуя полную свободу, поскольку «папа-генерал» был на даче. Таня что-то писала в углу, а я предался общему веселью.

Поэма была посвящена событию, которое разворачивалось именно в эти часы товарищеского застолья — от десяти часов вечера до четырех утра. Изложение смыслов, раскиданных по обширному пространству поэмы, может вызывать только жуткую зависть у «пиитов», тратящих годы на создание поэтических текстов такого масштаба, на который у Татьяны ушло пять или шесть часов.

Я уже говорил, что Таня никогда не считала себя стихотворцем. Она, скорее всего, интуитивно чувствовала культуру стихосложения, используя это ремесло без какого-либо напряжения в практике поэтического изложения какой-либо темы. Не знала и авторской беспомощности, в процессе предварительного продумывания темы. Они роились десятками вокруг нее. Из несметных словесных запасов своей памяти Татьяна мгновенно выбирала нужный ей «материал» и...

«Бессонница» была лишена сложных идейных задач. Свобода поэтического изложения вызывает странное ощущение волшебной легкости письма, а раскиданные в пространстве поэтического текста смыслы не вызывают глубинных переживаний, хотя и заставляют задуматься. Ну, казалось бы, что с того, что

собрались молодые люди отпраздновать случившееся событие? И все же... Достоинство текста, который Татьяна создавала «среди шумного бала», наполнено добрым настроением веселья, в котором случается множество разных парадоксов. Они обнаруживаются в характерах героев. В их своеобразии, помечать которые автору удается одним-двумя штрихами. Таня умело обозначает состояние каждого персонажа, их нравственную готовность вступать в отношения со всеми, кто наслаждается здесь и сейчас весельем. Пролог к поэме, который пишет автор, развивает первоначальные смыслы общечеловеческого бытия, очевидность которого понятна едва ли не каждому.

Все познается в жизни

Постепенно:

Бессонница, безденежье,

Измена,

Любовь и

Скорой помощи

Сирена,

Привод, прогул, запой

И перемены

В количестве и качестве годов...

Как бы далее ни развивались моральные или любые другие ориентиры изложения поэмы, стихотворное мастерство автора очевидно, как и стихия озорной бесшабашности поэтического текста. Случившиеся события и обозначение всех героев повествования, их поступки и даже нелепости общения захватывают внимание. Напряженность поэтического текста вовсе не мешает, наоборот! Оно вызывает внутренний восторг от свободного, ничем не сдерживаемого изложения. Каждый акт действия связан с характером автора. Его проявления практически мгновенно обнаруживаются во множестве штрихов, обозначающих смыслы внутреннего мира персонажей. Их суть в тех картинках, которые стихами — изящно и смешно — создает автор...

...Для каждой жизненной темы в своей судьбе Татьяна

находит собственный поэтический инструментарий. В каждый период вновь подступающих мгновений, которые обещают развитие событий в жизни человека, она создает свои стихотворные формы. Например, своей свекрови, накануне ее семидесятилетия она посвящает поэтическое обращение, в котором – знак привязанности и уважения.

*Мы все из маминых ладоней
Взошли, как из земли трава.
В нас молодость ее трезвонит,
Хоть голова ее бела.*

*В нас красота ее не вянет,
К ней мы идем на яркий свет.
Нас тянет к маме, к маме тянет
И в десять лет, и в сорок лет.*

Обыденность этого поздравительного обращения вовсе не притушает, а обостряет мотивы искренности и сопереживания, изложенные простым и одновременно точным и безукоризненным стихотворным слогом, несущим в себе чувство уважения к старости и к жизненной мудрости.

Полной противоположностью и по форме, и по содержанию выглядит едва ли не апофеоз женщины, отозвавшейся на долгие ожидания писем от мужа и детей, отдохавших у бабушки летом, на Кубани. Казалось бы, всякое бывает! На радостях папа с детьми, летом, отпущенные на встречу с жарким зноем и безмятежным отдыхом, вдали от столичных забот, наконец-то, нашли время написать маме. Отправили фотографии, рисунки. И вот строчки ответного письма от нашей мамы, оставленной в Минске готовиться к кандидатским экзаменам. «...Долго держала перед собой эти драгоценные сосуды из бумаги, в которые были заключены голоса и приветы, и не решалась выбрать, с которого начать?» Минута и стихи свободно текут...

*Так на пиру, увидя два бокала
Гадаешь, может, лучше тот,*

*Который пенится лукаво –
Иль хмелем обжигает рот?*

Безукоризненность поэтического мышления автора иной раз просто обескураживает. Казалось бы, вовсе не ждешь поэтического волеизъявления в обыденный миг встречи женщины с письмами от мужа и детей. Она, после напряженной работы, просто перевела дыхание от долгого ожидания вестей. Детский эгоизм забывших о матери мальчишек, в суете летнего отдыха, увы, понятен и даже простителен. Но вот письма получены, и наша мама, не желая отказать себе в удовольствии, утоляет жажду ожидания до последней капли! Этот миг обращается в превосходные поэтические строчки!

*Твое письмо, мой муж бесценный,
Прочла я первым от того,
Что с ним покой благословенный
Влетел в открытое окно!*

Словесные «слуги» академической лексики и стихосложения: «бесценный», «благословенный», в изложении автором своих обыденных переживаний, придают поэтическому тексту строгость, нисколько не искажающую интонацию смыслов и стихотворного строя.

*Потом пришел черед второго –
Большого детского письма.
Его от слова и до слова
Я не прочла, а пронесла!*

Восторг – очевиден! И так, в естественной стихии переживаний мгновений молодости, Татьяна откликается своими поэтическими ресурсами, накопленными еще со времени своего раннего девичества...

Самым восторженным временем, в котором пребывала ее жизнь и душа, оказались мгновения материнства. Если душевные усилия ранней юности, миг любви – особенно их ароматы восторга и печали – можно обозначить мгновением поэтического озарения, то материнство стало временем формирования

ее творческого, педагогического и литературного опыта. Татьяна видела в каждом нашем ребенке, появившемся на свет, *уникальный источник*. Каждое усилие едва проклюнувшегося ума сыновей, вызывал в ней восторг! Через полгода или год после рождения каждого из трех сыновей, она заводит тетрадь, в которой записывает следы их пробуждающегося сознания. Еще через год-два Татьяна обнаруживает признаки «авторских» фантазий детей. Еще через полгода она уже записывает не лепет, а складывающуюся логику у того или другого сына, в момент изложения мысли, рожденной в их разумах. Энергия *материнства* пробуждает в ней *творческие мгновения*, питающие еле уловимые духовные усилия подраставших малышей. Разумеется, в них много противоречий, словесного мусора, но и... реального творчества! Дети сочиняют истории, сказки, стишки. У них возникает готовность взаимного сотрудничества с мамой. Потом дети приходят в школу, а в доме продолжают накапливаться заботы на годы. При всем их разнообразии, кроме борьбы с ленью, обычной расхлябанностью – юмор матери, строгость отца и начатки остроумия детей. Их желание показать, «*что дала им природа*». И здесь мама оставила множество поэтических примеров оценки событий, случившихся в семейной жизни.

*Алик рано встал чуть свет,
Только толку в этом нет!
Он уроки сделал, но –
Было в голове темно...*

Эти стихи вызывали острый интерес к домашней стенгазете «Клизьма», выпускавшейся, от случая к случаю, нашей мамой. В интонации стихов скрывался упрек мамы в лености сыновей, оценка их недобросовестности или иные малопривлекательные проступки мальчишек. После старшего доходила очередь и до среднего сына.

*И войдет навеки в спорт
Новый чтения рекорд.*

*Чемпион ужасно горд,
Улыбаясь во весь рот.*

Разумеется, не был забыт и третий – Ярослав, которому тоже были посвящены поэтические строчки. Домашняя стенгазета извинительно относится к поэтическим эпатажам мамы, с привлечением не слишком добродушных слов, рассказывающих о... Впрочем, сами убедитесь.

*Это что за рожжа?
На кого похожа?
Рот уехал к уху,
Нос полез на лоб.*

Когда старший брат произносит стихи мамы с издевательской интонацией в адрес младших, возникают нешуточные разборки. Приходится вмешиваться родителям. Это тот самый случай, когда смех, слезы обиды делают эффект поэтического творчества мамы сиюминутным!..

Однако главным достоинством *мгновений материнства* Татьяны было невероятное терпение и упорство по сбору *следов*, оставляемых детьми каждую минуту их пребывания в круте общения с ней. Мама не забывала записывать едва ли не каждое слово, услышанное ею от малышей. Две большие тетради были плотно заполнены репризами мальчишек, читать которые сейчас, спустя почти сорок с лишним лет после рождения детей, невозможно без чувств благодарности матери за ее неслыханное терпение и внимание к малышам.

Значительное большинство реприз было отобрано мамой и перенесено в основную книгу «*Автопортрет любви...*», и все же, великое множество так и осталось не востребуемым. Вместе с тем в них сохранилась печать той самой эволюции характеров, которые, в счастливые годы «*говорящего младенчества*», *детства*, подступающего *отрочества* сыновей выявляют свою неповторимую индивидуальность. Всего оригинальных записей в обеих тетрадях, с 1973 по 1979 годы, сохранилось 562. Если учесть, что 6 лет приходится на трехлетнего Алика,

Игоря и Ярика, достигших того же возраста, нетрудно представить, что за эти годы, «говорящий и размышляющий мозг» троих мальчишек был запечатлен пятьсот шестьдесят два раза на троих. И это было записано и прокомментировано мамой в остроумной манере, потребовавшей от нее не только «регистрации», но и комментариев, в которых уточнялись обстоятельства возникновения «реприз», смыслы, заложенные в них, если, по незнанию, малыш «переиначивал» слова. Без помощи мамы, спустя сорок лет, не каждое высказывание было бы понятно. Вот, к примеру, 451-я запись обыденной ситуации, случившейся дома в 1978 году осенью, между Аликом, которому было уже семь лет и Игорем – шестилетним мальчишкой.

«Алька стрижет ногти на ногах. Дело идет медленно, потому что ножницы плохие. Я говорю: эти ножницы тупые и очень туго завинчены. Игорь: «Зато они красивые». Алик: «А ты возьмешь себе жену, если она будет красивая, а делать ни черта не будет уметь?» Игорь, посмотрев на меня, в свете Алкиного высказывания, решил, что чего-то у папиной жены нет – то ли красоты, то ли умения. Чего именно – непонятно. Всего – в среднем. Игорек закончил: «А папа женится еще раз и еще раз». Алка: «Папа и так уже был женат два раза». Игорь, видимо, об этом еще не услышал: «И кто у него была первая жена?» Алик: «Илюшина мама». Игорь: «Какая?» Алик: «Ты, что, нашего Илюшу не знаешь? Его мама – тетя Лена. Папа раньше был там, а теперь у нас». При этом Алик посмотрел на меня, а я на Игоря. У Игоря глаза стали квадратными. Он заорал так, что жилки на шее вспухли. Игорь: «Что? Папина жена была баба Зина?» Таким образом – больше, чем на родную бабушку, его фантазии не хватило. Вот к чему может привести разговор о ножницах!».

В своих тетрадях Татьяна накапливала опыт изложения детских реприз в более позднее время, которые существенно повлияли на ее семейно-педагогические представления о воспитании детей. Они уже начинали демонстрировать первые

«перекосы» в поведении! Подготовиться к ним мы с ней как родители не всегда успевали. Столкнувшись со сложившимися характерами сыновей мать не успела. Мне, их отцу, пришлось осознать моральную суть и смысл поступков, валом подступавших из реального бытия, взрослеющих мальчишек. Их личности уже сильно отличались от тех невинных и прелестных детей, развивающееся сознание которых так радовало нашу маму...

2.

...Особое место в творческом наследии Татьяны Юргановой занимают мгновения созерцания реальности. Они запечатлелись в ее иронической прозе, включающей несколько новелл, короткие повести, сценические фантазии. Можно с уверенностью отнести эти литературные опусы к личному взгляду Татьяны Юргановой на факты, события, коллизии, неожиданные обстоятельства, которые случались при ее непосредственном участии или наблюдавшиеся ею. Уместно отнести эти тексты к периоду с 1975 по 1980 годы.

События, происходившие вокруг Татьяны, вольно или невольно сопрягались с нашей семейной жизнью. Разводится подруга Татьяны, просит приютить ее у нас с детьми. Обоих приятельниц соединяют годы и годы, включавшие в себя и девичьи увлечения, и крупные конфликты с родителями, и т.п. Развод – событие! Его детали обсуждаются подругами. И вот настал миг, когда под пером Татьяны он из обыденного факта, с криминальным сюжетом, перерастает в ситуацию с острой нравственной аранжировкой! По воле автора рассказа «Дело о взаимности», подробности описанных событий, отдающих криминальным духом, прикрыты еще и флером иронии. Вместе с тем власть правды убийственна, а героиня новеллы подобна герою андерсеновской сказки «Новое платье короля».

Увы! Подруга – соавтор того самого девичьего дневника 1964 года – отнеслась к «литературным шалостям» своей

приятельницы вовсе не *снисходительно*. Как автор Татьяна и при жизни познала *вкус оценок* и множества других *героев* своих иронических произведений, хотя ничего из написанного ею не было опубликовано при ее жизни. Спустя девять дней после ее смерти, когда друзья собрались помянуть, я, из самых невинных побуждений, желая отдать должное творческим минутам покойной жены, начал читать ее ироничные рассказы. Среди приглашенных была и Наталья. Как и все, она дружески реагировала на новеллу, которую я читал. Нежно вспоминала подругу своего детства и юности, столь безвременно ушедшую от нас. Наконец, гости стали расходиться. Заметив тетрадь, где были видны тексты рассказов, аккуратно переписанных Татьяной, Наталья *слезно* начала меня уговаривать дать ей тетрадь на ночь. Почитать. В такие минуты от близких людей не ждешь коварства. Разумеется, я был убежден – в крайнем случае завтра или послезавтра тетрадь будет мне возвращена. За свою наивность я был жестоко наказан.

Текст этой новеллы сохранился. Он опубликован. Однако авторские поправки, если они были, остались мне недоступными. Завершая тему *«оскорбленных амбиций и мелкой мести»* в ответ на иронические опусы, не думаю, что случившееся – редкость. В опыте многих авторов, как именитых, так и не очень, случалось нечто подобное. Ильф с Петровым, Салтыков-Щедрин, Зошенко, Чехов, Гоголь – если хорошенько порыться в их архивах – хранят следы атак *«прототипов»*, мстивших своим современникам за плоды таланта сатиры или иронии...

...Татьяна в годы *мгновений созерцания реальности* была человеком крайне занятым. Работа на кафедре в университете. Диссертация, семейные заботы. Дети. К тому же неожиданная болезнь, которая развивалась по непредсказуемому сценарию. Почти три года длились лечебные мероприятия. Затем была проведена радикальная хирургическая операция. С осени 1979 года, вплоть до января 1981, течение болезни шло относительно терпимо.

Ироничные рассказы складывались Татьяной в архив. Скорее всего, она выжидала удобный момент и снова возвращалась к своим рассказам. Времени на редактуру и подготовку к публикации у Татьяны оставалось все меньше. Сказывалась возросшая придирчивость к текстам или, ставшая уже привычной, неуверенность в себе. Изредка возникавшие трения с «персонажами», а точнее с их реальными прототипами, безусловно, влияли на ее умонастроения...

Татьяна сталкивалась с *персонажами*, мимо которых пройти невозможно и на университетской кафедре! Это были уже не ее сверстники, не приятели и не друзья. Она всматривалась в коллег, облеченных академическими званиями, была свидетелем их поступков, записывала реплики, фиксировала события на кафедре. Так она обогащала свою память, *созерцая реальность*. Для творческой природы хватать налету или даже записывать – полдела! И Татьяна не выдерживает, создавая свой первый рассказ с «академическим» сюжетом: *«Глубокоуважаемый шкаф»*.

«Доцент Косицына впервые вышла на работу в новом звании профессора. На этот случай, готовясь идти на работу, она достала из полированного шкафа туфли-лодочки без каблука и надела просторное голубое платье с широким белым воротником. Накинула на себя серый китайский макинтош, застегнула его на все пуговицы и, придирчиво глянув на себя в зеркало, задумалась. Чем бы украсить свою, теперь уже профессорскую, голову? Выбор пал на желтый мохеровый берет размером с большую яичницу...» Так начинается этот рассказ – итог почти двухмесячного пребывания, в роли лаборантки, на университетской кафедре стилистики русского языка.

Всматриваясь в реальность своего нового, теперь уже академического, бытия, ограниченного пространством двух или трех комнат, в котором располагались преподаватели, Татьяна обнаруживала множество неожиданных коллизий. Возникали они в среде профессуры, давно уже привыкшей к поступкам, которые для самой Татьяны казались более чем странными. Не хочу

пересказывать детали миниатюры, но, по-видимому, ментальность автора не была готова без иронии воспринимать события, происходившие среди «кафедрального населения».

В середине семидесятых годов двадцатого века они были привычны для большинства, но Татьяна запечатлевала случившееся, если не смеясь, то уж точно *иронически улыбаясь*. Три человека, наделенные высокими академическими регалиями, оказались пленниками не только «*возлюбленных*» научных изысканий, но и административных потребностей. Куда ж без них! Нужда в «*глубокоуважаемом шкафе*», столь необходимом для практики научных изысканий, заставляет новоиспеченного профессора и академика предаваться надеждам перед лицом заведующего кафедрой. Связь авторской иронии с событиями, в которые она вовлекает в своем воображении «профессуру», провоцируя «*академические*» игры перед деканом, как минимум забавна! Чем она закончится? Успехом для одного из соискателей «*глубокоуважаемого шкафа*» или неудачей для обоих?

Анекдотизм, нелепость поведения персонажей в рассказе очевидны. Но в чем смысл? И тут приходится признать, что Татьяна «прикрылась» *абсурдом* происходивших событий, не умаляя и эстетики этой изобразительной формы. Если говорить серьезно, то все становится понятным после слов Ф. Камю – родоначальника философского осмысления *абсурда* как феномена в искусстве. Абсурдное произведение – это «...*смирное согласие быть сознанием, творящим лишь видимость, бросающим покрывало образа на то, что лишено разумного основания. Будь мир прозрачен, не было бы искусства*». Более того, именно этим можно объяснить обращение Татьяны Юргановой к эстетике *абсурда* в своем литературном творчестве.

Абсурд весьма широко использовался в прозе, драматургии и в русской культуре XIX и XX веков. *Абсурд* (от латинского слова *absurdus* – нелепый) – бессмыслица, анекдотизм, глупость, парадокс. Это мир наоборот, мир наизнанку, антимир. Истоки

абсурда – в карнавальной культуре средневековья. Одной из его функций было узаконенное нарушение *запрета*. Жесткие нормы религиозных постулатов, ограничивающих свободу самовыражения личности, приводили к опасным последствиям для вольнодумцев. Им грозила страшная смерть на костре или тяжкое преследование. Карнавал давал возможность человеку совершать перевертывание реальности, прибегать к невинному обращению в оборотня. Когда верх и низ менялись местами, ломалась логика смысла, терялся здравый смысл. Когда это делалось намеренно, религиозные клирики, как и все прочее католическое духовенство, утрачивали способность понимать суть, которая умело пряталась за красочной и плотной оболочкой тупости, веселого смеха и розыгрышей. Вместо действия, казалось бы, очевидного, то есть линейной цепи событий, следующих друг за другом, неожиданно возникают провалы, затемнения, блики, как бы кривые или разбитые зеркала загадок и шарад. Нет откровений, утверждений, есть догадки, парадоксы, странности и очевидные нелепости. При этом итогом усилий по их разгадке, теми, кто хочет понять суть *абсурда*, будет здравый смысл, умение разгадывать шарады, способность мыслить нетривиально. Но надо признать в *абсурде* право на передачу *реальных* смыслов, намеренно изуродованных до неузнаваемости, и не отбрасывать их в мусорную корзину шлаков человеческой мысли. Однако это (увы!) дано не всем...

Опыт обращения к *абсурдизму* у Татьяны Юргановой, скорее всего, начинается с первого рассказа: «*По следам синего попугая*». Это очень своеобразное сочинение. Написан рассказ и в самом деле по «горячим» следам семейной жизни. Она, эта жизнь, отозвалась в первой же сцене этого повествования. Для каждого из героев рассказа автором выписана своя индивидуальная роль. Испепеляев – глава семьи. Человек с крутым характером, страшно загруженный заботами. Многодетный отец и к тому же, по натуре, мягкий и отходчивый. Его жена – веселая, остроумная женщина – умело маневрирует среди

множества своих семейных обязанностей и в то же время острая на язык, готова каждому из соучастников этого сообщества воздать должное. Судя по тексту рассказа, выделены четыре главных характера: сам Испепеляев, чья фамилия говорит сама за себя, его жена, теща и некий субъект, который пользуется и временем, и «мозгами» Испепеляева в своих интересах. Есть еще «коллективный соучастник» – легион возжелателей испепеляевского времени и знаний, его авторитета и возможностей, к которым эти люди так охочи. Автор раскрывает проблемы, которые в семидесятых годах XX века были чрезвычайно актуальны. Люди нуждались в психологической помощи, старались найти утешения в среде друзей и приятелей, искали понимания там же и возможность решить свои неотложные проблемы. Испепеляев оказался тем человеком, который умел это делать! Поэтому он пользовался «невыносимой популярностью» среди них. При этом он оставался «обыкновенным человеком» с обыденными заботами о четырех детях, «нажитых в двух браках», зарабатыванием денег, написанием книг, кстати, приносящих «копейку» в семейный бюджет. Его озабоченность адресована жене, которая, как ему кажется, слишком легкомысленно относится к своим обязанностям «по строительству благополучия» домашнего очага. В конечном счете, несмотря ни на что, в доме складывается жизнь добрая и благонамеренная, как в уютной клетке, где мирно проживают два супруга – экзотические синие попугайчики – чей быт и тайны вроде бы и недоступны посторонним. Однако надежды на такую недоступность – только голубая мечта, которая, увы, недостижима. Есть объяснение: «Разыскивается...» Есть телефон. Есть добровольное согласие Испепеляева и его жены звонить им «...в любое время дня и ночи...». Абсурд очевиден!

В рассказе «Иностранное слово» абсурд становится мощной лупой, увеличивающей объем откровенной нелепости существующей системы поддержки творческой инициативы людей, наделенных талантами рационализации, изобретательства

в системе экономики социализма. Сотни тысяч людей, наделенных незаурядными техническими способностями, готовы воплощать в практике производства свои идеи. Но они были вынуждены влачить жалкое существование, живя на нищенскую заработную плату. Государство охотно патентовало полученные предложения умниц и умельцев, одновременно возводя бюрократические препоны на пути технического прогресса. Герой рассказа, работая в раздевалке, предлагает свои идеи выхода из нелепости, желая спасти и своего талантливое брата, и страну, в которой он живет, от абсурда безрассудного руководства. Впрочем, История сама распорядилась этой проблемой...

Оказывается, абсурд не так нелеп и бессмысленен, как может показаться на первый взгляд. Он представляется алогизмом, парадоксальностью, иррациональностью, которые заложены в самой реальной жизни. Татьяна Юрганова попыталась представить все это в контексте своих иронических новелл. Поначалу она ограничилась насмешливой регистрацией эпизодов. Это позволяло автору больше внимания уделять портретам персонажей. С помощью смысловых акцентов давать оценку происходящих вокруг нее событий...

...Тема власти вещей лишь на первый взгляд кажется в творчестве Татьяны Юргановой второстепенной. Тем не менее именно мир вещей выделяется ею в иронических миниатюрах, где они становятся неожиданными триггерами событий парадоксальных или, иначе говоря, абсурдных. Тот же рассказ, «Дело о взаимности», тесно связанный нравственными нитями с проблемой вещей, ради которых поэтесса ставит своих друзей-одноклассников на грань уголовного преступления, сама умело избегая личного риска ответственности. Она превращает акт кражи в комедийное шоу, в котором сама вроде бы вовсе и не участвует.

Во многих произведениях А.П. Чехова в центрах сюжета стоит не человек, а вещь. Мир вещей составляет очень важный уровень в художественной структуре его писательского

мировоззрения. В большинстве рассказов, повестей и пьес Татьяны Юргановой нечто подобное совершенно очевидно. Например, «*Сценическая фантазия*» и «*Как поссорились Андрей Иванович с Антоном Борисовичем*».

В чеховской драме «*Вишневый сад*» Гаев разговаривает со шкафом, Астров прощается со столом. В рассказе Т. Юргановой доцент Косицына пытается хоть как-то «переплюнуть» коллегу, навязывая ему «академическую шараду» перед лицом декана, пытаясь произвести впечатление своей профессорской эрудицией, перед тем как изложить ему свою потребность в «*шкафе для хранения картотеки*».

По сравнению с прозой, драматургия представлена в литературном архиве Татьяны Юргановой скромной одноактной пьесой без названия, которую я вынужден был обозначить как «*Сценическая фантазия*». Ее прочтение заставляет вспомнить слова Мартина Эслина, автора книги «Театр абсурда»: «*Хорошая пьеса обладает искусно сконструированным сюжетом, в пьесах абсурда сюжет и фабула отсутствуют; хорошая пьеса ценится за характеры и мотивации, в пьесах абсурда характеры не распознать, персонажи воспринимаются почти как марионетки; в хорошей пьесе оправдана интрига, которая виртуозно ведется и в итоге разрешается, в пьесах абсурда часто нет ни начала, ни конца; хорошая пьеса – зеркало природы и представляет свою эпоху в тонких зарисовках, пьесы абсурда отражают сны и кошмары; хорошие пьесы отличаются точными диалогами и остроумными репликами, пьесы абсурда зачастую представляют бессвязный лепет*». ¹

Нечто подобное возникает, когда читаешь эту одноактную пьесу Татьяны Юргановой. Однако пьесы абсурда волнуют

1. Мартин Юлиус Эслин (по рождению - венгр: Юлиус Перешлинный, род. 6 июня 1918 — ум. 24 февраля 2002) был британским продюсером, драматургом, журналистом, переводчиком, критиком, академиком и профессором драмы, известным тем, что ввел термин «театр абсурда».

и тревожат нас финалами, отличающимися от финалов традиционных пьес, потому что они создаются другим методом. О них нужно судить по законам театра абсурда, и, по-видимому, ознакомившись с ними по весьма скудным публикациям периода семидесятых годов, Татьяна Юрганова и рискнула осуществить свой первый опыт драматургии абсурда. Я, к сожалению, не могу похвастаться осведомленностью на этот счет. Театр абсурда эпохи семидесятых годов XX века был предметом идеологического преследования в СССР. Достаточно вспомнить пьесу Эдварда Олби «Все кончено» («All Over», 1971) в переводе Н. М. Демуровой, которая стала сенсацией в московском бомонде, однако в семидесятые годы, так и не увидела сценического воплощения, хотя и появилась в публикациях «самиздата» столицы. Если мне не изменяет память, некоторые пьесы театра абсурда Э. Олби в эти же годы публиковались в журнале «Театр». Таким образом этот сегмент театральной культуры был доступен и Татьяне Юргановой...

...В книге «*Мгновения*» опубликованы все ее иронические новеллы. По своим художественным достоинствам они не однородны, хотя оригинальность каждой очевидна. Рассказ «*Сталкер*» стоит особняком. В нем нет абсурда, хотя ощущается тонкая ирония, особенно в разговоре на встрече главного героя, лектора Приступы, с приятелями – поэтом и физиком, которая переходит в режим противоречивого общения всех троих на «месте события».

Внутренний мир граждан СССР, живших в период так называемого «развитого социализма», еще не стал предметом глубоких научных изысканий социологов, психологов, этиков. Скрытые кризисные процессы, протекавшие в «стране победившего социализма», постепенно подтачивали основы власти. Дворцовый переворот, завершивший эпоху Н.С. Хрущева, привел к власти Л.И. Брежнева. Интеллектуальная элита власти умело скрывала давнюю растерянность, возникшую в послевоенное время, когда разоблачение культа личности И. Сталина

и возвращение к активной жизни многих сотен тысяч реабилитированных лагерных сидельцев привела эту элиту к неизлечимой болезни – *амбивалентности* бытия. С одной стороны, возник идейный крах сталинизма, с другой – постепенное осознание безрассудной мистификации идей коммунизма. Иными словами – идеология, навязанная сверху, безоговорочно была дискредитирована бессмысленной практикой. Не спасал парадный фасад «развитого социализма», созданный из нежизнеспособных социально-политических установок так называемого «ленинизма».

В конце семидесятых *амбивалентность* социального бытия стала просачиваться в жизненную реальность, вызывая приступы тяжелого духовного кризиса во всех слоях населения страны. Подрастало новое поколение граждан. Дети тех, кто, в неимоверных муках, отстаивал свободу и независимость страны. Подступающая духовная зрелость нового поколения наталкивалась на идейное бесплодие системы ценностей, что в конечном счете и привело к разрушению «*государства рабочих и крестьян*». Нараставшие противоречия в сфере идеологии и политики приводили духовное сознание людей в состояние крайней неопределенности. В такие моменты начинают возникать острые мировоззренческие конфликты. С одной стороны – диссидентство. Выступление против системы. С другой – множество нелепых метафизических увлечений. Об этом и рассказ Татьяны Юргановой «*Сталкер*».

При безусловной ироничности повествования приходится признать сочувственное отношение автора к трем *интеллектуалам*: поэту, лектору и физику-теоретику – персонажам этой истории, которые пребывают в состоянии когнитивной неопределенности. Не думаю, что герои выдуманы. Они спрятаны за экзотическими фамилиями Забурдаев-Штут, Вали-Иамин и Приступа. У каждого из них вполне узнаваемая личная «*фактурность*», позволяющая вполне определенно представить «*кто есть кто*». Но суть не в этом. У всех – откровенная нужда

опереться на *смысловые* основы бытия. Но их нет! Тогда и появляется «*баритон*» у Приступы, Христос у Забурдаева-Штута и... Люба – жена Вали-Иамина, еще не слишком готового признаться в своем разочаровании *сущим и скрытным* увлечении метафизикой. Попытки публично отказаться от идеологических благоглупостей и поискать новые духовные ориентиры – штука рискованная. Карательные органы социалистического государства вовсе не дремлют. Однако удержаться уже невозможно! Вот почему последняя реплика «*баритона на тучке*» столь многообещающая: «*То ли еще будет!*».

Прибегая к сказочным сюжетам о «*Царевне-лягушке*» и Г.Х. Андерсена «*Новое платье короля*», Татьяна Юрганова заставляет признать свое право использовать уже известные произведения, привлечшие ее внимание, для изложения собственных смысловых задач. Так уместно иной раз звучит: «*Сказка – ложь, да в ней намек: добрым молодцам – урок...*» Однако переиначивая суть сказки, Татьяна перестраивает и ее смысл.

В русской сказке Иван-царевич, совершив ошибку, уничтожив лягушачью шкурку, не желая превращения Василисы Прекрасной в лягушку, должен был пройти суровую школу испытаний, чтобы вновь обрести ее в виде красавицы-жены. Но в интерпретации Татьяны Юргановой Иван-дурак – человек *практичный*. Он не хочет проходить тяжкие жизненные испытания и находит приглянувшуюся ему «*девушку-красавицу*», которая пила кофе в «*кофейне на проспекте*». Абсурд в том, что сказочный сюжет обретает вовсе не принца, готового на подвиги ради прекрасной женщины, а Ивана-дурака, обладателя лягушки с волшебными «*ресурсами*», которыми он может воспользоваться в свое удовольствие. Сама же «*девица-красавица*» – из той породы, кто не прочь ответить на «*любовный призыв*» Ивана-царевича, готового исполнить любой ее каприз.

В итоге – *смысловой абсурд* – явление, в котором нравственный стандарт поведения главного героя намеренно, радикально

и рукотворно преобразуется! Он никак не «вставляется» в привычную эстетику сказочных историй, требующих активных стараний у сил добра, добиваясь победы над силами зла. Момент конкурентного соперничества сил добра и зла выглядит в сказке привлекательно, заставляя юных читателей наслаждаться прекрасными абстракциями. У Татьяны все меняется! Абстракций нет. Иван-дурак хочет простого «жизненного счастья», что называется, «здесь и сейчас». Да, был наказ отца. Да, стрела Ивана попала в болото. Да, ее вытащила лягушка. Да, деваться было некуда! Но, черт побери, лягушка-волшебница! У нее неограниченные ресурсы возможностей. Но... Следует ли переживать жизненные сложности? Ивану, например, неохота! А вот распорядиться «ресурсами» болотной волшебницы он готов. Даже готов подарить ее своей пассии. Пусть пользуется. Не жалко! Лишь бы ему, Ивану, с его подругой было хорошо и приятно здесь и сейчас!

Займованный сказочный сюжет Г.Х. Андерсена «Голый король или Новое платье короля» Татьяна назвала иначе: «Сапожные моды». Однако к смысловому абсурду в этом сюжете, показанном самим ее автором в XIX веке (время создания сказки), присоединятся абсурд содержательный, перестроенный Татьяной в семидесятые годы XX века! Все происходящие действия у датского сказочника смыкаются в абсурдном акте – выходе короля в народ абсолютно голым. У Татьяны – абсурд иной, хотя финал тот же. Сказочные противоречия, возникшие на почве лукавства и хитрости портных у Андерсена, Татьяна разрешает, обращаясь к иному инструментарию – осуждая коррупцию продажного канцлера короля и его самого – размазну и безграничного модника, лишённого чести, совести и стыда, признавая несправедливым акт изгнания трудяг-портных и т.д. Такой же итог, как и в сказке Г.Х. Андерсена, глас дитя: «А король-то голый!», что приводит народные массы в состояние шока. Как говорится, у каждого автора – свой путь и свой поиск истины в творчестве...

...Кстати, уместно спросить, а как Татьяна воплощала в тексты происходившие вокруг нее события? Наверняка для каждого творческого человека и для нее тоже миг истины – момент внутреннего прозрения. Именно оно пробуждает в ней глубинные накопления сознания. Они уместно называются интеллектом, из которого личность черпает все те богатства, которые ею были накоплены со временем. Нужен толчок, который заставил бы личность осознать суть фактов, представленных окружающими людьми, которых уместно назвать современниками автора.

...Как-то пришел ко мне приятель. Музыкант, симпатичный, добрый по природе человек, с большой окладистой бородой. Сидели, пили чай, разговаривали. Неожиданно Таня спросила его, правда ли, что его отец (скульптор) собирался делать скульптурный портрет юного героя Отечественной войны? Наш гость застыл. Затем, тяжело и длинно вздохнул и ответил, что вряд ли этот заказ ему дадут. Оказалось, что скульптор был слишком смел в своих высказываниях. В сообществе с коллегами он очень нелестно отзывался о Брежневе. Было это в середине 1978 года, и, казалось бы, давно уже времена настали иные. Ан нет! Как предвидел наш приятель, так и случилось.

После этого Татьяна несколько раз бралась за рассказ, в котором ее герой обладал неудобным свойством откровенно и правдиво высказывать свое мнение, когда его спрашивали. Так происходило в моменты, когда ему задавали вопросы то ли коллеги, то ли его начальники. Говорить иначе он просто не умел! Как только пытался что-то сгладить – тут же терял дар речи. И начались его мытарства. Тогда этот человек, желая избавиться от опасной правдивости, попросил «врачебной помощи». Иначе говоря, обратился к докторам. Но в больницу его не брали. Времена на дворе были другие. Власти не хотели дискредитации себя. Диагноз был уж больно опасен для... Что же делать? Герой учился молчать! Но как быть с работой? Как с общением? Как с даром природы? Это же она наделила героя

волшебством честности, правдивости и откровенности? Казалось бы, обыденная ситуация, когда *конформизм* спасал персону от проблем. Он предоставлял человеку пусть и ограниченную, но возможность социального сотрудничества в обществе. Однако...

Рассказ «*Болезнь*» долго лежал у Татьяны на столе. Однажды она дала почитать его нашему приятелю. Тот попросил взять рассказ с собой, чтобы прочитать своему отцу. Случилось так, что КГБ, давно наблюдавшее за нашим приятелем, провело в его доме обыск. Гебисты наткнулись на эту рукопись. Таня, не знаю почему, но крайне редко подписывала тексты своих рассказов. По-видимому, это ее спасло от неприятностей. Приятель нас не выдал. Отвечая на вопрос, кто автор, сказал, что кто-то (*конечно, он не помнит!*). К счастью, его оставили в покое. Однажды, придя к нам в гости, он рассказал об этой истории. В архиве жены я этот рассказ не нашел. Может, он в рукописной книге, которая была у меня выкрадена?..

...Занятость научными исследованиями не позволяла Татьяне часто писать свои иронические рассказы. Что-то иное, например, статьи по лингвистике в научные журналы, писалось гораздо чаще. И все же запечатлеть комическое, просто смешное в людском опыте она умела, аккуратно откладывая в архивную папку.

Неудержимое течение жизни не только формирует грани творческой мысли, но влияет и на эстетические воззрения автора, которые вольно или невольно оседали в текстах создаваемых ею иронических миниатюр. Любя читать А. Чехова, М. Зощенко, В. Токареву, уже известную в те годы, и М. Жванецкого тоже, Татьяна не могла в полной мере отдаться своему литературному увлечению. Чувствуя потребность в сопоставлении своего творческого почерка со способностью мастеров «*малоразмерного*» жанра изображать человеческие пороки, Таня тем не менее не испытывала никаких ограничений ни в выборе формы изложения, ни в жанровых границах передачи смысловых

идей повествования. И все же было ли влияние мастеров? Думаю, что да. Прочитывая ее рассказы, я замечал сходство ее стиля с короткими рассказами раннего Чехова, с произведениями Михаила Зощенко. Его комические новеллы двадцатых годов, небольшие по размеру, с острыми стилистическими оценками описываемых нелепостей человеческого бытия, очень напоминали ироничные рассказы Татьяны конца семидесятых годов.

Один из таких примеров ее рассказ «*На высоте*». Качества человека, такие как *зависть, жадность, обжорство*, неожиданно сливаются в единое *состояние* некоего большинства, собравшегося у стола с яствами, охватывая «*едальным*» пороком всех и... каждого! Да, они объединены единым понятием – *гости*. Их потчуют хозяева. И большинство увлечено неожиданно возникшей *халявой*. Щедро обставленный праздничный стол описан в *роли* беспощадного *капкана*, цепко схватившего приглашенных «героев жизни». Детально, а главное – очень вкусно, описаны бесчисленные яства и напитки. Они едва ли не сводят с ума всех, кто сидит за праздничным столом. Состояние удовольствия людей, поглощающих угощения, постепенно вызывает естественную реакцию *отторжения* и жажды отдыха... от еды. Именно этими эмоциями переполнены описания, которые автор, не сдерживая себя, переводит в плоскость крайнего, почти патологического *насыщения* персон, испытывающих неудержимую потребность отойти от праздничного стола и отдышаться в *стороне*, достигнув последней грани насыщения. Физиология этого процесса переходит все границы, но со временем герои повествования находят в себе некие скрытые возможности еще и еще раз вернуться к столу, чтобы снова «*поймать кайф*»...

Чаще всего Татьяна создает не столько отпечаток окружавшего ее мира, сколько набор событий, отложившихся в ее сознании. Она строит эти события на почве пережитых или увиденных фактов. Они, эти факты, были созданы волей или капризами хорошо известных ей людей. Иными словами, Таня

любит создавать в своих рассказах собственную реальность, в которую помещает хорошо знакомых ей персонажей. Их легко узнать, по ряду документально точных признаков, но они уже становятся *зротескными* фигурами. Действуют не в «*объективном мире*», а в окружении таких же *причудливых* субъектов. Их облик выписан автором художественно и красочно! Если и возникает вопрос: кто это? Он остается без ответа ненадолго. Поступки персонажа, созданного воображением автора, извлечены из жизненной реальности, потому очень скоро возникает «*эффект узнавания*».

Переходя в мир *фантазмагорий*, Татьяна острее передает собственные впечатления от непростительной *низменности* поступков своих героев. В рассказе «*Как все*» автор тщательно выписывает действия чиновников, попадающих в «*нестандартную*» ситуацию, связанную с труднопроизносимостью фамилии девушки, устраивающейся на работу. Не так уж и давно мы все переживали времена и с тем, как звучит наша фамилия, и с тем, какую национальность писать в получаемых паспортах. Слово «*неудобство*» слишком мягкое для обозначения этого горького воспоминания...

Анализируя рассказы Татьяны, трудно оспаривать сущность творчества, заключающуюся в проявлении автором самого себя в полном объеме. Скорее, автор заявляет о своих достоинствах. С другой стороны, интересна не только та реальность, в которой живут герои. Любопытен и тот особый мир, который создает Татьяна. Ведь он построен ее фантазией, свободной игрой ума и энергии, не знающей никаких ограничений. Этот мир приводит читателя к переживанию эмоциональных, эстетических, нравственных и даже чувственных впечатлений автора, захватывая воображение самого читателя. Татьяна умело и намеренно обостряет его внимание на событиях и поступках живущих рядом современников. Наконец, она, излагая смыслы в контексте иронических миниатюр, убеждает читателя в своей правоте. В рассказах «*Не клюет*», «*Иностранное слово*», «*Толстые*

обстоятельства» эти смыслы очевидны. Однако почему-то они вовсе не обнаруживаются в критической диспозиции живых людей, в современной им реальности. Татьяне требуется иронически остро выписывать конкретные ситуации, чтобы показать их моральную нелепость, а точнее – *абсурдность*, чтобы снова и снова убедить читателя в необходимости многожды подумать, прежде чем допустить их последствия в собственном бытии.

Татьяна понимала магию воздействия своих текстов на тех, кто своими поступками, обыденной философией, нравственным истощением обеднял жизненную реальность. Ей непросто было оглашать суть того объективного мира, куда она помещала своих литературных героев. А размещала она, извлекая их из реальности своего собственного окружения. Ее слово весьма болезненно ранило. Она хорошо это знала. Потому и откладывала в архив все новые и новые иронические новеллы, чтобы они «отлеживались» до поры. Весьма пророчески звучат мысли В.Г. Короленко. «*Слово дано человеку не для самоудовлетворения, а для воплощения и передачи той мысли, того чувства, той доли истины или вдохновения, которым оно обладает, – другим людям. И это до такой степени органически связано с самой сущностью слова, что замкнутое, переданное, неразделенное оно гложет и умаляется. Автор должен постоянно чувствовать других и оглядываться на то, может ли его мысль, чувство, образ встать перед читателем и сделаться его мыслью, его образом и чувством...*»²

3

По размеру иронические миниатюры, как правило, миниатюрны. Не более чем две или пять машинописных страниц. Но именно в этих иронических новеллах содержатся многочисленные *стилистические* инструменты, с помощью которых Татьяна Юрганова создает своих героев, выстаивая их поступки,

2. «Русские писатели о литературном труде», Госиздат, М. 1959 г. Т.3, стр. 653-654

наделяя их характеры оригинальностью и своеобразием. Рассказ «Собачий вальс», строго говоря, никакого вальса не содержит. Иронический намек обращен автором к маме мальчика, которая неведомо по каким причинам прониклась убеждением, что ее сын наделен врожденными музыкальными способностями. Как это часто случается, дитя подвергается атакам мамы, но сам остается равнодушным к поискам таланта в нем, относясь к музыкальному инструменту (роялю) как к любопытной штуке, из которой можно извлекать звуки, даже... вышагивая ногами по клавишам. Главное для мальчишки, которому всего-то четыре или лет пять от роду, – окружающий его мир. Та живность, которую он созерцал, появившись на дворе у бабушки. Да! Тофик видел там... собаку. *«Из-за двери кухни выбежала белая, в рыжих рваных пятнах, собака. Она была поджарая, с вислыми ушами и розовым языком. Собака остановилась возле Тофика и посмотрела на него, чуть наклонив морду, с рыжими в крапинку глазами. Тофик тоже наклонил голову и посмотрел в глаза собаке. Так они постояли минуту, и вдруг собака упала набок, словно сдохла. И опять подняла голову, вильнула хвостом. Тофик понял и тоже бухнулся на теплую сухую траву. Положив под голову острый локоть, он снова посмотрел в рыжие глаза собаки и, хмелея от собственной смелости, протянул руку и погладил когтистые собачьи лапы...»*

Коротенькая история впечатлений мальчишки, который запомнил встречу с собакой – живым существом, привлечшим его внимание на дворе у бабушки, перемежается с чувствами мамы, которая, оставшись в городе, перед сном вспоминает сына и корит себя за то, что была недостаточно к нему внимательна, к его вопросам, от которых она чаще всего отмахивалась. Ее амбиции родительницы преобразил природный дар мальчика – *быть ее сыном*. Расставшись с ним, она даже не вспоминает злополучную сцену с роялем, по клавишам которого ходил Тофик, когда впервые его увидел.

...Ироническая проза Татьяны Юргановой в конечном итоге создает позитивное читательское настроение. Из всех ее рассказов, коротких пьес, сказочных историй, которые сохранились в ее архиве, почти все передают внутреннюю улыбку автора, описывающего ситуации и обстоятельства, вызывающие готовность скорее рассмеяться, чем рассердиться над нелепостью поступков героев. Само это слово «ирония» (εἰρωνεία) в переводе с греческого означает «притворство». Разумеется, не всякое притворство вызывает смех. В принципе, ирония порой не так уж и смешна! Грань перехода притворства в каприз, манерность, издевательство автор постоянно держит под контролем! Многие рассказы Татьяны Юргановой претендуют на остроту оценок характеров и событий. На это указывала сама Татьяна при написании собственных комментариев. Иной раз, относясь к своим героям как к людям определенного характера, а к некоторым событиям – с очевидным и конкретным подтекстом – автор приближается... к сатире! Рассказы «*Не клюет*» или «*На высоте*», «*Иностранное слово*» и др. Она заставляет читателя не столько усмехаться по поводу выстраиваемых в тексте событий, сколько переживать горечь от созданной ею действительности. И все же ирония отличается от сатиры мягкостью, даже забавностью...

...В «Литературной газете» конца семидесятых развернулась дискуссия о сущности интеллигентности. Проблема была очевидна, потому что именно интеллектуальная элита страны несла на своих плечах ответственность за подступающую серость бытия и скуку на книжных полках, театральных подмостках, в художественных галереях и на экранах кинотеатров. Одновременно с этим, неожиданно стало совсем не страшно признаваться в своих родовых корнях, в которых пребывали сословные слои. Анкета-анкетой, а наличие дворянских корней в твоей личной генеалогии уже не угрожало так смертельно, как тридцать с лишним лет тому назад. Стали создаваться родовые сообщества, в которых главенствующую роль играли

потомки князей Голицыных или князей Орловых и всех прочих, соскобленных и изрубленных в Гражданской войне. Наш дружеский круг это «поветрие» тоже не обошло стороной. Каково же было наше удивление, когда одноклассник Татьяны, не буду называть его имени, с нескрываемой гордостью сообщил о наличии дворянских «кровей» в собственной генеалогии.

Вычурность этих заявлений, определенная чванливость, видимо, Татьяну как-то задела. Она очень точно выразила свое отношение к этому явлению. Все мы с юмором воспринимали «выкрутасы» своего приятеля, не обращая внимание на его готовность хоть чем-то выделиться из общего социального контента, выражая себя с позиций «белой кости». Смешно стало после того, как Татьяна прочитала мне эту ироническую миниатюру. Одновременно стало нам с ней и печально. Мы оба хорошо представляли себе тот жуткий ураган, который пронесся по просторам матушки России, уничтожая «классово-чуждые элементы».

Между тем закончилась и дискуссия о роли интеллигенции в создании общественного самочувствия, достойного уважения, в нашем социальном организме. Завершилась она декларативными пассажами «Агитпропа». «Активная жизненная позиция» рассматривалась как альфа и омега душевного здоровья нации, разумеется, при сохранении в неприкосновенности идеологических установок ЦК КПСС, неизбежность которых была абсолютна. Свободомыслие оставалось призрачным, о чем с грустной иронией писала Татьяна Юрганова в 1979 году в своей миниатюре «Толстые обстоятельства». Заключительные слова ее рассказа оказались пророческими: «Встретимся на баррикадах...». Однако итоги быстротекущей жизни стали для нее недоступными...

...Детективы нравились Татьяне, потому что они предоставляли ей возможность быть по отношению к своим героям насмешливой, обострять интригу изложения, доводя до абсурда перипетии повествования. Повесть под названием «Иронический

детектив» – пример замечательного использования автором всех возможных стилистических ресурсов слова и литературного синтаксиса, при полном отсутствии, как и положено в абсурдизме, строгих сюжетных рамок повествования. Изыщные, полные эстетизма описания выдают мастерство Татьяны излагать описания, полные ажурной вязи слов, создающих, сочный, красочный портрет женщины. «Беара внешне выглядела в стиле инжентю. У нее было наивное лицо с милыми, рассыпанными по плечам, золотистыми веснушками, которые она умело приглушала парижской пудрой. Пухлые мальчишеские губы были подкрашены бесцветной помадой и всегда блестели, сохраняя свежий, сельский, естественный цвет. Пушистые, короткие ресницы, подкрашенные оттеночной, коричневой тушью, были единственным заметным косметическим акцентом на ее, казалось бы, совершенно естественном лице. Волосы она носила чуть ниже мочки уха, и они были чуть выгоревшего, светло-коричневого тона, напоминавшего горожанам, что где-то есть лето, солнце, речка. Кроме того, Беара была известна тем, что не носила ничего кроме платья. Тело ее было свободно и шумные складки ситцев, шелка, бязи, крепдешина свободно плескались вокруг. Сегодня она была в полупрозрачном платье из домашнего желтоватого льна. Кружево вилось по подолу, игриво оттеняя загорелые ноги. Беара сидела босая, но каждый палец на ее ноге был ухожен и поблескивал ноготком. На шее была намотана вереница разноцветных, тончайших бус, которые дрожали, колыхались и путались, внося в каждое движение Беары, то легкое смятение, которое так передается мужчине.

Беара коллекционировала недоступных людей и, заполучив их, терпеливо выдерживала их общество некоторое время, и, продолжая сохранять ореол неповторимости, неожиданно исчезала с горизонта, оставив недоступного в одиночестве. Она мало разбиралась в людях и вряд ли ценила их по-настоящему. Люди были ей скучны и никак не могли повлиять

на ее представления о жизни. Она, как рыболов, снимала с крючка попавшуюся рыбку и бросала ее в ведро, взглядом задумываясь о следующей. Поэтому ее часто постигала скука, которую она не могла объяснить, а могла только развеять».

Проза абсурда лишь на первый взгляд может показаться, по своей сути, простой, банальной и даже примитивной. Д. Хармс, родоначальник абсурда в российском литературном творчестве в середине XX века, писал: «*Меня интересует только чушь, только то, что не имеет никакого практического смысла. Меня интересует жизнь только в своем нелепом проявлении...*» В этом смысле Татьяна Юрганова могла бы декларировать нечто подобное, если бы заявляла публично о своих литературных пристрастиях. Любой ее текст содержит немало чуши и нелепостей. Вместе с тем литературным героям Татьяны вовсе не чужды были обыкновенные человеческие страсти, как бы глупо они не выглядели со стороны!

Вот, к примеру, повесть Татьяны Юргановой «*Как поссорились Андрей Иванович и Антон Борисович*». На первый взгляд, она показывает мелкую ссору двух приятелей. Возникла она по поводу «копеечной» проблемки. Писать об этом вроде бы даже не стоило, настолько незначителен сюжет. Между тем события, протекавшие в период между 1977 и 1979 годами, вольно или невольно, демонстрируют характеры главных героев конфликта, за спиной которых выстраивается политическая, нравственная, а в целом, социальная система, обладавшая внутренними ферментами, питающими типажи, созданные жизнью и подсмотренные автором в момент их взаимодействия друг с другом.

Сама окружающая жизнь формировала направление движения творческой мысли Татьяны Юргановой. К тому же она, будучи человеком образованным, лингвистически была чрезвычайно оснащена. Занимаясь глубоким изучением стилистики русского языка, в формате газетно-журнального использования, Татьяна вынуждена была профессионально осваивать

множество литературного материала XIX-XX веков, включая периодику. В основном это были произведения русской классики, печатавшиеся на страницах тамошней периодики. Оценивая язык авторов, осмысливая стилистические конструкции русского языка различных исторических периодов, Татьяна Юрганова не «пропускала» и *смысловые* модели персонажей, *типажные* каталоги литературных героев. Снова и снова она читала и перечитывала множество авторов, усваивая, в тогдашних текстах, формы языкового воплощения типичных представителей портретной галереи Чехова, Гоголя, Зощенко, Ильфа и Петрова и других авторов, близких ей по стилю. Одновременно с этим Татьяна фиксировала современные ей сатирические формы языкового изложения, рисующие аналогичные типажи в газетных и журнальных разворотах. Фельетоны, комедийные сюжеты, опубликованные в современных ей газетах и сатирических журналах, становились предметом ее научно-лингвистических изысканий. И, опять же, без утраты внимания к изобразительным инструментам литературно-эстетического отражения «героев времени», пребывающих в пределах ее собственной жизни. Образцы стилистического заимствования в ее литературном творчестве очевидны. Гоголь: «*Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом в Миргороде! Вокруг него со всех сторон навес на дубовых столбах, под навесом везде скамейки. Иван Иванович, когда делается слишком жарко, скинет с себя и бекешу и исподнее, сам останется в одной рубашке и отдыхает под навесом и глядит, что делается во дворе и на улице. Какие у него яблони и груши под самыми окнами! Отворите только окно – так ветви и врываются в комнату. Это все перед домом; а посмотрели бы, что у него в саду! Чего там нет! Сливы, вишни, черешни, огорожина всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница*». А это из повести Татьяны Юргановой: «*Прекрасный человек Андрей Иванович! Какая квартира у него на Восточной! Внутри, со всех сторон, навесы из стеллажей*.

Под навесом – везде ковры и диваны. Андрей Иванович, когда делается слишком жарко, скинет с себя пиджак и исподнее, сам останется в одной рубашке – отдыхает, глядя, что у него стоит на стеллажах и полках. Какие у него книги по искусству, какие альбомы. Чего там только нет! Мане, Сезанн, Лотрек, Дали, Коро, Босх и даже Петров-Водкин. Прекрасный человек Андрей Иванович! Очень он любит дыни. Это его любимое кушанье. Как только отобедает и выйдет и в одной рубашке на середину комнаты, тотчас приказывает жене Наталье принести дыню. И уж сам разрежет ее, отложит семена в особую бумажку и начнет кушать. Потом велит Наталье принести авторучку китайскую с вечным пером и сам, собственной рукой, сделает надпись: «Дыня съедена такого-то числа». А если при этом были какие-нибудь гости, то добавлял: «Участвовал В. Тунаев. Или: «При сем смотрели: В. Добриков и поэтесса Т. Катур». При сходстве стилистического контрапункта этих двух повестей, авторская оригинальность изложения событий у Татьяны Юргановой сохраняется, отражая детали реалистического отображения персонажей, принадлежащих своему времени...

Да, действительность – понятие сложное. Оно не всегда характеризуется во всей ее полноте. Одни исследователи оценивают ее как природный, предметный мир, с которым мы постоянно соприкасаемся. Бытие человека, формы его повседневного существования. Другие – относят к действительности еще и политические, социальные, общественные константы. Они питают литературных персонажей смыслами, предварительно осознанными авторами будущих повестей, романов и рассказов.

В повести Татьяны Юргановой описания квартиры Андрея Ивановича, его туалетов, привычек, продуктовых пристрастий и прочего обнаруживают потребительские приоритеты, сформировавшиеся в советском социуме. С учетом приоритетов своего времени то же самое происходит и в повести Н.В. Гоголя. Продолжая описывать предметные пристрастия одного

из главных героев, Татьяна Юрганова, опять же, вольно или невольно, делает акцент на привычках и представлениях о желанном, что обнаруживается уже в характере созданного ею типажа. «Андрей Иванович очень любит, когда ему кто-нибудь делает подарок...» Ассортимент желанного велик. Он множится по принципу: «Аппетит приходит во время еды!». В повести автор сохранила имена своих одноклассников, товарищей и приятелей, а также собственного мужа, по-видимому, не слишком рассчитывая на публикацию. Создавая свои типажи, Татьяна сохраняет преемственность русской литературной традиции, хотя документальность персонажей ее повести ограничивает стилистические возможности иронического изображения ее современников. Образы, представленные в гоголевской и чеховской стилистике, отражают иной период, даже иной ракурс повествования. По этой причине мне, как редактору, пришлось прибегнуть к спасительной корректуре, чтобы минимизировать слишком близкие образцы стилистики Татьяны Юргановой с такими же моделями уважаемых классиков, сохраняя только интонацию. Поскольку событийная схема изложения при этом осталась неприкосновенной, суть происходящего принадлежит времени самой Татьяны Юргановой. Как и набор изложенных фактов, помещенных ею в создаваемый контекст повествования. Автор не акцентирует внимание на том, хорошо или плохо ведут себя герои. Главное в том, что они есть! А описание всего произошедшего – *правда времени*. Эта правда и это время – публицистическая ценность текста повести, отраженная средствами авторского литературного изложения, включая ее иронию, с помощью которой она недвусмысленно излагает случившиеся в ее жизни события. В контекст новелл сам автор включен как сторонний, однако вовсе не равнодушный наблюдатель.

Духовная эрудиция Татьяны очевидна. Она прекрасно представляет себя, в стиле собственного изложения, культурную традицию русского словесного творчества прошлого. Интонации, ироническая коннотация словесного изображения

с оценкой событий ее современности, акценты, расставленные в тексте, личные пристрастия героев и многое другое переходят от гоголевских персонажей из «*Старосветских помещиков*» или героев ранних чеховских рассказов к новеллам, населенным типажам, созданными Татьяной Юргановой. Стилистическая архаика – дань уважения тем моделям изложения, которые были представлены автором как ссылки к аналогии с прошлым, дожившим до настоящего времени. Иной раз это выглядит как вкусовщина, порой удивительно точно отражая манерой изложения представленные Татьяной характеры. А в целом – это ее стилистический намек на свое право опереться на литературно-изобразительный опыт русских классиков в собственной творческой практике.

И все же индивидуальная действительность Татьяны Юргановой как художника прячется в подсознательной сфере ее психики. Создание литературных текстов «*для души*», в моменты истины ставших доступными для авторского анализа, как это случилось с литературными архивами Татьяны Юргановой, – явление редкое. Остается только сожалеть, что автор не успела воплотить свои литературные проекты, хотя главную цель она достигла, показав опыт проживания в конкретном времени и в конкретных обстоятельствах, демонстрируя логику бытия тех людей, которые ее окружали. Ее индивидуальная культура не стала гнушаться иронических оценок тех явлений и поступков, свидетелем которых она была, суть которых нередко выглядит анекдотично и парадоксально, глупо и нелепо. Вместе с тем *абсурд* как метод эстетического отображения реальности не мешал Татьяне Юргановой обращаться к реализму красок, полных ярких и жизненных сочетаний. Недаром Д. Хармс, которого, как я упоминал, наряду с Н.В. Гоголем и А.П. Чеховым считают зачинателем российского *абсурдизма*, выражал свою авторскую точку зрения, утверждая, что в этом творческом методе вполне уместны и даже оправданы: «*восторг, восхищение, вдохновение и отчаяние, страсть, сдержанность,*

*распутство, и целомудрие, печаль и горе, радость и смех...»*³. В этом смысле повесть Татьяны Юргановой «*Иронический детектив*» – блестящий образец сочетания абсурда с замечательными примерами яркой, красочной стилистики в изображении чувств и поступков персонажей. Анекдотизм ситуаций, нелепость намерений, парадоксальность мотивов и все прочие глупости прекрасно сочетаются с портретами персонажей с тщательно выписанными отношениями друг с другом, не говоря уже о своеобразной манере изложения философии власти вещей, которая буквально парализует их внутреннее состояние, заставляя совершать чуть ли не подвиги. Вот как звучит пролог к уже упоминавшейся повести «*Ироничный детектив*»:

«...Почти теряя сознание, он дополз до кисточки торшера и, зубами прихватив ее, дернул вниз. Яркий, белый свет ударил ему в лицо так, будто на щеки выплеснули кипящее молоко. На мгновение он ослеп, но мысль неотвязная и упорная, дотащила его сюда, не дала ему потеряться в безднах подсознания. Он с усилием раскрыл глаза и свободной рукой оперся о столик. С трудом стал на четвереньки. Потом почти выпрямился и оказался вровень с торшером. Свет теперь был запрятан за зеленую обивку и ярился там, укрощенный, вырываясь вверх и обжигая потолок ясным, четким кругом. Он с усилием запрокинул голову и долго, сосредоточенно смотрел на этот круг, пытаясь что-то вспомнить...»

В этой повести нелепо скрыта или весьма клинически обнаруживается вещь, владение которой обещает обладателю некий деловой или иной комфорт. Это портативная пишущая машинка, за которой охотятся или которую прячут множество людей, так или иначе связанных друг с другом. Эти связи носят эротический оттенок, несут печать родства, интеллектуальной исключительности и т.п. Причем в каждом конкретном случае отношения людей тщательно выписаны.

3. Даниил Хармс. «Рассказы и повести.» Яндекс

Следует признать, что для написания иронического текста, короткой повести, сказки для взрослых нужно обладать утонченным мастерством владения словом, умением точно выстраивать портреты персонажей, их отношения с себе подобными типами. Едва ли не образец такого мастерства – повесть «Как поссорились Андрей Иванович с Антоном Борисовичем». Она вполне может конкурировать, по абсурдности происходивших в ней событий, с умением автора передавать все краски внутреннего мира, изображенных в тексте персонажей. Без этого умения невозможно довести излагаемые смыслы до комического абсурда и анекдотичности, а гротеск представить читателю, избегая примитивизма изложения. Поэтому для рассматриваемого жанра требуется особый художественный дар. В иронической прозе представлены противоречия и острые углы проблем. Нередко автор создает эффект *нереальности* событий, излагаемых в тексте. Однако их смысл и анекдотичность заставляют признать, что эту прозу надо уметь не только писать, но крайне полезно, накануне публикации, умело и артистично прочитать, чтобы проверить текст на «*присутствие эффекта*», а главное – избежать в нем пошлой поверхностности.

В своих новеллах Татьяна Юрганова обычно прибегает к гротеску с целью обратить внимание на описываемые события. Она доводит ситуацию до абсурда, обостряя восприятие читателя. В рассказе «*Дело о взаимности*» финал, на первый взгляд, кажется абсолютно нелепым, даже парадоксальным, и вместе с тем в нем апофеоз абсурда, описанного Татьяной в стилистике благополучного завершения повествования. Но стоит только «*прищуриться*», как разглядишь сосуществование «самки», в роли поэтессы, и «самца», в роли художника-чеканщика, затаивших желание добиться своего. Весь вопрос только в том, что есть «*свое*» для каждой из этих «*особей*». Абсурд становится приговором для двух «художественно ориентированных» субъектов, показанных автором с иронией, но достаточно откровенно, чтобы понять истинную нравственную суть

каждого из них. При этом авторские приемы не следует оценивать как намеренное искажение действительности. Заложенная в текст подоплека заставляет читателя понять ее *нелепость*, даже *глупость*, которые были построены с помощью смысловых преувеличений в изложении. Автор стремится придать читательскому настроению оттенок упрека в адрес героев, чьи действия безрассудны, глупы, нелепы или просто не отличаются моральной щепетильностью и здравым смыслом. Абсурд в той или иной мере просачивается во всех новеллах и повестях Т. Юргановой. Причина? *Бессмысленность бытия, обостряющаяся* к середине и в конце семидесятых годов XX века, на территории страны «*развитого социализма*». Эта бессмысленность становится все более очевидной, лишая человека гражданского самоуважения и личностной значимости. В обществе начинает складываться взрывоопасный духовный вакуум, который и приводит к неумолимому развалу мертворожденной политической системы и самого государства...

О.Б. Юрганов

Андрей Вознесенский

Из поэмы «Оза»

А может, милый друг, мы впрямь
сентиментальны?

И душу удалят, как вредные миндалины?
Ужели и хорей, серебряный флейтист,
погибнет, как форель погибла у плотин?
Ужели и любовь не модна, как камин?
Аминь?

Но почему ж тогда, заполнив Лужники,
мы тянемся к стихам, как к травам от цинги?
И радостно, и робко в нас души расцветают...
Роботы,
роботы,
роботы
речь мою прерывают...

Глава первая

Мгновения девичества 1964 -1969 гг.

Из дневника. «14.X.1964 г. Кажется, я люблю его... Как быстро и как все чудно! А в субботу, в половине двенадцатого, кто-то мне позвонил... Кто же, кто? Он!!! Это счастье, как сон. Я все боюсь, что он вот-вот оборвется! Нет, Нет!!! Я нравлюсь ему. Да, да, да!!! Я хочу без конца смотреть на него и так мало говорила с ним. Я без конца, постоянно думаю, думаю о нем. Я счастлива он звонил мне... Сегодня он говорил со мной и так будет завтра, и послезавтра. Как хорошо, как легко и радостно! Он позвонил и спросил меня: «Ты узнаешь меня?» Мне хотелось закричать: «Да! Да!» Я так счастлива...

Из дневника. «16.X.1964 г. Вчера на уроке поговорила с Жорой. Потом отвернулась и от нечего делать стала вычислять, сколько лет было Ньютону, когда он открыл Закон Всемирного Тяготения. Вижу Саратовку, спрашивает у Жорика время, а он ей любезно отвечает. Я не думала, что это особенно удивит меня. Жора – человек и ему не запрещено говорить с кем он хочет. Он даже имеет право влюбиться хотя бы в ту же Саратовку. Примерно так я подумала и снова отвернулась. Долго сидела, уставившись глазами в затылок Ставрова. У меня было такое чувство, будто меня медленно душат. Я не выдержала и...

разревелась. Прямо сидела отвернувшись, и слезы капали, капали, капали...»

*

Не подходи ко мне! Не говори,
А только изредка, вот как сейчас,
Из-под ресниц задумчиво
Смотри...
Нет мне дорожке взгляда
Этих глаз...

*

Из дневника. «29. X. 1964 г. Предложила Наташе «заняться» Жориком... Как все надоело! Он не говорит со мной, даже не подходит и не глядит. Пару коротких фраз за день, и все! Это даже не отношение одноклассников, а, как в трамвае: вежливо и прохладно. Как говорится: «Мы с тобой случайно в жизни встретились, потому так скоро разошлись». Собственно, какое «Мы»? Нас нет и не было. Печально. Остается только понять, нравился он мне или нет? Безусловно нравился, я даже была влюблена в него некоторое время...

Мерцают сумерки вечерние,
А в них кружится снег.
И все сомнения никчемные
Ушли... Их больше нет...
Задумчиво снежинки падают
И бьются мне в окно...
Ничто меня уже не радует
И не печалит давно...

*

Из дневника. «30. X. 1964 г. ...И все-таки, как нравился? Понятия не имею. А впрочем, есть люди, которые привлекают издали без знакомства. Пожалуй, Жорик мне нравился именно издали. Остричь он не умеет и поэтому неудивительно, что я смотрела на него слегка критически, хотя всегда старалась не замечать недостатков или переделывать и оправдывать

их. Он самый симпатичный в классе мальчик. Мне нравится в нем именно то, что он именно «мальчик». Обычно девчонки называют так робких, еще не знающих ни девчонок, ни увлечений, в общем мальчишек, не умеющих быть циниками. Но это и только это мне в нем нравилось. Может быть, еще рост, глаза, голос. В общем, тысячи мальчишечьих черточек, которые не подходили под общую мерку. Сейчас он болтает с девчонками, и это для него открытие, что они обращают на него внимание».

*

Я ночью просыпаюсь. Мне не спится...
Так одиноко мне и тяжело.
Что тебе стоит
Мне хоть раз присниться?
Сегодня...
Нет...
Сейчас...
Пока не рассветло...

Из дневника. «8.XI.1964 год. Я чувствую, он отдаляется... и делается почти безразличным мне. Если я ему нравлюсь, тогда хорошо, а если нет? Вчера до часу ночи писала стихи...Страшно хочется, чтобы Жорик позвонил. Но он этого не сделает, он гордый... Завтра идем на спектакль «Горе от ума.» Разговаривать с Жорой, когда он занят, не буду...»

*

А ты уходишь...
Останься!
Так просто: ты и я...
Останься!
Ночь...
Кружатся звезды...
Осень...
Я без тебя — лодка без весел.

Протяни мне руку молча...
Не хочешь...
Уходишь?
Уходишь...
Останься!

Так просто: ты и я...
Останься!
Уйдешь --
Все будет иначе...
А скоро будет снег
На черных крышах...
Я буду смеяться,
Услышав, как
Ветер свистит,
Как грустный мальчишка.
Останься!
Так просто: ты и я.
Останься!
Уходишь...

Из дневника. «9.XI.1964 ...Что же произошло? Почему так жестоко оборвалось? Кто виноват? Никто... Никто... Как страшно, как ужасно, когда человек рядом и – потерян. Боюсь, может навсегда потерян! Реветь опять, как вчера? Пусто, все пусто... Хожу, сжимая зубы...»

*
Как жесток этот дружеский взгляд,
Безразличия светлого полный.
Почему не можешь иначе,
Все зачеркнув и забыв?
Попробуй, скрывая беспечность,
Смеясь, в глаза заглянуть,
А может, как первому встречному,
Руку ему протянуть?..

А он уходит с другими,
И никого уже нет...
Как будто бы тронул иней
Едва расцветший букет.

*

Из дневника. «18. XI. 1964 г. Мы скоро переезжаем в другую квартиру. Подальше! Говорить с ним? Нет! Бежать! Бежать! Смешно... А так хочется исчезнуть. Совсем... Что же это? Забыть, забыть бы все! Скорее!!! Это так больно, но плакать я больше не могу. Больно и дышать нечем. Ничего не хочу, Никто не нужен. Пусто... Мне теперь все равно. Никого не могу видеть. Со всеми надо шутить, улыбаться, быть спокойной. А я не могу, если Жоре нравится Наташа. Что ж, неужели это значит: дарить? Нет! Чтобы дарить, надо иметь! В добрый час. Но я не смогу с ней дружить. Я люблю Жорку! А я думала, что нет. Что же теперь будет? Что?»

*

У каждого есть тайное мгновенье,
Которое ему не позабыть.
В нем вечное, мятежное сплетенье
Того, что было
И могло бы быть...

*

Из дневника. «19.XI. 1964 года. Надо чем-то заняться... Но чем? Что-то же надо делать? Вот так буду сидеть и писать все, что придет в голову... Стихи он пишет, стихи... О чем? Нет, не то, о ком? Все равно не обо мне... Л.Ф. сказал мне, что нельзя добровольно отказываться от любимого человека. А разве человек делал когда-нибудь что-то добровольно! Если он не зависел от других, то все равно зависел от своего настроения, от многого... Надо с кем-то поговорить... С кем? От этого одиночества с ума можно сойти! Я теперь никому уже не поверю. Кроме него, никому. А он мне ничего не скажет. Почему я не могу, как другие говорить с ним, шутить? Я какая-то невменяемая стала.

Внешне живу кое-как, а внутри одна боль... Когда он говорит со мной, я иногда отвечаю, а чаще вообще молчу, потому что, когда он говорит – я не слушаю слов, а только смотрю на него. Вообще я стараюсь делать вид, что мне все равно, в классе он или нет. Раньше я даже не думала о нем, а только была очень счастлива, когда говорила с ним...»

*

Эта ночь — чернота.
Эта ночь —
Только тихие всплески,
Да квадраты окон
В фиолетовой дымке домов.
Замерцали огни перекрестков.
Витрины — нелепы. Шелест...
Шепот прохожих...
Сигарет ярко-красные точки...
Фонари — тени людей
Вырывают
Из тьмы.
А вечерние люди
На утренних так непохожи!
И смеются вечерние,
Когда утренние грустны...

*

Из дневника. «24.XI.1964 года. Я – дома... Играю «На память Элизе» Бетховена. Играю без конца. Никогда, ни одну вещь так не играла. Я – ужасная, некрасивая. Человек красив, когда кому-то нравится, а я не нравлюсь. Дура! Сидела и уроки лучше бы делала. До смерти и Гусев надоел. Начинаю его ненавидеть. Сним все кончено. Сегодня. Ничего не подделаешь, но это ужасно!»

*

Как выплыть мне из этой глубины...
Как разгадать значение слов и взглядов...

Из окруженья громкого парада
Уйти в прохладный сумрак тишины?
Безмолвен снег. Заметены дороги.
Легко ступать мне в мягкий, белый мох.
Больное звуком горло — долгий вздох
К губам не отпускает строгим.
Кривые вездесущи зеркала.
Мой ум усталый верит снам и зыби.
Когда глаза для зренья внутрь закрыты,
Полна теней ночного леса мгла...
То лживо все и нет тебе пощады.
То даже взглядом страшно обмануть...
Проснуться б, детски радуясь, однажды,
С порталов радуг — в бездну заглянуть.

*

...Я одинока, как цари и ведьмы.
Зажженная свеча в покинутом доме...

*

Из дневника. «27.XI. 1964. Я с ним не разговариваю. По возможности обмениваюсь жестами. Недавно он подошел. Я читала журнал «Искусство кино». Он походил, где-то в районе парты, поговорил с Наташей. Ушел. Вернулся. Постоял у окна. Потом раза два прошел мимо меня. Остановился и спросил (без имени): «Что читаешь?» Я молча показала обложку. Он спросил: «Интересно?» Я кивнула головой с таким видом: мол, не приставляй... Он ушел. Ничего примечательного, но Ната сказала, что когда он говорил, то смотрел на парту, потом на журнал, потом быстро, искоса, бросил на меня взгляд и ушел. Трудно поверить, что уже конец».

*

Вот прошла
Колдовская ночь...

Ворожила и...
Ветром развеяна.
Выпью пепел с вином —
К черту все,
В чем была я уверена!
Как ребенок потерянный,
Бреду я по сонному городу.
В закоулки его загляну,
Где еще не была с тобою.
Улыбаюсь — в год ушедший смотрю,
Как из окон поезда —
На поворотах...

*

Из дневника. «28.XI.1964 год. ...Рядом со мной стояла Таня Олифер. Он с ней непрерывно разговаривал. Но меня он называет Таней, а ее — Олифер. Он мне нравится довольно странно. Сегодня на практике он мне не нравился. Постригся уродски. Наташа мне говорит: «Порой мне кажется, что ему ужасно нравишься ты, а иногда Олифер...» Даже если он подходит к Олифер только потому, что чего-то не понимает в математике, то почему она может объяснить, а я нет? Раньше без математики было все чудно... «Если б ты знала, если б ты знала, можно было все начать сначала...» Позвонила Гусеву...»

*

День наряжен в белый бархат,
Он росы не пригубил.
На руке его усталой
Солнце — перстнем золотым...
Ах, упасть бы!
Ах, оставить
И от света убежать!
Как устал он,
Как устал он

Величаво выступать.
Сяду в детские качели...
Буду тень свою дразнить.
Полетели, полетели...
И опять —

Вниз!

Камни темные, немые
Вам не жаль?
Ах, как вы бы,
Ах, как вы бы —

Мне лежать...

День наряжен в белый бархат
И ликует трубы.

Гаснут долгие дороги --

Отдохнуть бы!..

И багряный, словно в кубке,
В цепи гор — закат
Пригубить,

Допить до сумерек

И — спать...

На плечах большие птицы,
Даль дорог и звезд шипы,
А земля, земля дымится:

Пить!

Пить!

Ах, упасть бы!
Ах, оставить!
И глаза закрыть...
И костров горящих пасти
Пеплом усыпить.

*

...А в снах моих такое солнце!
Как гнев в языческих глазах,

Как меда – золотая вязь,
Как шелк восточного узора.
А в снах моих – степная мгла,
Там всадник факел поднимает...
Мой пленник дерзкий точно знает,
Что мне он не заплатит дань...

Из дневника. «29.XI.1964. Пришла домой, настроение ужасное. Жора пришел в класс, но все внимание Тане Олифер. Я к ней равнодушна. Умная девчонка. Мне не она нужна, а Жорка. А если она ему нравится? Извечный вопрос. Сейчас он нравится мне. А завтра? Сегодня на уроке биологии Таня Олифер несколько раз искоса на меня поглядывала. Я смотрела на нее, она отвернулась. Он смотрел на меня. Я – на нее. Комедия! Сегодня была на музыке! Закабалили... Интересно: Когда не надо учить, то хочется играть, а когда надо учить, то играть не хочется... Учу «Письмо Татьяны Онегину.» Кстати, Наташа сказала мне, что по характеру я похожа на Татьяну Ларину. Странно! Говорят, мне об этом люди, не знающие друг друга совершенно. Я польщена!..»

*

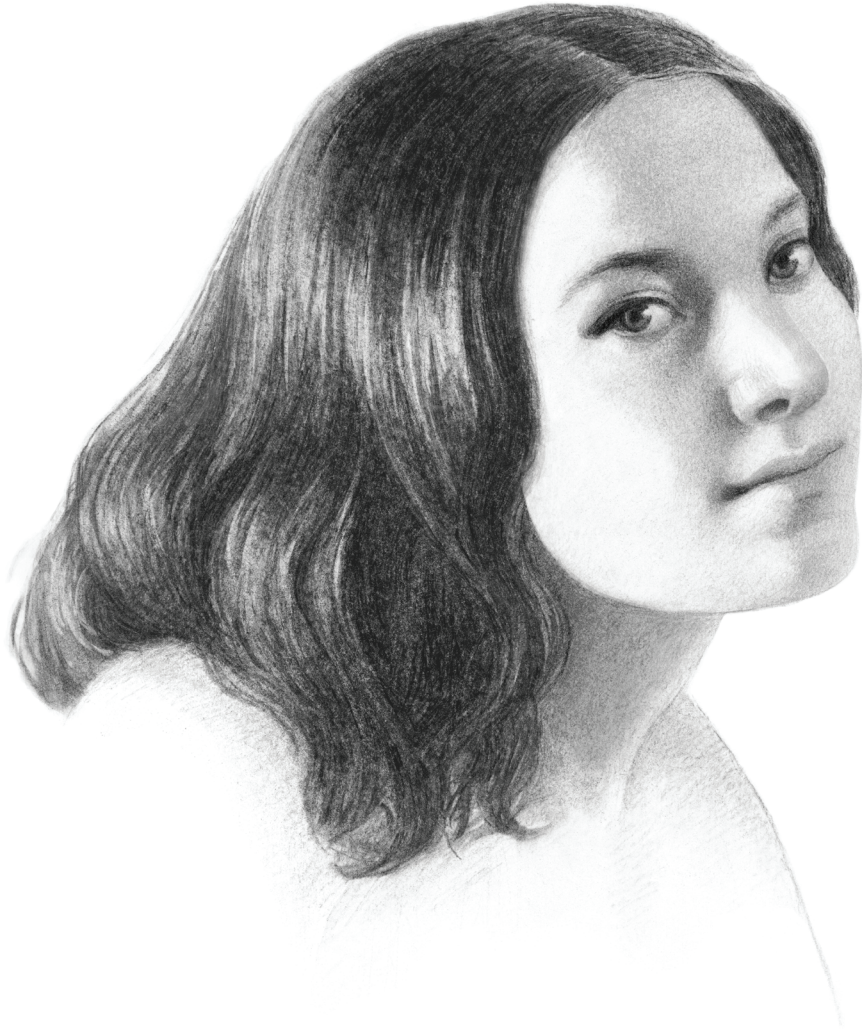
Я родилась на умершей планете.
Я помню сумрак. Вековой покой.
Песок да камни. Лед. И солнце светит –
Тяжелый шар. Огромный. Голубой.
Я помню эту мрачную планету,
Ее холодную, стальную седину.
Я помню в небе алую комету
И мерзнувшую в сердце тишину...
...А здесь трава, другое светит солнце,
Прохладные цветы и теплые глаза.
Мне снятся сны, хоть у меня бессонница.
Как мошка в янтаре, в моей любви – тоска.

Ей – миллионы лет, она пришла оттуда,
Где голубого солнца тусклый, блеклый свет...
Сейчас я – хрупкий миг. Я – ожидаемое чудо.
Меня не видишь ты. Меня там больше нет.
Упрямо ждешь меня в холодном, синем свете,
И до тебя доносится молва,
Что на другой, неведомой планете
Твои я слышу нежные слова...

Из дневника. «30.XI.1964 год. А Жорки у меня уже нет. Все-таки я была права – Таня Олифер. Умная, симпатичная. Без двоек, без фокусов. Но нравилась-то ему я! А теперь – она. Я найду себе лучше... Или хуже? Все равно его я не найду опять. Шахматист... Я не люблю тебя совсем! Но я люблю то, что ты не смотришь, не видишь меня и, может быть, даже не думаешь обо мне. Если Таня Олифер и впредь будет меня так ненавидеть, значит, ты меня любишь. Глупая девчонка – Олифер. Она для меня не существует. Для меня существуешь только ты и как ты относишься ко мне, а не к ней. Я вижу, что она умнее и у нее много достоинств. Тебе нужно подтянуться, чтобы дружить с ней. Перестань подлизываться, заискивать. Со мной этого не нужно! Ты мне нравишься. И я порой презираю тебя. С тобой мне трудно и обидно, что ты даже не подходишь. А когда тебя нет, я хочу, чтобы ты был здесь, ходил, не замечал, но был. Когда ты смотришь на нее, я хочу, чтобы ты смотрел на меня. А когда ты смотришь на меня, я не верю тебе. Не хочу, чтобы ты смотрел, не хочу лжи. Все, кажется, решено. Теперь скорее забыть. Мне думается, что я не люблю тебя. Просто надо же в кого-то влюбляться, чтобы не скучать. Дружи с Таней. Оставь меня в покое, исчезни из моей жизни вообще. Мешать я тебе не буду. Бегать за тобой – никогда!»

Ты не веришь мне...
И я себе не верю.
Помню только,
Как ты шел ко мне:
Мимо всех
Красивых,
Умных,
Верных —
Шел ко мне...
В ветвях
Кружатся тени...
Или птицы?
Как сухой огонь,
Как письма дикарей,
Притаились
Под ногами листья
Щедрой
Обреченностью своей.
Листья
Дарят
Себя
Снегу.
А во мне
Сейчас —
Всех слов
Твоих напев.
Я молчу...
В тебе такая
Нежность
И такая
Тишина в тебе!
Ожиданье ласки —
Это рабство,

Добровольное,
На всей земле...
Я с тобой, как
Разуверившийся
Пастор,
Служащий
Последний свой
Молебен.

Глава вторая

Мгновения молодости 1970 – 1979 гг.

Из дневника 1970 года. «Это мой дневник. Я начала его 27 февраля 1970 года, в день, когда жизнь Олега отсчитала очередной, тридцать первый, год. Последняя запись сделана в самом конце ноября того же года. Он вместил в себя две сотни дней моей жизни, и каждый из этих дней был наполнен трудными для меня часами раздумий, событиями, диалогами, решениями, отказами и согласиями. На его страницах часто нет логики, «причесанности» стиля: захлестывали чувства, душили слезы, плескалась радость, тоже такая нелогичная в тогдашней моей душевной пустоте. Но в каждом слове — правда. И поэтому мне нечего стыдиться и продолжать прятать свои мучительные сомнения, которые, как клещами, держали уже проросшую и отчаянно требующую выхода любовь к моему Альке... Случилось главное: за эти дни моего диалога с собой на страницах этого дневника я окончательно поняла, что не хочу навсегда утратить то, чем бесконечно дорожу. Не хочу! Как странно... Действительно странно, что так трудно мне было это осознать...»

Из дневника 1970 года. «...Итак, Юрганов. Первое впечатление двойственное: лицо мистически знакомое, так бы сразу и сказала, как увидела:

«Здравствуй, вот славно, что ты здесь!» Улыбка, которую называют очаровательной. Однако неверно это. Даже приторно. Просто – смелая улыбка. Так улыбаются сильные люди. Встал, протянул руку. И тут же возникло впечатление второе: да когда же он встанет во весь рост? Была уверена после такой улыбки, что он – громадный. На секунду перестала воспринимать, происходящее вокруг. Неожиданно вспомнила вычитанную где-то мысль: маленькие мужчины ненасытны и со всеми женщинами очаровательны... Звонок в дверь. Юрганов – мимо меня – делает шага три в коридор. Кто там, интересно? Он любопытен до... детства, до озорства. Но... по-прежнему не воспринимаю. Мал золотник? Вместе с вошедшим проходит в комнату. Я этого не вижу, своими мыслями занята и стою спиной. Оборачиваюсь – и сразу как в холодную воду. Итак, Юрганов, вот что с тобой! Неуклюжая походка, страшно милая – причиняет боль. Чувство, будто смотришь на Природу как на толстенную, сытую и наглую бабу, и поражаешься ее жестокости, тупости. И хочется схватить ее за неумные руки и встряхнуть до желудка: что ты сделала? И не хромота, а эта неуклюжесть, которую так не терпится сбросить черт знает куда! Человеку с таким лицом надо не то, что бегать – летать, ходить ходуном, плясать! Ковыляет по-утиному, светится весь. Улыбка! Улыбка улыбкой, но глаза не отдыхают, все, и вся, и всех держат. Меня тоже. Отлично все заметил. Неудобно – так вот, с первого взгляда... Впрочем, я скоро уйду отсюда, не век же здесь сидеть.

Из дневника 1970 года. «24 сентября 1970 года. И все же надо кое-что объяснить, прежде чем продолжить перелистывать страницы моего дневника – грустного путешествия по лабиринтам любви. То были дни пронзительные и болезненные, горькие и счастливые. Наверное, я была не в силах с холодной рассудочностью фиксировать события, связанные с появлением Олега в моей жизни. Были дни такого страшного накала, таких противоречий, возникали события такие нелепые

и одновременно такие драматические, что я непроизвольно брала ручку и, раскрыв тетрадь, заполняла сразу три-пять, а то и десять страниц кряду, пытаясь помочь самой себе осознать все происходившее со мной. После первой записи, сделанной 27 февраля 1970 года, прошло восемь месяцев, которые сжались в моей памяти в единый миг. Я не успевала осознавать все пережитые мною события. Одно из них случилось сегодня 24 сентября 1970 года. С этого дня продолжились записи в этом дневнике. Они не отличались упорядоченностью, потому что мне не нужна была хронология, а важен был миг возвращения моей памятью каждого события, пережитого в эти восемь месяцев. Они выстроились в длинный, запутанный лабиринт, в который я ступила в этот сентябрьский день, когда рассталась с Олегом... Тогда, в этих событиях запечатленных мной в дневнике, пряча себя и Олега в туманных «Он», «Она», я спасалась от нелепой реальности, которую сама же, по своей воле, создавала. Интуитивно осознавая беду, пугалась... Размышляла... Искала выход из лабиринта...

Из дневника 1970 года. «Минск. 25 Сентября 1970 г. Скамейка стояла на ветру, а поза, в которой он сидел, утомляла. Но ему отчетливо не хотелось ни шевельнуться, ни хотя бы вздохнуть. Он устал. Постукивал окоченевшими пальцами по деревянной планке скамьи... Ему казалось, что холодно не от ветра и неподвижности, а от слов этой женщины, сидящей рядом. От движения ее губ... Она говорила то ясно, то сбивчиво, то пряча глаза, то резко поворачивая к нему лицо. И тогда он задерживал дыхание от внутренней надежды, что она тоже устала и замолчит, тогда все минет, она по-детски смутится и скажет: «Ну хватит об этом!» – и проведет своими прохладными пальцами быстро и просительно по его щеке... Вот тогда можно будет забыть этот разговор, обессиленно улыбнуться внутри, бросить: «Ладно, старуха!», прижать к себе ее голову и незаметно поцеловать эти тяжелые, пахнущие дождем волосы. Когда она медленно оттаает,

может быть, скажет: «Иди сюда!» И женщина сначала смешливо прищурится, дернет бровью и, как бы нехотя, пододвинется совсем близко к нему. Можно будет сказать: «Поцелуй меня!». Женщина снова удивится, засмеется, отрицательно качая головой. А потом взмахнет руками и вдруг войдет в тебя — вся: на губах опять будут ее твердые губы, потом твоя голова уложится в ее ладони. Тогда наступит время странное, молчаливое. И только с каждой минутой, как далекие звоны, как удары в колокола, в ударах сердца будет все прибывать и прибывать радость...

Будет огромная светлая ночь. В такие ночи кажется, что светает... всю ночь светает! И тихие слова падают чисто, четко, как белые камешки в круглые зеркальца колодцев. Шепот кажется громким и ласковым, как ветер. А стены исчезают, тускнеют, как полустертая роспись, и вдоль них, как шторы, колеблется и мерцает рассветный туман. Это женщина отгаивает... Она смеется тихо, удивительно. Да смеется ли? Может, просто вздыхает. Может, и не смех это, а говорит она, вспомнив свой древний милый язык, говорит-лопочет, поет тебе что-то и плывет в тебе, как в белом корабле, гладит летящими к тебе руками то твои плечи, то лицо, то ерошит волосы... А ты говоришь ей, восторженный, сумасшедший и тоже растворенный в ней совершенно: «Ты любишь меня! Знаешь ли ты, что любишь меня?!» Она не отвечает, и тебе кажется, что она не слышит. Ты смотришь в ее черные большие зрачки и видишь там, в глубине, свое лицо — прозрачное от улыбки и удивленное...

Она ничего не говорит тебе. всю ночь ничего не говорит. Только как-то освобожденно любит тебя, смотрит на тебя бессонно, и лицо ее становится то плачущим, то счастливым, как будто она плывет над тобой...

...Женщина умолкла и засуетилась. Она даже растерялась, обнаружив, что он давно не слушает ее. Она все-таки хотела еще что-то сказать, но вдруг испугалась, а может и передумала. Смахнула мерзнувшими пальцами две капли, уже медленно

и тяжело ползущие по щеке, торопливо открыла сумочку, быстро вытащила пудреницу, мельком глянула в зеркальце. За чем-то вытащила тюбик с губной помадой, неожиданно смутилась и, бросив в сумочку, захлопнула ее. Он наблюдал за ней с отрешенным видом и даже с удивлением. Именно сейчас она казалась ему невероятно близкой и такой же невероятно враждебной. Это причинило боль. А она уже не имела права на его боль. Он встал. Женщина подняла припухшее, покрасневшее лицо и увидела на фоне плывущего белесого неба его волосы, светлый шарф вокруг шеи, стянутое отчуждением лицо, твердые, прозрачные, как у рыси, глаза. Он стоял и казался в створе с этим небом. Неожиданно она подумала, что он кажется ей сейчас замерзшим белым деревом, и белый, даже голубой холод собирался у его суженных зрачков.

...Они молча прошли два пустых осенних квартала. На перекрестках их подхватывали порывы ледяного ветра. Неожиданно он резко остановился и бросил в ее удивленную спину: «Мне — сюда!» Она, не оглядываясь, кивнула, почти взлетела на новую волну ветра, испугалась, что сейчас, не удержавшись на ногах, упадет. Шофер громко засигналил. Она нашла глазами машину и медленно перешла через улицу.

Из дневника 1970 года. «Минск, 1 октября 1970 года. Вот какой сегодня день. Рядом с Олегом — другая женщина. Но (радоваться ли?) рядом не с моим Олегом, а с Олегом без меня, после меня. Ощущение полного недоумения... Нет, не реальность существования кого-то другого рядом с ним (этого я никогда не пойму), а буквально сиротство: это не он. Хочется потрогать руками воздух рядом с ним, дотронуться до него и почувствовать, что этого нет, что это мираж в цвете и звуке. Не он... Растерянные глаза и в них какое-то виноватое торжество. Хмурые губы, гладко выбритое (перемена привычек?) лицо. И от этого — лицо незнакомое и похудевшее. Лицо в «скорлупе», непрозрачное, заостренное, безглазое... Но самое странное — так это

то, как он говорил. Я не сразу поняла, что это его голос, что эти слова я должна слушать и даже сосредоточиться на них. Никак не могла этого сделать. Это все равно, что говорить с невидимкой. Неужели так быстро случилось и это? Голос уже не подчиняет меня его мысли, как было всегда! Мои слова (он меня слушает!), сама я все это уже не смыкаю над нами, потому что возникает непроницаемый для всех купол. Не включает нас в круг. Распалось то, что прежде, даже в минуты жестоких ссор, не мешало нам уйти в себя, сосредоточивая наше внутреннее зрение только друг на друге. Мы никогда не говорили только о себе, всегда помня, что это слышит второй: я или он. Мы всегда перебрасывали друг другу какие-то невидимые мячи. И поэтому наши ссоры были, при всей их остроте, даже удовольствием, так как, ссорясь и доходя до азарта, мы все же внимательно и восхищенно, зло и счастливо встречались глазами. Сегодня, заговорив, мы впервые не пробились через внешнюю стену друг к другу. Воздух, оказывается, очень плотная материя. Недоумение – вот, пожалуй, что чувствовал Олег. Так бывает, наверное, когда после взрыва двое мгновенно оглохших людей сначала радуются тишине, а затем пытаются заговорить и тут же обнаруживают, еще боясь в это поверить: что-то исчезло...»

Из дневника 1970 года. «Минск 11 ноября 1970 года. Я еще сама не знаю, отчего это я повернула свою жизнь на 360 градусов. Это какая-то гангстерская, пиратская уверенность в счастье. Атавизм? Возможно. Было не трудно – было совестно и мучительно, было до слез жаль – и я плакала. Было жаль, что я не могу – мешает мне что-то остаться в этом человеке, с ним. И всю жизнь быть счастливой женщиной, быть женой, быть улыбкой этого усталого человека, быть добрым товарищем во все его дни, быть его соперником в спорах, быть во плоти и крови воплощением его идеи счастья. Редкого, безрассудного счастья. Любить, как дышать. Любить раньше, чем пробуждается сознание, и утром, раскрыв глаза, заранее любить этот день

за то, что светлоглазый человек, прихрамывая, войдет в комнату и снова сделает мир необыкновенным. Я верю во все его идеи и теории. Я нутром чувствую их правоту, их изящество, их железную логику. Теперь я понимаю, что этот человек был дан мне не в спутники – он был мне как предостережение, как явление того, в чем мне нужно было убедиться: оно есть! Это моя идея жизни. Это мой критерий ума. Это – как выплеснуться целиком, в одну минуту, чтобы с тайным страхом навсегда влюбиться в эту минуту. Чтобы сходить с ума и не любить раз и навсегда заведенным порядком. Любить всегда на острие потери, любить не вне, а внутри – чтоб если уйти, то ничего не теряя. Потому что любовь – в тебе. Она равна каждому твоему шагу, твоему дыханию. В Юрганове меня убеждать не надо. Он вошел в меня целиком. Я не потеряла ни одной пылинки золотого слитка...»

Из дневника 1970 года. «Минск, 25 ноября 1970 года. ...Проснулся ум, открылись глаза, и жизнь за спиной показалась маленькой ниточкой, а впереди – громадной... Олег со смехом и вдохновением говорил, что отныне весь мир ко мне добр. Что я умею все – и буду уметь больше, чем все, что я заново рожденный человек. «Плыви ко мне, кораблик!» – говорил Олег. Он верил эгоистично и свято, почти сумасшедше верил, что я – его творение, я вышла из его рук. «Эти волосы, эти глаза, эти губы я боготворю не потому, что это прекрасно! Нет, ты еще даже не женщина, ты – девчонка... Но все это – твое. Это – твои губы, это – твои глаза, это – твои тяжелые волосы, это – твои руки, эти маленькие руки. Их нет ни у какой другой женщины. Нет, ты не способна теперь это понять! Не те чувства, не тот возраст... Но, девочка моя! Я вижу тебя в будущем – это прекрасно!» А затем с тяжелым вздохом добавлял: «Без меня все это погибнет! В тебе много мелкого, злого, того, что я не приемлю и никогда не приму, что делает тебя почти враждебной мне... Но есть три вещи в тебе, за которые я буду драться, лезть в огонь,

за которые я могу пойти на казнь: это когда ты смеешься, это когда ты зла и остроумна и когда говоришь, что любишь меня».

Из дневника 1970 года. «Минск, 27 ноября 1970 года. Сколько раз мне хотелось сказать ему: «Я счастлива с тобой совершенно. Ты — великолепен во всем. Мне некого поставить рядом с тобой, и я горжусь этим. Не мелко, не собственнически, а как-то даже назло себе горжусь тем, что ты вот такой, каким ты себя сделал. Мне без тебя скучно, скучно до бессмыслицы. Я — полумертвая. Я — половина в себе самой. Не вижу, слепну и глупею без тебя. Но я не могу остаться с тобой! Это дико и необъяснимо, но я не могу... Возможно, я уже навсегда осталась с тобой. И потому, что ты уже во мне, я и ухожу. Только одно способно заставить меня броситься к тебе и не уходить, как бы ты ни гнал. Если исчезнет последняя связь с тобой. Последнее, в чем отражаешься ты, и я, обернувшись и взглядевшись, опять вижу тебя, опять нахожу тебя в каждом дне моей жизни. Если что-то случится с этим последним — я не выживу. Я не могу потерять тебя совершенно. Пока он неведом. Но он есть. Я чувствую его ладонью, чувствую его неожиданное движение: твой ребенок во мне...».

Из дневника 1970 года. «Минск, 29 ноября 1970 года. Олег был как берег, от которого надо оттолкнуться. Я слишком самолюбива, чтобы в чем-то уступить ему, а его восхищение мной — самогипноз. И еще. Меня гонит вперед какая-то неистребимая жажда создавать самой. Чем сильнее это абсурдное стремление делать непременно по-своему, тем яснее я понимаю, что делаю что-то не то, что нет еще у меня сил создавать, потому что я сама еще никем не создана. Олег — первый скульптор, посмотревший на меня по-человечески празднично. То, что я делаю, похоже на инстинкт разрушения. Инстинкт, потому что и доводы ума, и страх как-то легко отступают перед этим. Олег был снисходителен, когда сказал: «Я понимаю, в тебе дух Пигмалиона.

Ну что ж, я мог бы пожелать тебе удачи. Но я не радуюсь этому. Я слишком хорошо знаю тебя и вижу дальше. Ты уж прости, но я знаю: даже если ты признаешь свое полное поражение, ты никогда не вернешься ко мне. Хотя я — единственный, кто понимает тебя и принимает даже такой, какая ты сейчас есть. Ты не вернешься. И виной тому твое самолюбие... Ну, признайся, ведь только поэтому ты не вернешься?» «Но это так... жалко и глупо!» — «Вот! Я так и знал! Ты верна правде, стало быть — себе! Отличное качество! Ты совершенно не способна насиловать себя. Рано или поздно истина прорвется. Самое печальное — ты не способна лгать как женщина. Как женщина ты бесконечно искренна, и от этого все, что исходит от тебя, — жестоко. Ты никого не щадишь! Но пойми: с той минуты, как ты расстанешься со мной, ты лишишься главного и единственного, чего тебе не хватало всю жизнь, — понимания. Ведь тебя никогда не понимали. Да ты и сама плохо понимаешь себя. А я с дошностью психолога всегда пытался понять тебя... Ты хочешь остаться без этого? Я говорю не о себе, я — о тебе. Ты-то сама знаешь, чего ты хочешь?» «Олег, ну как не совестно, — говорила я, — почему у тебя опять такое прекрасное лицо? На тебя невозможно смотреть». Олег хохотал или совершенно неожиданно смущался. Или сердился и, еще не решаясь улыбнуться, говорил: «Не понимаю. Любишь ты меня, что ли?» Или бросал: «Оставь, пожалуйста! Научись сначала слушать!»

Из дневника 1970 года. «Минск, 30 ноября 1970 г. Будь Олег слабым — я стала бы его женой. Олег сильнее, умнее меня. Бесконечно разнообразней. Достичь этого и даже большего — вот чего я хотела бы. Теперь я вряд ли смогу быть женой слабого человека. Я настроена на скорость обгона и не хочу ничего другого.

Слишком много потеряно времени уже хотя бы потому, что рядом нет Олега, и замедлять это время буксированием — роскошь. Я не могу стоять на месте — ведь скоро у меня на руках, рядом со мной будет Алька-младший. У него должна быть только

скорость обгона. Природа даст этому ребенку очень много. Я должна чувствовать ответственность за это. Какие чудеса мог бы делать с ним Олег! Так легко представить их вместе – кажется, нет ничего более похожего, ведь это будет Юрганов. В каждом движении – Юрганов. Они были бы необходимы друг другу. Об Олеге не существует нейтрального мнения. Это – человек-противоречие. Человек, о котором говорят столько разного – плохого и очень хорошего. Мне чаще говорили плохое. Причем не то с ужасом, не то со злорадством. И всегда – с оглядкой. А я слушала с интересом. Говоривший и не подозревал, что я изучаю его самого. Вот еще один враг Олега. Вот еще одна ложь об Олеге. Вот еще один страх перед Олегом. Вот еще один неизвестный мне Олег. Я, в отличие от других, знаю, что Олег иногда бывает человеком настолько беззащитным и потерянным, что тяжело видеть его глаза, его лицо, трудно слышать этот беззвучный, медленный шепот. Это тот Олег, которого мы с ним сами как-то окрестили «ромашкой за решеткой». Это выражение его глаз: кроткий и растерянный взгляд, нематериальный свет, пойманный в тяжелые ресницы. Знаю, когда Олег бывает человеком-прессом. И кажется, что один его взгляд способен размазать тебя прозрачным слоем по стене. Или вдруг пригвоздить к месту, да так, что вдох покажется непосильной тяжестью. Это Олег на крайней точке отчуждения. Но это состояние – самое нелюбимое им самим, хотя он и чувствует свою силу. Это состояние сковывает его, заставляет молчать его душу. А ему в свое время так не хватало возможности быть открытым, распахнутым, юным и доверчивым, что сейчас всего этого в избытке. Он то и дело превращается, сам того не замечая, в юного фантазера и рыцаря.

Был ли Олег со мной предельно жесток? Да, был. Но даже этого Олега я никогда не боялась. И вообще, я не понимаю, как можно не радоваться этому человеку, как можно ему не верить и, наконец, как можно его бояться? Наверное, если он становится врагом, можно. Но это уже не обо мне. Я никогда

не боялась, интуитивно чувствуя, что он не причинит мне вреда. Ведь я произрастаю из его духа, я не только его женщина, я – его творение, которое он тысячу раз проклял и в котором столько же раз обманулся. И все же я – творение его духа, его ума, и уничтожить меня ему будет больно. Я люблю чувствовать его силу, потому что в такие минуты я обнаруживаю в себе холодную, острую, как свет, иглу, на которую нанизывается его сила. И самая великая ссора и злость каждую минуту может быть просто остановлена... поцелуем, потому что она перемешана с восторгом. Восторг – это прежде всего ощущение завершенности, ощущение замкнувшегося круга. Я чувствовала бесконечную и даже злую нежность к этому человеку, когда он пытался «размазать» меня по стенке. У Олега было то же самое. Я сейчас вспомнила, как он сказал об одном нашем очень тяжелом разговоре: «Мне так хотелось тебя целовать! И еще одно. «Как мне хочется тебя уничтожить!» У Олега глаза делаются спокойно белые, даже веселые, но зрачок неподвижен и блещит. Я смотрю на него и знаю, что мои глаза абсолютно такие же. Но я даже любила эти минуты. Я видела: такая жестокость не знает границ, такой же будет и нежность. Я не ошиблась ни разу.

...Нежность. Не называемая, прозрачная и холодящая. Идущая от соборных сводов, где дышит орган. Нежность – доверчивая и бесстрашная, наивная и какая-то удивленная... Олега, который врвался ко мне таким – светлым, как античный голец, – я называла Алик... Алик. Это как один звук, вызывающий во мне одну постоянную картину. Один образ.

...В наступающих сумерках в маленькой кухне сидит человек. Он почти нереален – он плывет в гаснущий за окном день... Это – светлый человек.

Светлолицый, светлоголовый, весь золотой, с блуждающей улыбкой, со светлыми глазами. Он загляделся или задумался. Он склонил голову набок... И так молчит, что даже страшно за него. И кажется, что сам он – маленький, прекрасный остров,

который вот-вот уйдет под воду, исчезнет с последней полоской света...

Тогда, неожиданно для себя, я назвала его «князь». И оказалось, что так кто-то окрестил его раньше. Что так его и называли. Но я не огорчилась. Я почти мистически принадлежала ему в такие дни. И он тоже. Я знала это. Его рука, не отрываясь ни на миг, была на моем плече, на моем затылке. В такие дни мы просто боялись раствориться в воздухе. Надо было как-то реально ощущать друг друга. В такие ночи даже тело его казалось мне белым ароматом. И сама я была невесомой. Казалось, что воздух, которым я дышу, – это тоже Алька.

В комнате звучали и плыли какие-то удивительные слова. Его и мои. Они путались, сбивались под потолком и уносились. Мы засыпали, не дослушав их... Любовь? Или более редкое, чем любовь? Мы с Олегом – одно явление природы. Это переселение душ. Я убеждена в этом, убеждена совершенно. Ведь расставшись, мы взаимно уничтожились. Тело, разрубленное на два куска, перестает жить. Мы расстались. И может быть, оба никогда не достигнем единения...»

Из дневника 1970 года. Минск, 2 декабря 1970 года. Теперь часто думаю об Олеге. Думаю строго и замкнуто, никого в это не посвящая. Если бы он спросил меня: «Чего ты хочешь сегодня, сейчас?», я бы не сказала: «Быть с тобой». Я бы сказала только о том, что мне действительно всегда будет нужно: не скрещивать слова и взгляды, нет! Не страсть, не слезы, не беспамятное бормотанье, не сумасшедшие поцелуи. Нет! «Я хочу стоять твоей доброй улыбки... Или хотя бы твоей доброй памяти». Как очень давно сказала Елена Ширман, «...девушка, которая будет любить тебя... пусть целует каждую твою ресницу в отдельности. Пусть не забудет ямочку за твоим ухом... Пусть руки ее будут нежными, как мои мысли... Я не понимаю, как люди не замечают твоей красоты, как спокойно выдерживают твое рукопожатие, ведь твои руки – конденсаторы счастья...» Делая

из меня Homo Sapiens, ты, кажется, «изобрел велосипед»: влюбленную женщину.

Твое старое письмо. Три месяца назад писано – уже старое...

«В радости – истина!» Здорово! Ты придумала великолепный лозунг... Молодец, Журавль! Молодец! Это вполне по-моему! Умно! Просто! Мощно! Точно! Целую за находку. И отнюдь не осторожно.

...Все-таки ты можешь писать удивительные письма. Один жест, но он доставил мне такую радость, какой я давно уже не испытывал. Я знаю: любить и ценить ты можешь красиво и ясно. Ты почему-то стесняешься лучших проявлений себя. Ты же внутри необыкновенно тепла, нежна и красива. Нужно только не бояться проявлять эти радостные порывы. Я ужасно по ним соскучился! Сегодня я рад, завтра я рад, послезавтра я силен и бодр, весел, оптимистичен, готов на долгие годы к восторженному мироощущению. Ты же знаешь, что мое душевное состояние в основном зависит от того, как ТЫ себя чувствуешь! Моя нежность к тебе безгранична. Как только я получаю подтверждение того, что ты расцветаешь как личность, как только я вижу, что человеческое в тебе побеждает в борьбе стихий и внутренних пожаров, – я радуюсь твоему успеху. Радуюсь, потому что моя борьба оплачивается цветущей дерзостью твоих мыслей и чувств! Я хочу одного: чтобы наша жизнь была насыщена радостью, чтобы все то, что ты ищешь в жизни, было заполнено поиском одного – истины. Истины в человеке, истины в чувствах, истины в понятии добра и зла. И я готов бесконечно твердить о том, что иначе жить ты просто не могла бы. Я вижу в тебе воплощение любящей женщины. В твоей нежности, ожидании, тоске, материнстве, расцвете твоего духа и тела – все, что подтверждает мою идею. Ты прекрасна в минуты, когда в тебе пишет, говорит, целует, ждет, радуется, ласкает влюбленная женщина. Что может быть для меня лучше? Ничего, кроме этого. Боже! Как я скучаю!»

У Олега есть один нематериальный талант. Я бы сказала, что Олег – стрела, сделанная человеческими руками и пущенная человеком, но летящая бесконечно, стремящаяся к бесконечности. Будь он одному – он был бы великим человеком. Но... Он «индеец в перьях». Называют эти «перья» по-разному: импровизатор, гипнотизер, авантюрист, актер, блестящий лектор, удивительный рассказчик, истерик, дьявол, железный человек... Чего только не услышишь о нем. Хуже всего, что эти глупости приклеиваются, как бирки. Олег, правда, до слез над ними хохочет, но и его это тоже злит безумно. Если Олег и театрален, как утверждают многие, то лишь в одном смысле: он любит само представление. Ему так не терпится «сыграть свою пьесу», что он тратит на представление ее всем и каждому массу времени. А вот написать ее не соберется именно из-за своей непосредственности. Вот, к примеру, его манера обговаривания статей, возникновения и развития идеи, концепции, теории в живом разговоре, в процессе убеждения собеседника. «Обговоренное» в большинстве случаев остается наброском и складывается в толстую папку, рядом с другими конспектами, на исполнение которых в законченном виде не хватает времени. Почему? Да потому, что он, его помыслы с меньшим жаром уже устремлены на другое. При этом он вовсе не похож на перелетную птицу или пустоцвет, потому что все эти бесконечные устные импровизации не беспорядочны, а подчинены одной общей тенденции, идее, развитием которой и увлечен его ум.

Но эта целенаправленность не афишируется. То, что у Олега есть и она, и железная хватка, и прекрасное исследовательское чутье, можно без труда определить хотя бы потому, что он, говоря языком селекционеров, «скрещивает не всякое растение». И суть этого человека – не минута и минутность, а понятие противоположное! Насыщенность каждой минуты жизни!

Олег не умеет забывать. Ничего и никого. Воспоминания его не тускнеют со временем. В этом смысле он похож на человека со странным дефектом зрения, когда отсутствует ощущение

перспективы в пространстве. Так бывает с впервые прозревшими людьми. Кажется, что все предметы – вплотную и рядом, и вот-вот все они на тебя рухнут.

У Олега два четких критерия: прекрасный – ужасный. Все или прекрасно, или ужасно. Я говорю об эмоциональном мире, а не об уме и воле. Здесь он почти всегда объективен. Но эта эмоциональность – «джинн в бутылке» – заметна даже в его манере говорить. Серьезный и сосредоточенный, он вдруг встрепенется и, совсем как женщина, выдохнет: «Ах!» – и уже тянет тебя за собой, как человек, впервые увидевший мир: «А! Ты только посмотри! Здесь цветы! Какое небо над этим домом! Какая ты сегодня!»

Из дневника 1970 года. «Минск, 5 декабря 1970 года. С тобой по утрам просто чудеса творятся! Это удивительно! Это страшно интересно! Ну, ты меня расстроила! Неужели ты не знаешь? Я сегодня совершенно размечтался – хотел попасть на концерт органной музыки, а в кармане ни копейки!» – «Зачем тебе это?» – «Ну что ты, это же просто необходимо!» Он обладает безграничным воображением. И порой, рассказывая о чем-то, вновь переживает давние события едва ли не сильнее, чем тогда, когда все происходило. Он экзальтирован, но как-то по-хорошему, искренне и даже простодушно.

Когда он взволнован или увлечен чем-то, его лицо становится прекрасным, кожа излучает свет, речь блестяща. Его слушаешь, не запоминая слов, даже не замечая их. И вдруг он внезапно останавливается, потому что в этот миг все известные слова не способны выразить мысль. Он ловит воздух губами, ужасно смущается и закрывает лицо руками, повторяя: «Нет, не могу! Это невероятно, это слишком чудесно!»

Или: «Нет-нет-нет! Я схожу с ума, я больше не выдерживаю, я просто сейчас буду плакать, но я больше не могу, я раздавлен. И... ты знаешь, как я люблю жизнь... а сейчас бы умер...»

Михаил Ф. не раз с пеной у рта доказывал мне, что это

клинические признаки истерии и неврастении. Прости, Миша, ты, конечно, специалист, а я – нет, но я частенько находила в тебе клинические признаки недоброжелательности...

И еще один Олег – официальный. Неулыбчивый, с умными пронизательными глазами, хмурый, немногословный, деловой, с внезапной светлой улыбкой и заразительным хохотом: «Ну, старик, что ты говоришь?»

И второй официальный Олег – вербующий союзников. Я мысленно называю это так: «Десять минут очарования». Здесь он не хмур. Он серьезен, сосредоточен, улыбчив и первую деловую беседу старается превратить в маленький дипломатический триумф. Собеседник только успевает заметить, что этот человек очарователен, а Олег уже «берет быка за рога». Он не умеет говорить о делах скучно, он жонглирует вариантами, слушает, предлагает свое. Создается впечатление, что не он что-то устраивает, а вы сидели и с нетерпением ждали, когда же он придет именно с этим делом...

Человека, который согласен с ним, и особенно того, кто находит контраргументы, он буквально облучает улыбкой. Однако люди чувствуют, что сквозь это лучезарное сияние проникнуть внутрь прозрачного и цепкого взгляда почти невозможно. Олег знает, как отвлечь внимание собеседника от чего-то нежелательного: то ли улыбкой, то ли неожиданным поворотом темы, то ли переводом разговора на другие «рельсы»... Через несколько минут он вдруг резко оборачивается: «Так, значит, основное мы уладили? Ну вот и прекрасно!» После такой атаки человеку остается только удивленно покачивать головой: «Умен, хват, бесспорно умен, причем приятно умен, оригинально умен...»

Из дневника 1970 года. «Минск, 7 декабря 1970 года. Осмысливаю Олега. Скучаю по нему. Я читаю его письма. И мне кажется, что получаю я их только теперь.

«Лапонька, здравствуй! Получил твое письмо. Безуспешно пытаюсь взять себя в руки и чувствую, что просто не могу.

Твои аргументы совершенно точны и убедительны. Они меня ошеломили не новизной и стройностью, а темпераментом и энергией. Это – хорошо! Это ты – молодец! Исходя из всего написанного, могу только сказать, что это будет нерушимым фундаментом жизни. Пусть будет так... Этот парень (это он так называл еще не родившегося первенца. – Т.) не упрекнет нас в бессердечии: мы оставим его жить. Он будет дышать, петь, бегать, смеяться, чмокать губами и сучить ножками. Все это будет. Да будет так! Но не всегда решаешься на то, что составляет тайну, глубоко спрятанную внутри. Так вышло и в этом письме об аборте. Да, страх... И не от того, что в тисках боли орешь: «SOS!» Нет, к этому я привык. Здесь другое: душевное равновесие потеряно. И от чего? От последних событий, от твоего отрешенного: «Давай попробуем еще раз...» Твоего мрачного: «Если бы ты дотронулся, была бы истерика...» От твоего отчаянного: «Я боюсь встречи...» От твоего растерянного: «Конечно, эта стена растет, значит, я никогда с ним не буду...». От твоего: «Не хотела ехать...» И это когда ты уже была беременна моим, нашим дитем, а твоя готовность уйти от меня с моим ребенком стала очевидной...

Я сейчас тяжело болею. Не сплю вторую неделю и постоянно задаю себе один вопрос: «Что делать?» На что уходят лучшие годы? На то, чтобы эта женщина, то есть ты, поняла, наконец, главное: нельзя так жестоко обращаться с человеком, который, по счастью, долго терпит и, по несчастью, – любит. И во имя чего? Во имя переживаний? А я для чего? Значит, для того чтобы эти переживания получать, сортировать, квалифицировать и... чувствовать дикие головные боли, боли в сердце, страх за себя и... острое желание крушить все и вся. Нетрудно догадаться, чем все это может кончиться. Чем? Ранней гипертонией, трансом и... одиночеством. Тогда уже не будет сил сделать научную карьеру. Вот так проходят дни нашей с тобой жизни. А! Что говорить.

Нелегко снова объяснять то, что было уже тысячу раз обговорено.

Я начинаю жизнь в четвертый раз с нулевого цикла. Мне не привыкать. Но с незрелостью я не могу справиться своими силами. И какой толк от лечения, если у тебя не будет ни сил, ни желания беречь мое душевное равновесие. Я говорю «мое», потому что вряд ли ты можешь обвинить меня в том, что мое поведение нарушает твоё душевное равновесие. А мое душевное равновесие – это и деньги, и будущее, и радость творчества, и верность, и нежность, и любовь, и надежность и страсть новых откровений в работе. И... и... и...

Разве тебе этого не надо? Разве тебе лучше оттого, что я превращаюсь в маньяка, тупо упершегоса в стенку: «Что делать?» Или медленно умираю, духовно тупею. Стервенею от мысли, что тебе не дороги ни моя жизнь, ни мое здоровье, ни мой дух, разрушающийся уже сейчас. Неужели тебе приятно оттого, что я с проклятиями бьюсь головой о стенку и думаю: неужели суждено уйти в ночь? Это я так называю болезнь, которая подстерегает меня, чуя мои моральные страдания, которые истощают не только мою душу, но и мое тело...

Третья неделя бессонницы, третья неделя борьбы за душевное равновесие, необходимое для работы, для меня самого. Третья неделя жутких вопросов: «За что? За что? До каких пор все это будет продолжаться?» Ребенок – это синтез любящих, а не сожительства мужчины и женщины. Я выдержу все, но одного я не хочу – лжи. Ложь – яд для меня, и, думаю, сейчас ты понимаешь, – для тебя.

Хорошо! Пусть он будет! Но учти, что я не могу ждать, когда ты ко мне придешь с желанием продолжить нашу жизнь. Я просто навсегда умолкну, но ты умрешь в моей душе (как ни старомодно это звучит) и даже не заметишь этого. В этом я уверен.

...Итак, на сей раз все в твоих руках. Я радуюсь, что это

случится. Он будет орать, сосать, в общем, – жить. Ты его роди – я буду с тобой всегда, и не будет в этом горя: я умею быть тем, кто нужен и детям, и женщинам.

Но твердо запомни: ребенок не может ждать. Ему нужно давать все и сию минуту: ласку, нежность, ум, доброту, верность, правду, долг, спокойствие, радость и даже суровость. Лишь лет через двадцать он сможет услышать и как-то оценить это твоё: «Случилось несчастье...»; «Я хотела уйти...»; «Я боялась, что...» Но эти двадцать лет будут прессом для его отца или радостным признанием того самого трепетного счастья, которое называется любовью. И кто простит, если будет первый вариант лишь в угоду страстишкам? Он? Не думаю. Я? Возможно, не успею. Бог? Найдешь ли? Да, жизнь имеет свойство бумеранга...

Пусть о н будет! Я рад, что он будет. Но учти все, что я сказал. Знай, что как человек, просто влюбленный в тебя человек, я почти не существую. Но я еще держусь! Больше об этом ни писать, ни говорить не буду! Сама попробуй домыслить, что во мне происходит, догадаться, к чему это ведет меня. Сама решай, что тебе делать, чтобы человек, который тебе ничего худого не

сделал, мог жить достойной жизнью.

Целую, Олег. Скучаю...отчаянно как-то».

Я не встречала более искреннего человека. Может, поэтому иногда он неприятен, почти не одушевлен, а иногда кажется божеством, излучающим счастье. Олег – разный. Это одновременно и мужчина, и ребенок. Жестокость, крутой нрав, парадоксальность, вера в то, что ему все подвластно и что людей можно расставлять, как шахматные фигуры. Все это не больше, чем попытки не потерять равновесие в потоке впечатлений, которые обрушиваются на эту душу, необъятную в своей неумеренной жажде счастья.

Пусть говорят: эгоист, авантюрист, болтун, мистификатор и проч. Пусть. А я вижу в нем странное: это доверчивый

мальчик и мужчина, способный защитить от любой беды. Это человек, о котором сказано у Грина: «Чудеса надо делать своими руками». Олег – это мудрость. Не нажитая, а сотканная из наивности. Наивное – это то, что прекрасно, но непрочно и быстро гибнет. Да, Олег бывает маниакален. Его мания – почти болезненное ощущение дисгармонии и стремление достичь «земли обетованной» – «высокого и огненного счастья», как сказала Анна Ахматова. Счастья живого, имеющего облик, улыбку, судьбу. Счастья, как свет, чистого, как свет, видимого, как свет, вездесущего, как свет, земного. И всех, кто мешает ему в этом, он объявляет своими врагами.

Поманить счастьем, а потом испуганно стереть его, как ошибку на школьной доске, – высшее преступление. Однажды Олег сказал мне: «Я бы убил тебя. Как жаль, что я не могу этого сделать. Тебя просто необходимо убить. Ты – преступница. Ты меня понимаешь?» Я смотрела на него, лежа рядом и чувствуя его дыхание. Смотрела на него с каким-то радостным удивлением. При этом я не чувствовала ни страха, ни угрызений совести. Мне было странно легко – как будто то, что он сказал, было примирением, «отпущением грехов».

Нет, представить, что он убьет меня, невозможно. Я недоверчиво улыбнулась, потрепала его по волосам и рассмеялась: «И как же это будет?» Кажется, он накричал на меня. Потом вдруг умолк и взял в ладони мое лицо. «Если бы ты этого не боялась, я бы убил тебя». Я снова рассмеялась: «О, господи! Но если ты убежден, что это необходимо, в чем же дело?» Он осторожно провел пальцами по моим волосам и вдруг, словно споткнувшись, сцепил их горячим кольцом на моей шее. Видимо, сделал он это шутя, но потом его лицо стало сосредоточенным и пальцы начали медленно и как бы помимо воли сжиматься. То, что помимо его воли, я поняла по его лицу. Я решила, что минута затянулась, но странно было чувствовать свою беспомощность. Помню еще, что разозлилась на него жутко – вцепилась пальцами в его руки. «Ага! – сказал он. – Не притворяйся!» И вдруг

сам испугался и отпрянул от меня, а в глазах уже стояли какие-то растерянные слезы.

Потом, ночью, он долго не мог уснуть. Все поднимал голову и долго смотрел мне в лицо. Я, свернувшись, как ежик, делала вид, что сплю. Именно в эти минуты Алька был мне ужасно дорог! Лежала, а внутри все плакало, и я казалась себе рядом с ним почти тестом.

Первенец... Какое апрельское слово. Как будто с крыши в оттепель звонко падают серебристые сосульки. Первые птицы, первая трава, пробивающаяся из-под снега. Все – первое. Живая красота – лучшее, что мы с Алькой создали на этой земле.

Сейчас еще осень. Словно легкий, нечеткий, приглушенный карандашный набросок. Как красиво все! Красивы деревья без листьев. Легкие и какие-то поющие каждой выгнутой веткой. Красивы листья у ног. И костры из листьев в глубине парка. Они не горят, а дымят... Горький запах щекочет ноздри, хочется от него увернуться, рассмеяться. Тишина так осторожно красива. Даже бездомные кошки делаются медленными, дымными и осенними. У них легкие, усталые спины и блуждающий огонь в голодных, алчных глазах. Так хочется, чтобы и маленький увидел это поскорее. Красота сразу завоюет это существо. Слышишь, маленький? Еще немного, и это будет твой мир с осенними туманами, со скорым снегом. И пусть у тебя будут прозрачные Алькины глаза-льдинки. Его улыбка. Так хочется скорее увидеть тебя. Не из любопытства, нет! Это будет справедливое рождение. Ты должен быть! Ты – маленькое чудо, малыш. Ты – гармония, которую ищет твой отец – Алька. Я знаю, что он тоже ждет тебя. Так ждет, что даже боится этого. Храни тебя небо, и земля, и солнце. Все силы пусть хранят тебя...»

Из дневника 1970 года. «Минск, 9 декабря 1970 года. Вспомнилось. Две ночи тяжелейших разговоров. Нестерпимо солнечный день. Сидим в сквере неподалеку от музея Я. Купалы. Мир – нереален. Отдален. Тяжел. У людей – любопытные, тупые

лица. Я опухла от бессонницы и слез. У Алика ни кровинки на лице. Руки сплетены в замок – иначе дрожат. У Олега – тяжелая неврастения. На горизонте маячит больница. Только что сказал мне тяжелое, больное. Ощущение почти физического удара. И вдруг отрешенно, с ужасом произнес: «Таня! А вдруг я разлюблю тебя?» И – нараспев: «...Перестану тебя любить... А?» Заглядываю в его лицо. Там – какая-то испуганная, странная надежда... на это.

...Два дня лежал снег. Трудно поверить. Сразу подумалось: «Долгая, долгая зима...» И стало прочно, светло и спокойно. Но так было только в первый день. К вечеру второго вдруг охватила тоска оттого, что осень так неожиданно закончилась. Ночью проснулась от влажных шорохов... Шел дождь. Дождь. Невидимый, туманный... Он падал длинными нитями, обнимал, тек без звона, ласково и сонно... Я босиком подошла к окну – и вздохнула с облегчением. Осень вернулась. Утром тоже была осень. Теплый, сумрачный, сырой воздух. В дворовых арках прозрачность и дымность. Туманные деревья. Дождь уже привычный, ленивый, шелестящий по водосточным трубам. Темные крыши, темный асфальт. Снег затаился в кустах, и вода его оттуда вымывает. Медленно вылизывает...

Я пришла к мысли: все, и плохое, и хорошее, в моей жизни имеет одно общее свойство – события решают за меня. Я ушла от Олега, осталась между небом и землей, потому что не могла бы четко сформулировать мое отношение на ближайшее будущее ни к Олегу, ни к Юрию Т. Только одно состояние было и есть: я жду ребенка. И двое этих людей отделились от меня. В свое время я рассталась с Т., потому что перспектива будущего с ним сделалась тягостной, а сам этот человек стал больным местом, которое лучше не трогать.

Антисостояние того времени – Юрий Л. Ничего реального, ни одной плохой минуты. Все просто и надежно. И молчание... Много молчания.

Потом – Олег. Сначала со страшным внутренним протестом:

ничего не хочу, никого не хочу! Рывок к Юре Т. – и через минуту, на следующий день неотступная мысль, неотступное чувство: не могу! Не могу – тяжело.

Олег – неожиданность. Взрыв. Сомнамбулический восторг. Все, как через увеличительное стекло. Слепну от удивления. Ум – холодный, раздраженный, настороженный. И все же должна признать: восхищаюсь. Восхищаюсь этим человеком, независимо от того, будет ли он, будем ли мы. Когда все решилось, состояние счастья сменилось (молниеносно!) состоянием тяжелого предчувствия, какой-то внезапной, беспросветной тоски. Хотелось лечь и, не двигаясь, перетерпеть. Но не действовать. Ничего не сдвигать в пространстве, чтобы не попасть, не дай Бог, не в свой «круг жизни», как говорят в Индии.

Потом какой-то день – я даже знаю какой – вывернул меня наизнанку: это – мое! Ничего, кроме этого, мне не нужно! Этим «мое» стал Алик. Сначала Олег Борисович, потом Юрган, потом Олежка, и только теперь – Алик, Алька. Кто знает, может, мы оба не имели прав друг на друга. Хотя это – ересь. «Имели – не имели». Когда начинаешь копаться в эмоциях, всегда попадаешь в тупик.

Алькины письма. Мне необходимо разобраться хотя бы в себе.

«Здравствуй, журавлик! Только что поговорил с тобой по телефону и очень расстроился. Чувствую себя виноватым... Мне кажется, что тобой и твоим характером никто так не занимался, как я. С такой скрупулезностью, с таким пристрастием. Наверное, это уникальный случай, когда мужчина не отвергает женщину из-за невыполнения ею каких-то сложившихся человеческих норм поведения, а старается глубоко разобраться в предпосылках этого поведения и отчаянно ищет пути для воплощения в ее жизнь лучших черт, данных ей природой. Видит Бог, не хотел писать такое сухое и грустное письмо, но я страшно обеспокоен тем впечатлением, которое может произвести на тебя запись в синем блокноте...»

...Хочу прервать письмо Олега, чтобы объяснить кое-что о записи в синем блокноте. Было так: я прочла, совершенно случайно, строки, которые повергли меня в шок. Их он позднее уничтожил, так что передать смысл могу только по памяти. Суть заключалась в том, что Олег вынес мне приговор: «капризная», «безответственная», «опасная для нормальной жизни женщины», для которой ее «собственные капризы, некие парадоксы, нелепости дороже жизни ребенка и любви, которую она не в силах осознать, готовая переступить через нее».

У него были веские основания рассуждать именно так. Уже прошло полгода наших отношений, мы уже начали фактически жить одной семьей, он написал обо мне своим родителям, а я все металась между Юрием Т. и отцом ребенка, который жил у меня под сердцем...

До того момента я не думала, что все происходившее в то время со стороны выглядит именно так. Я была слишком занята собой и теми обстоятельствами, которые пришли в мою жизнь, когда я снова увидела Юрия Т. Случилось это, когда Олег был в длительной командировке в Гомеле. Меня снова «раздвоило» и стало даже страшно от внутреннего бессилия. Перед отъездом в Гомель у нас с Олегом был трудный разговор. Он был прав: жить со мной, ожидать общего ребенка и постоянно ждать, что меня «позовут старые ощущения», Олег не хотел. После разговора, засидевшись за полночь, он «под настроение» и вынес свой вердикт: «капризная, нелепая, парадоксальная», а по сути крайне ненадежная спутница, которую он все-таки... любил.

Теперь прочла... Неужели я такая? Тут же села и стала что-то писать на свободных листах блокнота. Он их сохранил. «...11 сентября 1970 г. Итак, сегодня сделала вывод, несколько меня удививший. Во мне произошел раскол. Два разных человека сосуществуют рядом. Один выглядывает из-за спины другого. Я очень хочу двигаться, уметь, достичь чего-то значительного. Быть просто женщиной для меня очень мало, хотя это – большое искусство, им тоже надо овладеть.

Но это искусство – удовольствие. А я хочу еще минут, когда существует ум без раздела на ОН и ОНА. Олег прав, возможности любого человека огромны. Удивительно, какое множество людей не мыслят, спят на ходу! Итак, с Олегом у меня связана жажда власти над собой, своими слабостями, власти над всем, что предлагается человеческому уму, жажда, почти физически осязаемая, – постигать, преодолевать и ставить преграды. В этом смысле я удивительно удачлива. Олег – незаурядный человек, с ним можно не соглашаться, но он «заразителен» во всем, что делает, и он честолобив, как мальчишка, с той лишь разницей, что он четко и железно впивается зубами в дело. Это – человек! Сейчас он хоть и в загоне, но в расцвете, а я – почти неживая. Каменная. Молчаливая, раздражительная и нерадостная. Я еще не чувствую себя его женщиной, его женой и матерью его ребенка. А ведь все это уже фактически существует! Я же смотрю на себя, как на постороннюю женщину, чьей судьбе я по-хорошему завидую. Однако нет у меня желания меняться с ней своим большим счастьем, призрачным, ложным, плохим, заставляющим меня просыпаться по ночам и... неизвестно чему улыбаться.

Я – раздваиваюсь. Я иду вперед, мне помогает Олег. Я горжусь им и хочу, чтобы он гордился мной. Я хочу, чтобы он был бесконечно требователен, потому что именно в этом залог моего совершенствования. Я хочу становиться умной и красивой, хочу растить ребенка. Хочу быть отличной женой и одухотворять свой дом, делать его милым, уютным и в то же время боевым и хорошо проветренным. Хочу, чтобы Олег никогда не привык ко мне и знал, в то же время, как самого себя. Хочу быть отличным товарищем, хочу любить, как дышать, – со светом.

Мне очень дороги Олег и моя надежда на то, что со временем все это придет. А сейчас еще остается другое. Остается на губах запах Юриного виска, остается эта привычка к его

имени, эти бесконечные сны, это желание взять конверт и написать ему. Ни о чем... Но... писать не о чем. И... некуда.

Вот в сумке его телеграмма: «Дождя все нет». И такая тоска по этому бедолаге и босяку...Такая тоска по этому человеку. Знаю, что каждый шаг, делающий меня лучше, отдаляет меня от него. Нет, не потому, что он плох. Знаю, что была бы с ним всегда, ведь я умею находить счастье в мелочах. Но каждый день и каждое маленькое достижение, которое принадлежит уже мне и Олегу, отдаляет меня от моего первого мужчины. Он пробудил во мне все женское, материнское, самоотверженное и... все жалкое.

Я никогда не могла защитить его, никогда не умела помочь – я брала его вздох, любила его только для себя, была жадной, безрассудной, беспринципной, глупой и злой. Но тогда я была и тем, что сейчас спрятано во мне за семью замками: женщиной, которая счастлива тем, что она любит, а не тем, что любят ее. Я знаю, я изменюсь настолько, что это сделает меня даже одинокой.

Если я не смогу забыть ощущения, забыть руки, дыхание, забыть тебя, я приду к тебе, я захочу повиснуть на тебе, болтая ногами, и чмокнуть тебя в нос, укутаться в твои плечи и руки. Я все захочу – тоскую по этому. Но пройдет неделя – и ты что-нибудь сделаешь такое, от чего я до удивления отвыкла. Ты покажешься мне чужим. Но к тому времени я буду уже понимать, что иньм ты так и не стал. Хотя бы совсем немного иньм. Я сразу пойму, что «немного» мне мало! Что я люблю вот это, это и это. А остальное для меня не имеет цены. И я буду стоять рядом с тобой, отброшенная на сто лет назад. И чувствовать себя виноватой за свою жизнь, рухнувшую и тебе ничего не давшую. Вот эта мысль, к которой я пришла. К этому расколу я двигаюсь каждый день. Я – расту, умнею. Хочу быть счастливой женщиной и потому теряю тебя. Теряю, как говорит Олег, даже возможность иллюзий. Что будет – раскол души и ума?

Разумность и лицемерие?

Т.Т.»

Теперь можно продолжить письмо Олега, которое я вынуждена была прервать... «...С того самого момента, когда я понял всю парадоксальность твоих поступков, я сформулировал для себя ряд четких принципов, на основании которых и строил свои отношения с тобой.

1. Уважение к твоим идеалам.
2. Внимательное отношение к твоим переживаниям и чувствам.
3. Глубокое сочувствие к тебе, как к личности, нуждающейся в помощи и поддержке.
4. Нежное, бережное, тонкое понимание душевных страданий, через которые ты прошла.
5. Объективная оценка возможностей твоих нервов, психики, на которых отпечатались мерзости, с которыми тебе пришлось столкнуться в детстве, отрочестве и в девичестве.
6. Глубокое сочувствие, как к женщине, пережившей тяжелейшие драмы.

Признаюсь, что все эти принципы сложились далеко не сразу. Более того, они складывались мучительно и окончательно установились совсем недавно. Поэтому я не мог говорить о них как о свершившемся факте, просто старался придерживаться по мере сил.

Усталость, тревога за будущее, горечь переживаний, драматизм нашей с тобой жизни и общения делали меня далеко не таким последовательным, как этого хотелось бы мне самому. Именно этим можно объяснить изнурительность переживаний, которые выливались в длительные разговоры, столь ненавистные и тебе, и мне. Я знаю, что ты человек незаурядный, с массой талантов и способностей. Я знаю так же, что ты не утратила главных принципов, которые делают тебя притягательной. У тебя есть идеалы, ради

которых стоит жить. Я, наконец, с не меньшей убежденностью утверждаю: отними у тебя сейчас надежду на восстановление духовного темпа — и ты потеряешь вкус к жизни и уверенность в завтрашнем дне.

Не думаю, что я ошибаюсь... Но существует, к сожалению, целый ряд обстоятельств, которые мешают тебе двигаться по восходящей. Они и вызывают во мне острое беспокойство и горькие переживания. Речь идет о твоей психике. Я не могу считать себя опытным психологом. Разобраться в твоей душе очень непросто. К тому же я — человек влюбленный, которому очень трудно быть объективным. Страсть, эмоциональные перегрузки, связанные с длительной травлей (Олег имел в виду преследования его милицией, минской прокуратурой, организованные моими родителями. — Т.), ослепляли меня. И если четыре первых принципа соблюдались, то пятый частенько предавался забвению. Сейчас, когда я немного успокоился, когда мои нервы и ум отдохнули, я могу совершенно спокойно поделиться с тобой своими соображениями и дать какие-то рекомендации на будущее.

Наверное, нечасто встречаются в жизни такие неуравновешенные и богато одаренные натуры, как ты. К тому же твои претензии сформировали стиль авторитарного отношения к людям. И случилось это слишком рано. Этот стиль постоянно приводил к внутренним конфликтам и не согласовывался с твоим стремлением к внутренней гармонии. К тому же ты не могла точно судить, на что ты способна! Ты просто смутно представляла себе, что это — нечто очень большое! Длительное противостояние в твоей семье привело к тому, что у тебя сложились такие черты, как стремление управлять или подавлять окружающих. Твой яркий интеллект давал на это право, однако твоя мораль, твоя жизненная философия не успели оформиться в такие качества личности, которые позволяли бы уважать тебя. Внутри твоего родственного окружения возникли конфликты в оценке

тебя. Мать и отец недооценивали твои справедливые притязания на свободу выбора поведения, игнорируя то, что ты очень рано и вполне справедливо, сурово и нелюбезно стала оценивать их поступки и мораль. Подсознательно это отчуждало тебя от них, затем ты сознательно отказалась от авторитета родителей. Именно потому тебе отчаянно был необходим круг друзей! Твои притязания на признание собственных достоинств, на моральный и духовный авторитет ощущались тобой очень рано!

Вольно или невольно, но Наташа, убежденная в своей гораздо большей «опытности» и «авторитетности», ущемляла тебя. Да, у нее были к тому объективные основания: яркая внешность, поэтический талант, ранняя сексуальная жизнь. Общаясь с Юрием Т., ты обнаружила, что его интеллект уступал твоим ресурсам ума. Однако именно это обстоятельство вызвало в тебе прилив сил и энергии. И вот тут началась драма. Все лучшее в тебе не было востребовано никем: ни родителями, ни лучшей подругой, ни сверстниками из твоего школьного, а затем студенческого окружения, ни тем более Юрием Т. Твоим духовным ресурсам грозила гибель. Жизнь духа стала постепенно ограничиваться ощущениями, эмоциями. Ты уже не замечала, что они становятся вульгарными. Я очень внимательно перечитывал рассказы, которые ты давала мне. Твое творчество (назовем это так) и было тем каналом, шлюзом, через который выплескивались твои эмоции, переживания. Это понятно: долго носить в себе пережитое ты не могла. Так родились рассказы «Красная юбка», «Утро», «Печаль» и, наверное, многое другое. Как только пережитое ложилось на бумагу, ты немного успокаивалась.

Признаться себе в том, что это «творчество» — всего лишь «разрешение от бремени», ты не могла. Тебе было необходимо культурное, духовное переосмысление всего случившегося с тобой. Но для этой работы ума нужно было,

прости за тавтологию, умное общение и сама культура. Та же самая духовность! Я появился – и тут же попал в «ножницы». Мне тогда в нашем первом «туре» общения, следовало набраться терпения и спокойствия. То же требовалось и от Юрия Т., и от твоей подруги Наташи, и от твоих родителей... Это было то, в чем ты так нуждалась...

Я могу только сожалеть, что своей нетерпимостью, а может быть, и нетерпеливостью доставил тебе столько неприятных переживаний. Мне кажется, что со временем ты все поймешь и воздашь Богу Богово, Кесарю кесарево.

Мои опасения, высказанные на тех листочках из синего блокнота, – результат растерзанных от перегрузок ума и чувств. Я не заклинаю тебя простить мои дерзкие слова. Однако хочу заметить, что твои поступки, сталкиваясь с привычными для меня моральными стандартами (я не утверждаю, что они идеальны!) и угрожая их разрушить, побуждают меня защищать их! Однако, исходя из привычных для меня моральных представлений, я все же ищу объяснение твоим поступкам, и это объяснение прежде всего ищу в тебе самой. Вспомни самые лучшие минуты, проведенные со мной, и тебе станет гораздо яснее, что я имею в виду.

Интеллект, ум требуют постоянной, свежей нагрузки, и, если ум игнорируется, «свято место пусто не бывает!» Эмоции овладевают всем: памятью, поступками, суждениями. Но эмоции, как блестящий железный таз, покрываются ржавчиной. Если союз эмоций и ума распадается, возникает грязь!

Суждения, которые сложились у тебя в отношении Юрия Т., пропитаны эмоциями, основанными на общении с ним. Эти эмоции за два года вашего знакомства рассекали твою личность, отодвинув ум, интеллект, духовные силы на второй план. Эмоциональная память отказалась «сотрудничать» с духовными ресурсами твоей личности потому, что нужда в них отпала. Это происходило и тогда, когда твои

отношения с Юрием Т. только начинались и привели к тяжким последствиям, когда ты ушла от меня к нему, чтобы заняться его «совершенствованием». Продолжайся это – более года ты бы не выдержала. Наступил бы тяжелый душевный кризис.

...Я никогда не страдал манией величия, но я знаю себе цену и не собираюсь заниматься самоуничтожением. Это так же мерзко, как надменность и чванство. Я исхожу из желания каждой личности прожить жизнь ярко, интересно, убедительно, по-человечески. И я вижу в тебе такое желание. Но одного желания мало! Надо знать, как это сделать и что мешает этому. Единственное, что могу сказать наверняка: то, что ты сейчас делаешь, и меня, и тебя ведет к утрате главного итога усилий человека в самовоспитании – культуры.

В тот мир переживаний, который бушует в твоей душе, давно пора внести хотя бы каплю воли! Воля и есть панацея от возможной потери целей, которые ты должна осознать и поставить перед собой. Необходимо критически осмыслить годы, прожитые под крышей твоего дома, потом в том волжском городе (Самара, куда я убежала с Наташей от скандальной атмосферы дома. – Т.) и в Минске, вплоть до сегодняшнего дня. Но не стоит и губить все лучшее, что было в те годы. Есть хороший метод справедливой оценки прожитых дней: заставь себя четко представить, что было бы или что будет, если, если, если...

Наверняка это поможет тебе расставить точки над «i». Трезво мыслить ты умеешь, и в тебе живет хороший страх перед жуткой вероятностью духовной гибели. Надо признать, что только безнаказанность позволяла тебе некритически к себе относиться.

Посмотри теперь на все другими глазами. Некритичность к себе и другим, но прежде всего к себе, привела тебя на грань тяжких нравственных утрат. Итак, критичность – главный инструмент оценки твоей сегодняшней жизни. Я полон

оптимизма. Даже запись в синем блокноте, если ты заметишь, заканчивается оптимистически... Я уверен в тебе. Тебя ожидает прекрасное будущее, если ты выдержишь требования, которые я к тебе предъявляю. Первое время будет очень трудным, но потом, взяв разбег, ты сможешь идти самостоятельно и достичь того, к чему тебя сегодня тянет. Пусть пока весьма вяло, слабо, но все-таки тянет! Я надеюсь, что ты простишь мне академизм стиля. Ты же знаешь, что я могу писать совсем другие письма. Но когда речь идет о твоём будущем, я становлюсь строгим и нелюбезным. Думаю, что ты за это меня простишь.

Олег. 18 сентября. Гомель».

...Сквер рядом с театром Я. Купалы...

– У тебя не будет претензий ко мне и к моей будущей жене, если я женюсь? Могу я быть в этом уверен?

(Отчаявшийся человек обычно считает своего собеседника идиотом.) Дальше – больше.

– Для ребенка будет лучше, если он ничего не будет знать обо мне. Видимо, ты дашь ему фамилию своего будущего мужа – Юрия Т. Я думаю, что так будет лучше для всех нас.

Все остальные слова проникали в меня, как в ватное чучело. Но это – ударило! Ребенок – Юрганов, и ты тоже – Юрганов! Он не может носить другую фамилию. Взорвалась:

– В таком случае ты, видимо, уже понял сам, что никогда не увидишь этого ребенка!

Алька молчал вечность. Лицо далекое, больное, какие-то безнадежные белые губы. Покачнулся. Втянул голову в плечи и медленно пошел куда-то шатко, хрупко, загребая ботинками пожухлые осенние листья. Смотрела ему вслед, пока он не исчез за пятном света. Какой-то глупо-яркий фонарь. Проехал троллейбус. Свежая осенняя ночь. И неожиданно подумала, что одно движение – туда, за ним... Вдруг сразу, в одну секунду поняла, что в его поспешности сообщить мне о женитьбе (уверена, я узнала об этом решении раньше самой невесты!), и в резких,

чужих словах, и в минутном отречении от маленького Юрганова – просто нечеловеческая боль, совершенно измороженная душа, безысходность. Какое-то оупение, внутренний шок, когда человек сам на себя накладывает руки.

Говорят, не скоро сказка сказывается. Звонил Олег, поставил меня в известность, что женился. По поводу чего-то промелькнуло: «Там, где я сейчас живу...» По привычке мысленно откорректировала и удивилась. Ведь есть варианты гораздо короче: «у жены», «у меня дома», «у нас», наконец. Деликатность? По-видимому...

Женился. Глагол совершенного вида. Означает совершенное действие. «I have done» – сделано, как говорят англичане. Поразила той решительности, с которой эта женщина откристилась от ожидаемого мной ребенка. Как Юрганов-два сказала себе: «И правильно сделал...» Как женщина обнаружила, что сижу с телефонной трубкой на коленях, слушаю гудки и неизвестно почему плачу. Положила трубку. Четко себе выговорила: «Ты отказалась от него. Сама. Он был свободен поступать, как считал нужным». Об Альке-младшем в этот день думать не могла. Как будто меня разрезали надвое. Вообще только работала, работала и работала. Что ж, круг замкнулся...

Из дневника 1970 года. «Минск, 17 декабря 1970 года. Получила от Юрия из тюрьмы письмо: «Пусть у тебя все будет хорошо. Пусть у тебя получаются твои статьи. И пусть внутри тебя скорее начнет шевелиться малыш». Прочла и подумала, что для всех он «малыш», «ребенок». Что-то абстрактное. Решают, чья у него будет фамилия. Юрий требует: «Пусть это будет мой сын». Олег – как будто его ребенок погиб, еще не родившись, не то не верит, что он родится, не то ждет этого, как беды. Для него, наверное, это и есть беда. Для Юры – просто «малыш», не лучше и не хуже других. Малыш, которого я жду. Лучше всех, даже лучше меня, знает этого ребенка Олег. После Олега – я. Юра этого не понимает и не поймет, что это зависит

не от ума. Это просто чувство своего. Как я знаю себя, как Олег знает себя, так мы оба знаем его, хотя он и не родился еще. Поэтому мы с Олегом давим в себе страх за этого ребенка и его судьбу. Олег с самого начала ходил с тихими расширенными глазами и был готов, кажется, убить меня за беспечность. Я чувствую, что ребенок растет во мне и что появляются такие вопросы, на обдумывание которых требуется мужество. Юра здесь не помощник. Олежа, мое совершенство, тебе-то уж этим заниматься не придется. Для Юры это – абстракция. Для Олега, может быть, реальность. Для меня это еще и человек, который вырастет и спросит...

После осознания того, что нам с Олегом «не быть», пришло чувство самой большой в жизни потери. И я внутренне сделалась спокойно-бесстрастной. Теперь главное, чтобы дни, чтобы каждый день не зарастал коркой, а становился необходимым. Потому что я – живой человек, у которого уходит время. Живое время, годы. И ничего на свете, если я сама не возьму, ждать не будет.

Я ушла от Альки. Знала, что у нас, в нашей жизни всегда будет неслышное: «Не может быть!» Невещественная, как всякая не вступившая в силу ложь. Мне дорого все прекрасное, а Юрганов дорог вдвойне, потому что я могу о нем сказать: «Умен. Прекрасен. Светел». И мешать все это с сомнениями (в себе, только в себе – не в нем!), со всяческими «поживем – увидим...» или «может быть...» выше всяких сил. Не могу.

Олег смутно это понимает. Как-то он, переселив себя, сказал, дабы я не занималась самоедством: «Ладно, старуха. Во всяком случае, ты вернешься без «троянского коня». Я понимаю тебя. Раньше – был грех – не уважал. А теперь уважаю за это». Надо думать, «троянский конь» – это мои мучительные парадоксы...

Из дневника 1970 года. «Минск, 22 декабря 1970 года.
Типичная юргановская черта – гигантское самолюбие, чего он, кстати, во мне не выносил. А по-моему, это качество само

по себе ничуть не хуже, чем воля к жизни. Просто надо иметь небольшое, очень чуткое самолюбие. Как сейсмограф. «Я привык, что меня любят!» – сердито сказал Алька. Привыкнуть к этому нельзя. Сам отлично знает и врет. Слушала и как-то весело и зло думала: «Ты хочешь любить сам. Только потому, что ты умеешь любить. До остального тебе нет дела. Ты – ценитель и не позволишь себе общение с чем-то ненастоящим, не прекрасным. Начало – здесь. Любить и быть не столько самому счастливым, сколько осознавать, что ты мистически творишь из женщины необыкновенное существо. Что рядом с тобой она чувствует себя озаренной каким-то «ниспосланным благословением». Неожиданно подумала о Лене, его первой жене. Восемь лет Алик прожил с ней. Четыре года без Ильи. Потом появился Илья. И как ни ждал его Олег, через четыре года – развод. Сотни раз слушала его объяснения, что и почему. Но ясно поняла совсем недавно: он просто обессилел тащить жену за собой! Тащить во всем: в отношении к ребенку, в чувствах, в интеллекте. Она потеряла «скорость обгона». Не ждет ли меня то же самое с Юрием Т.? Только мне страшнее. Если Лена была не в силах притормозить Олега, то со мной это проще простого: без общения я тупею. Глупый человек мне физически неприятен.

Алька просто колдовал надо мной. Скучаю по нему безнадежно. Скучаю. Ужасно не знать, что у него там за идеи теперь. Состояние страшной ошибки, что почти равно неизлечимой болезни. Да, я буду необходима нашему ребенку физически. Это – первые годы. А потом? Потом? Стану ли я для него внутренним двигателем, каким для меня был Олег? Боже! Как непросто учиться думать! Как непросто, как страшно непросто двигать себя, двигать со скрипом, пока возьмешь разгон. Физически я готова к этому моему самому золотому ребенку. А внутри? А голова? А истины? А принципы, а четкие критерии, по которым научиться бы оценивать этот мир, чтобы быть уверенным, что оцениваешь его почти ювелирно точно...

Как необходимо здесь юргановское озарение Пигмалиона!

адо уметь любить. Должно быть не стихийное лелеяние, не инстинкты, а чувство, в котором – ум и искусство любви. Любви к ребенку. Любви к мужчине – родному тебе не только благодаря ребенку, не только физическим восторгом, не только как к любовнику, пусть даже это великолепно, – любви такой, чтобы не только его тело, его руки, но и мысли, их ход, их красоту чувствовать. Это не только твое, но наше, когда мы – единомышленники в том счастливом смысле, что я понимаю его поступки, разделяю его принципы до мелочей, что он покупает мне такую булавку, о которой я подумала. Ребенок в таком случае – не только физическое воплощение гармонии, но и духовно, внутренне прекрасное существо. Его слух различает нюансы, его принципы формируются не абстрактно, сознательно, как непосредственная способность цельного человека жить только так, а не иначе. И все наносное, фальшивое, все шлаки будут несовместимы с миром его души и мысли.

Да, рядом с Олегом любая женщина чувствует себя королевой, потому что он хочет, чтобы рядом с ним была королева. Я ценю это в нем. Но я хотела, чтобы иногда он не считал меня королевой. Хотелось, чтобы ругал. Чтобы хоть раз хмуро не заметил или сказал: «Я занят!» Признаюсь, хотелось бы немножечко самой его завоевывать... Сейчас хочется другого, Алик. Не королевой, а Галатеей. Даже не пропащей девчонкой. Хочется, чтобы потерял, проклял, зачеркнул. Усилием воли, как угодно... И все-таки, сидя где-нибудь в поезде или над статьей, вдруг сжал кулаки. И чтобы в горле что-то сжалось и похолодело. И чтобы это было не восторженным, не парящим, не творческим, а только человеческим. И чтобы это была я. Вернее, мы с ним...

Из дневника 1970 года. «Минск, 27 декабря 1970 года. Штрихи... Олег в Гомеле. В Минске ночь и легкий дождь. Идем с Юрой Т. по улице, как выпускники. Пустынно. Надо успеть на последний троллейбус. Юра впервые говорит так.

Слушаю, радуюсь за него. Трогательно, трогательно, трогательно. Но я уже взрослая, а передо мной – мальчик, который хочет быть сильным мужчиной. Мой мальчик... А завтра приезжает Олег. Он звонил, сообщил мне об этом. Просто дышать без него нечем. Голова пустая. Сажусь в троллейбус. Возвращаюсь к Юле, в нашу комнату. Алькины книги, Алькины рукописи. И мы с малышом во мне.

...Среди ночи просыпаюсь с невероятно ясной головой, как будто всю меня окатили холодной водой: зуб на зуб не попадает от ужаса. Не выдержала. Зажгла свет, подошла, потрогала рукописи, отшатнулась. Вижу, что руки дрожат. Хохотнула, вырубила свет и решила спать. Только уснула – утро. Утро. Олег приедет сегодня. И вдруг озарение. Это неважно, что приедет Олег. Я уже потеряла право оставить все как было. И, поступив иначе, – опять обмануть. Обмануть обоих – и Олега, и Юрия. Я обнаружила, что первый шаг сделан. Остальное – всего лишь следующий шаг...

Потеряв Олега, я проиграла себя. Я четко поняла это в то утро. Стать виновницей того, чтобы себя проиграл и Юрий? А Олег? Как же Олег? Олег не проиграет себя...

* * *

Возвращение в родительский дом. Отъезд Юры. Прощаюсь с Олегом в сквере, теперь навсегда. Подходит цыганка, слушаю ее пророчества. Говорит, что у меня будет два сына и дочь, если я захочу переменить характер. Что поеду я в «тучный город» на большой реке. Замолчала. Ушла. Черная, высохшая. А я долго смотрю на Олега. Прежде чем встать и уйти. Если бы он знал, как хочется и двух сыновей, и дочь, и всех ясноглазых Юргановых. Знаю: не будет этого. Будет гораздо проще. «Вместе с планетой заверчены солнечные рощи. И мысли мои расчерчены на дни и ночи...»

Писала же я когда-то стихи.

Еще раз говорю тебе:

— Алька. Прощай, моя бесконечность.

— Ты решила, что будет с ребенком?
— Что с ним будет?.. Это же твой ребенок.
— Да, это дитя любви...

* * *

Юрины письма из тюрьмы получаю уже выжатая. Сил нет ни радоваться, ничего...

* * *

Юра – сел. Старая история, состряпанная еще моими родителями.

До будущей весны – тюрьма. И нет писем. Нет писем. Нет писем. Только бы выдержал т а м. Только бы не сломался.

Олег. Блондинка. Домашняя. Деловая. С изюминкой. Женат...

Чего же я хочу? Как смогу? Что я решила?

Любовь – прекрасный клубок противоречий и счастья. Противоречий и боли...

Ребенок. Только бы он был.

Замужество... Смысл?

Я – Юра. Жизнь заново? Я и Алька-младший.

Делать из Юры что-то я уже просто не успею. Разве только он сам...

Планов – никаких...»

* * *

Этот мой дневник Олег читал в коридорах журфака, когда я и мои сокурсники сдавали экзамен по иностранной литературе. Мы все время дергали его, и он терпеливо консультировал нас, проверял, насколько мы готовы к каверзным вопросам. Едва выдалась минутка, снова раскрывал мою тетрадку, которую я дала ему, упросив прийти в университет, чтобы помочь мне и моим друзьям на экзамене. Уловка была слишком очевидна, чтобы он не понял ее, но вида не подал.

Потом он читал эту тетрадку много-много раз. Странно, но никогда ничего не уточнял, хотя не могла я похвастать «хронологической точностью» событий. Однажды сказал: «Ты – здесь, когда я был – там... Теперь я знаю, что происходило в твоём

лабиринте любви. Спасибо тебе за этот дневник. Он стал временем и местом, куда я стремился все эти месяцы и дни с адским упрямством, но куда ты с не меньшим упорством меня не пускала. Кто знает, может быть, ты была права?»

Однажды я не выдержала и с едва скрываемой ревностью, на нерве спросила про «ту» женщину... Спросила в смысле: действительно... или «просто так, чтобы...». Он, смеясь, сказал мне: «Я три ночи ночевал на скамьях в парках. Не было работы. Голодал... Потерял последнюю надежду...» Я в ужасе перебила его. Именно в ужасе. Господи! Ну до чего же может довести эта бабья дурь и бестолковость. Слышу: «Я у нее в долгу...» Подумала, а ведь я – тоже!

...Обняла Альку-большого, а наш сын, Алька-маленький, затаился во мне. И теперь мы – вместе! Навсегда...»

* * *

Теперь, когда у меня есть несколько дней и они названы разлукой, —
теперь я, может быть, сумею рассказать тебе,
как я люблю тебя,

Подобрать эти слова,
прислушаться к ним,
вырастить их для тебя,
как выращивают цветок из сухого,

невзрачного зернышка.

...Еще на зеркале — нечеткое облачко
твоего слова последнего,

...Еще на губах моих — золотистость твоих волос,
их свежий речной запах.

...Если выбежать на улицу и срезать угол двора,
может быть, даже удастся еще раз увидеть тебя
издали.

Время,
Не замечаемое раньше,
Ведет себя нагло:

Оно входит огромным львом,
И рык его вязнет в всклокоченной гриве.
Грозный мой лев, я знаю:
Станешь ты львенком и будешь ты таять быстро
и пуделем кончишь,
Ноги мои догоняя, растянешься на пороге
высохшей шкуркой.

* * *

На руках моих самый красивый,
тебя повторивший мальчик.
Тебя повторивший и в имени легком твоём...
Я поднимаю его к небу, как будто опускаю
в голубой водоем,
И пушистый его затылок невесом, как одуванчик.
Над домом, серебряный, такой ненадежный!
Зыбко плывет самолетик.
Мы с сыном задрали наши печальные мордашки
И долго смотрели на эту воздушную рыбку,
Пока, стремительный и беззвучный,
самолет не сделался точкой
и не растаял в сизой туче, как дробинка,
Нырнувшая в пену.
Ты еще не уехал, а я уже жду тебя.
И скучаю по тебе так,
что ожидание превращается в безнадежность.
Ты не печалься...
Огромные вещи — схожи.
Час. Полчаса. Взлетная полоса.
Пешеходы идут быстрее, машины едут быстрее,
Самолеты летят быстрее — время быстро скользит.
Общее
внешнее время.
...Во мне — тишина. Все во мне остановилось!.

Приедешь и пустишь снова веселые наши секунды,
Счастливые наши года.

* * *

Это не я люблю тебя
(не Пигмалион, не леплю тебя),
это любовь создала меня, чтобы тебя любить.
Вот так же Средневековье,
дымное от костров и затмений,
тосковало по Возрождению...
По возрождению-наваждению
Улиц в праздничном солнце, цветами увитых балконов,
Где словно в гондолах
Красавицы плыли с глазами, как синие виноградины...
По возрождению-солнцу
С его захмелевшей щедростью и
Желанием согреть и камни, и землю,
бессмертных и смертных,
и своим легким лучом расправить
золотые ресницы ребенка,
и соком наполнить персик...
Художнику дать палитру,
Чтоб счастливую дал улыбку склоненному
над младенцем лику Мадонны
или создал бы Мону Лизу...
О загадочность Возрожденья — как загадочность
Зарожденья Жизни...
На древних полотнах — ветка,
чутко вздрагивает от ветра...

* * *

Я боюсь за тебя не банально —
Я боюсь за тебя неземно,
Как в счастье огромного выигрыша

Таится — своя опасность,
А в переполненной чаше таится гармонии — тяжесть.

Любовь

Тебе досаждают:
Столько слов и событий,
С тобой не имеющих, впрочем, никакого родства,
Как стая ворон на зеленой кроне.
...Любовь — вот, казалось бы, ясное слово.
А смысла его не постичь.
Время, в котором ты — не со мною,
Оно предо мной, как
Огромное поле.
Оно не прополото,
И надо, до самого горизонта,
Пройти его в поте лица,
Перебирая минуты, часы и сутки,
Как сорные травы...
Сегодня эта работа так тяжела, еле движется.
И конца им не видно —
Этим сорным сплетенным травам,
Этим часам и минутам, растянувшимся вдаль.

* * *

Есть люди, которые знают меру всему.
Семь раз они отмеряют.
И семью семь отмеряют.
Как будто бы обирают — и в досталь не оберут.
Отмеренное — отмирает.
Отмеренное — умирает,
А им не понять — почему?
Я знаю условность меры...
Я верю в наивность веры,
В доверие, что прочнее доверенности любой.
Я жду телеграмм и писем,

И день для меня бессмыслен
Без доброй, такой знакомой
Улыбки твоей большой.
Что ж, может быть, это слишком...
Может быть, это слишком, как
Пустыня, ползущая к морю,
Небо, ушедшее в землю,
Стрела, влюбленная в цель.
Но великие океаны и великие горизонты,
И солнце, и космос
Не знают, что это — слишком?
«Слишком» — исподтишка возникает,
Как завистливый взгляд.
С «лишним» созвучно «слишком»,
Как с «боем» созвучен «булат».
Беззвучное слово с л и ш к о м,
Безголосое и бездарное,
оно означает гирьку в грамм,
Килограмм или тонну.
Грамм, килограмм, обязательность рам...
И горит светофорчик приличий,
И обидчивый бродит обычай,
Заболевший от собственной власти...
А счастье?
...Ах, какой взъерошенный праздник!
Как мальчик-проказник:
Не могу найти свои бусы...
Для цветов твоих не куплена ваза...
Ах, как волосы твои русы,
Будто солнцем они измазаны!
...Поэтому я не говорю тебе, что люблю тебя слишком.
Слишком для такой короткой разлуки,
Которая кажется слишком долгой.
Поэтому мне, горожанке, живущей в XX веке,

Совсем не смешно бояться
Машин, самолетов, трамваев...
Трусливое слово слишком —
Пусть вечно оно скитается,
Шажками меряя мир.
Есть слово Творящего: — Мало!
Есть слово Входящего: — Здравствуй!
Детей — неразгаданный лепет
И светлое слово — кумир...

* * *

Так на пиру, увидя два бокала,
Гадаешь: может лучше тот,
Который пенится лукаво —
Иль хмелем обжигает рот?
 Не знаю, как там на Востоке,
 Где много истин о вине,
 А я взяла бокал глубокий,
 Где крепость прячется на дне.
Твое письмо, мой муж бесценный,
Прочла я первым оттого,
Что с ним покой благословенный
Влетел в открытое окно.
 В моих руках письмо. Страница
 Ума, остроумия и красоты...
 В себя вбираю по крупичкам
 И убеждаюсь: это — ты!
Твои мне новости приятны,
Твои заботы мне милы.
Возможно, даже вероятно,
Что заслужу я — похвалы...
 Потом пришел черед второго —
 Большого детского письма.
 Его, от слова и до слова,

Я не прочла, а пронесла!
Как огонек, веселый, жгучий,
И беззащитный, и лихой...
О, детства радостный попутчик
В дороге, что зовут судьбой!
 Глава вторая. Ближе к делу.
 Пишу не только лишь стихи,
 Руду копаю оголтело...
 Да! Корни истин — глубоки.
Ученого с кротом сравню я,
Во мраке он ползет, порой
Мала добыча на страницу,
Но ты не ной! Ты снова — рой!
 Копай, веди ходы упрямо!
 Там, впереди, забрезжит свет.
 Наука иногда, как яма,
 А иногда — цветов букет.

Она немножко то и это.
Цветы с землею пополам.
И в ней, как в жизни:
Края нету,
А воздается по делам...

* * *

Мы все из маминых ладоней
Взошли, как из земли трава.
В нас молодость ее трезвонит,
Хоть голова ее бела.
В нас красота ее не вянет.
К ней мы идем —
На яркий свет.
Нас тянет к маме, к маме тянет
И в 10 лет, и в 40 лет.
Но разделяют расстоянья

Детей и милый мамин дом...
Но пусть на краткое свиданье
Мы прилетим, вбежим, войдем,
Чтоб снова в мамины ладони
Запрятать детское тепло.
Пусть снег годов тебя не тронет,
С тобою, мама, нам светло!

БЕССОННИЦА

*Работая пилотами,
Летайте самолетами...*

Все познается в жизни
Постепенно:
Бессонница, безденежье,
Измена,
Любовь и Скорой помощи
Сирена,
Привод, прогул, запой
И перемены
В количестве и качестве годов...

Вот ты младенец,
Завтра – есть готов,
Идешь под стол,
Потом и на горшок.
Зубришь учебники
И даже назубок!
А что еще?
Т.П. Т.Д.?
Найдешь себя...
Когда? и
Где?
Ответ – всегда
В твоей судьбе...
В ночи почишь,

В известной позе --
В бозе.

И гости снова пьяны
Допьяна,
На торте свечки
Иль в руках одна...
И тут, поверьте, спорить
Бесполезно,
Ведь сверху нам даются
Безвозмездно –
Бездарность, безобразие,
Бездомность
И многих «без» иная
Многотомность.
И лишь бессмертия лукавый
Бес
Повыше нас на елочку
Залез.

...Простите за печальное
Вступленье
К поэме, посвященной
Дню
Рожденья.
1.

*Есть люди, которым нельзя
собираться вместе даже
в бомбоубежище...*

Пришел Вайханский
Невегатарьянский.
Пришел, услыша зов,
Борзов.
А вот за ним, совсем без зова,
Вошла веселая
Борзова.

Пришел Голынский
С отсветом печали.
Его встречали:
«Что ты спал с лица?»
И за него сияя отвечала
Новинка обручального кольца
(Женился он от скуки,
Чтоб чем-то занять руки,
Но, право, у мужчин
И нет иных причин).

Медовый месяц терся у крыльца,
Поэтому жену
Привел Голынский.
Но если б даже кто-то
Сатанинский,
Как Змей,
С гитарой отделясь
От древа,
Ей нараспев шепнул,
Мол, знаешь, Ева...
И яблоко
На хвост поднял умело,
Она сказала б –
Я уже не дева,
Поэтому не отходи от древа,
Господь узнает о тебе
Таким,
И станешь шлангом
В парке городском.

Пришел еще Стапров-Андрейский,
По-сельски чешско-иудейский,
Упитан, весел и румян,
Похож на умных обезьян,
Скращенный с Дарвином слегка.

С ним и спортивна, и легка
Вошла Наташа,
Уютная, как гобеленка,
Умеющая, как Мидас,
Ценить все золотое в нас.
В Андрюше – крепкую фактуру,
В Наташе – четкую фигуру,
В Олеге – крепких нервов лад,
В Татьяне – бытовой уклад,
В работе – твердую зарплату,
А в будущем – житье по благу.
В котках – вернемся к Филарету –
Лишь то, чего давно там нету,
И от чего на этом свете
Возникнут хлопоты и дети.

Тут будто бы с другого света
Ввалился Кабов,
Прямо с веток⁴.
Вбежал и бредил:
«Я – мужчина!
За мной мыча бредет
Скотина –
Рога и пот, копыта
С неба,
Ревут и просят:
Веток! Хлеба!
Мы днем и ночью
Рубим сучья...
Ну что за жизнь такая,
Сучья!

4. В 1976 году осенью в Белоруссии в сельском хозяйстве возник кормовой кризис. Крупный рогатый скот надо было спасать от бескормицы. ЦККПБ мобилизовал народ с предприятий для рубки кустов и древесно-веточного молодняка для снабжения кормами колхозного поголовья.

Забыл детей и Идалину...
Володя! Разогни мне спину!
А что такое тут у Вовки?
И что за вобла на веревке?
Число какое?
Кто родился?»

Воскликнув, Кабов
Прослезился,
Воспрянул духом
И напился...

Под утро вышел из гостей
Пошел пешком рубить ветвей.
И чудилось, что на полянке
Он рубит ветки на Таганке
И обезумевший народ,
Дает по двадцать пять за вход⁵.
Он шел, доверив Идалину
На время сну и нафталину.
И думал: «Труд о голоданье⁶.
Прочту коровам в назиданье».

Полушвед, полуцыган,
Ясноглаз и полупьян,
Очень умный и хромой,
Лучезарно-озорной
Созерцал сиянье лиц,
Окружающих девиц.

5. Тогда же в Минск приехал на гастроли театр на Таганке. Начался ажиотаж и спекуляция с билетами. Чтобы избежать и того, и другого, власти отправили студентов минских вузов и интеллигенцию столичных предприятий рубить ветки для прикорма скоту.

6. В середине семидесятых была переведена с английского книга Поля Брэга, знаменитого натуропата из США «Голодание ради прогресса». Она была популярна в среде советской интеллигенции среднего возраста, нередко призывавшейся властями на сельхоз работы в связи с кризисом в деревне и нехваткой рабочих рук в совхозах, колхозах и на овощеводческих базах.

Беспрестанно улыбаясь,
Говорил, не представляясь:
«Абстиненты, импотенты
Все ли смотрите «Акценты»?⁷

И мужчины всех мастей,
Представлявшие гостей,
Закричали без акцента:
«Нон советик импотенто!»

Именинник – алкоголик
Плакал и икал до колик.
Выключая телевизор,
Делал вид,
Что сделал вызов,
Но перчатку не нашел
И тарелки мыть ушел...

Не держась за трафареты,
Наплевав на этикетки,
Стал Юрганов приглашать
Жен чужих потанцевать.
Ну и не было отказу,
Кто-то сразу. Кто – не сразу.
Как ему ответить «Нет!»
Если он за... этикет!

Ната Катур, Вова Токун
Все выскакивали боком,
А невеста Токуна
Ревновала около.
И туда, где больше баб
Кабов выскочил, как краб.
С поэтессой Катур – Кабов

7. В семидесятых годах в Минске огромной популярностью пользовалась телепрограмма «Акценты», посвященная проблемам нравственного здоровья нации. Шесть лет она была предметом дискуссий и споров. Автор и ведущий телепрограммы был муж Татьяны Юргановой – Олег Юрганов

Стали делать танец крабов.
Бедрами вихляли,
Ноги задирали.
Было, как обычно,
Очень непривычно...

Гости щупали квартиру,
Что за дом без сувенира?
Что на память можно взять?
Все прибито – не содрать...
Дом, конечно, это – крепость.
Но, однако же, нелепость –
Книг приятны корешки
И цветочные горшки.
Стол – тяжел. Хрусталь – непрочен.
Гость остался непорочен:
Раз не лезет дар в карман,
Будем честными, шарман!

Все-таки нашли мы там
Мазь, что делает Вьетнам.
От нее из глазу
Слезы катят сразу.
Плачет умный и дурак
Очень трогательно так...
Все подонки эти
Плачут словно дети –
Чистыми слезами
На бальзаме.

Самовар стоял с вином
В этом обществе свином.
Гость с улыбкой грустной,
Кость оставил в люстре.
И числом гигантское
Пенилось шампанское.
Очень скромно к стенке,

На коленках Коваленки,
Встало емкое ведро –
В нем шампанское бодро!
Пил его Стапров сердито
Из хрустального корыта.
Гости, перейдя на «ты»,
Поливали им цветы.
Вова выскочил и в рост
Произнес заздравный тост,
Но на полуслове – не хватило
Вове!
И долил он спьяну
Из простого крану...

Одиноко и в тоске
Висел портрет на волоске.
Узнавали гости – В ГОЛЮС:
Вова! Вова, Это Колас,
А может и Купала...
Лишь бы не упала.
2.

*Я вас любил, как сорок тысяч братьев
Любить не могут...*

Гамлет

В конце двадцатого века
Человек полюбил человека.
И все не как у всех:
Месье полюбил месье,
Мэн доверился мэну,
От жены утая измену.
Женщины – день вчерашний.
Конечно, не без причины.
Ведь на духовной пашне
Гнутся мужские спины.
Сфера же матерьяльная

Стала матриархальная.
Женщины носят брюки,
Сумки тяжелые носят.
Мужские нежные руки
Этого не выносят.
Вылезти из машины,
В очереди пропасть
На что-то решиться мужчине
Трудно. И делать, решать...
Жены заводят блаты.
Жены тратят зарплату.
Жены у нас решают.
Жены соображают.
Но голос древний в крови:
«Слабого позови!»
Женщин-то слабых нет.
Равенства – винегрет,
Равенства марафон –
Глушит, как мегафон.
В конце двадцатого века
Человек полюбил человека.
Ты в джинсах, как и жена,
Но не орешь, как она.
Не куришь, не требуешь сдачи,
Детей не имеешь в придачу.
Мы будем любить и гордо
Презрив возможность аборта.
 О браки! Сейчас вроде спорта,
 Арена особого сорта,
 Где общность детей и фамилий
 Условность, как макси и мини,
 И где равновесия миди
 Увы! Не увидим...
Рассказывать я не стану,

Как пан доверился пану.
Пан трезвый и пан инфантильный.
Роман – на срок гарантийный.
Естественно-гениальный
Гомико-сексуальный.
Разводов свежая причина,
Когда соперница – мужчина.

3.

Она была тощая и плотоядная...

У. Фолкнер

В табачном воздухе висела
Девушка в оболочке тела,
И свитер тоненький на ней
Был плоти голенькой
Плотней.
Мрак глаз
Грустил,
И алый рот
В улыбке делал
Оборот.
Девушка слабо пропищала:
«Ему я танец обещала».
 И с именинником ушла,
 Заполнив полумрак угла.
 И там, дыханьем
 Не встречаясь
 И целомудренно качаясь,
 Они обнялись,
 Словно дух,
 Который обратился
 В двух.
Но ревность
С глазом замороженным
Уже была

В кафе с мороженым.
Она, блеснув,
Легла кольцом
Перед девицей и юнцом.
Девушка крикнула:
«Змея!»
А он сказал:
«Она – моя!
Я приручил ее
Держу. Хочу – на сердце
Положу. И ты возьми
Ее, как я.»
Змея подумала: «Моя!»
И дева
С видом растревоженным,
Скончалась там
В кафе с мороженым.

4.

Упала Катур на диван
Промеж пирожными и розами.
И туфель бежевый сафьян
И гольфы безнадежно розовы.
Коленки аппетитно-белые
Вскричали: «Что тебе мы сделали?»
И груди острые, как башни,
Вздохнули о любви вчерашней.
«Я слышу шепот, поцелуй.
Я умираю и ревную.
Но это все и эти книги
Мои». И сделала две фиги.
У трупа, теплого еще,
Кровь быстро схлынула от щек.
Но труп вскочил и налегке,
В грудях и красном пиджаке

При свечках гаснущих уже
Кривлялся, будто в неглиже.
И, подойдя к Володе,
Сказал при всем народе:
«Тебя нетрудно и простить,
Со мною ты ничем не связан.
Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
И те последние часы,
Что проводила я с тобою,
Я забрала у полосы
Журнала толстого собою.
Я отняла у новых книг
И у возможных гонораров,
Сравни поэзии родник
И деревянную гитару.

Но для гитары есть футляр,
А где моей душе храниться?
Я как туземная столица.
Вся нарасхват, вся напоказ,
На память вся до дня отъезда,
Любить и помнить – бесполезно.
И книжечка моих стихов,
Где я стою, смотрю в окошко,
Похожа на меня немножко,
Где каждый день – как строчка нов.
Сначала раз. Опять сначала
Не раз, не два...
И без конца!
Я все страницы пролистала и
Удивилась – нет лица!

Ты не напишешь книг моих
И я твои писать не буду,
Зачем ты, Добриков, притих?

Люби поэзию повсюду...

Не только из своих шкафов,
Не только из своих тетрадок,
Но и тогда, когда суров
И справедлив ее порядок.

Река сливается с рекой,
Но строчка в строчку не вольется,
Когда один поэт смеется,
Когда печалится другой...»

Любимых женщин все же вам
Не обратить в любимых мам.

5.

На сердце руку положив,
Сказал Олег: «Не буду лжив,
Произнесу все прямо -- проще
За что люблю я женщин тощих.
Они в объятиях кричат, а бабы толстые
Молчат.
С иной посмотрим стороны –
Когда упитанную бьют –
Она – орет...
Они – орут!
Когда бьешь тощую, то бей,
Она молчит и ей видней!
А если в среднем весе,
Вот здесь и вот здесь?
Молчат, как будто пни,
Хоть поцелуй, хоть пни».

Тут гости гаркнули с пьяна:
«А ваша личная жена?»
–«Я в каждом новеньком порту
Беру то эту или ту».
Но автор, ведущий «Акценты»,
На этом не ставит акцентов.

6.

*Не бойся гостя стоячего,
а бойся гостя лежащего...
Народная примета.*

Наутро...

В самом деле
Я сплю в чужой постели.
Наверно, одногодки,
Вчера нажрались водки,
А утром однолетки
Уехали на ветки
И намахают дров,
Для худеньких коров.
Я голый
Сплю в кровати
У генерала в хате.
Лежу в его постели.
Соображаю еле.
А утром на рассвете
Мочусь
В его клозете,
А генеральский Вова
Вчера родился снова.
Воспитан, как театр ТЮЗ,
И не храпит.
Он спит под блюз.
Почешите спинку –
Впечаталась в перинку.

7.

Родился я без всяких виз...
О нет, я не смогу на бис!
К тому ж сидим без света,
Когда тут все одеты...
А чья жена воловья

Сидит у изголовья?
Гостей понапихали,
Все говорят стихами.
Наташа (через это)
Здесь все еще одета...

Подходишь к туалету,
А мест свободных нету.
И что совсем негоже
Знакома эта рожа.
Наверно, кто-то из гостей
Пришел. И сел.
И... ждет вестей.
Но, будучи в душе поэтом,
Очаровался туалетом.
Но долго продолжать экстаз
Нельзя, взойдя на унитаза.

Давай тебя я разбужу.
Вали! Вот зонт – я провожу.
И при любой погоде
Послушен будь природе.

Гостей полно, подарков нет.
Ну только разве что – портрет.
Но почему-то сходства нет,
Ведь это просто скотство,
Сказать, что нету сходства!
Мой нос и борода. Смотри!
А рядом? Это Самари...

Тут Кабов говорит: «Похоже.
Есть общность стиля и мазка,
Одна, я чувствую, рука,
И рожи тоже, в общем, схожи.
Тут женщина, там – парень,
Конечно, в разной таре.

О,
Если Демидова Алла
Узнала!
О,
Если с Таганки Яша
Был нашим!
О,
Если бы я при Иисусе
Родился!
О,
Если бы я на престол
Возводился,
О,
Если бы был я вечным,
Бессмертным,
Заметным,
Как Пушкин,
Как Гегель и как
Пастернак,
О,
Если б я мог,
Как Блок,
Какие бы гости,
Какие бы люди,
Какие бы головы
Стыли
На блюде!
И сколько б
Хранилищ
Бесчисленных книг
Я мог бы
Наследовать
Прямо от них.

С Ахматовой мы написали б
Ее молодые стихи.
С Цветаевой мы набросали б
Ее молодые грехи.
Я мог бы и так, между делом,
И к Белле приникнуть всем телом.
Знакомой одной поэтессе
Ращу я детей иногда,
Она еще в теле и в весе,
Но в рифме уже не всегда.
 Любовь! Как неровно и трудно
 Идут молодые года.
 Сегодня я смиренный и клубный,
 А завтра – известный и крупный,
 И это уже – навсегда!
Щемящее это сиротство,
Как мошку отклею от губ,
Останется внешнее сходство
В рожденье – завязанный пуп.
 Из жизни бегущие годы
 Разделятся раз навсегда
 На главные эпизоды
 И проходные года.
Друзья! Я скажу откровенно,
Не знаю, запомню ли всех.
Бренчу, потому что мы бренны,
Люблю, так ведь я – человек!
Сегодня, как белые кони,
Меня поднимают года,
А к старости, бедные пони,
Пока я не понял – куда?
 Когда изменится сходство?
 Когда остается одно:
 То, с чем ты остался и сросся,

И то, что тебе не дано.
Как белая нить и цветная,
Они отличимы всегда.
Наташа их вместе сплетает,
Чтоб было теплей в холода.
8.

*Как женщина и поэтесса
Она добилась интереса...
Из наблюдений автора.*

И вот легла я на диван,
Гусей крикливый караван
Тянулся к югу.
 Эка жалость,
Что воблы вовсе не осталось.
Стапров, извечно ловкий,
Спер хвост и спер головки.
И мы с тобой
Влюбленные
Остались обделенные...
 Скажи, Володя, мне как маме,
 Скажи, что было между вами,
 Когда, забывши все на свете,
 Проснулась утром я без Пети.
 И тем, что я была одна,
 Сама была удивлена.
Но брак патриархальный
Нашла в стапровой спальне.
Два патера там спали,
Невинные едва ли.
Ты, мальчик мой, не виноват.
Но гад Стапров, ведь он женат!
Спи изменщик и мальчишка.
Из рук твоих упала книжка.
Хочу соседке и старушке

Отрезать беленькие ушки
За то, что слышат слишком,
Хоть я иду, как мышка.
Хотя Господь кого прибрал,
То говорят: «Он много знал».
Мы, будет время, с Богом
Поговорим о многом...

9.

Какая упаковочка --
Наташечка и Вовочка!
Нерадостны примеры
Любой любви – химеры:
С расчетом или с логикой.
А эта – с педагогикой.
Взрасти, взлелей, обсватай.
Но пропусти, ребята!
Вот лепит женщина без слов
Поэтов – От щеглов до львов.
Поэзия богата,
Давай вперед, бобрята!
А если трудно вам –
Шерше ля фам!

Глава третья

Мгновения материнства 1971 – 1981 гг.

17 февраля 1971 г. (Утро. Записка первая)

Аля! Родился парень, пацан! Он просто молодец – кроме веса у него еще и рост 51 см. Вот как! Вчера было ужасно забавно: врачи, бедняги, не знали, как записать. Он «рожался», и они были настроены на недоношенного. Потом, когда появился на белый свет во всей своей красе, акушерка взяла его в руки и говорит: «Ничего себе недоношенный! Тут будет килограмма три!» Родился он тоже «своим ходом». Я не успела даже на ужасы настроиться, хотя криков тут от рожениц наслушалась вдосталь. Врач ходит вокруг меня и ворчит (пожилая тетя, такая самостоятельная, строгая): «И чего это там внизу волнуются? Радоваться надо, что женщина родила быстро и не мучилась». Это она намекала на страсти моей матери. Я даже не знала, что ты там на свежем воздухе обитаешь в ожидании вестей. В общем, вот такой у тебя сын – просто лорд! Я рожала одна. Его унесли, и я заметила, что к его ножке и ручке бирки привязали. Углядела: пальцы на ножках – длинные... Представляешь, что он натворил в первые минуты? Засунул лапку в рот и умолк! Все тут же захопотали. Шутка ли, умолк, когда орать ему нужно несколько минут. Акушерка быстро его за лапку схватила

и говорит строго: «А твоя рука мне тут совсем и не нужна! Орать надо, давай!» Он снова в крик. Никаких «рубашек» на нем не заметила, пуповина хорошая. Давай, знакомься: Алька-младший, собственной персоной! Ты не против, что его зовут Алька? Я – «за!» обеими руками. Соков мне пока не надо. Лучше творожочек и фрукты.

Целую. Таня

18 февраля. 1971 г. (Утро. Записка вторая)

Аленька! Ужасно по тебе скучаю. Малышика я еще не видела, потому что сегодня лечащего врача нет, а дежурный не имеет права разрешить кормление недоношенных. Сын все-таки официально попал в эту «компанию». Сестричка оттуда, где он лежит и скучает без мамы, говорит, что наш парень «тянет соску хорошо!» Но я не хочу, чтобы он привыкал к соске и становился лентяем. Грудь надо тянуть как следует! Вот видишь, какой я стала грамотной. У «отродивших» женщин здесь день идет, как на фронте, за два, а то и за три. Так что опыта набираюсь в полном объеме! И тружусь вовсю! Сцеживаю молоко. Готовлюсь к встрече с сынулей! «Работа» у меня, конечно, не творческая, но делаю ее со спортивным хладнокровием: чем больше разработаю грудь, тем лучше будет нашему Альке! Сегодня был врач, посмотрел и сказал, что сына принесут уже завтра. Значит, не зря стараюсь с грудью!

Целую. Таня.

18 февраля 1971 г. (Вечер. Записка третья)

Алька, родной мой! Я даже толком не успеваю отвечать на твои записки. Пришла мать в палату (почему она, а не ты, не врач?). Читаю твою записку и слушаю краем уха: «Это чудесно, что мальчик. Я сначала думала о девочке, но в последнее время настроилась только на мальчика... Мы очень хотели мальчика...» Вот в таком духе. Кто это «мы»?

Я ей говорю, что все необходимые вещи мы уже приобрели. «Ты нас обидеть хочешь?» Сплошное «соперничество». Предупреждаю: «После роддома к Марине поеду...» Она встрепнулась, замахала руками: «Не думай об этом! Все будет, как ты захочешь!» Потом помолчала и говорит, что на Волгоградской квартира сдается. Правда, хозяйева еще не уехали, но скоро уедут. У них трехлетняя командировка...

В общем, ни вид внука, ни скоротечные мои роды ничего не сдвинули с места. Мы свободны в своем выборе строить наши отношения, как нам покажется необходимым, верно же? Алька, узнай у юрисконсульта, что будет с моим декретом – вычтут деньги за те недели, что я срок не доходила? А как будет оплачиваться послеродовой период?

У меня пока держится температура между 36,7 и 37,4. Но так и должно быть, пока не появится молоко. Сегодня уже хожу. Животик мой хорошо сократился. Вообще, ощущение необыкновенной легкости, почти пустоты внутренней, что ли...

Целую. Таня.

19 февраля 1971 г. (Утро. Записка четвертая)

Аля! Доброе утро! Здесь весь «птичник» просыпается в шесть часов и всю ночь пищат малыши, каждый на свой лад. Но к этому быстро привыкаешь, так что спать не мешают, даже наоборот, когда пищат меньше, все начинает печально напоминать больницу. У нашего малышика ровная красная рожица без родимых пятен – это врач сказал, пока его не принесли. Детей приносят на третьи – пятые сутки. Кому как повезет. Здоровый мальчик: дышит через носик. Волосики какие-то есть, это я успела уловить, но без подробностей. По-моему, темные. Хотя, когда мокрые, и светлые волосики кажутся темными. От дежурного врача я узнала сегодня, что, когда я рожала, мать устроила тут истерику. Вызвала к себе врача, который принимал роды. Короче,

о матери так громко и нелицеприятно здесь высказывались, что мне было ужасно неприятно слушать. Откуда у нее такие амбиции? Вроде бы и начальник небольшой! Кстати, она-таки первая заглянула в детскую и посмотрела на мальчика. Говорила она тебе об этом? Наверное, нет... Мальчик наш хоть и совсем законченное «произведение», но по своему статусу находится в палате для недоношенных детишек. Там, между прочим, все с гораздо меньшим весом (до 2400 граммов), а уход лучше.

Целую. Таня.

20 февраля 1971 г. (Вечер. Записка пятая)

Лапушка! Сегодня увидела, наконец, нашего мальчишку! Без пятнадцати четыре покормила Альку! Принесли его утром – просто посмотреть. Был он сыт, спал. Сестра तो-ропила, не дала полюбоваться, унесла. А сейчас, пока он ел, я рассмотрела его лучше. Ой! Это копия ты! Даже смешно от того, что твоя мимика сведена до таких микроразмеров в живом виде! Твой подбородок, губы, ноздри, брови поднимает так же, как и ты. Главное, еще, правда, не густые, но длинные, прозрачные ресницы. Торчат как-то независимо, прямо вверх, даже когда глаза зажмурены. Когда я кормила, зашла мать (снова я пожалела, что не ты). Посмотрела очень внимательно на сынулю нашего. Я его чуть приподняла, оторвала от еды. Он сразу же недовольно вскинул брови, нахмурился с тем же выражением лица, когда ты говоришь о чем-то мрачно и раздумчиво: «Что вы говорите...» – и раскрыл очень сердитые глаза. Сразу посмотрел на меня, губы сжал, не бантиком сложил, а сжал плотным узелком. Мать говорит: «Похож на отца. Ничего нашего!». «Все наше, – говорю. – А мы хотим есть, вот что!» Поняла, тут же ушла. Ест он серьезно, после соски быстро устает, но здоровая жадность побеждает в нем лень. Причем, когда он устает, это ему самому явно не нравится. Он тогда вскидывает

уголком свои брови (как ты!). Глаза у него пока серо-синие, потом будут, как ты говоришь, «очень серые». Уши – твои. Волосы тоже. Больше всего меня радует, что у него уже сейчас твоя мимика. Это живо тебя напоминает, и я чувствую к нему симпатию помимо материнской... Просто еще и за то, что он обладает твоими черточками. Молоком я заливаюсь, не успеваю сцеживать. Идет оно легко... Декретный отпуск у меня будет 77 дней, так как Алька – семимесячный. Мальчик крепкий и хороший. Врач сегодня на обходе так и сказал... Ну, целую тебя. Напиши и ты!

Таня.

21 февраля 1971 г. (Записка шестая)

Родной мой, как ты там мотаешься?! Выдалась сонная минутка. Тихо. Давай-ка я буду писать тебе об Альке. Каждый день что-нибудь новое. Младенцы в палате подобрались любопытные: едят через одно кормление. То есть раз едят, а второй раз аж через целый час! Мы, шесть мам, будим каждая свое чадо. За нос дергаем, за подбородок, треплем за щеки, но разбудить никак не удастся! Потягиваются, выгибаются в пеленках и опять спят! Так их, неразбуженных, и забирают. Зато на следующее кормление они прибывают в «твердой памяти и ясном сознании». Глазки открывают и начинают шумно есть. Потом разом на нас глядят, а мы – на них. Сегодня утром наш Алька был явно не в духе, но зато при аппетите. Кстати, в палате он один с ресницами. Больше – ни у кого! Я говорю: «Здравствуйте, реснички! Давайте открываться!» А мои соседки хором: «Нет у них еще ресниц!» Я опять за свое. Тогда подошли, пригляделись, убедились.

Тут же кинулись к своим деткам, рассматривают не дыша. А там... Там только капельки ресниц и видны. У Альки большие! Я сегодня даже с ресниц пушинку сняла, так он сразу глазом дернул!

У Альки улыбка в одну сторону – он ухмыляется, и сразу же

около носа обозначается резкая складка. Вообще-то мимика у него такая, что я иногда еле сдерживаю хохот. К его гримасам недостает только тех отточенных фраз, которые ты произносишь к своим.

Сегодня его приносили к половине первого. Он был с утра еще сыт, и я, как и остальные мамы, его не добудилась. Этот хитрец явно не спал. Он просто видел какой-то сон, потому что, когда я его растормошила, вытянул губы. Потом выгнул спину и стал потягиваться, вылезая из своего пакетика. Запрокинул голову, задрал вверх носик. Кстати, у него ноздри – «сердечком», и зажать ему носик просто невозможно, потому что ноздри не сходятся. Потом он стал корчить рожи, улыбаться, хмуриться. Я ему пытаюсь втолковать: «Ешь, а то не выпишут, не успеешь к папе на день рождения. Вот это уже будет с твоей стороны бесстыдством!» Тут он в первый раз взял и ухмыльнулся. Я аж взвизнула от восторга. Губы он выпячивает, сжимает на тысячу ладов. Преподвижнейшая физиономия. Но самое интересное не это. Как ты объяснишь такое: не стала я его будить. Думаю, пусть поспит, держу на руках. Спит. Такая спокойная, сосредоточенная лапушка. И вдруг засмеялся! В голос, четко сказал: «Угу!» – и расплылся в улыбке. Потом снова нахмурился, дернул ресничками и дальше спит. Забавно, правда? Сейчас вот-вот опять принесут. Наверное, теперь уж «придет» с аппетитом!

Ой, женщины говорят, что с семимесячными здесь могут держать 12–14 дней. Спроси у врача. Впрочем, я сама узнаю здесь. Не хотелось бы торчать до марта. Как твои сегодняшние дела? Что ты и как? Да... Совершенно точно выпишут только через две недели. Наш педиатр, молодая женщина, на мои расспросы об Альке сказала: «Хороший мальчик, крепкий. Вес прибавляет. Тело чистенькое. Ребенок активный. Пуговина еще не отпала, так что выписывать рано».

Ах, Алька, скорее бы!!! Впрочем, может быть, и лучше.

Он все-таки действительно семимесячный. Не стоит полагаться на то, что он крепкий, с хорошим ростом и весом для своего срока. За эти недели я лучше с ним освоюсь, научусь обращаться как следует. Он привыкнет к режиму. Жалко, что ты его позже увидишь! Зато домой заберем без риска, правда же? Значит, ровно через неделю (одна уже, считай, пролетела!) мы снова будем все вместе. Ну все, лапушка, жду, напиши. Куклу возвращаю. Оказывается, здесь ей нельзя быть. А вот журналы припрячу. Занимайся пока в библиотеке, пиши статью, не унывай, ходи в филармонию... Не разорвись мне на передачи. Пиши сейчас же мне большую записку. От Альки – приветнице! Вот он, разбойник, здесь, у меня. Сопит...

Таня.

22 февраля 1971 г. (Записка седьмая)

Алька! На одной руке сын. Ест, чмокает. Поэтому не могу даже достать бумагу. Пишу на твоей же записке. Сынуля вместо столика. Родной! Я тебя очень прошу, больше отдыхай, не натруди ноги! Лежи, пока не поправишься. Не волнуйся, у нас с сыном все тут есть, и мы хотим, чтобы ты немного отдохнул тоже.

Целую, милый! Таня.

24 февраля 1971 г. (Записка восьмая)

Алька, ура!!! Меня выписали! Матери, пожалуйста, не звони, а если позвонишь, скажи, чтобы они с отцом не приезжали: я хочу, чтобы меня с мальшом забрал только ты! Мальчику нужно: одна легкая распашонка, одна теплая. Косыночка и шапочка. Две тонкие пеленочки, одна байковая, теплая. Одеяльце легкое и ватное одеяло с ленточкой, если нет конверта. Говорят, надо ленту голубую, но ничего, если будет иного цвета. Мне возьми рыжее платье, лифчик, пояс,

чулки, сапоги, шубу и шарф. Кажется, теперь все. Да, забыла: маленькое полотенце на грудь. Не забудь коробку конфет или что-то в этом духе. Это для нянечки, которая будет вручать сына. Впрочем, можешь позвонить домой, предупредить, что мы приедем. Ну вот, теперь, кажется, все. Ужасно хочется именно сегодня остаться втроем. Ну все, жду, целую!

Таня

...Теперь хочется мне сравнить записки из роддома, когда родился Игоречек. Переписка тоже была интенсивной, но, к сожалению, записки не сохранились. А вот записки, связанные с появлением Ярослава, удалось сохранить. Кстати, рождение Ярослава действительно было событием. Радостным и даже смешным. Настрой на девочку был очень сильным. Да и Олег был убежден, что уж в этот раз! Ан нет, промахнулись и теперь! Вот сижу и перебираю свои записки из роддома, написанные тогда, в «эпоху» рождения нашего третьего сына Ярика – 15 февраля 1974 года. Да, он тоже февральский, как и его старший брат Алюня...

15 февраля 1974 года. (Записка первая)

Здравствуйте, мужички! Вашего полку прибыло! Итак, хоть и «показала я вам дулю» – родила не девочку, а мальчишка, – все-таки согласитесь: Олег, Игорь, Ярослав – это звучит! Не отчаивайтесь! Я чувствую себя в полной безопасности среди такой богатырской дружины. А тебе, отец, хоть орден вручай. Сыны как на подбор! Славного нашего Ярослава я видела. Он похож на Игоря (темный) и на Алика (что-то в мордашке такое пухлое). В общем, судить будем, только когда я увижу его еще раз. Что еще? Лентяй знатный! Во-первых, терпение можно было потерять, пока он «раскачался» родиться. Во-вторых, родился и орал только «для приличия», минуты 2–3 всего! А когда сунули его в одеяло – «пошел спать

далее». Не то что Игорь. Тот орал минут сорок... Вот вам и мой сон в руку о том, что я родила двух девочек. Первое диво: мне пришлось рожать, как по учебнику. Совсем не так было в прошлые разы. Второе диво: родился опять сын! Папа! Совесть моя чиста: я была абсолютно убеждена, что на сей раз – дочка! Ничего, папа Олег, зато твой престиж в научных кругах обеспечен! Надо только придумать теорию, согласно которой ты «рожаешь» мальчиков, – и все!

Весит Ярослав 3 кг 500 г. Рост 54 см. Целую вас всех в ваши мордашки.

Мама.

16 февраля 1974 года. (Записка вторая)

Сегодня мне неожиданно-негаданно принесли Ярослава. Алька, ты прав, называя его не Славиком, а Яром! Девочка из него вышла бы несколько монументальная. Он, пожалуй, самый мужичок из наших лапушек. От Игорешки он взял невозмутимость и четкость, но Игорешка тонко «начерчен». От Алюни – лепку: крупные черты лица, но без Алюниного «импрессионизма». Вот тебе словесный портрет. В общем, темные волосы, твой лоб, очень большие глаза. Может быть, по контрасту – узкий овал лица. Твои губы. А нос – крупнее, чем у Игоря, но и не круглый, как у Альки. Скорее Игорешкин нос, с более решительными ноздрями. Сегодня займусь грудью – теперь его будут мне приносить на кормление. Кстати, попал он к той же сестричке, что носила мне Игорешку, а тебе его вручала, помнишь? Ярослав за еду уцепился крепко, правда, сердится, что мало. Но ничего, я теперь мама опытная, сумею молока нагнать ему впрок... Как решим с Алюниным днем рождения? Что ему сказали? Я его поздравляю и целую сто раз! Что вам удалось почерпнуть полезного из моих прошлых инструкций? Что решили делать и как? Мой милый муж, высыпаешься ли ты? Кто поздравлял тебя с рождением сына? И вообще, как там дела с общественным мнением?

Я здесь героиня не то эпоса, не то анекдота. Довольны ли вы теперь с тещей друг другом? Ужасно хочу домой, к вам! Ску-ча-ю!
Таня.

P.S. Ой! Все в палате восхищены мужеством, с которым ты перенес известие о... сыне вместо дочки. (Увы!) Мама

17 февраля 1974 года. (Записка третья)

Аля! Я сегодня ужасно за тебя волнуюсь. Вчера вечером ухитрилась добраться до телефона, а ты, оказывается, уже ушел на лекцию. Хотелось сказать тебе пару слов: мол, старик, держись! Услышать тебя и понять, как ты там настроен. Ужасно, что именно сегодня меня нет рядом с тобой. Как и что, напиши сейчас же! Дозвониться теперь я не сумею... Объявили карантин в соседних отделениях, где телефон, туда не пускают, да и рискованно: грипп, простуда и т. п. Так что, лапушка, пиши. Я вижу сны. Почему-то все время снится мебель. Причем поломанная... Происходят во сне какие-то переезды, и вижу тебя очень веселого, озорного, стоящего среди всеобщего погрома. Что там у тебя? Сейчас же отвечай мне, я жду. Теперь о выписке. Выписка с 12.00 до 15.00. Детский врач посмотрел Яра: мальчик хороший, набирает вес. Пуповинка отпала, значит, могут выписать. Скорее всего завтра после обхода, в 10.00, если все будет хорошо, подадут документы к выписке. Если ты после 12 часов позвонишь по телефону 22-21-64 (приемный покой), то тебе скажут, выписана ли Юрганова. И тогда до трех часов дня ты должен меня забрать. Матери придется посидеть с ребятами, а тебе приехать за мной. Не забудь что-нибудь взять для сестрички. Это та же, что вручала тебе Игорешу. Правда, симпатичная девочка? Мы с Яром ждем тебя с нетерпением. Яр тут наяривает.

Личико у него стало четким, опала послеродовая припухлость. Она у всех детей бывает, особенно в первые дни, как будто малыш спал на носу. Теперь личико четкое. Очень

красивый лобик – высокий и выпуклый. Глазищи большие, ресницы фирменные. Узкий овал лица, лепные губы. Лапушка. Нос такой решительный, четкий, прямой. Почти как у Игорешки, но с «тенденцией» к Алюниным ноздрям. Иногда Ярик-боярик напоминает бабушку Зину каким-то размеренным выражением лица. У него высокие брови и законченный лоб – эдаким плавным куполом! Я его уже разглядела в деталях. Он тебе понравится, хотя, возможно, не сразу: ты же помнишь этих гавров? Сначала желтенькие, как апельсин. Руки, ноги, пуп и... «пистолет». Аля! Не могу успокоиться... Как там твои дела? Целый день за тебя молюсь. И вообще, ужасно люблю тебя – это уже, видимо, стало моей привычкой. Когда долго тебя не вижу, прямо начинаю болеть: во всяком случае, чувствую себя неполноценным человеком, как без голоса, что ли? Знаешь, случайно попалась «Иностранная литература» №1 за 1974 год. Читаю А. Моруа «Письма к незнакомке». Рассуждения и заметки старика, мудрого, ясного, даже юного. Удивительно: то, что он понимает на склоне лет, мы понимаем сейчас, потому что любим. То, к чему он приходит в опыте, от интеллекта, у нас с тобой есть и, оказывается, обнаруживается это у людей крайне редко. В общем, скучаю по тебе ужасно, а этот Моруа еще душу разбередил. Напомнил, какой ты у меня солнечный. До завтра, и пусть у тебя сегодня будет все хорошо! Жду все, что ты мне напишешь, и ужасно волнуюсь.

Таня.

18 февраля 1974 года. (Записка четвертая)

Ребята! Запоминайте инструкцию! Поставьте коляску в полной готовности: с матрасиком, простынкой, подушечкой. Купите в аптеке детскую клееночку. Хватит этих прозрачных, от которых искры! Ярославу принесите все по списку. Я уже написала. Прочтите и ничего не забудьте. Муж! Ты, наверное, придешь за мной один, а мама с мальчиками

будет встречать нас дома. Или как? В общем, я не первый раз в роддоме, да и вы – тоже! То есть знаете, что и как. Мне надо прикупить соков и яблок. Аля, особо не разоряйся, но, если ты принесешь «контрабандой» мороженое, буду счастлива. Хочется чего-нибудь эдакого! Целую. Деток – в носики.

Таня

...В нашей жизни наступила интереснейшая пора: заговорил первенец! Малыш болтал без умолку целыми днями, слушать его было очень забавно. Я даже не предполагала, что буду смеяться до слез над «изобретениями» проклюнувшегося детско-го ума. Не думала, что первое время мне частенько придется, в поисках смысла, ломать голову над словами малыша. Вот почему я и взяла для названия главы первую половинку шутиливых строчек, оброненных Олегом: «В словах ищущу я мысли след...» Так он с грустным смехом сопроводил свое впечатление от курсовых работ студентов, завершив строчку безнадежным финалом: «...Ее все нет, и нет, и нет!»

...Я очень радовалась общению с моим двухлетним «собеседником». Признаюсь, что искать «мысли след» в первых его словах, а потом у подросших и разговорившихся Игоря и Ярослава иногда приходилось очень напряженно. Вовсе не потому, что за малостью лет у моих разговорившихся сыновей мысль в словах отсутствовала. Вовсе нет! Просто мне надо было научиться так вслушиваться в первые слова и фразы, чтобы догадаться, наконец, «о чем речь?»

Альке – два года.

* Увидел костер: «Смотри! Огонь летает...»

* Дедушка, а почему у тебя головка гладкая, волосики оторвались, да?

* Мапочка, снимите меня с горшочка, у меня попка не работает!

* Собака авает: «Ав-ав!». Корова говорит: му-у-у – мучит... А лошадка иржет и скокает: скок, скок! (При этом бежит и щелкает язычком.

Очень доволен! Теперь все совпадает: скокает, цокает, авает, мучит.)

* О сказке «Аленький цветочек»: «Расскажи мне про чудешше-снежище!»

* А почему все мамы – тети? Отвечаю ему: «Потому что когда я была маленькой, была девочкой. Потом я выросла и стала тетей». Он не соглашается: «Нет, нет! Ты не тетя, ты – мама!».

* Раньше бабушка была маленькая, дедушка тоже был маленьким, и мама, и Илюша, и папа. Мы все были маленькими.

* Я в сердцах угрожаю ему: «Не будешь слушаться, унесет тебя Баба Яга!» Он округляет глаза: «А куда она меня унесет?»

* Поет: «Доктор Айбалета из оперы и балета!»

* Просит: «Мама, купи мне булочку с мизинчиком!» Вот так изюмчик стал «мизинчиком»...

* Мама! Из меня в горшочек дождичек идет!

* Поет: «Развеселая цыгана по бодави гуляет. А еще они украли модавую молдаванку...»

* *Какая снежная сметанка!*

* *Мама! Отвозди мне от пола платилин!*

* Я стараюсь привлечь внимание расшалившегося сына: «Алька! Папа пришел!» Он в ответ мне очень строго: «Это не папа, а муж!»

* *Папа! Ты рассказывал, что робот ходит, говорит, поет, а он пишет?*

* Я сержусь на сына: «Разве ты не слышал, что я тебя зову?» Он невозмутимо отвечает: «Слышал, но я забыл, что я Алюня!»

* Рассматривает новорожденного братика Игорешу. Молчит. Потом тяжело вздыхает: «Папа – старший. Я – старший. А Игоречек – совсем новый...»

Альке – три года.

* Спрашиваю Альку: «Ты Игоречка любишь?» Вздыхает с сожалением: «Я его – нет, а он меня очень любит...»

* Возмущается: «Мама! Игорь такой плюон, такой плюон, всего меня облевал!»

* Рассказывает мне: «У меня пальчик болел-болел, а я его лизал-лизал... А теперь он у меня поправился (показывает царапинку на пальчике). Вот, смотри, одни облизки остались!»

* Радуетя: «Смотри, сколько пузырей – целое мыло!»

* Докладывает папе: «Мы так долго гуляли, что стало темно!»

* Предупреждаю сына, усевшегося на коленки на мокром песке: «Алька, не стой на коленках, сядь на пятки!» Тут же с возмущением отвечает: «Что ты, мама, они же погнутся!»

* Пытается загладить шалость и обращается ко мне: «Я у тебя хорошая детишка, правда?»

* Требует за столом: «Дай мне хлебушину шкурку!»

* Заметил: «Смотри, смотри, какой собачонок!»

Альке – четыре года.

* Возмущается: «Не хочу спать! Мне спать скучно!»

* Изобрел форму примирения: «Мамочка! Давай друг другу улыбнемся. Я буду всегда хорошенький, всегда буду сынулечка!»

* Играет «в войну». Спрашиваю его: «Алик, ты солдат?» – «Нет!» – «Капитан, полковник?» – «Да нет же, нет!» Набирает побольше воздуха и выпаливает: «Я – военнослужащий!»

* Заходит на кухню и сообщает: «На Северном полюсе – снег, а на Южном – грязь!»

* Рассказывает уже чуть подростку Игорю, который едва начинает что-то понимать из увиденного и услышанного вокруг: «Вот идет Бармалей с ведром. А в ведре у него сидит большая овчарная собака!»

* Допытывается у меня: «Мама, ты сначала была у бабушки дочка?» – «Я и сейчас бабушкина дочка...» Умолкает,

размышляя. Вскоре уточняет: «*Потом ты родила папу и Ярика?*» Не выдерживаю, смеюсь: «*Еще и тебя с Игорешей!*»

Категорически не согласен: «*Нет, мама, мы мимо проросли!*»

* На сандалиях заметил узорчатые дырочки: «*Мама, смотри, какие дырные сандалики!*» Надел их и доволен: «*Вот теперь мои ножки в домике!*»

* Очень любит крокодила Гену. Сказочный персонаж почему-то напоминает ему деда Сашу. Ласково гладит деда по лысине и приговаривает: «*Ах ты мой старый крокодил!*»

* Смотрит на бабушку Женю, которую называет «бабиня», рядную, благоухающую. Спрашивает у нее: «*А вы с дедушкой будете старенькими?*»

Бабушка вздыхает: «*Будем...*» Допытывается: «*Скоро?*» Бабушка почти с печалью во взгляде: «*Скоро...*» Тут внук радостно орет: «*Вот тогда я вам палочки куплю!*» Вспоминаю сходный сюжет у Корнея Чуковского «От двух до пяти», когда почти с такими же вопросами внук обращается к бабушке. Услышав от нее такое же грустное признание: «*Скоро...*», малыш, ровесник Альки, восклицает: «*Вот тогда я твою машинку покручу!*» Имелась в виду швейная машинка, предмет вождления малыша. Приятно осознавать мотив расспросов моего сына о немощи бабушки с дедушкой: желание помочь им, купив палочки, чтобы ходить было легче...

* Набрал в железный чайник своих оловянных солдатиков. Ходит, трясет чайником. Подходит ко мне и говорит с гордостью: «*Мама, смотри, какой железный чай!*»

* Смотрит на Игорешу и говорит с достоинством: «*Ты – меньшуха, а я – большуха!*»

* Рассматривает после дня рождения, ему исполнилось 4 года, полученные подарки: «*Смотри, какой я богатый! Я – богатырь!*» Не помню, успела ли я растолковать сыну разницу между этими двумя словами...

* Смотрит на термометр и спрашивает: «*Мама, здесь уже много сантиметров?*»

* Читал сказку... Сейчас уж и не припомню какую. Через несколько дней что-то мне рассказывает, явно на тему услышанной сказки, и сообщает: «*Это страна Добротия, а это страна Вежливения!*» Наш папа позаимствовал у сына эти названия волшебных стран, о которых начал писать сказку...

* Одеваемся. Натягиваю ему капюшон и слышу возмущенный голос: «*Мама, не застегивай мне капюшон, у меня лицо помнется!*»

* Подарили Олегу самовар. Сын увидел и тут же сообщил мне: «*Мама, это робот с крантиком.*»

* Пришли с Алькой с аэродрома. Сообщает Игорю: «*Мы видели целое стадо самолетов!*»

* Играет во дворе. Остановился у ямы. Показывает мне и говорит: «*Смотри, какая большая выкопанность!*»

* После грома с дождем и молнией рассуждает: «*Это гром гонялся за молнией, а она плачет. Вот тогда идет дождь...*» Да, в логике ему не откажешь.

* На следующий день сидит у окна. За окном весеннее ненастье с тучами и урчанием далекого грома. Юный философ рассуждает: «*Тучи крадутся, совсем как кошки...*»

Альке – пять лет.

* Папа задумчиво спрашивает меня: *«Интересно, какая будет в этом году зима?»* Я не успеваю ответить, как наш пострел Алька – везде поспел: *«Конечно, белая!»*

* Сообщает мне об «открытии»: *«Есть на свете два «пожалуйста»: «на-пожалуйста» и «дай-пожалуйста».*

* Игорь спит. Алька кладет руку ему на живот и говорит шепотом: *«Мама, у него в животике сердечко стучит!»*

* Видит на экране титры, кричит мне: *«Мама, смотри, буквы на лифте поехали!»*

* Увлеченно рассказывает фильм о шпионах, причем слово «шпион» понимает почти правильно: человек, который что-то делает плохое и тайно. Так вот, рассказывает и завершает так: *«И вот он сел на лифт и поехал в тюрьму!»*

* Во дворе рассыпан сырой песок. Проехала машина, оставив четкие отпечатки шин. Алька замечает: *«Смотри, какие отъезды!»*

* Делаю строгое замечание расшалившимся мальчикам, у которых в час сна еще не выключен свет: *«Почему в комнате свет горит?»* Алька тут же реагирует укоризненно: *«Мамочка, это не свет горит, а лампочка!»*

* Увидел собаку колли, когда-то наверняка слышал, но забыл точное наименование породы. Однако след остался. Собака прошла мимо, Алька кричит мне: *«Мама! А я видел собаку Коля!»*

* Что-то мастерит с папой. Доску с гвоздями, которую папа предусмотрительно спрятал от беды, Алька быстро «присвоил» и через минуту уже возмущается: *«Папа, зачем ты дал мне эту гвоздую доску?»*

* Завелся у нас хомяк. Сидит себе мирно в клеточке, щечками шевелит, зубками пищу перетирает. Алька называл его *х и м и ч е к...*

* Купили большую книгу с огромными страницами, заполненными иллюстрациями. Алька держит двумя пальцами эту большую страницу и в восхищении говорит: *«Смотри, какая большая страница!»*

* Скоро понял «вкус» к рифмам: *«Я – миха-чиха; нет, я – Михаила-чихайла! Нет, нет! Я – Михаил-чихаил!»*

* Играет с Игорем в «войнушку». Алька-командир доволен Игорем. Папа советует: *«Повысь его в звании, раз такое дело!»* Алька подходит к брату и серьезно говорит ему: *«Идите сюда, товарищ капитан, я вас повешу в звании!»*

* Обили двери в квартиру черным дерматином. Алька спрашивает с недоумением: *«Почему наша выходящая дверь стала черной?»*

Альке — пять с половиной лет.

* Сидим, объясняемся с сыном. С укором спрашиваю его: *«Тебе было бы хорошо, если бы твой сын не слушался?»* Алька начинает в ответ мыслить парадоксами. Спрашивает: *«А ты, мамочка, будешь моя жена?»* *«Я для тебя старенькая»,* – пытаюсь я поддержать разговор в предложенном русле. Алька негодует: *«Нет, ты не старенькая! Старенькие – такие!»*

Хватает свои щеки, пытается «смять» их пальцами, изображая морщины. Я «исправляюсь» и говорю: «*Я же папина жена, а у тебя будет молодая невеста*». Алька с энтузиазмом: «*Которая к нам вчера приходила?*» Вспоминаю, что вчера приходила 5-летняя Оля, дочь моей подруги, и наш папа сказал: «*Ой, какая большая девочка, совсем уже невеста!*» Я подтверждаю: «*Можно и Олю в невесты взять!*» Алька возражает: «*Оля не может быть невестой, она говорит басом: «У-у-у!»*» Я миролюбиво подвожу итог: «*Ну, тогда выберешь себе невесту сам, хорошо?*» Сын, упрямо набычившись, смотрит на меня: «*А я хочу, чтобы ты была моей невестой*». Я немного растерянно, не очень понимая, как все-таки завершить затянувшийся спор о «женах и невестах», говорю: «*Но я же папина жена!*» Алик умолкает и через минуту просит с горестным выражением лица: «*Тогда ты не будь ни Игориной, ни Ярикиной невестой, хорошо, мама?*» Пришлось пообещать...

* Новые сюрпризы «детерминизма» в мышлении сына появляются неожиданно: «*Зимой бывает снег, потому что приходит мороз. А летом жарко, потому что можно купаться и загорать. Старенькая и сердитая тетя осень приходит и листики красит. Осенью бывает дождь, потому что из трубы вода течет. Днем светло, потому что все идут гулять. Ночью темно, потому что все спят*». Все в порядке? Причинно-следственные связи устанавливаются?

* После лечения в больнице Алька принес домой опыт «лекарской практики». Играет с Игорем, которому два с половиной года, в больницу. Алик – доктор, Игорь – пациент. «Доктор» кладет Игорю на спину кубики. Это – «банки». Говорит: «*Надо вам поставить банки*». Игорь недоволен врачебной экзекуцией, а доктор строго предупреждает: «*Не орите, больной, а то по попе получите!*» Потом прикасается к моей спине электрическим шнуром от утюга, приговаривая: «*Дышите,*

не дышите...» Наконец сообщает мне «диагноз»: «*У вас в легких хрипы. Пейте «какавазин» и «стрекоцит*». Решаюсь у «доктора» уточнить «дозу»: «*А сколько пить, доктор?*» Слышу ответ: «*Таблеток двадцать-тридцать!*» Тут же «пугаюсь»: «*Ой, доктор, не много ли?*» Алька-доктор категоричен: «*Я думаю, хватит. Пейте какавазин и стрекоцит, и вы поправитесь!*»

* Все детки – блондины, в нашего папу. Как-то я вздохнула невзначай: «*Ну что ж вы все у меня беленькие? Никто на меня не похож*». Алька хватается нашего кота: «*Мама, Черныш на тебя похож, он совсем черный, смотри!*»

* О Ярике Алька рассказывает так: «*У меня есть братик. Ему один год и... четыре зуба!*»

* Увидел Алька на улице кота и кричит мне: «*Мама, это наш кот Черныш!*» Успокаиваю сына: «*Посмотри, он же не черный, а полосатый, видишь?*» Сын не соглашается: «*Нет, мама, это наш кот, только он п о п о л о с е л*».

* Рассматривает мозоль на ноге и сообщает: «*У меня ноготная мозоль!*»

Стали подрастать Игорь и Ярик, и у меня прибавилось работы.

* Садимся с передней площадки в трамвай, и Ярослав заглядывает в кабину водителя. Заметив, что рука водителя лежит только на рычаге, деловито сообщает: «*Дядя, а у тебя руль оторвался!*»

* Услышала от Игоря нежные комплименты: «*Мамочка, ты моя любимочка, ты моя красавочка!*»

* Игорь нашел в лесу старую еловую шишку. Приносит мне и говорит: «Мама, возьми себе этого ежика!»

* Однажды Игорь увидел, как папа обнял меня. Подбежал и сердито потребовал от отца: «Отдай!»

* Еще как-то рассердился уже на меня и сказал строго: «Все! Я тебе не буду покупать новые платья!» Известно, откуда ноги растут у этой его «сердитки». Мы частенько угрожаем точно так же расшалившимся детям, что не купим курточку или игрушку, раз мальчик ведет себя плохо!

* Удлиняя Игорю брюки. Ему не терпится, он спешит на улицу, интересуется у меня: «Ну что, ты уже у н и з и л а мне штанишки?»

* Дети долго и дурашливо играют с папой на полу, изображая «кучу малу». Я говорю: «Папу совсем замучили! У него ангельское терпение! Того и гляди крылья вырастут!» Игорь радостно завопил: «Мама, можно мы тогда на папе будем летать?»

* Пошли дети навестить деда Сашу в больницу. Возвращаются с бабушкой Женей, и я, обращаясь к ней, спрашиваю: «Ну как вы там нашли деда?» Ярик отреагировал быстрее всех: «Мы нашли его в больнице...» Вот так!

* Прибегает Алька: «Мама, дай ножницы, у Игоря ноготь отпоролся».

* Ярик, совсем как Алька три года назад, говорит мне: «Я хорошая детя, правда?»

* Записала первую рифму Ярика: «Джон-капюшон!»

* Лето выдалось дождливым, с бесконечной сыростью. Алька резюмирует: «В этом году у нас будет сначала осень, а потом лето, правда?»

* Ярику – три года. Приходит ко мне на кухню мрачный: «Папа меня начертил!» «Как это?» — искренне не поняла я. «А он сказал: «Иди к черту!» Стало быть, «достал» сын отца, вот папка его и «начертил».

* Алька впервые увидел радугу и закричал: «Радуга, радуга! Это я ее нашел!»

* Сидит Алька, рисует радугу и много маленьких танцующих человечков: «Это каждый из них радуется своему цветку!»

* Алька уже школьник. Важно сообщает: «У меня завтра математика». Ярик моментально реагирует: «А у меня в садике будет мать и матемка!»

* Причесываю Игоря, он обращается к папе: «Папа, сделай мне полосочку». Ярослав тоже подходит с похожей просьбой: «Сделай мне заворот».

* Услышал Игорь разговор взрослых о его припухших от простуды железах. Подходит как-то ко мне и спрашивает: «Посмотри у меня во рту железки».

* Алька сочиняет рифмы: «Сидит Мирон, на Мироне – шпион!»

* Ребята играют в циклопов и Синдбада-Морехода. Следы недавно увиденного фильма с этими героями. Нарисовали красками огромную страшную рожу, прикрепили ее к двери, а рядом печатными буквами рукой Алюни выведено:

«Осторожно, страна це клопоф».

* Зашла с Яриком в троллейбус, а водитель поторопился закрыть дверь и зажал мне ногу. Все обошлось: я вызволила ногу, мы доехали до своей остановки и сошли. Сын стал возмущаться: «Он что, сдурел?» Потом остановился и говорит мне: «Мама, теперь я начну плакать!» «Почему?» – испугалась я такого решительного намерения сына. «Потому что у тебя теперь ножка болит!» Спасибо, родной, за сочувствие маме. Всегда бы так!

* Гуляем с Яриком зимой по улице. От мороза парок идет изо рта. Сын замечает и старается дышать глубже и чаще. «Смотри, мама, что у меня изо рта вылетает?» Говорю ему: «Да, вижу... А что это, ты знаешь?» – «Это д у т ь! Дуть!» – отвечает сын.

* Алик наследил на полу. Ярик увидел и говорит: «Смотри, Алюня, это твои т о п о т ы!»

* Ярику 4 года. Читаю ему книгу, а он сидит и слушает на полу у моих ног. Вдруг громко меня прерывает: «Мама, мама! У тебя глаза е з д и ю т!»

* В пять лет Игорь сообщает мне: «Когда я вырасту, у меня будет много детей...» Я, стараясь быть заинтересованным слушателем: «И что ты с ними будешь делать?» Игорь деловито отвечает: «Одного ребенка положу в колясочку, другого в кроватку, а еще одного на диван, а другого положу в холодильник». Я – в шоке: «А зачем в холодильник?» Игорь радостно: «А пусть он там на саночках катается!»

* Прошу Ярика: «Положи свитер в шкаф». Он возражает: «Я его повешу на стул». «Нет, положи!» – настаиваю я, беру из тарелки финик и предлагаю ему: «Дам тебе финик!» Ярик

берет финик, кладет его в рот, как будто мне удалось убедить его положить свитер в шкаф. Вижу, идет к нему, но с полдороги возвращается, поворачивается к стулу и собирается вешать свитер на него: «Нет, мама, я его тут на стул повешу». Вытаскивает изо рта финик, возвращает мне: «Возьми, он невкусный!» Как говорится, «номер не прошел!» Мой стимул оказался некачественным...

* Трехлетнему Ярику надели новый свитер с рисунками из звездочек. Ему очень нравится разглядывать эти звездочки, и он вертится у зеркала. Мы спешим в цирк, нервничаем, боимся опоздать. К брату подходит Алюня: «Ярик! – сдвигает брови. – Если ты опоздаешь в цирк, у тебя с твоего свитера все звездочки отвалятся!» На лице Ярослава сложная гамма ужаса и недоверия... Как летит время! Старший брат уже использует «приемчики», которые мы «опробовали» на нем, когда он был в возрасте Ярика!

* Игорь: «Дай мне халву лизнуть л и з ы ч к о м!»

* Укладываю детей спать, целую Ярика и слышу его потрясающую «репризу»: «Мама, ты целуешься как женщина!»

* Игорь слушает, как Алька долго и нудно хнычет. Не выдерживает: «Будешь реветь – тогда у тебя на голове вырастут грибы!» Что интересно: Игорю – пять лет, Альке уже шесть с половиной! Младший уже пытается безобидно иронизировать, старший молча утирает «набежавшую слезу».

* Ярик спрашивает Альку: «Почему, когда птички крыльями не машут, то все равно летят?» Алька ошарашенно смотрит на него и моментально убегает: ему сейчас не до научных догадок, надо в футбол поиграть!

* Ярик впервые попал под острые струи душа Шарко. Спрашивает с удивлением: «А почему душ *д е р е в я н н ы й*?»

Альке — шесть, Игорю — пять, Ярику — скоро будет четыре года.

* Алька слышит, как по двору цокает лошадка, и говорит: «Как маленький барабанчик».

* Игорь впервые услышал слово «чебурек» и тут же сообщил мне: «Мама! А чебуреки едят чебурашки!»

* Первая встреча Ярика с морем. Заходит в воду, плюхается, тут же вскакивает и кричит: «Мама! Здесь же нельзя купаться, вода соленая!»

* Кажется, услышала Алькин афоризм, который можно было бы отнести к разряду высказываний начинающего фенолога: «Мухи летают — весна наступает!»

* Ходит Ярик по летнему лугу, заткнув пальцами уши. Кругом красота: бабочки летают, солнышко светит, травка зеленеет. Спрашиваю: «Почему уши заткнул?» — «Чего?» — «Уши, спрашиваю, почему заткнул?» — «Потому, — отвечает, — что мне не нравятся голоса этих пчел!» И действительно, кругом густой пчелиный гул. А я и внимания на них не обращаю...

* Слышу разговор братьев: «Мы на даче соревновались, кто больше молока выпьет. Я выпил почти литр, Игорь аж пол-литра, а Ярик — целый б а т о н, нет, б и т о н». Игорь исправляет брата: «Не битон, а б е д о н». Алик возмущен: «Ну что ты говоришь? Бедон... Бедон — это из которого дорога бедонная делается, она что, из бидонов?»

* Ярику уже 4 года. Сидит, обедает и сообщает: «Когда я жую котлетку, она у меня во рту крутится». Братя заинтересовались: «Покажи!» Ярик говорит назидательно: «Ты что, не знаешь: я с закрытым ртом жую!»

* Игорь дает мне «указание»: «Мама, выключи кипяток, надо включить т е п л я т о к».

* Ярик восторженно: «Небо ну прямо как потолок!»

* Алька делится со мной недоумением: «Если есть лунатики, то почему тогда нет с о л н а т и к о в?» В самом деле, почему, если, кроме луны, есть солнце...

* Игорь спрашивает Алика: «А правда, что солдат и воин — это одно и то же?» Старший брат разъясняет: «Нет... Солдат бывает и который не воевал, а воин — который воевал».

* Увидел Алька чайный сервиз с перламутровым покрытием и кричит изумленно: «Мама, смотри, чашки облиты бензином!» Я немного растерялась поначалу. Спрашиваю: «А ты понюхай, пахнет бензином?» Нюхает и сообщает: «Пахнет!» Слегка ошарашенная его утвердительным ответом, я догадываюсь, что увиденные однажды сыном в луже радужные переливы следов бензина запомнились ему и теперь, увидев такие же переливы на боках чашек сервиза, он убежден, что всему «виной» именно бензин!

* Ярик тоном первооткрывателя сообщает: «Когда маленькие зубы уходят отсюда, — показывает на свой рот, — тогда здесь вырастают рога!»

* Сообщение, сделанное Яриком с полной убежденностью: «Небо сделано из воздуха!»

* Увидел Ярик облака белесые и плоские. Удивился: «А почему это свет в полоску?»

* Все наше семейство сидит у телевизора и смотрит французскую комедию. Все смеются, кроме Ярика. Папа интересуется: «Ярик, что, картина не смешная?» «Смешная...» – очень мрачно отвечает сын. «Веселая, правда?» – уточняет папа. «Очень веселая...» – все так же мрачно соглашается Ярик. Папа в полном недоумении: «Так чего же ты не смеешься?» Ярик сообщает: «А во мне смеху нету!»

* Долго и безуспешно мы искали напуганную громкими играми малышей нашу кошку Кнопочку. Ярик подошел к дивану, посмотрел в щель между нижним краем дивана и полом. Сообщает: «Вон она там г л у б и н е е т с я». По-видимому, наша голубоглазая сиамочка и вызвала у Ярика такой «неологизм».

* Папа однажды сказал Ярику, что когда тот приходит со двора, то может постучать в дверь и крикнуть: «Откройте, свои!» Как-то случайно Ярика заперли в туалете. Закончив свои дела, он обнаружил, что заперт, стал громко стучать и кричать: «Откройте, свои!»

* Ярик интересуется у меня: «А из чего котлеты? Из мясн и н ы?»

* Слышу спор Алика с Игорем. «Илья Муромец только в сказке был!» – утверждает Игорь. Алик немедленно возражает: «И не в сказке! Его скелет даже нашли, понял?»

* Игорь мылится и приговаривает: «Я – м ы л ю т к а». Ярослав стоит под душем и сообщает: «Я – ч и с т ю т к а».

* Шутки ради повязываю на макушке Игоря бантик.

Подходит Ярик и говорит басом: «Жена!»

* Уж не припомню, по какому поводу папа спрашивает Алика: «Зачем же ты приплюснул подушку?» Алёня отвечает, почти снисходительно: «Ничего, я ее снова в з б у ш у ю!»

* Алька поет: «А на праздник к о н д у к т о р испечет нам пирог!» Кондитер, кондуктор – очень похоже...

* Старший сын слушает музыкальное вступление к кинофильму – ритмичное, «скачущее» – и возмущается: «Почему музыка такая к р и в а я?»

* Слышу возмущенный голос Алика: «Мама, Ярик снова сказал глупость!» Интересуюсь: «И что же он сказал?» Алик набирает побольше воздуха и выпаливает: «Что Костина мама красивее тебя?»

* Ярик сидит на кухне за столом, слизывает варенье с ложки и вдруг говорит: «Муха села на варенье, потому что воскресенье!»

* В пятилетнем возрасте Ярик сделал открытие: «Река живет в в о д е!»

* Папа «побесился» с детьми на славу и сразу же сел к столу за свои дела. Подходит Алька и спрашивает: «Маленькая разминочка перед умственной работой?»

* Дети выходят на улицу с песней, сочиненной ими: «А сегодня я поеду на свиданье к людоеду! До свиданья, людоед, я приеду на обед!»

* Игорь пристаёт к папе: «Давай поиграем в Бармалея...»

«Я уже ста-а-арый, – хитрит папа, уклоняясь от настоячивых требований сына. – Завтра у папы лекции, а надо бы еще посидеть над книгами...» Подбегает Ярик: «Папа! Ты – молодой, молодой!» Останавливается и с недоумением завершает: «Но почему-то с бородой!»

* Сидит Игорь и лепит из пластилина собаку. Слепил, отставил в сторону, лепит еще одну. Интересуюсь: «Зачем тебе еще одна собачка?» Разъясняет: «Это Джек, а чтобы ему не было скучно, я слепил ему Ону!» (она – ону, то есть ее).

* Игореша заболел, и пришлось даже положить его в больницу. Узнав об этом, Алик сказал грустно: «Я всегда буду Игоря помнить». И тут же с большим трудом, но все же натянул на себя Игорешины новые джинсы и ходил в них целый день, хотя они были ему безумно коротки... Выражение лица так и оставалось грустным.

* Алик собирается в школу, надевает пальто. У его ног сидит Кнопочка и смотрит своими голубыми глазами. Алька присел, гладит ее и говорит: «Смотрит на меня Кнопочка и думает, а чего это Алик надевает второе тело?»

* Игорь в больнице с подозрением на дизентерию. Прихожу к нему, он доверительно мне сообщает: «Мама, во мне нашли дерево!» «Какое дерево?» – ужасаюсь я. Игорь уточняет: «Ну, палочку!»

* Алька простудился. Натираю его спиртом. «Фу, как противно!» – кричит он. Я шутливо говорю ему: «Ты у меня сейчас ну просто пирожное для алкоголиков!» Минут через 20 приходит ко мне на кухню и говорит заговорщицким тоном: «Мама, смотри, что я придумал. Ты мне дашь денег, я куплю бутылку водки и пойду с ней по городу, а за мной пойдут все алкоголики.

Я приду в милицию и скажу: вот вам привел алкоголиков со всего города!» Современный вариант андерсеновской сказки про мальчика с дудочкой, который спас город от крыс.

Альке 8 лет.

* Делится со мной открытием: «Мама, смотри, какая у меня интересная система (ох уж этот язык папы-социолога!): когда мои руки забывают, какую букву надо писать, голова дает сигнал!»

* Алик исправляет «м» строчную на «М» прописную, приговаривая: «Сейчас при-ри-су-ем ей антенну...»

Из анатомических догадок пятилетнего Игоря:

«Мама, когда мы у тебя были в животике, ты ела?» – «Да, конечно!» – «А почему на нас ничего не падало?» – недоумевает сын. Помолчал и решил сообщить мне свои «соображения»: «Потому что у тебя там внутри (показывает пальцем чуть ниже моего живота) мешок есть?» Пришлось признаться: «Да, есть мешок...»

*В нашей квартире параллельные телефонные аппараты: один в гостиной, другой на кухне. Звоню с работы домой. Трубки берут Игорь и Алик. Спрашиваю: «Папа дома?» Хором отвечают мне: «Ушел уже!» Уточняю: «Давно?» Слышу ответ Алика: «Минут пять...» Игорь не согласен: «Давно!» Продолжаю опрос: «Он обедал?» Отвечает Алик: «Нет, не успел...» Тут же слышу голос Игоря, полный оптимизма и укора одновременно: «Да, поел, только посуду не помыл!» Решила «под занавес» поинтересоваться: «А чем вы занимаетесь?» Алик: «Я делаю уроки». Игорь: «Играем...» Вот и пойми...

* Алик объясняет мне: «Понимаешь, мама, как у меня от злости заело: хотел взять подушку – взял одеяло, хотел взять

одеяло – взял раскладушку, хотел раскладушку, а взял подушку. А потом треснул себя по голове – и сразу о т ъ е л о!»

* Игорь шумно что-то доказывал Алику, спорил, кричал. Тот с досадой произнес: *«Ну какой ты б а з а р щ и к!»*

* Случился у Алика грамматический казус: написал *«учиники»*. Спрашиваю, почему написал так? Отвечает: *«Потому что это слово проверяем ударением в слове «учИтель».*

* Ярик смотрит, как я глажу его рубашку, и говорит задумчиво: *«Утюг убивает микробов...»*

* Воспитываем в детях самостоятельность, при этом не обходимся без «убедительных» иллюстраций важности и необходимости этого качества. Говорю Ярику: *«Надо уметь все делать самим! Мы состаримся с папой и умрем, некому будет за вами ухаживать...»* «А вы не умрете, — с интонацией яростной убежденности отвечает мне самый младший сын, — вы снова станете маленькими...»

* Игорь говорит пренебрежительно Ярику: *«Смотри, какой х р а б р а ч нашелся!»*

* Алику делится со мной своими первыми догадками из области школьного жульничества. *«Мама, мне задали написать четыре предложения. А знаешь, как это можно сделать быстро? Надо поставить четыре точки!»* Видит, что я не понимаю. Горд своей «изобретательностью» и говорит мне снисходительно: *«Потому что в конце каждого предложения стоит точка!»*

* Во время чтения одной сказки, где говорится о красоте, Игорь вспоминает, что у него красивый нос. Кто-то из нас

об этом «объявил», может быть, даже шутя, но сын об этом не забыл. Спрашивает меня: *«Мама, а нос – для красоты?»* Я не успела даже рта раскрыть, как слышу авторитетное мнение Ярослава: *«Нет! На носу глаза висят!»*

* Слышу спор братьев:

Ярик: *Ты молоко ненавидишь, а я – навизжу.*

Игорь: *Такого слова – навизжу – нет.*

Алик: *Оно раньше было, Игорь, а теперь нет.*

Игорь: *Почему это «было»?*

Алик: *Раз Ярик говорит, значит, было давно и люди раньше так говорили, а вот теперь так не говорят. Я раньше тоже говорил «льзя» вместо «нельзя».*

Игорь: *Что, к и п я ч е н к а н а п е ч е н к у люди тоже говорили?*

(Это Игорь так саркастически оценил новое слово Ярослава, которое прозвучало за столом, когда он, уплетая жареную печенку, сказал: «Мама, я очень люблю к и п я ч е н к у!»)

Алик: *Нет, Ярик просто еще не знает слова п е ч е н к а, а я заметил, что, когда он не знает слово, всегда к нему что-то прибавляет. Он говорит «конфетный напиток» вместо «кофейный напиток», а кофе – это же не конфета!*

Тут уж я вмешалась, добавив к размышлению старшего сына свои уточнения: *«Ярик так делает, чтобы слово, которое он имеет в виду, но не знает смысла, было немного похожим на знакомое ему слово».* Это я так свою мысль подчеркнула, адресуясь к Алюне, как бы подталкивая его к завершенности его рассуждений, которые мне очень понравились. Тут же слышу утвердительную реплику четырехлетнего Ярослава, который этот «лингвистический семинар» слушал очень внимательно: *«Конечно, мама!»*

* Ярик смотрит на соломенную шляпу дворового приятеля Леши и говорит осторожно: *«Мама, а Леша не верит, что*

у него шляпа из корзины!»

* Алька сообщает: *«Бабушка Зина родила папу и дядю Сашу!»*
Игорь растерянно: *«А почему это она родила чужого дядю?!»*
В понимании Игоря за словом «дядя» пока скрыт не родствен-
ный статус, а нечто чужеродное, вот он и недоумевает.

* Шестилетний Алька уже читает всюю! И в этом есть своя прелесть. Слышим его призыв: *«Смотрите, смотрите, стихи!»* Подходим к объявлению, вывешенному на стене кинотеатра, расположенного рядом с нашим домом. Алька читает: *«Кинотеатру «Мир» требуется кассир!»*

* Алька закончил первый класс на все пятерки и получил похвальный лист. Игорь разглядывает нарядную бумажку и упрекает меня: *«Ну почему ты не могла родить меня первым?!»*

* Увидел Игорь, что в чае чайники плавают, и кричит восторженно: *«Мама, смотри, в чае – в е с н у ш к и!»*

* Ярик задумчиво смотрит на потолок и спрашивает папу: *«А корова холодное молоко р о ж а е т?»*

* Папа разговаривает по телефону с абонентом, который ему не слишком приятен или излишне надоедлив. Разговор как-то не клеится. Рядом усаживается Ярик, прислушивается к разговору и, как оказалось, не просто прислушивается, а берет на себя роль суфлера.

Папа: *«Да нет, я в этом году расклеился совсем. (Ярик вполголоса «подсказывает»: «У тебя болела нога».) У меня болела нога... А в начале лета, когда было тепло, мы смотались на озеро, да... (Ярик: «И ты там отлично отдохнул».) Да, и я там отлично отдохнул.»*

Невероятно, но факт!

* Алька в восемь лет «изобрел» отличный образ: *«Реактивный самолет ц а р а п а е т небо!»*

* Ярик спрашивает меня: *«Мама, а почему у тебя на работе сердитый ц ы г а н?»* Долго ломала голову, пока не поняла, что малыш имеет в виду д е к а н а, о котором я рассказывала Олегу, жалуясь на несносный характер моего начальства...

* Игорь смотрит на парня, косящего траву. Что-то ему нравится в этой работе, и он говорит с восхищением: *«Смотри, какой к о с е р!»*

* Игорь наблюдает, как папа разогревает паяльник, собираясь от ремонтировать утюг. Подходит Ярик. Игорь сообщает ему, показывая на провода: *«Их надо з а п а я л и т ь».*

* Ярик от Алика уже знает, что на небе есть созвездие, которое называется Большая Медведица. Задирает голову и спрашивает меня: *«Мама, а где тут Большая Медведица?»* Я показываю ему: *«Вон, видишь ковшик? Это она».* Ярик неутомим: *«А где же медвежонок?»*

* Появился у нас кот по прозвищу Гвоздик. Подрост, растолстел. Однажды папа взял его на руки и произнес восхищенно: *«Какое удивительное существо!»* Алик «поправил» папу: *«Г в о з д е с т в о», папа!»*

* Смотрим в цирке, как пони бежит по кругу и фыркает. Игорь жалостливо: *«У лошадки насморк, она все время носом шмыгает!»*

* Игорь говорит Ярику угрожающе: *«Я тебя победю!»* Тут же засомневался: *«Побежу!»* Это слово опять не устроило его. *«Побегу!»* И тут же себя остановил: *«Нет! Нет! Не так».* Наконец, произнес удовлетворительно: *«П о б е ж д у!».*

* Папа инструктирует Игоря перед выходом на улицу, как переходить дорогу на светофоре: «Смотри во все глаза!» Игорь хохочет: «Папа, у меня только два глаза!»

* Пример ранней дипломатии ребенка. Бабушка подходит к Игорю и ведет с ним переговоры: «Хочешь, я тебя возьму в гости... Или Ярика взять, а?» «Ты берешь, ты и выбирай», – уклончиво отвечает пятилетний Игорь. Это значит, что у него есть свои планы, но отказаться открыто от предложения бабушки он не решается.

* Ярик говорит «ближе – д а л и ж е» вместо «дальше».

* Игорь слепил из пластилина кавалериста-конника и назвал его «с о л д а к о н о м». Конечно, дело в слове «конь», однако, наверное, слышал и «похожее» слово «солдафон».

* Папа взял Ярика на руки и любовно «обозвал»: «У, шестеренка!» Игорь тут как тут: «Папа, он п я т е р е н к а! Ему п я т ь л е т!»

* Гвоздик улегся в коробку, свернувшись клубком. Алик заметил: «Наш Гвоздик любит о т д е л ь н о с т ь».

* Наши дети часто показывали кукольные спектакли. Однажды Алька спрашивает: «Когда же мы будем к у к л о т и р о в а т ь?»

* В день рождения, глядя на большое количество подарков, Алик говорит восторженно: «Я сегодня такой о д а р е н н ы й мальчик!»

* Дети о папе. Алик: «Наш папа – писатель, он пишет книги». Ярик поправляет брата: «Наш папа – писатель

и читатель! Он читает лекции». Алик протестует: «Он не читатель, он л е к ц и о н е р!»

* Пожелание Ярика папе в день рождения: «Я хочу, чтобы тебе еще раз было сорок лет!» Потом он разразился «стихотворением»: «Папочка, тебя люблю я – три поцелуя!»

* Афоризм Алика, представленный на суд папы: «Природа – главное свидетельство о том, что мы живем!» Папа был просто сражен и тут же записал уже в свою записную книжку. «Покажу студентам: пусть поучатся, как лаконично можно мыслить!» – сказал он мне шепотом, наверное, чтобы автор не зазнался...

* Уточняю слово «кляп»: «Это тоже пробка, только во рту». Алька уточняет: «Он т р я п ч а т ы й?»

* Ярик сообщает, держа в руках книгу детских стихов: «Эту книгу написал писатель, нарисовал – рисователь, а стихи написал – п о э т е л ь!»

* Увидел Алька в цирке джигитов на лошадях и в бурках: «Мама, а почему джигиты костюмы вместе с вешалками носят?»

* Игорь играет с Яриком в какую-то игру и требует от него: «Овца, иди за мной!» Алик спрашивает с недоумением: «А кто он?» Игорь отвечает: «Ты что, не видишь? Это з а м н о й н а я овца...»

* Игорь говорит мне с недовольством: «Ты что, дала мне прошлолетние брюки?»

* Игорь говорит Алику: «Пойду в отставку, а если надо

будет – опять в приставку!»

* Поругал папа Альку за шалости и спрашивает: «Ну, ты все понял?» Тот отвечает: «Понял!» Папа все-таки решил уточнить: «Что ты понял?» Старший сын без запинки отрапортовал: «Я понял, что очень трудно писать книги и чтобы дети не выросли дураками!» Кстати, прихожу домой, вижу такую картину: папа сидит за пишущей машинкой и строчит, как из пулемета. На плечах у него, свесив ноги и чуть ли не касаясь стопами клавиатуры, сидит семилетний старший сын с пластмассовым ружьем. Спрашиваю: «Это что такое?» Алька отвечает спокойно: «Я на тачанке белогвардейцев расстреливаю...» Насмотрелись фильмов? Папа стонет: «Представляешь, час ка-нючил: «Дай посидеть, дай посидеть... А у меня завтра сдача последней части книги в издательство». Вот так...

* Иду с Яриком мимо магазина, и он спрашивает: «Мама, у тебя есть деньги?» «Нет», – говорю я. Ярослав посмотрел на меня с сочувствием и спросил: «У тебя их папа забрал?» Не знаю, откуда у четырехлетнего малыша возникла такая «экспроприаторская гипотеза насчет папы? Наверняка влияние «внешнего мира»...

* Ярик придумал слово и вместо «голый» говорит: «Я по-пый!»

* Ярик с удовольствием смотрел в свои пять лет фильм «Красное и черное». Имя героя Жюльен «вошло» в него. Сидим смотрим какой-то фильм с криминальным сюжетом. Ярик спрашивает: «А кто это?» «Жулик!» – лаконично отвечаю я. Ярик обрадовался: «А! Это Жюльен, да?» Мне и в голову не пришло, что это французское имя можно так здорово сократить!

* Трудный путь к познанию терминов. Алик рассуждает по-

лувопросительно: «Мама, правда, термометр – это который меряет мне температуру, а градусник – это который на улице градусы показывает сантиметрами?»

* Ярик: «У меня в глазах – соньки...»

* Игорь: «Мне такой длинный сон снился, что я еле проснулся».

* Сидим с Олегом на кухне, разговариваем. Не замечаю, что Алька сидит на полу, играет с машинкой. Где-то в детской слышны голоса Игоря и Ярика. От этой мирной картины нашего папу потянуло к философии. Слышу вопрос Олега: «Таня, как ты думаешь, любовь никогда не умрет?» Отвечаю: «Как чувство всечеловеческое не умрет. А как чувство человека конкретного может умереть...» И тут слышу голос старшего сына, которому накануне исполнилось семь лет: «Папа, правда, грустная мысль?»

* Игорю четыре года.

Он приходит ко мне и жалуется на нашу Кнопочку. «Мама, почему я говорю киске: «Идем играть!», а она не идет?» Отвечаю сыну: «Потому что она тебя не понимает...» Настаивает: «Но у нее же есть уши!» С некоторой растерянностью уточняю: «А разве она ушами думает?» Игорь убежденно: «Конечно же, ушами!» «А ты?» – вопрос вырвался у меня произвольно... «Я тоже ушами думаю!» Не результат ли это нашего обычно сердитого обращения к ребенку, который не двигается с места, когда его зовут сделать что-то важное и нужное, и мы возмущаемся: «Ты что, не слышал, что тебе сказали?» Стало быть, если слышишь ушами, значит, и думаешь ушами. Буду теперь говорить иначе... Например, так: «Ты что, не понял, что тебе сказали?»

Когда я стала искать в первых словах и фразах детей «мысли след», то обзавелась толстым томом с надписью: «Амбарная книга». Листов много – пиши на здоровье! Труднее было собирать и сохранять бесчисленное множество листков, страничек из альбомов для рисования, запечатлевших мгновения «творческого вдохновения» моих подрастающих сыновей. Настало время, когда я готова была признать, что рассказывание детьми историй, намеренное переделывание ими читаемых мною сказок, сюжетов детских мультиков, рисование картинок, смешных этюдов и есть то, что уже можно назвать словом «творчество».

С наступлением четырех-пяти лет у моих сыновей стало появляться что-то новое. Ум каждого сына преподносил свои сюрпризы. Довольствуясь тем, что дети, как бы между прочим, подбрасывали мне свою «продукцию» в «Амбарную книгу» или в зеленую папку, где хранились их рисунки, размышляя над всем этим «материалом», я понимала, что по своей природе все дети – творцы и мои – не исключение! Но считать их в чем-то особо одаренными у меня не было никаких оснований.

Сравнивая записи в тетрадях, где я только начинала в первых словах моих детей «искать мысли след», с нынешними, когда они подросли, я все-таки рискнула на обложке второй тетради написать: «*Творчество моих детей*». То есть я для себя решила, что настало, пожалуй, время, когда мои дети уже начали с о ч и н я т ь. Они пользуются увеличившимся словарным запасом, следуют «подсказкам» книг, читаемых им папой и мамой или прочитанных самими.

Я, конечно, не строила иллюзий, слушая стишки, истории, фантазии детей. Время моей материнской «бронзы» давно прошло. Разглядывая их рисунки, я видела обыкновенные картинки без каких-либо следов оригинальности или природного дарования.

В музыкальных занятиях Альки и Игоря очень скоро обнаружилось их упорное желание избежать трудностей. Не было никаких намеков что-то сочинить самим, пользуясь уже

изученной нотной грамотой и элементарными навыками пользования инструментом: гитарой и балалайкой. Другое дело – словесное творчество. В нем-то и проявились, как мне показалось, новые грани ума и чувств сыновей, которые нельзя было не заметить. Меня очень привлекал сам процесс детского сочинительства, в котором я видела те перемены в уме, эмоциях подросших детей, которые невозможно было не заметить. Тогда же обнаружили и перемены в поведении детей, в их характерах. По-моему, родителям никогда не удастся заранее подготовиться к таким изменениям в личности ребенка. Точно так же невозможно спокойно относиться к неизбежности наказания повзрослевших детей, уже совершающих проступки, еще невозможные или маловероятные год-два назад. По мере их взросления что-то в их поведении менялось и наказание значило для меня лишь одно: прелесть младенчества, время наивности и простодушия раннего детства уходит бесследно! Оно сменяется неприятными для родителей и вовсе теперь не наивными ухищрениями детей, снисходительно относиться к которым мне, например, удавалось уже с трудом. Конечно, некоторые проступки были еще со следами «ангельских» крылышек. Однако уже обнаруживались намерения или поступки детей, которые вызывали у нас с папой гнев и даже душевное смятение. Но об этом – потом...

Безоговорочно признаю, что первая часть портрета моих детей и прежде всего Альки с Игорем, написанная от года до шести лет сочными красками природной наивности, завершилась. Старшие дети ступили в новый возрастной круг, где хотя и не сразу, но безвозвратно исчезает «желторотая» прелесть! Заметив это, с грустью признаешь, что утрата твоим подросшим дитем наивности – необходимое условие для вступления его в новые жизненные коллизии, из которых путь – на следующие ступени взросления.

И все-таки, как свидетель младенчества, детства, раннего отрочества моих мальчиков, я получила, кроме их неожиданных,

иногда странных для меня «сюрпризов», еще и щедрую палитру их словесного творчества. Спасибо им за это... Обнаружив новый «продукт» ума и эмоций сыновей, я, конечно же, не оценивала его на взрослый, искушенный взгляд. Перечитывая эти «произведения» сейчас, когда два их автора уже давно учатся в школе, а третий готовится переступить ее порог на будущий год, я искренне смеюсь. Мне весело от корявых слов, нелепо скроенных сюжетов их историй, материалом для которых служили все те же прочитанные книги или персонажи мультиков и фильмов. Перебираю рисунки, наскоро записанные стишки – следы эмоций и мышления подрастающих «братцев-кроликов» или добросовестно запечатленный мною в «Амбарной книге» «поток сознания» моего старшего сына.

Пока я не рискую предвидеть, кем они будут и как и м и вырастут. Еще рано об этом думать. Однако, перебирая все, что выплеснули их эмоции, запечатленные в словах и в кратких фразах, я радуюсь. А бывает, и восторгаюсь!

Мне кажется, что первые признаки словесного творчества детей – это следы той меры врожденной *духовности* ребенка, которые постепенно начинают себя обнаруживать. Они, эти следы, могут быть едва различимы или довольно отчетливо заметны, однако в них радость и удивление родителей, которые созерцают и слушают *внутренний мир* своих детей на старте их мышления. Я же пыталась еще как-то и оценить эти признаки.

...Альке шесть лет. Он берет карандаш, бумагу. Задумался. Крутил, крутил бумагу и так, и сяк, двигал карандашом по воздуху, как бы примериваясь к листу. Наконец, провел горизонтальную линию у основания листа и... замер. Что-то там, в его головенке, происходило. Но что? И вот слышу: «Я всегда начинаю рисовать с полоски!» Ну чем не «творческий метод»?

...О сказке про Колобка и готовности Альки вмешаться в ее сюжет я уже писала. Даже не знаю, чем привлекал сына этот сказочный герой. Ему месяца два назад исполнилось восемь лет. В тот день он был болен и попросил меня почитать сказку.

Тогда я пожалела его и не стала, как обычно я уже делала, просить его самого почитать ради тренировок скорости или для выработки навыка выразительности. Молча села на край его дивана, раскрыла книгу и вслух стала читать сказку про Колобка. Очень скоро сын остановил меня и говорит: «Знаешь, мама, давай мы с тобой сами сочиним новую сказку про Колобка!» Идея мне понравилась. Действительно, скучно большому мальчику перечитывать давно и часто читанную сказку. Взяла тетрадь, ручку и приготовилась быть при сыне «секретарем». Он уже и сам неплохо писал, но в тот день я решила ему помочь.

Со смехом, с «творческими спорами» мы за день сочинили новую версию сказки про Колобка. Причем Алька настолько быстро и складно сочинял текст, что я едва успевала записывать. Магнитофон у нас тогда сломался, и пришлось мне стать чуть ли не стенографисткой. Сейчас покажу, что из всего этого получилось. Конечно, текст пришлось подредактировать. Расставить знаки препинания, уважить правила грамматики и синтаксиса.

Вечером сказку прочитали Игорю и Ярику. Братья с увлечением слушали и с завистью смотрели на автора. Тот снисходительно говорил им: «Я еще для вас что-нибудь сочиню. Мама запишет, а папа напечатает на машинке...» Всем нашел работу! Итак, представляю сказку, как положено, начиная с имени автора...

Алик Юрганов (младший),

при участии мамы – стенографистки и редактора.

«НОВАЯ СКАЗКА ПРО КОЛОБКА»

Жили-были дед и баба. Стало им скучно, и решила бабушка испечь Колобок. Нашла немного муки и масла, испекла Колобок. Положила на окошко, чтобы остыл, и ушла деда порадовать. Колобок прыгнул с окна и покатился по дорожке. Прикатился на вокзал, смотрит: стоит паровоз.

– Ты что здесь делаешь? – спрашивает Колобок.

— Я — Паровоз, я бегаю по этим рельсам.

— Вот по этим узеньким дорожкам? — удивился Колобок и попробовал пробежать по рельсам. Но у него не получилось. Тогда он попробовал пробежать по рельсу как канатоходец и тут же упал! Встал и спрашивает у Паровоза:

— Как же ты по двум дорожкам сразу бегаешь? Все время падаешь, да?

— Бегаю! — важно засопел Паровоз. — И не падаю вовсе!

— Врешь! — упрямится Колобок. — Падаешь, только признаться не хочешь!

— Это ты падаешь, — обиделся Паровоз, — а я бе-га-ю!

Он заморгал фарами, засвистел, надулся и громко запыхтел. На голове у него была кепочка, и из-под кепочки вырвался белый пар. Вот как он рассердился на Колобка. Но очень быстро Паровоз успокоился и говорит Колобку:

— Ну чего с тобой спорить! Садись, Колобок, если не веришь, я прокачу тебя по моим блестящим железным дорожкам.

— Ой, правда, прокатишь? — удивился Колобок. Он подумал, что сердитый Паровоз сейчас укатит, и все! Присел Колобок и как прыгнет прямо на ступеньку к Паровозику.

— Слушай, Колобок, — строго спросил Паровозик, — а билет-то у тебя есть?

— Н-н-нет... — смутился Колобок. — Я же не знал, что билет понадобится!

Он уже хотел спрыгнуть со ступеньки Паровозика, но тот сказал:

— Ладно! Так и быть, прокачу тебя без билета. Только крепко держись!

Засвистел Паровозик, запыхтел, дернул своими колесами и тронулся с места.

Испугался Колобок, зажмурился и даже заткнул пальцами уши. Когда Паровозик дернулся и поехал по рельсам, Колобок покатился и чуть не упал на землю.

— Я же тебе говорил, держись крепко! — крикнул Паровозик

Колобку.

— Ух ты! — закричал Колобок Паровозику. Здорово у тебя получается!

— Вот видишь! А ты сомневался! — рассмеялся Паровозик и побежал в гору. Солнце жарило Колобка, как огонь в печке, и только он об этом подумал, как увидел впереди черную дыру в большой стенке. Это было похоже на печку, в которой его пекла бабка. «Ой, сейчас приедем прямо в печку!» — подумал Колобок, и тут же Паровозик вбежал в темноту. Жары не было, и Колобок очень удивился. Он хотел спросить у Паровозика, почему в печке совсем не жарко, но тот выскочил наружу и опять побежал под солнцем.

— Смотри, смотри! — закричал Колобок Паровозику. — Что-то там впереди блестит!

— Это речка, — засмеялся Паровозик, — мы через нее по мосту проедем.

— А я хочу к речке, можешь остановиться?

— Ладно, так и быть, — сказал Паровозик и остановился, как только переехал по мосту через речку.

— Слушай, Паровозик, — спросил Колобок, когда спрыгнул на землю со ступенек Паровозика, — а что это было такое черное, куда мы въехали, и очень похожее на печку, только без жары?

— Эх ты! — засмеялся Паровозик. — Сразу видно, что ты никогда по моим железным дорожкам не ездил. Это же тоннель! Тоннель! — крикнул Паровозик и покатил по своим блестящим дорожкам дальше. Колобок подкатился к берегу реки, остановился у самой воды и удивился. На самой середине реки стоял какой-то большой дом с трубой, который, наверное, заблудился.

— Эй, дом, чего ты там делаешь на середине реки? Ты что, заблудился?

— А я не дом, — ответил тот, кто был посередине реки. — Я — пароход и не стою, а плаваю.

— А как тебя звать?
— Пароходик! А тебя как?
— Колобок! А как это ты плаваешь? У тебя нет ни рук, ни ног...

— У меня есть два больших колеса и мотор, который их крутит. А когда колеса крутятся, то я ими отталкиваюсь от воды и еду вперед или назад.

— Ух ты! — восхитился Колобок и попросил Пароходика к берегу подплыть.

— Ага! — засмеялся Пароходик. — Хочешь покататься на мне, да?

— Да, — сказал Колобок и, как только Пароходик подплыл к берегу, прыгнул прямо на палубу. Качнул Пароходик своими боками, закрутились два больших колеса, которые были на двух боках, и Колобок поплыл!

— Эй, Колобок! — крикнул Пароходик. — Держи спасательный круг, а то скатишься в реку и утонешь!

Колобок прыгнул в серединку спасательного круга, удобно устроился и стал смотреть, как назад плывут берега реки.

— Пароходик! А куда это мы плывем?

— А куда бы ты хотел?

— В Африку можно? — Колобок очень хотел докатиться до Африки. Там было жарко, как в печке у бабушки, но Колобок этого совсем не боялся.

— Можно и в Африку, — сказал Пароходик и басом пропел: «Пльв-у-у-уу в Африку-у-у-у-у-у!» «Хорошо! — подумал Колобок. — Может, в Африке встречу льва Бонифация» — и... заснул. Пароходик из реки выбрался в голубое море, а из моря попал прямо в огромный океан. Ему повезло: никакой бури и никакого шторма в океане не было. Пока Колобок спал, Пароходик приплыл к Африке.

Спрыгнул Колобок на берег Африки, сказал Пароходнику «Спасибо!» и покатился навстречу новым приключениям. Очень скоро Колобок увидел детишек, которые были сделаны

из шоколада! Они бежали рядом с ним и спорили, кто это. Одни кричали: «Это мяч!», другие говорили: «Нет, это сын Луны». А один шоколадный мальчик сказал важно: «Это рыба-шар! Теперь она решила пожить на берегу, потому что в море вода очень соленая!» Слушал-слушал Колобок, захохотал, замахал руками.

— Эй, ребята-шоколадки. Все вы неправильно говорите. Я — не сын Луны, и не рыба-шар, и совсем не футбольный мяч.

Я — Колобок:

У меня — румяный бок,

Очень сладкий

Я на вкус,

Никого я не боюсь!

— Это, оказывается, Колобок, — радостно закричали, заплясали шоколадные дети и стали петь: «У тебя — румяный бок! Очень сладкий ты на вкус!!!»

— Никого я не боюсь, — добавил Колобок и прыгнул на ручки к самому маленькому мальчику, потому что прыгать высоко не умел.

— А ты из шоколада или тебя пережарили? — очень тихо спросил Колобок мальчика и сказал: — Когда много сахара в тесто кладут, а потом в печку, в жар, то можно тесто пережарить. Но меня бабушка не пережарила, а твоя, наверное, тебя пережарила?

Мальчик весело смеялся и на вопросы Колобка не отвечал. Остальные мальчики, то ли шоколадные, то ли пережаренные, тоже смеялись и хотели Колобка поддержать в своих ладошках.

— Эй, ребята! Пошли к вашим бабушкам!

— К бабушкам пошли, к бабушкам! — обрадовались детки и побежали за мальчиком, который нес Колобка в своих не очень пережаренных и почти совсем не шоколадных ладошках.

Из домиков начали выбегать бабушки и мамы, дедушки

и папы шоколадных или пережаренных мальчиков и девочек. Колобок удивился, когда увидел, что и бабушки с дедушками, и мамы с папами такие же шоколадные или пережаренные, как их детки. «Вот это да!» — подумал Колобок, но тут же раскрыл рот от удивления. Он увидел что-то очень похожее на подъемный кран. Только этот кран в Африке был живой! Он смотрел на Колобка, хлопал большими ресницами, такими же прямыми, как у дедушкиной лошади Мадеры. Колобок помнил, что Мадера была ласковой, нежной. Она не говорила, а шептала — тихо-тихо...

Подъемный кран с такими же ресницами, как у дедушкиной лошади Мадеры, тихонечко опустил маленькую голову с двумя маленькими рожками к Колобку и прошептал:

— Здравствуй!

Колобок храбро прыгнул на шею подъемного крана и громко спросил:

— А кто ты?

— Я — Жирафа!

— Ты та самая Жирафа Анюта, которая вместе с крокодилом Геной и Чебурашкой строила дом Дружбы?

— Нет, я не та Анюта, но я тоже Жирафа и работаю экскурсо-во-дом.

Жирафа сказала очень длинное слово. Оно к ней очень шло, потому что было похоже на Жирафу. Колобок хотел узнать, а что такое «экс-кур-за-вод»?

— Куры здесь ни при чем, — сказала Жирафа и опустила Колобка на землю.

— Завод тоже ни при чем...

Жирафа немного обиделась на Колобка. Ей показалось, что он над ней смеется.

— Я показываю туристам наш город. Ты ведь тоже турист, правда?

— Кто я? — не понял Колобок и увидел, как Жирафа открывает рот.

Она просто зевнула, а Колобок подумал, что она сейчас его съест!

— Только ты меня не ешь, — испуганно закричал он, — я тебе сейчас песенку спою! И начал петь. Я — Колобок, Колобок, я — в печке испечен...

— Знаем, знаем мы эти сказки, слышали, — сказала Жирафа. — Ты ушел от бабушки, ты ушел от дедушки. Знаем. Но это нехорошо! Они волнуются, ищут тебя повсюду, а ты себе спокойно гуляешь по Африке! Нехорошо!

Колобок от смущения еще больше зарумянился. Он вспомнил добрые руки бабушки, и ему стало стыдно.

— Ты думаешь, мне надо скорее домой возвращаться?

— Конечно! Незамедлительно! Безусловно! — Жирафа говорила так медленно, что все ее слова казались Колобку тоже похожими на нее. — Но сначала я покажу тебе наш город. Пойдем!

Колобок снова подкатился к шее Жирафы, потом по шее покатился к ее маленьким рожкам и устроился между ними очень удобно! Жирафа медленно пошла по улице с Колобком на голове.

Это был замечательный город. Бананы, апельсины, ананасы, мандарины росли прямо на автобусных остановках. На мороженое никто не смотрел, так было его много! Такси катало всех бесплатно, и каждому пассажиру шофер говорил: «Спасибо!» Все горожане — большие и маленькие, старые и молодые — ходили в шортиках, потому что было очень жарко! И были эти шортики, как и рубашки, шляпы, всех цветов радуги. Пока Жирафа разговаривала с регулировщиком на перекрестке, Колобок разогрелся на солнце и незаметно пересел с Жирафиной шеи на какую-то «штуковину», которая висела чуть выше Жирафиных рожек. Эта «штуковина» была похожа на скворечник, только почему-то с тремя окошками. Каждое окошко было круглым, и в нем сидело по одному попугайчику. Они были с красными, желтыми и зелеными

перышками. Когда попугайчики увидели Колобка, они пришли в ужас! Какой-то круглый и румяный предмет вкатился в помещение СВЕТОФОРА! Попугайчики очень рассердились и вылетели вон! Колобок подумал: «Ну, как хотите! Мне и здесь удобно!» — и устроился в одном из окошек этого скворечника. Он смотрел на улицу и ничего не понимал.

А там происходило что-то невероятное! Регулировщик в белых перчатках показывал в сторону скворечника с попугаями, но они же улетели! Машины не видели ни красного попугая, ни желтого, ни зеленого! Они видели только что-то круглое, румяное, думали, что это красный свет, а Колобок тут же поворачивался своим чуть-чуть поджаренным боком и получалось, что шофер видел желтый свет! «Когда же будет зеленый?» — кричали все, а зеленого все не было! Жирафа тоже посмотрела на светофор и догадалась, что случилось. Она заглянула в окошечко светофора и шепнула Колобку: «Прыгай мне на голову, а то тебя сейчас оштрафуют!» И снова Колобок удобно устроился у Жирафы между рожками, и она пошла к дому, где была надпись: «ПОЧТА».

Когда Жирафа узнала, что Колобок не послал бабушке с бабушкой телеграмму, что он укатился в Африку, она сказала ему, что повезет его на почту и оттуда он может послать бабушке с бабушкой весточку. И вот они пришли туда и Колобок написал такую телеграмму: «Очень жарко в Африке. Не волнуйтесь, как в печке! Жив, целую. Колобок». Жирафа прочитала телеграмму и очень тихо сказала Колобку: «Исправь! Разве можно «волноваться, как в печке»? Ты что, плохо учишься, да?»

— Н-н-нет... — смутился Колобок. — Я сейчас все переделаю, и будет хорошо. Снова написал: «Ох, жарко в Африке, как в печке. Не волнуйтесь. Колобок».

Пока Колобок переделывал телеграмму, Жирафа увидела льва Бонифация, который прогуливался по улице. Жирафа вспомнила, что каникулы у Бонифация кончились и он очень-

очень скоро отплывает домой. Он согласился взять Колобка с собой и проводить его к бабушке и бабушке. Бабушка Бонифация быстро-быстро связала сетку, куда улегся Колобок, когда лев поднялся в самолет. Когда самолет летел над городом, где у Колобка было столько приключений, он увидел сквозь облака голову Жирафы. Глаза у нее были грустными: она плакала. Колобок помахал Жирафе и увидел, что люди на земле раскрывают зонтики. «Им кажется, что дождь идет, а это плачет Жирафа», — подумал Колобок, и ему стало ее очень жалко. Он помахал ей еще раз и громко закричал:

— Не плачь! Не плачь! Я еще раз когда-нибудь прикачусь к тебе в Африку!

Когда они прилетели домой, был большой ливень, и Колобок очень испугался.

— Ой, ой! Бонифаций! — кричал он. — Я же размокну! Что же делать? Что делать?

— Прыгай, — приказал Бонифаций, — прыгай, Колобок, ко мне в пасть! — Ой! Куда? Туда? — Колобок с ужасом ткнул пальцами в зубы Бонифация.

— Не бойся! Ты же видел, что укротитель клал мне в пасть голову, да еще и в шляпе! Вот и ты сейчас по команде «Але, оп!» прыгнешь ко мне в пасть, и я отнесу тебя к бабушке с бабушкой. У меня, правда, там тоже сыро, но не такой же ливень, правда?

— А если ты меня проглотит? Можешь же случайно...

— Не бойся, Колобок, — успокаивал его Бонифаций, — я буду идти молча и ни с кем не буду разговаривать. Пасть моя будет приоткрыта, чтобы ты не задохнулся.

— А если с тобой поздоровается твой друг или сосед? — не унимался Колобок. — Ты что, не ответишь?

— Нет, промолчу, — грустно сказал очень воспитанный Бонифаций. Еще бы, что могут подумать о нем люди!

«Але, оп!» — сказал Бонифаций, и Колобок, зажмурившись, прыгнул в пасть льва. Он сразу устроился между клыками

и замер.

Самолет уже приземлился, и лев Бонифаций с Колобком в пасти вышел. Лапы у льва были заняты, потому что он нес в них чемодан и мешок с гостинцами для дедушки и бабушки Колобка. Пасть была приоткрыта, а голова немного опущена вниз, чтобы дождь не попадал на Колобка. Друзья встречали знаменитого дрессированного льва, который вернулся с каникул. Они громко кричали: «Привет! Здравствуй, Бонифаций! С приездом домой!» Но лев не мог им ответить, потому что боялся случайно проглотить Колобка. Сначала друзья очень расстроились, а потом стали беспокоиться: что-то с Бонифацем случилось! Он никогда не был таким! Друзья шли рядом, спрашивали: «Что случилось, Бонифаций?» Но лев шел с Колобком в пасти и молчал!

— О-о-о!!! — закричали друзья. — Наш Бонифаций, наверное, заболел в Африке какой-то странной болезнью! Его срочно надо везти к доктору!

Самые настойчивые друзья Бонифация подскочили к нему, схватили его под руки и понесли к машине «скорой помощи». И вот Бонифаций в кабинете знаменитого доктора Айболита. Как хорошо, что была пятница, потому что доктор Айболит в субботу и воскресенье всегда был в цирке и помогал дрессированным животным, если у них что-то болело. Как только Бонифаций оказался в кабинете доктора, где было светло, тепло и сухо, и увидел доктора Айболита, он широко открыл пасть и оттуда, веселый и невредимый, выскочил Колобок!

— Привет всем! — крикнул Колобок. — Ох, как мне пришлось попотеть... Но это ничего!

Доктор Айболит и друзья Бонифация, которые его привели сюда, остолбенели. Вот это да! Колобок прыгает из пасти льва. Такого еще ни в одном цирке мира не видели! А Колобок кричал и размахивал руками, подкатывался то к одному, то к другому:

— Не сердитесь на Бонифация. Он удивительный, он вежливый, воспитанный лев! А какой он верный друг! Он не мог с вами поздороваться, потому что спасал меня от ливня в своей пасти!

Друзья Бонифация быстро все поняли и тут же бросились Бонифация обнимать, подбрасывать Колобка до потолка. А потом Колобок пригласил всех в гости к своим бабушке с дедушкой. Увидели бабушка, дедушка и лошадь Мадера Колобка, а с ним много-много друзей, обрадовались. В их доме давно не было такого веселого праздника. Дедушка с бабушкой решили Колобка не ругать за то, что он убежал из дому. Он все-таки вернулся, да еще и столько друзей с собой привел. Уж теперь-то бабушке с дедушкой скучно не будет. А на завтра дедушка решил пойти в цирк работать. Ухаживать за животными, помогать доктору Айболиту. Бабушка решила тоже работать в цирке. Она будет печь вкусные пряники и угощать детей, которые пришли посмотреть на представление льва Бонифация. И лошадь Мадера тоже захотела работать в цирке. Тогда Бонифаций с Колобком решили придумать для Мадеры цирковой номер. Скоро появится афиша: «Внимание! Колобок, Мадера и Бонифаций на арене цирка! Приходите, всем будет очень весело!»

*

...В настроении каждой семьи бывают свои спады и подъемы. Не знаю, чем это объяснить, но я была свидетелем этого в нашей семье. Все начинается неожиданно. Однажды наш папка рассказал смешную историю, приключившуюся с ним в пионерском лагере. Хоть и было ему нелегко среди здоровых сверстников, но, если летом он оказывался дома, а не в больницах, родители отправляли его в пионерский лагерь, куда-нибудь в Геленджик или Горячий Ключ. Места курортные, берег Черного моря, благодатное время, почему бы не поехать? О том, что там ему приходилось трудновато, он быстро забывал и возвращался домой, как он мне признавался, со множеством впечатлений.

Эти-то впечатления и стали основой огромной серии «*историй в лагере*», которые папа Олег рассказывал детям два года почти ежедневно! Конечно, папа фантазировал по мотивам каких-то событий, случившихся с ним в отрочестве! Мальчишки не давали папе отдыха, тербя его: «Папа, расскажи историю в лагере!» Я вовсе не уверена, что все рассказанное папой случилось на самом деле. Слишком уж смешно и фантастично! Но слушать эти «истории в лагере» можно было бесконечно!

Сначала Олег выстраивал сюжеты своих историй, не слишком заботясь о «реализме». Эффект был! Дети хохотали, изумлялись изворотливости «героя» этих историй, конечно же, папы, в возрасте 10 или 12 лет, требовали новых подробностей...

Но потом наш хитрый папа, озабоченный, чтобы в его историях для детей был прок, то есть «добрым молодцам урок», стал в свои истории закладывать мораль. Была она достаточно прозрачна: осуждался порок (вранье, вороватость) и проповедовалось добро (смелость, бескорыстие). Я очень скептически воспринимала эти «*моралите*». Однако справедливости ради скажу, что сюжет каждой такой истории Олегом строился с таким искусством, а повествование шло с такой энергией, что дети слушали, затаив дыхание, проглатывая с «наживкой» и эту самую мораль.

Зимой Олег гасил верхнюю лампу на кухне, где усаживались дети, я и он, зажигал свет в ванной, окно которой выходило на кухню. Теперь, в полумраке, его голос звучал таинственно и даже банальные сюжеты, при изложении в таком «антураже» воспринимались иначе, а поступки героев историй выглядели или страшновато, или так забавно, что, когда наступало время смеяться, дети, слегка устав от нагнетаемого папой напряжения, счастливо и оглушительно хохотали. Я умудрилась записать только одну из таких незатейливых историй, рассказанных папой.

«...Однажды вечером, уже когда протрубил горн отбой, уговорил я приятеля, который лежал в соседней кровати,

немного прогуляться неподалеку от нашего летнего домика. Пошептались мы с ним, чтобы никто не знал, что мы задумали, и притворились, что спать хотим. Засопели почти по-правдашнему. Соседа моего Эдиком звали. Ему понравилась моя идея, хотя он признался, что боится, если увидит вожатый Гриша, нам не поздоровится. Я тоже, честно говоря, не только на Гришу, но и на «товарищ Женю», старшую пионервожатую, которая была еще больше, чем Гриша, строгой. Слышим, кто-то из пацанов громко шепчет другому: «А Гриша влюблен в товарища Женю! Понял?» Мы с Эдиком в любви ничего не понимали, и он не удержался, спросил: «А ты видел, как они целуются?» Тут пацаны тихонько засмеялись, но быстро успокоились, потому что мимо окна прошла товарищ Женя. В общем, мы с Эдиком засопели громко, вроде как спим, и постепенно все пацаны угомонились. Смотрим мы с Эдиком, что все спят, взяли тонкие свои одеяла, завернулись и вышли за порог домика. Неподалеку от нашего домика росло толстое дерево. Наверное, столетнее. Луна ярко сияет. Тишина. Мы мимо дерева проходим, чтобы пройти в кустарник слева от домика, но тут услышали голоса. Что делать? Бежать к домику? Нет, не успеем! Стоим под деревом и не знаем, что делать. Хорошо, луна скоро за тучу спряталась. Стало темно-темно, а мне с Эдиком страшно. Эдик шепчет мне: «Пошли назад», а мне не хочется! И тут прямо в десяти шагах от нас, видим, идет в темноте кто-то. Разговаривает. Я узнал голоса товарища Жени и пионервожатого Гриши. Толкаю Эдика и шепчу: «Стань на коленки и руками в землю упрись. Я тоже, а сверху накинь одеяло! Мы будем как скамейка». Эдик быстро меня понял. Головами друг в друга уперлись, попками в разные стороны, одеяло сверху накинули и стали похожи на скамейку у дерева. Сидим, дрожим от страха. Слышим, Гриша говорит товарищ Жене: «Давай немного посидим, сейчас луна выглянет». Я от ужаса чуть не упал, а Эдик лбом о мою голову бьется, потому что

дрожит от страха. Тожe испугался. Товарищ Женя говорит: «Да нет, пойдeм, ужe спать пора!» Гриша настаивает: «Еще же детское время...» Я слышу, шаги к нам приближаются, и думаю: все, конец! Сядут на нас — раздавят! А Эдик просто колотится весь. Тут мы почувствовали, что на наши головы что-то тяжелое давить стало. Мы с Эдиком ойкнули и под тяжестью упали. Это товарищ Женя стала садиться, вроде как на скамейку, и упала, потому что мы с Эдиком не выдержали. Она как закричит. Гриша ее хватает за руку, а мы вскочили и побежали. Слышим только голос товарищ Жени: «Кто это!» А Гриша смеется и говорит: «Ты спроси, что это такое было?» Они смеются, а мы лежим в своих кроватях и не дышим. А что было назавтра, потом расскажу».

Мальчики хохотали без удержу! Игорь и Алик тут же попытались изобразить скамейку по «проекту» папиного детства, кричали мне: «Садись, мама, мы выдержим!» Мне кажется, что с той поры, как стали регулярно звучать «истории в лагере», Алька-младший почувствовал особый вкус к сочинительству. Папа это заметил и решил, что это желание надо поддержать и направить в русло, полезное для развития его творческого мышления. Олегу показалось, что главным достоинством детского творчества будет тренировка фантазии. Только ею надо управлять, то есть ставить перед сыном, готовым что-то сочинить, допустим, сказку или какую-то историю из современной жизни (бывало и такое!), конкретные цели. Дети охотно садились с папой «в круг» и сочиняли «буриме». Тут же появились сюрпризы. Фантазируя, например, втроем с Алькой и Игорем, папа все время сталкивался с «конфликтом интересов». Герои сюжета, предложенные или Алюней, или Игорем, реже Яриком, «выделявали» в сочиняемой истории то, что желал их «создатель», и папе надо было как-то умиротворить соавторов, обиженных друг на друга, если их предложения отклонялись. Чаще всего мне так и не удавалось пробраться сквозь гвалт «творческих дискуссий» соавторов и записать истории

моих домашних «веселых и находчивых».

Тогда папа, видимо, устав от дискуссий вперемежку с «дуэлями» между авторами и поиском спасительного компромисса, решил пойти по пути наименьшего сопротивления. Он стал уединяться со старшим сыном, которому было уже восемь лет. Фантазировать с Алькой папе было легче, хотя... так могло показаться лишь на первый взгляд. Легко потому, что в фабулу, которую предлагал папа, Алька сразу вставлял героев, которые ему были хорошо известны: милиционер, учительница, одноклассники, дворовые приятели Альки. Он знал, что может каждый из этих героев делать, и ему проще было сочинять историю с ними. Сложность же была в том, что в свои восемь Алька был импульсивным мальчиком и такими же оказывались его герои. Они у него обычно обнаруживали «авантюрные» наклонности. Тот же милиционер, учительница, продавщица магазина... Ну какой реализм? Правда, папа внимательно следил за моральным контекстом поведения героев, придуманных сыном.

Едва Алька предлагал какой-то «легкомысленный» поступок для героя, не очень-то задумываясь над «можно-нельзя», папа вводил в сюжет последствия такого поступка или предлагал какого-то «антигероя», который обязательно сурово оценивал или явно осуждал легкомыслие героя Алькиного. В конце концов, история благополучно завершалась. Происходило это потому, что папа не забывал помогать сыну оценить обстоятельства, которые могли бы привести героя фантазии Алюни к неудачам и даже к гибели.

Нет, скучно не было! Папа всегда лихо «раскручивал» сюжет, наделяя героев чертами характера, присущими живым людям. Милиционер у него заиграл на губной гармошке, а учительница пекла пироги и все время теряла очки, хотя была совсем молодой. Алька был неистощимым выдумщиком невероятных сюжетных ходов, непредсказуемых событий и таинственных коллизий. Эта его способность была настоящим испытанием для воображения папы, потому что ему надо было успеть

вовремя реагировать на идеи сына. Герои, как я уже упоминала, были «плохие» и «хорошие». Рядом с ними действовали «соучастники», «союзники» и «противники». Случалось и так, что на авансцену вдруг выходили герои второстепенные, а главные куда-то и неизвестно почему исчезали. Такое случалось обычно по воле сына, которому неинтересно было повествовать только о действиях одного главного героя, и он в любую минуту мог привнести в сюжет новость откуда взявшегося «новичка». Папе было очень нелегко держать в голове сюжет, раскручиваемый сыном. Но он был терпелив.

Иногда в «творческом» диалоге с папой Алька бунтовал, упрямялся. Он просто «губил» главного героя в какой-то неожиданной «аварии» («самолет разбился и...»), делая это ради выдвигания на авансцену понравившегося ему второстепенного персонажа: «Гриша умеет кататься на коньках, он очень умный, давай его оставим!» Фантазеры ссорились, и со стороны смотреть на них было ужасно уморительно...

...Придумать что-то особенное стало настоящим азартом у старшего сына. Однажды стал он сочинять какие-то забавные задачки, которые предлагал решить своим друзьям в школе или во дворе. Некоторые из этих задачек я даже успела записать.

«У меня есть собака, у соседей тоже есть собака. У других соседей тоже есть собака. Спрашиваю соседа: «Сколько сигарет в день вы выкуриваете?» Он отвечает: «Дома — три!» «А на работе?» — спрашиваю я его. Он отвечает: «Одну в день». Вопрос такой: сколько сосед выкуривает сигарет?» Записала эту задачку и спрашиваю с искренним недоумением: «А причем же здесь собаки?» Сын лукаво улыбается: «Это я просто так, для разнообразия!» Помолчал-помолчал и говорит: «Хочешь еще? Слушай!» И продолжил снова о соседе и собаке, но с некоторыми изменениями: «Я соседа спрашиваю: «Сколько раз ваша собака в субботу лает?» «Двадцать раз», — отвечает сосед. А я ему говорю: «А моя собака двенадцать раз! А вот из квартиры напротив — десять раз».

Теперь — общий вопрос задачки: «Сколько раз в субботу собаки лают вместе?» Помолчал... Потом хитро улыбнулся и завершил свой сеанс «математических фантазий»: «Привет собакам!» Это он повторил любимое выражение моего бывшего одноклассника, суетливого и шумного. Он частенько к нам заглядывал, крича с порога вместо приветствия именно эту фразу.

Я не была удивлена довольно примитивной логикой арифметических фантазий сына. Алька уже познал «курс наук» во втором классе и, скорее всего, резвился «по мотивам» начал арифметики. Правда, обратила внимание: все эти соседи, сигареты и собаки — из нашей жизни. Сосед напротив и живущие этажом ниже — заядлые курильщики. Их домашние восстали, и теперь мужчины потакают своей дурной привычке на лестничной площадке. Сквознячок тянет дым в нашу прихожую, так что и мы чувствуем его в своей квартире.

Недавно мне в руки попала книжка ранних заметок А. Чехова, подписанных забавным именем «Антоша Чехонте», и я просто ошалела, увидев там в «Задачках сумасшедшего математика» такую: «За мной гнались 30 собак, из которых 7 были белые, 8 — серые, а остальные — черные. Спрашиваю, за какую ногу укусила меня собака? За правую или левую?» Как говорится, выводы делайте сами...

Задачки про собак Алька сочинял явно вслед событиям. У соседей этажом ниже — собаки. Едва откроешь или закроешь свою дверь, они, услышав звуки, начинают лаять, видимо, «для порядка». Облают и успокоятся. Днем их не слышим: мы — на работе, старшие дети в школе, Ярик в саду. Лайте на здоровье!

А вот по ночам — беда... Поэтому для нас это актуально, так что задачки хоть и просты, но в русле знакомого тезиса классика, слегка мною отредактированного: «Бытие определяет фантазию...»

Алька продолжает развивать в задачках тему. «Мама, послушай, еще про собак и курильщиков. Мой сосед говорит мне:

«Вот я курю сигареты, а не лаю. Собаки лают, но не курят сигареты. Ты скажи мне, говорит сосед, сколько раз собаки лают и сколько сигарет я выкуриваю во время лая собак? Курю я, только когда собаки лают. У меня такая привычка, когда я волнуюсь. И курю я по три сигареты, когда собаки лают». Юный сочинитель опять хитро глянул на меня и сказал: «Здорово я накрутил и запутал? Но все равно можно решить, сколько выкуривает сигарет и дома, и на работе сосед и сколько раз собаки лают в разных квартирах...»

Прошло время. Алька читал какую-то книгу про шпионов. Сидим, разговариваем с ним, и он просит записать новую задачку. На этот раз героями его «арифметических фантазий» оказались шпионы. Вот эта задача. *«Ехали в машине четыре шпиона, а им навстречу 18 милиционеров. Сколько было и шпионов, и милиционеров? Но это только первый вопрос. Случилось такое: заметили шпионы милиционеров и открыли огонь! Убили четырех милиционеров, а шпионов на два меньше. Теперь вопрос такой: сколько же убили милиционеров, шпионов и сколько стало теперь их вместе? Вот такая «кровавая арифметика»...»*

Увлечение «арифметическими фантазиями» благополучно завершилось. Что-то сына не устраивало то ли в сюжетах задач, то ли еще в чем. Не знаю, но больше задачи не составлялись, а вот стремление описывать домашние истории, то есть то, что случилось дома между братьями, с участием домашних животных, между мной и детьми, папой и сыновьями, неожиданно стало повальным увлечением и у него, и у младших братьев.

Записала как-то историю, назвав ее, как предложил сам автор – Алька, которому было уже восемь с «хвостиком» лет – «Джек и Кнопочка». Это наши четвероногие домочадцы: собака с «профилем» восточноевропейской овчарки (впрочем, на этом сходство с этой породой и заканчивалось!) и сиамская кошка.

Алик Юрганов **ДЖЕК И КНОПОЧКА**

Кнопка с Джеком — в большой комнате. Подошла Кнопочка к Джеку, она принимает его за свою маму, стала что-то шептать ему на ухо. В это время по-пластунски в комнату вползли Ярик с Игорем. Игорь сказал Ярику: «Ярик — тихо! Кнопка что-то Джеку шепчет!» И они начали ловить Кнопку. Игорь дернул Джека за ногу, Джек свалился и начал пищать. Кнопка вылетела белой ракетой из комнаты. Игорь устроился за диваном, Ярик на диване, и они стали сторожить Кнопку, которая уже спряталась под диван. Кнопка выскочила и стала прыгать по дивану, а Игорь и Ярик ее ловили. Но Игорь поймал только пустое место: Кнопка убежала. Игорь сказал: «Нет, без папы нам Кнопку не словить. Давай, Ярик, подождем папу». Тут защелкали ключи в двери и зашел папа. Он был от дождя весь мокрый, как ручеек. Папа держал в руке большой мокрый зонт. Ярик и Игорь сказали папе два раза:

- Здравствуй, папа!
 - Здравствуй, папа! Дай нам зонтик!
 - А зачем вам зонтик? — спросил папа.
- Хитренький Игорь сказал:
- Чтобы под дождиком ходить!

Взял Игорь зонт и закрылся на замок с Яриком. Потом Игорь и Ярик стали снова ловить Кнопочку, но уже с зонтом, и чуть не зацепили ей хвост. Вошел папа, и Игорь со страху сломал зонтик. Папа сказал: «Что же ты сломал мой единственный зонтик? Я же теперь буду мокнуть, как сосулька!» Вошла мама. Ребята подбежали к ней и стали просить у нее черную ручку. Взяли ручку и поймали Кнопочку. Поймали и стали марать ее чернилами. Ярик сказал Игорю: «Пойдем покажем папе, какое у нас получилось чудовище!» Игорь сказал: «Нельзя, а то папа нас наругает!» Понесли Игорь и Ярик Кнопочку в ванную и взяли пемзу. Они начали Кнопочкины

волосы оттирать пемзой. желтой. Мама увидела все это и крепко наругала Игоря и Ярика, а папа помыл Кнопочку».

Автор попросил папу громко почитать его рассказ. Сидели, слушали, смеялись, и... как уже не раз случалось, между братьями возникла творческая конкуренция. Игорь писал еще неуверенно, но все-таки в свои семь лет сумел набраться терпения и написать историю «Лисица и Рак». Конечно, все это было им где-то прочитано, где-то слышано, однако...

Игорь Юрганов **ЛИСИЦА И РАК**

Шла Лисица по лесу. Потом она увидела Рака. Лисица сказала: «Давай перегоняться!» Когда Лисица побежала, Рак вцепился ей в хвост. Лисица добежала до того места, посмотрела туда, шевельнула глазом, и Рак отцепился и сказал: «А я тебя здесь давно жду!» Потом Лисица сказала:

«Пойдем к Волку перегоняться втроем». Пришли они к Волку, и Лисица сказала... (придется уточнить: что сказала Лисица, так и не знаю до сих пор, сам же автор по каким-то причинам это утаил). Начали они перегоняться.

Рак переполз к пеню около дерева и стал там. Пока соревновались и становились на старт, и болтали, Рак переполз через пеню и сказал: «Эх вы, медленные черепахи!»

Сохранила всю авторскую орфографию в неприкосновенности. Конечно же, узнала старую сказку про Лису и Черепаху и еще какую-то, но не в этом дело! Папа оглушительно хохотал, слушая, как сын старательно читает свою историю. Правда, «старшой» – Алюня – очень скептически хрюкнул и ушел. Ярик настойчиво требовал от Игоря показать, как Рак переползал через «пеню». Соперничество нарастало: едва один из «авторов» озвучивал свой рассказ, как немедленно ему «на пятки» наступал конкурент.

Наблюдая за поведением «творческих соперников», мне казалось, что в их реакциях многое напоминало поведение взрослых. Я работала на филфаке в университете, и мне часто приходилось наблюдать, какими ядовитыми оценками сопровождалось суждения коллег о статье, написанной кем-то из преподавателей кафедры, или с каким пренебрежением встречались ими выход новой книги, публикация положительной рецензии на нее в профессиональных журналах! Зависть бессмертна! Не знает она и возраста...

Сочинения братьев старший Алька почти никогда не хвалил. Он «уничтожал» соперника сначала взглядом, потом ухмылками, а когда чтение прекращалось, он вставал и говорил иронически: «Ой, ой! Тоже мне писатель! Научись сначала грамотно говорить!» Из-за недостатков своей речи Игорь стал немного комплексовать. Он теперь старался читать только мне или папе, предупреждая: «Только не показывай Алюне!».

Я и наш папка не очень расстраивались по этому поводу, понимая, что рано или поздно детям придется столкнуться с чем-то аналогичным в «социуме», как выражался Олег. И вот однажды...

Игорь простыл. Ученик второго класса уже знал: когда болеешь, наступает совсем другая жизнь! Тебя балуют, братьев-конкурентов дома нет, никто не мешает делать что хочется. Была дома лишь я. Через неделю – кандидатский экзамен по философии. Надо готовиться, вот и сижу над конспектами. Мой мальчишка, иногда покашливая и сморкаясь в платок, чем-то занимался в детской комнате и не тревожил меня. Папа был на работе, иногда мне позванивал, интересуясь, как там дела у сына.

Назавтра, в субботу вечером, когда вся семья собралась за ужином, папа, как обычно, спросил: «Ну, писатели, создали что-то новенькое?» Игорь моментально поднял руку, и, хотя существовало негласное правило демонстрировать свои сочинения по старшинству: Алик, Игорь, Ярик, если, конечно,

было что показать, старший сын спорить не стал. То ли у него настроения не было, то ли что-то задумал и решил сделать нам сюрприз, но слушать Игоря он не захотел. Ушел в детскую комнату. Игорь явно воодушевился. Я подумала, что его, наверное, «воодушевил» уход старшего брата, отчаянного «критика». Читал он на редкость складно и размеренно. История была про собаку, которая потерялась и искала своих хозяев, которые ее тоже искали...

Неожиданно из детской комнаты приходит Алик. Прислушивается. Мне показалось, что с каждой минутой его лицо становится зеркалом каких-то внутренних «страстей», пока мне непонятных. И вдруг он почти истошно завопил: «Ты сам написал эту историю?» Игорь Алика не видел, сидел к нему спиной. От резкого голоса брата он вздрогнул, поперхнулся, прижал тетрадь к себе и сказал очень тихо: «Да, сам...» «Что ты врешь?!» – Алик негодовал! Он подошел к папе и стал показывать ему свою тетрадку, которую держал в руках, когда вернулся из детской. Выхватил из рук Игоря его блокнот, который папа накануне подарил «сочинителю», стал лихорадочно его перелистывать...

Позже, когда все успокоилось, Игорь, заливаясь горячими слезами, признался мне, что в пятницу, когда я не пустила его в школу, он открыл ящик Алика, вытащил оттуда его тетрадку и переписал в свой блокнот его рассказ «Как пропала собака», который очень старательно автором был записан большими аккуратными печатными буквами. «Грамотность – страшная сила!» – пробормотал папа, услышав признания среднего сына. И добавил растерянно: «Это ж надо, сколько времени потратил на переписывание...» Я увела рыдающего Игоря во двор, чтобы немного развеяться и дать остынуть «возмущенному разуму» старшего, который не на шутку раскипятился...

...Поздним вечером, когда дети уже спали, Олег, сидя за своим секретером, молча вглядывался в ночное окно. Перелистывая свои бумажки, я услышала его голос:

– Они только учатся жить...

Он неопределенно махнул рукой в сторону дверей гостиной.

– Дети? – решила уточнить я.

– Да, а кто же еще? – Олег посмотрел на меня необычно грустными глазами. – А сколько они нам с тобой показали уже именно оттуда!

Он мотнул головой в сторону окна, за которым ночная мгла уже растворила ветви деревьев, контрастно выделив свет окон в домах напротив. «Оттуда», сообразила я, это значит из общества, куда, повзрослев, войдут и наши дети... Нередко мы говорили на эту тему, и мне было ясно, о чем Олег сейчас размышляет.

Помолчав, он рассказал, как однажды случайно увидел рукопись своего коллеги, отставного капитана второго ранга, уволенного с корабля в запас и работавшего теперь научным сотрудником в их Институте философии и права Академии наук Белоруссии, не имея ни малейшего представления «...ни о праве, ни о философии...».

«...Я случайно заглянул в текст и ...обомлел! Узнаю в нем проект своего выступления на научной конференции, которая должна была состояться через месяц. Представь теперь мое положение. Доказать, что это именно мое выступление, я не смогу! Моя рукопись бесследно исчезла! С завсектором она не была мною даже еще согласована. Просто сидел как-то с приятелем, разговаривал о теме в присутствии этого отставника. Спокойно и подробно излагал свои идеи, готовясь к другому семинару на сходную тему. Черновик с тезисами положил в ящик стола, который стоял как раз напротив стола «боцмана», как мы его прозвали. Заикнись я о плагиате моего коллеги, будет скандал! Что я скажу? Что рукопись лежала у меня в столе? Что я с приятелем обговаривал подробности? И вовсе у меня не было уверенности, что тот поспешит подтвердить мои слова. Моя версия, что Георгий Авдеевич, ну, этот боцман, переписал пять страниц в свою

тетрадку, как наш Игореша у Альки, слово в слово, а мою рукопись просто выбросил, станет предметом скандально-го разбирательства. Он, конечно, оскорбится. Начнется базар...»

Олег давно уже не работал в том институте, ушел на телевидение, но многие неприятные события, случившиеся с ним там, хорошо помнил...

...Прошел месяц или два после конфуза с «кражей» Игорешей истории о пропавшей собаке, и братья вскоре опять дружно делили благосклонность музыки. Правда, она в этот раз оказалась ужасно хулиганистой и даже какой-то крикливой. Снова и снова рифмуя, «склеивая» слова и строчки, мальчики бежали ко мне или к папе, показывая, что у них получилось. И теперь малейшее сходство в строчках Игоря с теми, которые произнес Алька, вызывали у него подозрительность. Правда, справедливости ради скажу, что Игорь старался быть теперь очень аккуратным и стычки соперников почти прекратились. А вскоре я заметила, что Игорь с Аликом снова объединили свои творческие усилия и приносили мне показать совместные смешные песенки и стихи. Одну записала специально, для «истории».

Жила-была мышка по имени Крышка.

Она жила в пещере, ее любили звери.

Она умела лазить по вышкам и

По крышам...

Весь день она трудилась,

Под вечер уморилась...

Она любила кушать

Яблоки и груши.

Но ела в пещере

И не показывала зверям...

Я не стала разбираться с тем, что у Крышки был странный характер: она прятала от зверей свою еду, не делилась, но почему-то ее, такую эгоистку, звери любили. Не до того было. Братья без конца горланили первые две строчки совместного

опуса. *«Жила-была мышка по имени Крышка...».*

...В день, когда старшему сыну исполнилось девять лет, он на целый день был нами объявлен королем! Взяли гладильную доску, поставили на нее табурет, задрапировали «трон» ярко-красной тканью (кажется, это был мой отрез на платье). Прежде чем виновник торжества взгромоздился на «трон», мы с папой изрядно поломали головы в поисках короны. Наконец, нашли желтый (почти золотой) металлический обод конфетницы, сняли его с хрустальной подставки и водрузили сыну на голову. Корона получилась классная! «Король» уселся на «трон» и очень старался быть величественным!

Мы устроились на полу у ног «его величества» и беспрерывно повторяли бесконечно сладостную для него фразу: «Чего изволите, ваше королевское высочество?» Честно говоря, мы побаивались, что «высочество-величество» захочет чего-то такого, что нам окажется «не по зубам»! Наконец, «король» громко заявил: *«Мне нужны гимны в мою честь!»* «Ну вот, доигрались», – подумала я, но папа, тут же изобразив королевского шута, пригнул головы Игоря и Ярика к полу и, изображая подобострастие, спросил «их величество»: *«Не могли бы вы подсказать нам, вашим королевским поэтам, слова, которые вы обязательно хотели бы услышать в гимнах?»* В папином вопросе был свой смысл. Я играла с детьми в «стихоплетство» и, научив их конструировать рифмы, заметила, что игра быстро увеличивает их словарный запас. Папа решил взять у «короля» рифмы, чтобы в день рождения заставить и «его величество» немного поработать мозгами. Алька, то бишь «король», презрительно ухмыльнулся, и я невольно подумала: *«Откуда у детей появляется и накапливается такое количество точных мимических масок с гаммой презрительных, снисходительных, чванливых, высокомерных и уничижительных акцентов? Ведь еще совсем дети!»*

«Их величество» произнесло: *«Берите карандаш и записывайте!»* Игорь и Ярик с удовольствием заметили, что папа

решил сам записать «высочайшее повеление», потому что не смогли бы поспеть за капризным «королем». Однако Алька в тот день был явно не «в ударе» и надавал нам кучу пресных слов и рифм. «Не знаю — пылаю», «любое — простое», «министра — быстро» или что-то в этом роде. Мы решили разделить: папа объединил свои творческие усилия с Яриком, я — с Игорем. «Король», сидя на своем троне, ждал гимнов в свою честь. Коротать время ему помогали «Бременские музыканты», песни которых наш «король» любил слушать с папиного магнитофона.

Наконец «творцы гимнов» объявили, что работа закончена, и папа, почтительно кланяясь, с радостью принял распоряжение «их величества» прочитать. Вот мое с Игорем «сочинение»:

О наш король, увы! не знаю,
Чем вас порадовать. Пылаю
Желанием придумать быстро
Вам речь от вашего министра.
Скажи желание любое —
Волшебное или простое.
Все будет: слон, банан, машина,
Ведь так правительство решило!
А если вы хотите танк,
Дадим на танк — зеленый бланк.
А если вы хотите гром,
Мы в барабан ударим — «Бом!»
На сердце руку положи —
Всего, что хочется, — скажи!
Мы сядем все на вертолет,
Кто обещает — чур не врет!
Пока ты пьешь свой царский чай,
Слетаем всюду, даже в рай...
Король (прекрасная деталь!),
Когда не трус он и не враль,
Когда ему все по плечу,

Как цирковому силачу...
Тогда король всегда в «пятерках»
Зимой катается на горках.
Да здравствует король!
Привет!
Ему сегодня — девять лет!

Игореша в «творческом союзе» со мной был на редкость стоворчивым и полностью доверял мне все манипуляции с теми словами и рифмами, которые «их величество» произнес и приказал использовать в тексте «гимнов» в свою честь. Когда папа торжественно завершил чтение наших виршей, Алька благосклонно кивнул и сказал: «Хорошо, ваше превосходительство мама! А теперь читайте дальше, что вы там сочинили, дорогой королевский шут!» Папа непочтительно прыснул, Ярик ничего не понял и сказал строго: «Не обзывайся, понял?» Но папа замял неловкую и явно рискованную для Ярика в день рождения «короля» реплику. Он торжественно стал читать «совместный» с малышом гимн «королю». Вот он:

Не знаю лучше я министра,
Чем наш Алюня дорогой!
Соображает он так быстро,
Как будто конь спешит домой.
Заданье выполнит любое
(Машина даже не сможет).
Вот их величество решило
Всем танкам произвесть учет!
И, взявши в руки чистый бланк,
Алюня записал в нем? «Танк!»
Но тут раздался страшный гром!
Бом, бом, бом, бом, бом, бом, бом, бом, бом!
И все слышали приказ:
Войну скорее отложи,
Слова приветствия скажи!
И короля усвой наказ:

Войны не будет! Вертолет
Не отправляется в полет!
Заварим тихо мирный чай,
В своей семье устроим рай...
По государству объявление:
Король справляет день рожденья!
Войну и пушки — все убрать!
И в игры мирные играть!

Краем уха я слышала диалог соперничавшей с нами «двойки»: «Ты согласен с такой строчкой?» — спрашивал папа пятилетнего Ярика и тут же получал в ответ «горячее одобрение»: «Да, конечно, здорово! Согласен!» Ну чем не «слияние душ»? «Король» не преминул заметить в адрес папы с Яриком, что из их «гимна» не понял, кто он сегодня — глава государства или министр? Авторы смущенно опустили очи долу, но Ярик моментально все поставил на свои места: «Ты же не сразу стал королем, правда? Сначала ты был солдатом, потом — министром, а уж совсем потом — королем!» «Их величество» хмыкнул, но перечить такой логике помощника «придворного поэта» не стал. Через минуту «король» спустился к «народу», и мы весело стали распевать свои скороспелые вирши-гимны.

Рифмотворческий зуд захватил детей надолго... Споры о сочетаемости рифм переходили иной раз границы «парламентских» правил дискуссий. И все-таки я слушала эту «творческую полемику» с большим удовольствием.

...Игоря с Яриком отправили мыть посуду на кухню. Вымыли. Стали спорить. Почувяв «запах паленого», хотела уже вмешаться. И тут слышу: «Под водой — раки», — говорит Ярик. Немного помолчал и, как всегда, восторженно и громко завершил: «Ползут во мраке!» Слышу голос Игоря: «Нет! Нет! Не так, а так: «Под водой раки, они пошли во мраке!» Сама чувствую симпатию к варианту Ярослава, но, довольна уже тем, что дискуссия не перерастает в потасовку, молчу, слушаю.

Ярик пока не в силах заметить, что в варианте Игоря нет

никакого отличия от его собственного, но то, что брат пытается изменить его, Ярикины, рифмы, самолюбивому автору очень не нравится! «Собаки, может быть?» По-моему, он пытается иронизировать, но в его голосе уже чувствуется приближение слез. Слышу Игоря: «Собак под водой не бывает!» Ярик доволен: «Ну вот, а ты говорил!» Через несколько минут «поэты» приходят на кухню и сообщают уже спокойно и даже деловито: «Мама! Мы сочинили хорошие стихи: «Под водою раки во мраке». Запиши!» И уходят.

Бывали у нас дни и вечера, которые папа называл «Болдинской осенью».

Дети открывали для себя рифмы с восторгом. Их настолько поражала игра совпадений окончаний слов, что они снова и снова подбирали самые невероятные сочетания. Правда, бывало это очень редко!

Вот мальчики уже лежат в кроватях. Пора уgomониться, но где там! «Поэт — привет!» — это Игорь. «Вот за мной идет коза, дам ей шапкой три раза!» — это дурачится Алька. Все хохочут! Прислушиваюсь... Шепот братьев вдруг резко нарушается громкой пренебрежительной репликой старшего: «Тоже мне, Пушкин!» Слышу ответ самого младшего: «Не Пушкин, а Стишкин!» Хоть Ярик еще неграмотен, но лингвистическая интуиция подсказывает ему, что Пушкин — это тот, кто делает пушки, а стихи пишет — Стишкин! Случалось, что необычно долгая тишина в детской оказывалась обманчивой. Вдруг оттуда выскакивают полуголые, безумно размалеванные наши мальчики и, топя ногами, размахивая руками, кричат:

Пейте водку!

Бейте в глотку!

Пейте пиво!

Бейте в гриву!

Пейте квас!

Бейте в глаз!

Это, так сказать, вульгарный крен в «поэтическом творчестве»

юных рифмоплетов. Заметила, что «с годами» он становился все более явственным. Правда, поначалу я не очень тревожилась по этому поводу, потому что все было в рамках приличия. Но вскоре стала замечать в словах и рифмах детей наши с папой «словесные шлаки». Иногда появлялись слова, оброненные гостями, не слишком щепетильными в выражениях. Иногда это настораживало, но не более того. Тревог особых не было, просто я поняла, что происходит неизбежное «лексическое засорение». Словесные прелести типа «шкаф сказал: «Гав!», а комод сказал: «Урод!» постепенно сменялись пресным и однообразным, примерно такого пошиба, выданным Игорем: «Алюня-кастриюля пошел в магазин, купил там колбаску и маленький сыр. А мама-мамаша пошла на базар. Купила она там большой самовар. А папа-папаша...» И все в таком духе – примитивно и уже, увы, не смешно.

...Со временем «словесное творчество» братьев обрело новое направление: они увлеклись сочинением детективов. Хоть и громко сказано, но появился жанр, который старший сын назвал «вральками», а Игорь с удовольствием его поддержал. Дети изображали чекистов, шпионов, милиционеров, разведчиков. Играли увлеченно и всерьез – с допросами, погонями, тайниками, шифровками. Вскоре я записала в своей тетрадке: *«Насмотревшись фильмов о преступлениях, приключениях, шпионах, Алюня, который уже перешагнул порог третьего класса средней школы, пришел к заключению, что живет он скучно, и ему захотелось, чтобы вокруг поскорее «запахло жареным».* По-моему, Альке показалось, что всякая детективная история начинается с таинственного письма «неизвестного». Таковым был, конечно же, сам Алик. Теперь осталось решить: кому это письмо адресовать? Я могла только предположить, что в поисках достойного адресата Алик остановит свой выбор, конечно же, на папе. «Неизвестный» сразу же приступил к делу. Утром папа обнаружил на своем столе конверт с письмом. Там было написано:

«Здравствуйте, дорогой! Срочно вызываем вас в Париж, у нас произошел ужасный случай! Мы знаем, что вы хороший психолог. Мы вам все объясним, когда вы прилетите». На конверте был обратный адрес: «Париж, улица кардинала Ришелье, дом 25, квартира 106». Открыв в подъезде ячейку с номером своей квартиры, папа нашел второе письмо! Тут же его распечатав, он прочитал: «Господин! Если вы приедете в Париж и сможете нам решить проблему, вас ждет много золота!» Подпись, стоявшая в конце письма, ввергла папу в полное смятение: «Казатская банда».

Я, разумеется, сохраняю орфографию оригинала, чтобы сбереечь весь «стилистический аромат» текста. Разумеется, «хороший психолог» решил в Париж не ехать, чтобы не испытывать судьбу. Кто знает, чего там задумала эта «казатская банда»? Больше всего меня рассмешила такая деталь «подметных писем». Слово «проблема» – любимое у папы. Подхватив его, дети придали своему тексту особый привкус. Детективный жанр, прозванный самими авторами «вральками», снова объединил братьев. Вместе писали, вместе рисовали к своим историям иллюстрации, читали, громко хохоча, и впервые не спешили показывать свои «творения» ни мне, ни папе.

Влияние прочитанных книг, увиденных по «телику» фильмов, например «Трех мушкетеров» с Боярским-Д'Артаньяном, определенно чувствовалось. А история бравого солдата Швейка, которую я совсем недавно закончила читать детям, так им понравилась, что «авторы» стали все чаще делать этот персонаж романа Гашека чуть ли не главным действующим лицом своих сочинений.

Я приведу сейчас несколько историй, авторы которых, наверное, уже и забыли об их существовании. Повторяю, я сохраняю орфографию и пунктуацию, потому что не могу устоять перед аурой очаровательной безграмотности «авторов». Именно она придает неповторимость тексту «детективов».

Вралька 1. Как Швейк хотел записаться в роту мушкетеров (Здесь же нарисованы герои «вральки»: Атос, Портос, Арамис, Д'Артаньян, Швейк и кардинал Ришелье): «Приехал Швейк в Англию. Он убежал от паручика дуба. Сначала он пожил один день в лесу и переночевал там. А потом он пошел искать город. Решил Швейк искать Город Мушкетеров. Искал он искал и наконец пришел в Париж».

Передвижение Швейка из Праги в Париж через Англию нашего папу ужасно рассмешило! Он взял карту, показал детям Прагу, Англию, провел пальцем через пролив, отделяющий Британские острова от Франции, и наглядно продемонстрировал, какой длинный путь прошел несчастный Швейк. Но «авторы» пропустили мимо ушей папины географические коррективы. «Это же «вралька», папа!» – сказал старший сын и укоризненно глянул на отца. Ну в самом-то деле!

Вралька 2. «Швейк в Париже: В Париже охранники стоят у ворот. Сколько Швейк ни ходил, его в город не пустили. Тогда он взял свой ремень, а он у Швейка был такой что нужно только нажать кнопку, и он вытягивался в двадцать пять метров! Тогда он закинул на стенку ремень и перелез через нее».

Лаконизм текста выдавал, скорее всего, поспешность, с какой авторы хотели писать эти истории, чтобы тут же прочитать их вслух самим себе. Воображение сочинителей хранило гораздо большее количество деталей, чем те, которые «выливались» на страницы тетрадей. Недаром они громко смеялись. Написание текста было стимулом к включению воображения.

Их «внутренний телевизор» показывал героя во всей красе, и авторам не требовалось описывать на бумаге все его проделки! Писалось для стороннего читателя или слушателя, но процесс сочинительства никак не хотел согласовываться

с процедурой написания. Последнее было делом нудным и требовало много терпения. А вот его у авторов как раз-то и не хватало!

Вралька 3. «Солдат Швейк вступает в роту мушкетеров: Увидел солдат Швейк из-за забора мушкетеров и кричит им: «Я тоже хочу быть мушкетером!» Тут кто-то тронул его за плечо и сказал: «Хочешь быть моим денщиком?» Швейк испугался и сказал: «Так точно!» И неизвестный унес его с собой в неизвестном направлении».

Вралька 4. «Швейк в доме кардинала: Очнулся Швейк в доме кардинала. Он увидел открытое окно. «Ой, я же могу спрыгнуть!» Он спрыгнул потому, что был на первом этаже. Его никто не заметил. Он побежал искать двор мушкетеров. На дворе мушкетеров все было в разгаре. Мушкетеры тренировались».

Мне показалось, что с каждой серией «авторы» приобретали навыки более или менее упорядоченного изложения событий, которые происходили со Швейком.

Вралька 5. «Как Швейк поступил в роту мушкетеров: Швейк подошел к воротам двора мушкетеров, и его заметил господин Де Тервиль и сказал: «Что тебе тут надо?» А Швейк говорит: «Я хочу поступить в роту мушкетеров!» А Де Тервиль отвечает: «Если ты умеешь драться на шпагах, то возьму.

— Я умею!

— Так покажи! — Де Тервиль дал Швейку шпагу, с которой он будет драться. И Швейк начал».

Вралька 6. «Как Швейк ранил всех четырех мушкетеров: Швейк победил всех мушкетеров, которых капитан

Де Тервиль дал ему, для того чтобы Швейк показал, как он дерется на шпагах. Первого мушкетера он оглушил, второго ударил по ноге, третьего сразил ударом в кобчик, а четвертого проткнул шпагой в руку. «Ловко!» — сказал Де Тервиль. — Кто ты?» «Я — Швейк!» — закричал веселый Швейк. «Это мой денщик! Он у меня служит!» — раздался голос кардинала. «Я погиб!» — подумал Швейк и выпрыгнул в окно».

Тут уж сам «накал» ситуации очевиден!

Вралька 7. «Швейк в драке с гвардейцами: Подумал Швейк и сказал сам себе: «Ну Швейк прощай!» И только он это сказал, как услышал за спиной четыре голоса: «Ах! Я тебе вот так-то! За проказы! Давно асфальт нюхал? Ты, козел, давно травку щипал?» «Что такое, что такое?», — возмутился Швейк. Оказывается, мушкетеры били гвардейцев кардинала. А рядом стоял кардинал и со страхом смотрел на Побойще, пока Швейк не изловчился дать ему по голове какой-то мотыгой. «Молодец, парень!» — крикнул Д'Артаньян Швейку. Но Швейк не остановился на достигнутом, он так мутузил гвардейцев, что кардинал, когда пришел в себя от этой картины снова упал в обморок».

Да! Драка была очень горяча! Бились тем, что под руку попадалось. Главным героем этого побоища был наш Швейк. Он без разговоров здороваётся с гвардейцем, а когда тот уходил в середину драки запускает в него кирпич или дубину. В общем, картина выглядела так: мушкетеры сидят на каких-то бревнах, стройными рядами лежат гвардейцы во главе с кардиналом.

Вот так, а не иначе! Примерно через две недели интенсивного творчества «авторы» выдохлись, чего и следовало ожидать...

...Было утро воскресного дня. Дети бегали по квартире еще не умытые и не одетые, постоянно натыкаясь друг на друга,

громко визжа и даже падая.

Это безобразие я решила изобразить в картинках, и, когда мальчики немного утомнились и сели с папой завтракать, быстренько нарисовала недавние сцены утреннего столпотворения. Свой сатирический плакатик я повесила рядом с расписанием дежурств по кухне, и дети очень быстро увидели его. К каждой рожице, которую я набрасывала, не слишком заботясь о сходстве, прилагалась эпиграмма, и Алька, как самый грамотный и уже бегло читавший, стал громко декламировать, прерывая чтение громким хохотом:

АЛИКУ:

Алик рано встал, чуть свет,
Только толку в этом нет!
Он уроки сделал, но —
Было в голове темно...
На зарядке — разрядился
И потом весь день ленился.
Нотки бедные на грифе,
На струне: четыре — пять,
Словно корабли на рифе —
Только некому их снять.
Шлюют сигналы в океан:
«Помоги нам, Нариман,
Напиши ему в тетрадь:
«Ноты твердо надо знать!»
Алик им ответ дает:
«Я таких не знаю нот!»

Придется все-таки кое-что разъяснить. В эпиграмме — мотивы наших домашних бед: Алька учился играть на гитаре у педагога по имени Нариман.

Игорь нашел свою рожицу.

ИГОРЮ:

И войдет навеки в спорт
Новый чтения рекорд.

Чемпион ужасно горд,
Улыбаясь во весь рот.
Он читает за минуту
Девяносто слов подряд!
Только книжки почему-то
Непрочитаны стоят...

О тренировке Игоря на скорость чтения я уже писала, но любовь к книге еще предстояло привить. Вот и возник у меня сюжет для этого сатирического стишка.

ЯРИКУ:

Это что за рожа?
На кого похожа?
Рот уехал к уху,
Нос полез на лоб.
С музыкальным слухом
Кто это орет?
Слышно даже во дворе:
«До-Ре-Ми-До-Ре-е-е-е!».
А потом исчезла рожа
И от слез просохла кожа.
Вот сияет, как фонарик,
Наш веселый мальчик Ярик!

Ярослав был малышом вспыльчивым. Моментально взрывался и орал. Чтобы «глас вопиющего в пустыне» был услышан в любой точке планеты, его голос должен быть именно таким, как у нашего Ярика!

В тот воскресный день Ярик орал особенно вдохновенно. Немного оглохшие, мы общими усилиями наконец-то успокоили мальчугана. Однако крикун очаровал нас своими совершенно сухими глазами и сногшибательной, как говорит наш папа, улыбкой. Вот об этом я решила написать в своих стишках на плакатике...

...Наш папа решил, что пора от развлекательных форм

«словесного творчества» переходить к полезным для общества. Я опешила от такого заявления главы нашего семейства и попыталась получить разъяснения. Олег, улыбаясь, сказал: «Мы с тобой пишущая братия, так? Ну, и дети наши унаследовали от нас эти способности. Не берусь прогнозировать, станут ли они прозаиками и поэтами, но учиться писать в газету уже можно!» «Зачем?» — вырвался у меня вопрос, потому что я действительно была искренне удивлена, зачем мальчику, едва закончившему первый класс, нужно учиться писать в газету.

Папа позвал Алика в гостиную, посадил на стул напротив себя, а меня усадил на диван. Он попросил сына рассказать, что сегодня (разговор случился уже под вечер) было в школе. Алька весело начал рассказывать, как прошел в школе праздник скворечника (на дворе был апрель), как в классе выпустили первую сатирическую газету «Гвоздь» и двое ребят и одна девочка, которые все время шалили на уроках, попали туда. «На них нарисовал карикатуру один мальчик, Саня Мельников, совсем как мама рисовала на меня...» Еще были какие-то события, о которых наш ребенок рассказал нам. «Теперь, — таинственно прищурившись, сказал папа, — идите в другую комнату, я вас скоро позову». Мы вышли. Сын стал меня пытаться, что это папа придумал? Я и сама не знала. Когда живешь с таким выдумщиком и фантазером, как наш папа, невозможно знать, что ждет тебя в следующую минуту.

И действительно, очень скоро папа позвал меня и Алика. Мы слышали, как стучала пишущая машинка, и я предположила, что папа что-то пишет и хочет нам показать. Когда мы вошли, он держал в руках листочек с ровными рядами печатного текста. «Сейчас я вам прочту сообщение об одном дне из жизни Алькиного класса», голос у папы был каким-то особо торжественным.

Он слегка приподнял листок и стал читать. Мы услышали про то, о чем несколько минут назад рассказывал старший сын. Только изложено это было темпераментно и весело. Папа

постарался изложить события как можно ближе к Алькиному стилю, и получилось просто здорово! Алька был в восторге. Потом папа взял местную газету «Зорька» и прочитал несколько сообщений о жизни школ республики под рубрикой «Юные корреспонденты сообщают». Это были коротенькие заметочки о том, что случилось в той или иной школе. *«Ты уже натренировался выражать свои мысли вслух, – голос папы звучал очень серьезно, а взгляд выражал то ли надежду, то ли поощрение. Алька тоже слушал отца очень внимательно и кивал. – Теперь надо научиться эти мысли «причесывать», грамотно излагать на бумаге и такие заметки отправлять в газету. Будешь писать о событиях, которые видел, в которых сам принимал участие. Это жизнь твоего класса. Школьная жизнь. Потом ты, например, придешь в театр и напишешь о своих впечатлениях, о том, что увидел на сцене. Может так случиться, что тебе в поведении твоих товарищей что-то не понравится или, наоборот, очень обрадует, ты и об этом можешь написать...»*

Я и подумать не могла, что папе придет в голову обратить внимание нашего школьника на... журналистику. «А почему бы и нет! – Олег вдохновенно ходил по комнате, пытаясь растворить мой скепсис в своих, как всегда, очень убедительных аргументах. – Мальчик неплохо владеет устным словом. Мыслит логично. Пусть пишет для пользы дела. Будет мыслить еще точнее, пристальнее смотреть на окружающую жизнь...» Я не то, чтобы возражала... Просто не представляла себе, что Алька готов к таким экспериментам. Слишком мал, девять только что исполнилось...

Правда, папа еще год назад научил сына фотографировать, доверял ему даже свой фотоаппарат! Для нашей домашней стенгазеты «Клизьма», которая выходила раз в три месяца или в полгода, Алька часто писал короткие заметочки. Папа его заметочки редактировал, потом эта обязанность перешла ко мне.

...О жизни своего класса и школы Алька сначала наговаривал

на магнитофон. Папа просил повторить пересказ два-три раза, и сын, слушая запись, убеждался, что в каждом варианте остается какая-то главная деталь, коренное событие, вокруг которого уже «хороводились» все остальные. Потом Алик садился за папин стол и уже писал окончательный вариант. Мне кажется, что у него получалось совсем не плохо. К середине учебного года Алик опубликовал в той же газете «Зорька» свою первую заметочку. Он писал, как в их классе отмечали именины троих ребят, у которых и год, и день рождения совпали. Было много веселых эпизодов, о которых сын написал толково и, как казалось даже мне, интересно. Ни я, ни папа текст его информации не правили.

Мне не удалось сохранить эти газетные вырезки, но я помню, с какой гордой физиономией ходили сам автор и его братья. Ярик, тогда еще не умеющий читать газетный текст, прихватил в садик какую-то газету – то ли «Правду», то ли «Советскую Белоруссию» – и просил воспитательницу Альбину Петровну: «Почитайте! Здесь статья Алика. Это мой брат. Он – писатель для газеты». А вот статечку Алика, которая из минской газеты «Зорька» попала даже в большую молодежную газету «Комсомольская правда», мне удалось сохранить. Не стоит удивляться такому «взлету» юного журналиста! Ларчик открывался просто: в нашем доме жила милая женщина Вера, которая была одновременно заместителем главного редактора газеты «Зорька» и собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в Белоруссии.

А случилось все так. Приходит однажды сын из школы, было как раз время обеда, и мы с папой были дома. Возбужденный Алька кричит с порога:

«Ты понимаешь, папа, что этот гад сделал? Он медаль...» Мы удивленно смотрели на сына: «Садись, рассказывай...» Выслушав Альку, папа отодвинул тарелку и серьезно сказал: «Да за такое дело... В общем, так! Надо тебе сесть и написать об этом в газету. Пиши, как все случилось, как сам пережил,

и, главное, помни, что это твоя точка зрения и ее надо будет читателю объяснить, ясно?» Сын согласно кивнул и, как был в школьной форме, помчался на свое рабочее место в детской комнате, сел писать по «горячим следам».

Вечером старший брат рассказал о случившемся младшим и между прочим сообщил, что об этом безобразии написал в газету! Игорь и Ярик моментально прониклись уважением к брату. Через неделю, получив газету с его статьей, потребовали, чтобы у каждого был свой экземпляр...

Вот она, эта статья.

Алик Юрганов **ДЕДУШКИНА МЕДАЛЬ**

Произошло это с нашим одноклассником, имя которого я называть не стану по просьбе моих друзей. Как он мог это сделать, я не знаю, но он украл у своего дедушки медаль и принес в школу. Он хотел выменять ее на двух игрушечных ковбоев. И одноклассник Артур с ним поменялся! Но, подержав у себя медаль два первых урока, подумал: честно ли будет менять медаль, которую сам «обменичик» не заслужил? Артур вернул мальчику медаль и сказал, чтобы тот возвратил ее владельцу. Он не знал, что медаль принадлежала дедушке того одноклассника, но предупредил его, что расскажет об этом нашей учительнице Ирине Александровне. Мальчик испугался. Он сказал: «Бери за просто так, только не рассказывай учительнице!» Мы строго осудили этот поступок всей звездочкой, и медаль была передана дедушке мальчика.

Хочу рассказать историю про медаль, только другую. Я гулял во дворе. Вдруг в траве что-то заблестело. Это оказалась медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Я принес медаль домой. А потом отдал ее бабушке. Она положила мою находку туда, где хранятся и ее награды. У нашей бабушки много медалей. Она часто рассказывает, за что ее награждали. И я понял, как нелегко получить

награду Родины, как она дорога сердцу того, кому она принадлежит, и относиться к ней нужно бережно!

Примерно через три месяца, как раз к празднику 9 Мая, в «Комсомольской правде» эта статья Альки появилась в ряду писем и заметок, опубликованных ко Дню Победы. Газету нам принесла собкор Вера и вручила юному корреспонденту подарок от молодежной газеты – шариковую ручку и красивый блокнотик. Алька был страшно горд, а младшие братья ходили с ним по двору, как свита, показывая всем на карман Алькиной куртки, из которой торчали заветные ручка и блокнот с наименованием газеты, многозначительно уточняя: «Это ему прислали из Москвы!»

В адрес Альки стали приходиться письма, в которых дети соглашались с ним, клеймили тех самых «мальчишей-плохишей», которые поступали, как тот пацан с дедушкиной медалью. Алька стал на письма отвечать. Тут уж мне пришлось помогать с грамматикой, потому что негоже автору такой заметки показывать свою еще не очень окрепшую грамотность.

Потом случилось и вовсе невообразимое! Оказывается, «Зорька» объявила конкурс на лучшую заметку на тему дня и Алька попал, что называется, «в струю». Он выиграл конкурс и был приглашен в редакцию для получения приза. Это была книга «Рядом с отцами» о детях-партизанах, воевавших в тяжкие годы оккупации в одном ряду со своими родителями. В тот день Алька болел и прийти в редакцию не смог, но представитель редакции, молодая улыбчивая женщина, появилась у нас дома с тортом и призом, которые торжественно вручила хворавшему автору-победителю...

...В каждом деле есть спады и подъемы. Алька по горло ушел в учебу и в газету писал все реже и реже. Но шутки, словесные забавы нет-нет да и захватывали воображение братьев, творчество которых продолжалось. Неважно, что их сочинения укладывались «в мамину папку», главное, что теперь, когда

я перелистываю эти уже пожелтевшие странички, меня смешат каракули и бесхитростные рисунки, уместившиеся под обложкой, на которой выведено: «Вральки».

...Перечитала все написанное. Посмеялась, хотя почти наизусть знаю все репризы моих детей. Пусть будет в каждой семье так: ребенок, открывающий родителям свои неожиданные и новые возможности. Правда, случается, что мы, родители, остаемся равнодушны к творчеству наших детей. Принес ребенок рисунок, стишок, а нам недостает доброй снисходительности, чтобы посмотреть, похвалить, что-то даже записать себе на память.

Я искренне веселилась и радовалась, когда детям удавалось сочинить что-то действительно смешное и забавное. А когда у своих мальчиков я обнаруживала искры растущего ума, так же искренне удивлялась и... гордилась!

Пусть я немного все-таки «дovoжу до ума» то, что сотворили дети, не способные еще к своим сочинениям отнестись критически. Может быть, я не слишком терпеливая и умелая мама, чтобы в творчестве детей укреплялись и грамотность, и тщательность. Может быть. Но от радости созерцания творчества моих мальчиков я никогда не откажусь, даже если доживу до того времени, когда они, с высот своей зрелости, будут оценивать «продукцию» своего раннего ума с откровенно скептическими физиономиями...

...Между тем на «гимнастику фантазии» нам с Олегом все-таки пришлось посмотреть настороженно. Одновременно с творчеством детей обнаружился рано созревший рецидив застарелой болезни всех детей всех времен и народов – л о ж ь.

Может быть, я признаюсь сейчас в собственной наивности, но я действительно не знала, откуда у детей появляется ложь. Возможно, она всегда сопутствует пересказу детьми случившихся в их жизни событий, эпизодов дворовых историй, конфликтов, которые случаются у каждой девочки или мальчика, едва они получают возможность поиграть без присмотра

родителей. Муж считал, что ложь как бы «обслуживает» интересы детей, их притязания, стремление защитить себя от нелицеприятных оценок взрослыми своих поступков. Самолюбие ребенка естественно, отсюда и его попытки уклониться от строгих родительских оценок, особенно в случаях, если свои притязания ребенок осуществляет непозволительным способом. Ну как тут обойтись без лжи? В общем, все не так просто...

...Приходит домой пятилетний Игорь. Взмокший, с растрепанными волосами, почти в слезах. Что случилось? «А Сашка сломал мой домик, который я строил там, в песочнице». И в пять, и в шесть-семь лет таких эпизодов множество. Решила все-таки разобраться. Спускаюсь с пятого этажа, подхожу к песочнице и вижу Сашку, такого же взмокшего и плачущего. Слушаю его жалобы. Его версия иная. Игоречек строил какой-то шатер или «вигвам» (накануне мы читали книгу про индейцев!), а Сашка строил «пещеру» и вел подкоп так, что проник на территорию Игоря. Возник «конфликт интересов». Наш сын рассердился и бесцеремонно растоптал Сашкину «пещеру». Тот возмутился, ну и, конечно, от «вигвама» Игореша остались только воспоминания. С ними разобиженный Игорь и пришел домой жаловаться маме. Сашка решил больше «судьбу не испытывать» – ушел в другую песочницу, но слезы обиды еще не просохли и у него.

Вечером за ужином Игорь рассказывает шестилетнему Алюне и трехлетнему Ярику эту историю. Возжусь на кухне и краем уха тоже прислушиваюсь. Какие разительные изменения произошли в новой версии Игоря! Оказывается, он строил в песочнице не шатер и тем более не «вигвам» (это слово он почти сразу забыл), а корабль! Зловредный Сашка, оказывается, «пещеру» не строил, а этот корабль стал коварно бомбить песочными бомбами. Песок попал Игорю в глаза, и тогда он стал «стрелять» из «корабельных» пушек в противника. Сашка заплакал. «А я ему говорю, – тоном человека, убежденно-го в своей правоте, сообщает Игорь, – чего ты в мой корабль

стреляешь и мне в глаза песком сыплешь?» Братья историю слушают внимательно, даже старший не ухмыляется скептически, а согласно кивает... Слушаю и недоумеваю, где же правда?

...Из папиного ящика под его секретером стали пропадать значки, которые он когда-то начинал коллекционировать, но так и не «набрал темп» в своем увлечении. Однажды искал какое-то удостоверение. Недоумеваю, куда запропастилось? Расспрашивает детей: может быть, кто-то видел? Мальчики сочувственно пожимают плечами.

Дня два спустя слышу разговор Алюни с Игоречком. Было им в ту пору одному — 6, другому — 5 лет. Алька спрашивает брата:

— Откуда у тебя этот значок?

— Кнопочка принесла, — отвечает Игореша. Алька с явным недоверием в голосе решил уточнить:

— Прямо тебе принесла, в твой ящик положила?

— Да, принесла... — ответил Игореша, правда, как мне показалось, с некоторой неуверенностью в голосе.

— Не ври, — резко сказал старший брат и громко позвал папу. Тот был занят в гостиной и попросил меня вмешаться. Алька стал рассказывать мне, как он нашел на рабочем месте Игореша значок, о котором спрашивал папа: «Игорь мне сказки рассказывает про Кнопочку, которая таскает ему папины значки прямо в его ящик с игрушками! Надо посмотреть: там, наверное, и лежит все, что папа искал!» Алюня был категоричен, а Игореша уже явно смущен. Я решила не прибегать к «ревизии», хотя и у меня уже возникли подозрения.

— Расскажи-ка и мне, — попросила я сына, — как это тебе Кнопочка таскает папины значки?

Игорь сначала нехотя, но потом, все более увлекаясь, стал рассказывать, как он лепил вчера из пластилина Бармалея, к нему подошла наша сиамская красавица кошка Кнопочка и принесла вот этот значок. Сын показал. Я знала, что у нашей Кнопки и в самом деле обнаружились «собачьи» способности таскать то бумажку, то кусочек колбасы, то невесть откуда

появившуюся тряпочку. Свою «добычу» она могла принести то Алику, то папе, то Игореше. Мы знали об этой особенности нашей кошки, но я, например, и предположить не могла что кошка будет именно Игорю таскать папины значки. Ящик-то она открыть не способна!

— И много она тебе значков натаскала из папиного ящика?

Пятилетний Игорь простодушно пожал плечами.

— Значит, она крадет у папы значки и таскает тебе? — это съязвил Алюня. Однако его скепсис все-таки не поколебал юного фантазера, увлеченного рассказом о талантах кошки. Пока разговаривала с Игорем на кухне, где возилась с ужином, Алька уже из детской громко кричит:

— Мама! Иди посмотри, что тут у Игоря!

Алька, в нарушение всех запретов лазить по чужим ящикам, все-таки не удержался. Иду в детскую, вижу в ящике книжечку удостоверений, которые папа искал уже третий день, и горочку значков.

— Вот, — гневно кричал Алюня, — что ты нам тут сказки рассказываешь про Кнопочку! Ты лазил в ящик стола к папе, все воровал и прятал к себе!

На шум пришел папа и, узнав, в чем дело, молча собрал все свои «цапки», и снова ушел к себе в комнату. Он был ужасно занят, готовил новую передачу «Акценты», к тому же «трещали» сроки заказанной молодежной газетой большой статьи...

Когда все утомонились, я никак не могла выбросить из головы этот эпизод. Вранье и мелкие кражи были прилипчивыми спутниками детства наших мальчиков. Одному ребенку игрушка надоедала, он зарился на игрушку брата, которого могли «настигнуть» такие же соблазны. Тогда у Алика под подушкой оказывалась игрушка Игоря, о которой тот забыл, но, увидев случайно, что Алюня играет с ней, возмущался и требовал вернуть. Наверное, в каждой семье такое не редкость...

В той истории со значками меня обеспокоило, как увлеченно, правдоподобно рассказывал Игорь про Кнопочку, которая

якобы таскала ему значки. Пять лет – время прелестное, и, глядя в большие зеленые глаза мальчугана, полные искренности, верить сыну хотелось безоговорочно, а «разоблачив», свести все к снисходительному смеху. Во всяком случае, так хотелось мне... Если бы не нарушение Алюней запрета лазить по чужим ящикам, я была готова поверить младшему сыну, тем более что знала: папа у нас человек рассеянный, мог значок уронить на пол. Ну а Кнопочка... Бывают среди домашних животных и очень талантливые! А Игорешу Кнопочка действительно как бы выделяла среди остальных детей. Почему бы не принести ему «дань» за ту ласку, которой малыш одаривал кошечку? В общем, тогда ни я, ни Олег не стали делать выводов из случившегося, увидев в этом поступке обычное безудержное любопытство Игоря и такое же обычное лукавство, в котором нелепо было искать у пятилетнего малыша «криминальный» подтекст.

...Наступил шестой год жизни Игоря. Папа уже занимался с ним по полной программе, готовя к школе. Сын знал азбуку, решал простые арифметические примеры, ну и, конечно, с увлечением, как и его старший брат, проходил через папину «гимнастику фантазии».

Невольно я стала уже внимательней прислушиваться к рассказам детей. Пыталась хоть как-то сопоставить то, о чем они рассказывали, с теми событиями, которым сама была свидетелем. Меня ждали сюрпризы, но как к ним относиться, я знала далеко не всегда.

Пришли однажды дети из цирка. Ярик, которому уже исполнилось четыре года, рассказывает о дрессировщике. С удивлением слышу (я тоже была в цирке с детьми), что у слона «на голове стоял дом, а в доме сидели два мальчика...» Дом – сильно сказано! Было нечто, напоминавшее широкую бадью, обернутую ковровой дорожкой. А внутри действительно сидели два лилипута разного пола. Но малыш не может разобраться в таких деталях. Это понятно!

Игорь, ему шесть лет, подперев кулачками розовые щеки, хитро улыбаясь, рассказывает папе о представлении в цирке. «Внутри железного шара ездит мотоциклист и стреляет! «Трах-тах-тах!» А пули прямо мимо моих ушей свистят!» Папа искоса посматривает на меня. Он в цирке не был. Старший брат сразу же вносит в рассказ Игоря дозу скептицизма: «Ты что, сдурел? Если бы они там стреляли, была бы паника!» Однако Игорь не теряется: «А люди там все кричали! Я сам слышал, это они от страха! Кричали так: «Ах! Ах! Ах!» Цензор – старший брат – терпеливо уточняет: «Конечно, это они боялись, что мотоциклист упадет, а не потому, что кто-то там в шаре стрелял и пули свистели!» Не дожидаясь, когда Игореша замолчит, Алька начинает излагать уже свои впечатления. Рассказывает о воздушных гимнастах: «Летят они друг к другу под куполом цирка, и вдруг один из них не успел схватить за руку другого и падает, прямо вниз!» Папа полушутливо-полусерьезно почти кричит в ужасе: «Разбился?» Алюня страшно доволен: «Ну что ты, папа, не знаешь разве, что там натянута спасательная сетка. Гимнаст упал на нее и стал прыгать по сетке, как на батуте, и снова схватился за перекладину на веревке!» По-моему, такие пересказы интересны, и дети, внося в них «отсебятину», добавляют пережитым или увиденным событиям привкус собственного внутреннего соучастия.

...Все чаще и чаще я убеждалась, что дети стали опускать в своих рассказах о случившихся с ними событиях невыгодные для них детали. Мимика и жесты, слова, в которых можно было явно разглядеть «комплимент самому себе», украшали их роль в рассказанном эпизоде, особенно если речь шла о каком-то дворовом конфликте со сверстниками. «Я взял его вот так! – рассказывает семилетний Алька, показывая, как он защитил слабого от сильного драчуна, сложив руки в кольцо. – И он просто не мог пошевелиться!» Если учесть, что обидчик был на голову выше Альки и на год старше, то объективность рассказа уже была под сомнением. Позже и, как часто бывает,

случайно выяснились вовсе не привлекательные для нашего Алюни детали. Оказывается, и «обидчик», и «защитник» были заодно против «жертвы», ненароком сломавшей игрушку Алюни – недавно купленный заводной мотоцикл. Кто-то из наших соседей «разборку» детей увидел и остановил. Понимая, что информация «просочится» к маме с папой, которые всегда требуют делать все «по справедливости», а уж нападения типа двое на одного никак не одобряют, Алька оказался перед альтернативой: рассказать этот эпизод, сделав акценты на обиде за поломанную игрушку или на том, что в конфликте он защитил слабого! В тот момент у нас в семье идея «Защити слабого!» была особо почитаема. Потасовки между братьями, особенно когда старший, в порыве «безудержного гнева», распалялся, да так, что малыши начинали плакать, нас с папой очень тревожили. Что в таких случаях делать? Выбор невелик! Читаем книжки, говорим о том, что «обижать младших и слабых дурно!» А тут случилось это злополучное событие во дворе...

Алюня и решил во время вечерней беседы за ужином предупредить «утечку информации» и рассказать нам, какой он «справедливый человек». Он полагал, что, поскольку прямых улик его лжи нет, можно без риска разоблачения показать, какой ты хороший человек! Случайно разговорившись с соседкой, которая видела потасовку из окна своей квартиры и строго попеняла мальчишкам, я услышала от нее подробности, а с ними и укор: «Ну как твой Алик стал колотить Генку по голове, я аж испугалась! А этот Леша, ну Алкин сын... Ему помогал. Тут я и заорала на них». Когда дома мы снова вернулись к этому событию, Алька подавленно молчал. Он не отказывался, что потасовка была и соседка крикнула из окна, но быть откровенным так и не захотел. Папа резонно заметил сыну: «Или ты совершил хороший поступок и соседка сказала неправду, то есть оклеветала тебя, или она права, тогда тебе, видимо, есть чего стыдиться. Только ты можешь сказать, что же было на самом деле. Если ты молчишь, я, как твой папа,

должен пойти к Генке (та самая «жертва»), к твоему приятелю Леше («соучастник»), Марии Григорьевне (соседка-свидетель) и спросить их, как все было на самом деле. Но я хочу, чтобы ты сам все нам рассказал». Стараясь хоть в чем-то сгладить свой проступок, Алька почти шепотом, коротко рассказал о случившемся. Правда, ни я, ни папа не увидели в мучительном признании старшего сына даже намека на раскаяние. В лучшем случае – протокол. «Генка попросил мотоциклиста поиграть. Вернул мне с погнутым рулем. Я его побил, а Лешка добавил, потому что Генка стал со мной драться...» Олег все-таки пошел к «жертве» домой. Он хорошо знал его родителей и попросил мальчика рассказать, как все вышло. К тому же он увидел две свежие и глубокие ссадины на щеке и подбородке у мальчика. Это и были следы «орудия расправы» – мотоцикла, которым наш старший сын колотил «противника».

Я специально записала в своем дневнике эту историю так подробно, чтобы понять корни «защитной» лжи для облагораживания дурного поступка, который совершил мой сын. Ни Олег, ни я не считали верным «тезис»: «Дети есть дети, сами разберутся». Мы слышали его часто от друзей, соседей, от знакомых людей, когда заходил разговор о проделках детей. Опыт наших наблюдений за поведением сыновей показал, что надо разбираться с каждым фактом и помогать ребенку понять опасность его проступков, если для этого появились причины.

По-моему, именно с этого случая мы вступили в полосу жизни старшего сына, в которой его ложь стала предметом нашего беспокойства и внимания. Вот почему в разговорах с мужем об этом я стала откровенно тревожиться, что «гимнастика фантазии», которой так увлекся папа Олег, будет только совершенствовать детскую ложь. «Что-то надо сделать такое, – говорила я Олегу, – чтобы эти тренировки фантазии и логики не привели разум наших детей к опасной изворотливости в будущем! Надо менять наше отношение к рассказам детей о пережитых ими событиях и эпизодах, чтобы правда факта все-таки преобладала.

Надо учить ребят оценивать себя честно».

Я вспомнила старый шуточный прием контроля за правдой в рассказах детей, который применяла бабушка Зина. Как только ей казалось, что начинаются «завирания», она тут же накладывала средний палец на указательный. Это значило для рассказчика: «Не верю!» Если рассказчик продолжает фантазировать, бабушка Зина делает это и на другой руке. Энтузиазм увлекшегося враньем рассказчика заметно угасает. Недоверие слушателя резко снижает «масштаб вранья». Мы с папой решили применить этот «бабушкин» метод. Сначала рассказали детям, что вранье – не такое уж и безобидное «увлечение», как может показаться на первый взгляд, что можно привыкнуть говорить неправду и уже не отличать, где правда, а где ложь. Словом, побеседовали и показали бабушкин «знак сомнения», предупредили, что будем его применять, если и нам покажется, что...

Теперь рассказы наших детей звучали не столь красочно, как раньше. Они внимательно смотрели на наши руки. Едва пальцы у папы или у меня начинали шевелиться, приближаясь к «конфигурации сомнения», дети моментально сбавляли темп, стараясь рассказывать «поаккуратнее». Было очень забавно смотреть на лица мальчиков, которые чувствовали, что надо быть «поосторожней с фактами», и старались рассказывать, уже думая о доверии к ним слушателя.

Я записала разговор с Олегом по этому поводу. «Я не знаю, – говорил муж, – станет ли его величество Факт уважаемым в моральных правилах детей, когда они станут взрослыми. Может, в качестве аргументов им по душе будут выдумки. Я наверняка в их возрасте не был идеалом... Подрос и наткнулся на то, что нередко от правды приходится отказываться! Проблема древняя. Но у нее есть другая сторона: когда дети вырастут, им неизбежно придется столкнуться с обстоятельствами, когда только правда и факты станут свидетельством их порядочности! Я понимаю, легче замаскировать трудную для них правду в красочные

складки фантазии. Потому и уживаются сейчас в их возрасте наивность с выдумкой! А что будет потом?»

В жизни семьи и в отношениях с родителями, особенно в подростковом возрасте, дети часто не получают желанного внутреннего комфорта. Об этом я могу судить и по своему дочернему опыту. Нет комфорта внутри твоего «я»? Зато у тебя есть фантазия. Она предоставит тебе иллюзии, может замаскировать неприятную реальность. Ты создаешь с помощью фантазии свой мир и вправе никого туда не пускать! Ни своих родителей, ни тех, кто тебе неприятен. Однако так и до реального яда недалеко: наркотики, синтетический клей, который затеяли нюхать пацаны и девчонки. Они «балдеют», отравляя свой разум, на который давят обязательства и конфликты реальной жизни.

В моей семье тоже были конфликты между родителями. В порядке вещей были между ними скандальные разоблачения, а потом лицемерные примирения. В раннем возрасте я очень неохотно пускала их в свой внутренний мир. Окунаясь в облака фантазий, я выглядела человеком «не от мира сего». В 13-15 лет я подпитывала свои фантазии чтением, стихами и не замечала, как в моем внутреннем мире за клубился дым иллюзий! Став взрослой, я наделала немало ошибок именно потому, что окунулась в удобный для меня с раннего отрочества иллюзорный мир, в котором я оценивала себя вовсе не так, как требовала жизнь. Теперь, став матерью троих мальчиков, я стала тревожиться, увидев, как умело используют они фантазию для своих уловок.

У моих детей – совсем иная атмосфера в семье. Ее невозможно сравнить с той, в которой росла я, их мама. Мы с папой очень хотим быть друзьями сыновьям, но вряд ли нам удастся игнорировать частую готовность наших мальчиков использовать свою фантазию как «дымовую завесу» для лжи, лукавств и ухищрений. Может быть, это неистребимо? Детям предшествующих поколений человечества всегда хотелось и делать, и желать

что-то из области запретного, а на себя они смотрели вовсе не глазами своих родителей! Хотелось избежать ограничений, возводимых папой и мамой. Их-то и следовало перехитрить, обмануть, чтобы эти ограничения преодолеть! Вот они и привлекают фантазию, даже не догадываясь, что идут «по кругу»...

*

...Это прекрасная минута, когда малыш пробуждается ото сна! Может быть, я пристрастна, хотя иначе и быть не может, но мои дети были удивительно хороши в миг, когда просыпались... Теплое, мягкое, удивительно «вкусное» существо, смотрит распахнутыми, как вымытые окошки, глазами, и радостно тебе от того, что это твое дитя, на твоих, родительских руках. Позже, когда его уже не возьмешь на руки по причине веса и роста, исчезает умиление, возникшее в дни их младенчества и детства...

Алька – прелесть, потому что у него румянец во всю щеку! Игорь – потому, что в глазах его моментально загорается озорной огонек. Недаром мы между собой, вслед за бабушкой Зиной, зовем его Огонечек! Ярик – лапушка, потому что он после сна бесконечно ласков и нежен. Особенно по утрам. Именно от него первого мы слышим с папой: «Доброе утро!» Но чудеса после пробуждения – впереди!

Итак, дети проснулись, наградили меня ароматом, теплом, уютот детских объятий. Детки умылись, сели за стол, завтракают. Чаще всего завтрак, как, впрочем, и ужин, превращались в нашей семье в подобие клуба. Каждый наш ужин, особенно в воскресенье, – время раздумий, советов, подведения итогов прожитого дня и, конечно же, «выговоров» за проделки и явные грехи. Но с большим интересом мы обсуждаем, конечно, «проблемы», даже если это обыкновенная заноза, невесть как попавшая в пятку кого-то из моих вкусных юргашек.

Очень скоро я отметила, что предметом наших «парламентских дебатов» все чаще становились увиденные сны. Признаюсь, видеть и рассказывать сны мы любили все. Конечно, до языческого страха и трепета не доходило, но для нас

сон являлся как бы полотном, на котором неведомые силы рисовали красочные картины наших прошлых переживаний или будущих надежд и тревог. Во сне происходили важные события, случались неожиданности, и, конечно, героями сновидений были мы сами. Охотнее всего сны рассказывали дети. Мы с папой слушали их фантастические сюжеты и понимали: это тоже... творчество и в нем – следы прошлых, настоящих обстоятельств и фактов нашей жизни.

Обычно вечером, перед тем как лечь спать, начинался ритуал. Папа приходил к детям в комнату, иногда один, иногда вместе со мной. Если папа задерживался на работе, приходила пожелать спокойной ночи только я. Пожелания и у меня, и папы были обычными и нежными: «Спокойной ночи, Алюня, Игореша, Яруся». «Спокойной ночи, мамочка и папочка», – слышим в ответ. Целовали мальчиков, и они тоже прикасались к нам своими теплыми, влажными губами. Нередко я добавляла: «Пусть вам приснится рыжая собака Марья Ивановна».

Когда я впервые услышала такое пожелание, а произнес его Олег, очень удивилась. Муж объяснил мне, что рыжая собака Марья Ивановна – символ чего-то очень доброго, сердечного, что должно сопутствовать во сне маленькому спящему человеку. Мне образ понравился, а когда однажды у подруги я увидела пушистого, рыжего шпица-самку, по кличке Марьяна, мне и вовсе показалось обязательным пожелание детям увидеть ее во сне, чтобы она нашептала им свои смешные истории или терпеливо выслушала их, а может, и утешила, если в неведомых далях сновидений неожиданно случится с нашими малышами неприятность.

Мальчики очень быстро «раскусили» мое желание поскорее услышать их рассказы о тех приключениях, которые случились с ними во сне. Правда, я и не скрывала от них своего любопытства и нетерпения.

...Начало рассказываемого ребенком сна может быть действительно следом какого-то приключения, «увиденного»

дремлющим мозгом, или впечатком пережитого детьми сюжета из их жизни. Это может быть толчком к фантазиям уже «по мотивам сна». Мне так кажется. Ну и пусть! Сон увлекает чувства и разум ребенка, подталкивая их к творческой «работе», когда малыш спит.

...Одно время Алька очень боялся Бармалея, ему хорошо известного по сказке К. Чуковского – «Доктор Айболит». Не помогало даже то, что папа мастерски читал историю про доброго доктора Айболита, стараясь разбойника Бармалея представить как можно комичнее. И вот однажды просыпается Алька и рассказывает, что видел во сне... Бармалея. Я сразу насторожилась, но сын не плачет, не ужасается, как это накануне было не раз. Нет! Трехлетний малыш деловито рассказывает, что ходил он по берегу реки Лимпопо с Бармалеем и тот срывал бананы и... угощал Алюню. Дальше – больше! В Алькиных снах Бармалей полностью потерял свою свирепую сущность и очень скоро стал для него чуть ли не близким другом.

Рассказывает:

– Я видел сон, когда спал...

– И что же ты видел?

– Я видел Бармалея, мы сидели с ним у него в квартире... Да, в собачьей будке(?!).

– Значит, Бармалей живет в собачьей будке? – оторопела я.

– Да, – отвечает сын, – тот, «сонный», Бармалей...

Сын вошел во вкус и, видя с каким интересом я слушаю его утренние истории, рассказывает мне все новые и новые сны. И, честное слово, не хочу задумываться над тем, видел он их или откровенно фантазирует, сочиняет. Хочу просто слушать сына. Мне действительно интересно!

– Я видел сегодня ночью много снов. Видел маленькую, беленькую, кудрявую собачку. Она как будто сидит на стульчике рядом с моей кроваткой и со мной разговаривает...

Замечаю про себя, что это не рыжая собака Марья Ивановна. Предполагаю, что, наверное, это собачка из цирка. Мы как раз

в прошлую субботу в цирк ходили. Спрашиваю:

– И о чем же она с тобой говорила?

– Она говорила собачьим голосом, а вот о чем она со мной говорила, я не расслышал, мама. Не успел – проснулся.

На моем лице, наверное, было написано явное разочарование от того, что не услышала его разговор с собачкой. Вижу, глядит на меня Алька хитро-хитро!

– Это шутка такая... – смеется.

Решила уточнить:

– Это про собачку шутка?

Однако мне показалось, что ему самому от этого правдивого признания в лукавстве стало невесело. Сочинить что-то завлекательное, сразу после пробуждения, чтобы мама заслушалась, – не получилось! Но как же хотелось внимания заинтересованного слушателя! Сыну не хотелось врать, повторяться, пересказывать сейчас маме что-то из уже слышанного ею. К правдивости в нашей семье мы взываем денно и нощно. Снисходительно его целую – ладно, в следующий раз что-то, может, и привидится интересное!

Однажды в воскресенье, за завтраком, когда не надо спешить на работу и можно все изобразить в лицах, как это мастерски умел делать наш папа, услышали мы его историю, которая «приключилась» с ним во сне.

– Я видел во сне нашу маму. Она скакала на лошади и кричала «Ура!».

Алька, ему было уже пять лет, тут же взволнованно вскакивает и с восторгом кричит: «Папа, папа, и мы тоже слышали!» Такое «соавторство» в порядке вещей, если оба – отец и сын – большие фантазеры.

Возникали и забавные ассоциации сна ребенка с реальностью. Алька рассказывает:

– Лечу я на Коньке-Горбунке...

Я спрашиваю:

– Наверное, когда тебя Конек-Горбунок поднял высоко

в небеса... холодно было?

— Да! — отвечает сын уверенно.

— Это с тебя одеяло сползло... — иронически уточняет папа, — и ты замерз.

Мы весело смеемся, и Алька тоже, уже явно понимая все эти «реальности». Конечно, и теперь братья очень ревниво следили за «авторскими правами» на свои рассказы о «сонных приключениях». Хитрюнчик Игорь мог через неделю «увидеть» во сне то, о чем уже рассказывал Алюня. Хорошо, если плагиат прозвучит в отсутствие автора. Но, если Игорь потеряет бдительность, автор немедленно потребует «сатисфакции».

Каждый из детей рассказывает о своих снах по-своему, с прищущим ему подходом ко мне, их главной слушательнице. Ярик, едва проснувшись и увидев меня, тут же начинает:

— Доброе утро, мама! А я видел такой сон: я во дворе катаюсь на слоне. Слона зовут... Вася.

Ох уж этот Вася! Был у нас и микроб с таким именем. Папа, требуя мыть руки перед едой, частенько разыгрывал малышню, поднимая в ужасе брови и восклицая: «Вон бежит микроб Вася! Он несет в зубах грязь и заразу! Скорее мыло в руки и смыть его в канализацию!» На этот раз Васей оказался слон. Ярик продолжает: «...сам я катаюсь на лошади. Ее зовут Красавица. Слон, когда меня увидел, очень удивился...»

Почему удивился слон Вася и как во двор, где он гулял, попала лошадь Красавица, а особенно что же было дальше, узнать не удалось, потому что сон Ярика может неожиданно «оборваться». Он умолкает, и никаких подробностей от него уже не услышишь. То ли сон действительно кончился, то ли иссякла фантазия...

И все же на завтра или дня через два-три Ярослав может продолжить рассказанные накануне сны и, как ни странно, в точности напоминает мне конец той части, на которой прервал свой рассказ. Ну как не позавидовать малышу? Его сон может продолжаться и три, и четыре, и пять дней, превращаясь

в многосерийный фильм.

Ярику — четыре года, и слушать о его приключениях во сне мне очень интересно. Память малыша меня удивляла. Однажды, шутки ради, спрашиваю его: «Посмотри, пожалуйста, Яруся, еще раз свой вчерашний сон. Уж очень он мне понравился!» Сын обещает с готовностью: «Хорошо, мама...» — и на завтра рассказывает мне то, что «видел» день или два назад.

Правда, случаются и «проколы». Говорит немного смущенно: «А на каком месте я остановился вчера?» Обычно он спрашивает об этом, укладываясь спать, собираясь отправиться в царство Морфея, как в далекое увлекательное путешествие. Тут уж и мне нельзя упасть в грязь лицом, слушать стараюсь внимательно, чтобы сыну помочь припомнить «избранные места» из его сновидений.

Однажды, по просьбе автора, вспоминая его утренний «репортаж», я допустила «отсебятину». Ярик страшно обиделся: «Нет, ты не то рассказываешь! Я это не видел, я другое видел!» Напрягаюсь, вспоминаю, рассказываю. Теперь — в точку! Поворачивается на бочок со словами: «Ладно, завтра расскажу, что дальше там было...» — и тут же засыпает. Бывает, что на завтра, проснувшись по утрам, Ярослав молчит. Деловито одевается и ничего не сообщает о своих «путешествиях» в сонное царство. Так же молча завтракает и, если остается по каким-то причинам дома, идет играть в свою комнату. Я ни о чем не расспрашиваю, потому что уже по опыту знаю: сын сам сообщит, почему в этот раз ничего мне не рассказывал. И точно, через час-два подходит ко мне и говорит доверительно: «Я ничего мама не рассказывал тебе, потому что просто этот сон не видел. Вот посмотрю сегодня ночью и завтра тебе все расскажу».

Пятилетний Ярослав иногда мог нас своими сновидениями и ошарашить. Встает как-то: «Доброе утро!» — и тут же сообщает — на этот раз и папа Олег был дома:

— Мама, папа, мне очень красивый сон приснился! Меня такая красивая женщина любила!

Папа очень натурально вздыхает.

— Как я тебе, Ярик, зави-и-и-идулю!

Сын утешает:

— Ничего, папа, тебе скоро тоже она приснится!

Вот так-то!

Да, мы слушаем сновидения детей не только ради забавы или из праздного любопытства. Нас не смущает, что в «оболочке сна» может скрываться сиюминутная фантазия ребенка, которая пришла на ум сейчас, в миг рассказа кого-нибудь из братьев о своих приключениях в царстве Морфея. Я даже убеждалась, что, рассказывая сон или даже сочиняя фантастическую историю, ребенок обнаруживает что-то им усвоенное или «застрявшее» в памяти, возможно, такое событие, которое произошло в реальности или было кем-то рассказано во дворе, в школе, в садике. Даже что-то увиденное в кино, прочитанная нами книга могут вызвать в их снах невероятные фантазии. Кто знает, какой «миксер» смешивает в их внутреннем мире впечатления каждого дня жизни, но слушать их «коктейли» из снов мне очень интересно и даже поучительно!

Альке — четыре года. Он знает слово «фашист», хотя и в своем, ограниченном, но, в общем-то, верном смысле, олицетворяющем зло. Понятие это у него отчетливо ассоциируется с именем Гитлера, со словом «война» и очень часто — с образом сожженных детей. Знает свастику, то есть чей это был символ. И вот однажды, сразу после утреннего пробуждения, говорит мне:

— Я видел сон про фашистов, про тех, которые детей убивают, сжигают их.

— А что ты во сне делал?

— Я с ними сражался! Была большая огненная война, и я фашистов убивал!

Рассказывает горделиво, но, по-моему, как-то отстраненно. Наверняка в его рассказе — отпечаток фильмов про войну, фрагмент одного из которых крепко «впился» в его детскую память, ну а «участие» в благородном сражении со злом

неизбежно! Как же иначе?

Если Ярик рассказывает, как по написанному, громко, то Алька любит подойти ко мне близко-близко, прикрыть ладошкой мое ухо и доверительно рассказать свою «сонную» историю. Правда, он долго не выдерживает такой «интимной» обстановки. Желание расширить аудиторию берет верх. Игорь и Ярик, если уже «отстрелялись», рассказали свое, внимательно слушают брата. Однако Игорь не выдерживает. Ему быстро надоедает пассивная роль слушателя, и он начинает ерзать. Без всеобщего внимания к себе ему трудно!

Случается, что Алька позволяет ему прервать себя. Правда, такое случается редко. Если Игореше удастся дорваться до «трибуны», он тут же начинает рассказывать какую-то свою «новую-старую» историю, однако... быстро иссякает. Или бдительная «аудитория» безжалостно разоблачает его: «Ты это уже вчера рассказывал!» Тогда Алька полон праведного гнева, мол, уступил «трибуну», а он, этот Игореша... И снова требует к себе внимания. Поначалу, попав впросак, Игорь смущается, но через секунду сообщает: «А я думал, что вы про это еще не слышали! Теперь я расскажу, что видел сегодня!» Но недоверчивая «аудитория» просит помолчать и готова слушать Алика, которого Игорь прервал.

Манера изложения обычно соответствует сюжету сна, который рассказывает ребенок. Если излагается какое-то виденное во сне приключение, малыш, едва ли не глотая слова, стремится заразить нас, слушателей, теми переживаниями, которые якобы он во сне испытал. Иногда сон рассказывается спокойно, размеренно, с подробностями. Тут уж я рада делать пометки в своей тетради, не рискуя что-то потерять по ходу повествования.

Дети нередко рассказывали сны, в которых они видели себя преодолевшими какие-то реальные и сложные для них проблемы, с которыми жизнь сталкивала их, как говорится, лицом к лицу. «Мама, — говорит Алька, — я видел сегодня во сне, как

Ирина Александровна поставила мне пятерку за красивые буквы». Лицо у старшего сына мечтательное, в глазах – надежда. Увы! Не всегда ему давалось чистописание, и буквы непослушно раскорячивались в разные стороны. Нередко папа, который строго следил за прилежанием при заполнении прописей, сердился, и сын за нерадивость получал «штрафные очки». И во сне мальчик видит, что, наконец-то, самая неприятная на это время проблема «решена»!

Рассказала об этом случае Олегу. Он меня предостерег. Да, ребенок хочет удовлетворить свои и наши желания: показать, что у него все получается, однако работать с напряжением и старанием пока не приучен, а успеха-то, ох, как хочется! В итоге возникает конфликт между желанием хорошо выполнить трудное задание учительницы – аккуратно написать прописи – и пока еще слабыми навыками в аккуратности и усидчивости. В таком случае во сне и возникает иллюзия достижения цели. Папа считал, что мне, как «доверенному лицу» автора сновидений, надо осторожно, но настойчиво внушить, что сон может быть «в руку», но только если Алька хорошенько поработает. Это установка разуму: проблему можно решить! Однако, работая наяву, надо хорошо постараться! Если же все оставить без внимания, то у ребенка после приятного для него сна может возникнуть ощущение достигнутой цели и появится иллюзия решения проблемы...

Я не спорила, но мне показалось, что уж слишком далеко он заглядывает и слишком придирчиво оценивает такой мимолетный след в детской душе, как сон. Пусть даже такой «тематический», как вожденная «пятерка», якобы полученная за «неподдающиеся» прописи.

Прошло немного времени, и я поняла, что поспешила с такими выводами. Даже стала задумываться над тем, как мне научиться, не отвергая прелесть фантазии дремлющего сознания и чувств, увидеть в снах моих мальчиков действительные их заботы, боль и надежды.

...Воскресенье. Сидим завтракаем всей семьей. Игорь мрачен. Он у нас уже заканчивает первый класс. Ему нелегко, потому что в классе он – самый младший и по росту самый маленький, потому что отдали мы его в школу в шесть лет. Наступило время, когда шестилеток брали в порядке эксперимента, да и то в отдельных, специальных школах. Папа подготовил сына хорошо. Игорь читал, прекрасно обращался с цифрами и вообще был очень сообразительным мальчиком. Наш мальчишка гордился тем, что пошел в школу, когда его сверстники еще «дохаживали» в детский сад. Однако школьные будни заставили Игоря почувствовать не только учебные нагрузки, но и отношение к нему учителя и одноклассников.

Трения с учительницей возникли у нашего непоседливого мальчишки с первых же месяцев учебного года. Просидеть урок для него оказалось делом нелегким. Понятно, что в классе требовалось послушание, прилежание, и учительница Игоря добивалась этого довольно строгими методами. Дисциплинарные записи в дневнике нашего второго ученика стали появляться в таком количестве, что мы едва успевали их прочитывать и как-то урезонивать нашего среднего сына! Конечно, нас это тревожило, хотя мне, например, казалось, что учитель предъявляет дисциплинарные требования к малолетним ученикам уж слишком прямолинейно и однообразно! Дети же – не роботы!

Олег считал «дисциплинарный пресс», в который попал Игорь, делом нормальным и не особенно тревожился, когда сын приносил записи. Внимательно выслушивал оправдания нашего пацанчика и мягко просил «не расстраивать учительницу». Я расскажу подробности школьных будней в отдельной главе, а теперь о сне Игоря в эти трудные для него дни...

Детки пробудились, умылись, оделись, сели завтракать, а с ними и мы с папой. Сегодня воскресенье, все в сборе. Ну и, конечно, или я, или папа задаем традиционный вопрос: «Кто и что видел сегодня во сне?» Сны оказались очень краткими, ну совсем как ролик кинохроники. Ярик рассказал о червяч-

ке Грише, имя «Вася» у него уже не в почете. Гриша выполз из земли и рассказал, как его чуть было не поймали рыболовы для наживки. Алик сообщил, что видел ночью только прописи. Бедняга! На тетрадных строчках плясали буквы и дразнились!

Игорь мрачно молчал. Я спросила о его сне, и мой Игорь... расплакался. Мы всполошились. Что случилось? Немного успокоившись, он стал рассказывать, хотя и очень неохотно, о своем сне. Чувствовалось, что ему рассказывать очень не хочется, и я готова была уже оставить его в покое, рассчитывая чуть позже выяснить причины такого горестного настроения. Но он, вытерев слезы, стал рассказывать.

Ему приснился его класс. Вызывают к доске, а он идет к ней и не знает, как решить задачу, которую задала учительница.

— Я стою у доски, думаю, а на меня смотрит Сашка Лазарев и рожи корчит! Я не могу решить задачу, а он дразнится!

Все-таки не выдержал наш мальчишка, опять расплакался. Слезы в три ручья. Решили больше не докучать ему. Пропустив мимо ушей беды Игоря, братья убежали играть во двор, а он, горестно вздохнув, стал смотреть мультики.

Пошептались мы с папой и решили, что надо мне идти в школу, разведать обстановку. На другой день отправилась туда с сыном. Объясняю причину: «Хочу посмотреть, как у вас в школе на перемене, весело?» Лукавлю намеренно, чтобы мой приход не слишком был связан с его проблемами. Сын, кажется, настроен бодро. Шагаем по солнечной улице, я слушаю его щебет и думаю, как мне построить разговор с учительницей, но не на «большую» тему дисциплины нашего школьника, а чтобы посмотреть на Сашу Лазарева, «пробравшегося» в тревожный сон моего сына.

Приходим в школу. Так как мы особо не спешили, на первый урок опоздали.

Пришлось подождать звонка. Сидим в холле, молчим. Смотрю я на сына и, быть может, впервые серьезно задумываюсь о том, что жизнь ребенка в каждую минуту его бытия в этой

«формальной системе», как называет иногда школу наш умный папка, наполнена такой массой событий и переживаний, что, в сущности, ему не удастся расслабиться и побыть самим собой! Мы, взрослые, гораздо искушеннее во взаимоотношениях со своими «формальными системами», в которых живем и трудимся. Что-то нам удастся «вытеснить» из ума, на какое-то событие просто не реагируем, можем, наконец, отвлечься, на худой конец, рюмку опрокинуть! Ребенок переживает все! Поначалу происходящее в классе для него – событие! Тот же вызов к доске, чтобы задачу или пример решить. Наверняка ребенок переживает, ощущая себя объектом внимания двадцати с лишним человек. Событие эхом отзывается в его памяти, в чувствах, расплзается по лабиринтам его мозга и нервов...

— Что-то у вашего сына не ладятся отношения с классом. Правда, он и сам отчасти виноват в этом, — говорит учительница, высокая чернобровая дама с манерами отставной оперной певицы. — У него странное поведение: его ругаешь, а он... улыбается! Не могу понять вашего мальчика, — разочарованно вздыхает она. И тут же без всякой связи с предыдущей репликой жеманно улыбается и гладит Игоря по голове.

Прошу сына отойти в сторонку. Он с удовольствием убегает в класс. Мне хотелось поговорить с учительницей откровенно, и я рассказала ей сон Игоря.

Смотрю — смеется. Искренне, весело...

— Ну вот видите, как бывает! Это ж надо! Действительно, так и рассказывал? Странно, право... Впрочем, ничего особенного в этом не вижу, это ж дети, что вы от них хотите...

Решила разговор далее не развивать. Уходя, махнула Игореше рукой. Тот, сидя за своей партой, подмигнул мне, весело улыбнулся. Кстати, Саша Лазарев в тот день болел. Так я и не увидела пацанчика, который «рожи корчил» нашему сыну наверняка не только во сне — наяву, когда у Игоря задача у классной доски никак не решалась...

Шла домой, корила себя, что не сумела разговаривать учительницу, убедить ее в том, что слезы ребенка заслуживают более серьезного внимания, чем наша обыденная реакция на «детские глупости». Стоит задуматься и над взаимоотношениями детей в классе, особенно если учесть, что Игорь – шестилетка и все ребята в классе на год старше его. Неудовлетворенность от разговора с учительницей меня не оставляла.

Папа решил применить свои методы в этой ситуации. Возможно, рассуждал он, у Игоря и существует проблема взаимоотношений с одноклассниками, но раз уж он учится в школе, ему придется приспособиться! Нам, родителям, следует научить сына выходить из затруднительных положений самостоятельно, а для этого надо внушить ему... самоуважение. Олег стал применять «хитрую» тактику. Утром на зарядке папа «официально выдвинул» Игоря на «пост» тренера. Всем сыновьям было «дано указание» слушаться его. Лукавый малыш моментально оценил прелести своего нового положения. Он то командовал братьями слишком сурово, то помыкал аж самим папой! «Команда» иногда ворчала, но «тренера» слушались все! В общем, какая ни есть, а эта «власть» помогала Игорю самоутверждаться. Потом, в отсутствие Алика и Ярослава, папа в гостиной стал с Игорем устраивать на ковре инсценированные схватки. Смысл заключался в том, что папа боролся очень хитро. Сначала он Игоря «клал на лопатки», но потом все чаще и чаще стал жаловаться, что слабеет и вся сила переходит к Игорю. Ну, казалось бы, какие секреты? Наверное, и малыш понимал, что в этих инсценировках больше намеренной папиной игры, чем на самом деле к нему переходит от отца какая-то «сила». Но, быть может, мальчик, проживая напряженные ситуации в классе, нуждался в намеренном внушении ему силы, «переходящей» от авторитетного для него папы? Трудно сказать...

Через неделю-две Игорь заметно повеселел. Тогда же мы с Олегом внимательно следили и за тем, чтобы старший брат

не «тюкал» младшего. Стали чаще разговаривать с Алькой об Игоре, пытались растолковать ему, как нуждается братик в его поддержке. Старший, конечно же, не всегда понимал проблемы Игоря. Однако наши с папой просьбы слушал и задира брата гораздо реже. Тогда же папа стал активнее заниматься с Игорем математикой и чтением. На стене он повесил длинный транспарант с собственноручно сделанной надписью: *«Игорь! Поразим твоих противников в самое сердце скоростью чтения и сообразительностью!»*

Я решила уточнить у папы, кто это – противники? Уж не учительница ли? Он поморщился, мол, *«не порть песню!»*, и уточнять не стал. Игорь лозунг прочитал, каверзных деталей не понял, но неожиданно взялся за дело с энтузиазмом, который, впрочем, быстро улетучился. Я-то знала, что особым приложением мой парнишка не отличался. Спасали его хорошая память и умение «схватывать» все на лету. Но папа все-таки нашел подход к сыну-сладкоежке. Раздобыл где-то большую коробку шоколадных конфет, изготовленных в форме разнообразных зверушек. Показал призы Игорю, объяснил, при каких условиях он может добраться до вождельных конфет, и сластена дрогнул!

Через неделю успехов в чтении и математике поедание шоколадного «зоопарка» пошло такими темпами, что я забеспокоилась, как бы мой сын не заработал какую-нибудь золотуху! Скорость чтения действительно заметно возросла. Учебник арифметики за месяц занятий с папой Игорь почти полностью освоил, хотя до конца учебного года оставалось еще шесть месяцев! Папа радостно потирал руки: *«Вот что значит найти верный стимул!»*

Однажды Игорь пришел из школы сияющий: *«Я читаю быстрее всех в классе!»* Дней через пять приносит вторую новость: *«У меня в четверти будет пятерка по математике! Галина Аркадьевна сказала, что я настоящий Лобановский!»*

– А кто это такой? – искренне удивился папа.

— Это великий русский математик. Так сказала Галина Аркадьевна.

Голос Игоря немного упал, он почувствовал, что папа смеется не зря. Что-то напутал? Папа уточнил:

— Лобановский — это великий футбольный тренер, а Галина Аркадьевна, наверное, имела в виду Лобачевского.

Нам было радостно, что Игорь праздновал справедливую победу... Примерно недели через две после этих событий, опять же в воскресный день, сидим всем семейством за столом и завтракаем. Свой сон рассказывает Ярослав. Оказывается, его во сне катал на своих крутых боках воздушный шарик и сажал на пушистые облака. Алька молчал, был хмур, скорее всего, встал не с той ноги. Бывает.

Наконец, Игорь, едва сдерживая нетерпение, начал рассказывать:

— Я сегодня видел во сне соревнование по самбо. Зал большой, как в телевизоре показывают. Я участвую в соревновании, а Сашка Лазарев (это тот самый дразнила-кривляка!) не участвует. Я слышу, меня судья вызывает. Выхожу. У меня — большой противник (сын все больше воодушевляется). Грудь — во, ручки — во!

И тут Алька изрекает с издевкой:

— Ты что, не на свой ковер попал, что ли?

Это, как я поняла реплику старшего сына, — не в свою весовую категорию.

— Почему не на свой? — не понял Игорь подвоха.

— Потому что, — все так же с издевкой стал разъяснять Алька, — если у твоего противника в с е такое б о л ь ш о е, то он и сам большой, а ты — м а л е н ь к и й! У вас разные весовые категории, ясно? Поражаюсь, до чего же грамотные у меня дети!

Игорь окончательно растерялся. Он еще не был искушен во всех спортивных тонкостях, поскольку Алька ходил на гимнастику уже полгода, а Игорь на свое самбо не больше месяца. Я замерла! Думаю, сейчас разобидится на брата и мы не узнаем,

что же там, во сне, у Игоря произошло. Уже чувствую: совсем не зря сын начал сон рассказывать! Явно туда «просочились» из реальной жизни какие-то его неурядицы. Выручил папа. «Да ладно, Алюня, не придирайся! Это же во сне происходит, Игорь здесь ни при чем!» Игорь вновь воодушевился и продолжил:

— Здороваается со мной противник и говорит, что зовут его Мухаммед Али.

Тут Алька возмутился!

— Да это же чемпион мира по боксу! Американец. Ты же про соревнование по самбо рассказываешь? Как боксер на твой ковер попал?

Этот «прокол» Игоря обескуражил. Он выдал из себя:

— Мне так показалось во сне, что у него такое имя...

Как раз в это время Мухаммед Али приехал в Советский Союз и очень часто его показывали по телевизору. Наверняка Алька видел его в репортажах.

— Ну, Алюня, не придирайся, — снова попытался сгладить ситуацию папа. — Может, во сне у Игоря и был такой противник...

Старший сын махнул рукой, мол, что с вами, невеждами, говорить, а папа продолжал допытываться у Игоря: «Ну и что же было дальше?» Поощренный папой и моим внимательным отношением к его «сонной истории», Игорь продолжил:

— Ну, я стал с ним бороться... — Игорь умолк. Замешательство, возникшее от суровых реплик «правдолюбца» — старшего брата, ему все-таки преодолеть не удалось. Только Ярик слушал Игоря, не спуская с него разгоревшихся глаз. Он даже сел к нему поближе. Видя, что Алька из кухни ушел, Игорь решил закончить свой рассказ: — Ну, я применил приемчик такой...

Ему захотелось показать мне и папе, какой же «приемчик» он применил в схватке с «Мухаммедом Али». Он попросил Ярика поассистировать, и тот охотно согласился. «Противники» встали посреди кухни. Игорь, резко захватив руку брата в локте, быстро подвел ее к спине. Ярик явно не ожидал, что

«приемчик» будет исполнен так естественно. Он охнул, а потом жутко взревел и стал медленно опускаться на пол. На его крик в кухню из детской прибежал Алька. Ни слова не говоря, он ударил Игоря кулаком по лицу.

— Ты что, в своем уме? Самбист!

— Дурак ненормальный, — отчитывал Игоря пострадавший «ассистент».

Игорь растерянно моргал, потирая место, куда приложился старший брат. Он не заплакал, а скорее всего, не знал, что же теперь делать. Утешать Ярика или бросаться с «ответными мерами» к Альке? Папа при общем гаме и моем «столбняке», в который я от неожиданности впала, сохранял редкое спокойствие. Случившееся могло папу рассердить, так как он строго пресекал драки между братьями, сурово выговаривая каждому после пацанских потасовок: «Нечего кулаками размахивать друг перед дружкой! Никогда не забывайте: вы — братья!» Сейчас он хладнокровно смотрел на происходящее, будто оценивая последствия «физических издержек» Ярика после «иллюстрации» Игоря. Я молча ждала, что ж будет дальше. Папа отпил глоток чая, попросил Алика выйти, начал растирать Ярику травмированную «самбистом» руку и, наконец, обратился к автору затянувшейся «сонной эпопеи»:

— И все-таки, чем же кончилась ваша схватка?

Вопрос прозвучал настолько искренне, что даже я почувствовала в голосе папы неподдельный интерес. Игорь молчал. Он все еще потирал лоб, куда «приложился» кулак старшего брата. Ярик успокоился и снова готов был слушать. Я хотела подойти к Игорю и посмотреть покрасневшее место на его лбе, но сын быстро шагнул к папе и громко прошептал ему на ухо: «Я победил его!» Сказав это, Игорь убежал в гостиную, и мы услышали оттуда его громкие рыдания. Я ушла вслед за ним, «зализывать его раны», а папа, позвав Альку, усадил его рядом с Яриком и начал свой, мужской разговор.

Не знаю, о чем он с ними говорил, но поздно вечером, когда

все дети уже спали, мы с мужем стали размышлять о том, что еще не все благополучно в «нашем королевстве», да и в классе у Игоря, по-видимому, опять проблемы.

Между тем учиться Игорь стал значительно лучше. Сменила гнев на милость и его учительница. Однако, даже став отличником, сын в классе выглядеть фаворитом не мог! Правда, я не была уверена, стремился ли он к этому? Вряд ли. Однако, вырвавшись в число первых учеников, Игорь так и остался лицом к лицу со «Змеем Горынычем» (Сашкой Лазаревым). Тот все время подтрунивал над нашим мальчишкой и, явно пользуясь тем, что был значительно крупнее Игоря, постоянно его задирали. Почему? По натуре наш сын был мальчиком мягким, добрым, но, переступая порог класса, вливаясь в компанию пацанов, тут же чувствовал влияние тех законов, которые уже проявлялись и среди первоклашек. Потребность найти свое место была у каждого одноклассника Игоря. Но ему самому это пока не удавалось. Наверное, он примыкал то к одной группе, то к другой. Саша Лазарев, похоже, не хотел оставить Игоря в покое. То ли он самоутверждался таким образом, то ли ему нравилась робость окружавших его одноклассников. Иначе как вожаком, он себя не видел! В итоге, побеждая во сне Мухаммеда Али, Игорь хотя бы «там», в царстве Морфея, одолевал своего «главного» обидчика и достигал пика вождельного самоуважения! Когда его «соломенная хитрость» была сожжена «испепеляющим» гневом старшего брата, он разрыдался. Наверное, папа выбрал верную тактику — через занятия спортом укрепить характер сына. Усваивая азы самбо, а папа отправил его именно в эту секцию, Игорь постепенно, месяц за месяцем, стал чувствовать себя уверенней и, наконец, научился давать сдачи. Конечно, потребовалось время, чтобы главный противник — Саша Лазарев — понял, что издеваться над Игорем уже опасно! Пока же сон Игоря поведал нам не о реальных его возможностях справиться с настырным одноклассником, а только о мечтах добиться этого.

...Вызывают папу в школу. В этот раз – не меня. Удивилась: почему именно папу? Возвращается домой и еле сдерживает удовольствие. Рассказывает мне почти шепотом в гостиной:

– Учительница недовольна! В классе драка была».

Я ужасаюсь:

– Игорь дрался?

– Да! – Олег усмехается.

Я нетерпеливо терплю его:

– Причина-то в чем?

– Да все тот же Лазарев... – Олег снова усмехается. – Игорь, как учили его в секции самбо, подошел и сказал Лазареву, что, мол, не приставай и не кривляйся, а то могу покалечить!

Я ужаснулась:

– Так и сказал?

– Ну, может, не так, – Олег пожал плечами. Мои опасения ему явно не понравились. Папе хотелось рассказать в красках, как Игорь проучил обидчика, а я тут со своими «охами» и «ахами». Продолжает:

– Ну, Лазарев считал, что наша малявка ему угрожает, дал Игорю подзатыльник. Наш парень тут же свалил Лазарева через бедро на пол, а руку заломил в болевом приеме! Наверное, как тогда с Яриком, перестарался! Стал Сашка орать благим матом! Все пацаны – в хохот, но тут некстати вбегает учительница... В общем, поговорили с ней. Но, сдается мне, ничего она не поняла. И ты ей объясняла, и я пытался. Но главное не в этом. Что-то в классе теперь изменится в отношении к нашему сыну.

С той поры своих снов Игорь больше никогда не рассказывал. Наверное, побаивался сарказма старшего брата, а может быть, просто подрос, научился свои отношения с классом регулировать и не нуждался в том, чтобы утверждать себя в миражах сновидений. Наверное, Лазарев стал его побаиваться, и теперь никто в классе не смел приставать к самому маленькому, но, как оказалось, «удаленькому» мальчишке.

Психологией я никогда серьезно не интересовалась.

В университете сдала экзамен по этому курсу, и все. Муж изучал этот предмет основательно. Написал две книги по психологии управления и десятки острых статей по психологии семейных отношений. На собственном родительском опыте, часто с привкусом горечи, убеждаюсь, что наше невежество дорого обходится прежде всего детям.

Наверняка сны детей вызывают у большинства родителей лишь умиление. Происходит это «под настроение», если есть время послушать нескладные или фантастические, страшные или смешные истории, приключившиеся с детьми во сне. Однако теперь я уверена: сон – предвосхищение будущих поступков наших детей, отпечаток прошедших событий, новых желаний или потребностей растущего человечка. Мне кажется, надо учиться серьезно осмысливать сны детей, постараться найти в них следы пережитых ребенком событий! Тогда гораздо легче будет предвидеть его проблемы, помочь ему успешно их преодолеть...

Глава четвертая

Мгновения созерцания реальности 1975 – 1980 гг.

...Проснувшись утром 29 июня 1979 года, то есть в день своего двадцатидевятилетия, я увидела на моем рабочем столе выточенный из дерева, покрытый лаком, очень симпатичный... письменный прибор! Высокий лакированный деревянный стакан для хранения карандашей и ручек, укрепленный на деревянной плоскости, когда-то был стволом елки, выброшенной на мусорку. Нутро ствола было тщательно высверлено, и туда было уложено несколько карандашей и ручек. Рядом стоял стаканчик наполовину короче. В его отверстие была прочно вклеена деревянная фигурка старичка в шляпе. По бокам пенька – «стаканчик» был автором письменного прибора задуман «пеньком» – сидел старичок, и я увидела две дырки. В них были вставлены два карандаша. Выглядело забавно: старичок – рыбак, а карандаши – «удочки». Автор изделия – им оказался мой муж – объяснил мне: «Когда кончишь писать, вставь в дырку, вот сюда, – уточнял он, показывая пальцем на отверстие в «пеньке», – ручку или карандаш. Удобно, правда? Получается картинка: старик рыбачит!» Рыбак-старичок выглядел очень натурально. У него была широкая пенопластовая

бородка, с такими же лохматыми бровями. В губах – сигаретка. Его голову можно было поворачивать, куда хочешь. Повернув старичка влево или вправо, чуть задрал ему голову или, наоборот, опустив ниже, можно было «создать» настроение. Зачем скрывать? Конечно, я была в восторге! За такой подарок я простила мужу шум «цеховых будней», которые он создавал, работая на токарном станочке, установленном его отцом – дедом Борей – в нашей кладовке. Были попытки Олега точить шахматные фигурки, но брала свое главная забота отца семейства – зарабатывать на жизнь, и станочек скоро надолго умолк. «Цех» был надежно заперт, чтобы дети не соблазнились и не повредили себе чего-нибудь. Из квартиры исчез «индустриальный шум», а остался только привычный – бытовой. К нему я отношу громкие объяснения Алика с Игорем в минуты «конфликта интересов». Это не мой термин. Это Олег научно обозначил ссоры между братьями, когда телевизор «дымился», не в силах удовлетворить одновременно разные вкусы детей. Ярик тоже вносил свою «лепту» в бытовой шум, когда у него старшие отбирали игрушку или случайно, в игре, больно задевали. Голос разобиженного малыша напоминал звуки точила, когда на нем «правят» резец для папиного токарного станочка. Такие смелые сравнения я могу делать, невольно поднаторев в технических шумах моего домашнего «токарного цеха».

Кстати, сама я шумела редко. У меня не такое горло, как у Ярика, но и я могла *сорваться*. Тогда в доме умолкали все! Дети – потому что понимали: мама сейчас опасна. Если верить мужу, то он замолкал от... удовольствия, чтобы «вслушаться» в тон моего голоса. Он клялся, что мою *искренность* в моменты бытового отчаяния «очень любил», потому что случалось это крайне редко и, оказывается, звучал мой голос «очень красочно» и «по-настоящему драматично»! Конечно, и сам наш папа мог «разойтись» не на шутку, по тем же причинам, что и я – его супруга («О-о-о! Это разве де-е-ети?») В такие минуты я все бросала, стараясь занять удобную позицию

для созерцания лица разгневанного мужа. Признаюсь, мне это удавалось с трудом, потому что накал гнева нашего папы был просто испепеляющим, а жар... Жар его «бытовой ярости» мог привести к серьезным ожогам всех, кто попадал ему под руку.

Бывал у нас дома шум и «гостевой». Это особая гамма звуков и совсем другие «децибелы». Если приходят приятели детей, то голоса сливаются в один сплошной гам! Но вот собираются у нас взрослые гости. Если приходит наш приятель Володя Б., то почти всегда с гитарой. Значит, будем петь... Тогда в размеренный шумок интеллигентных разговоров вплетаются разухабистые тона песен «под Высоцкого», которые Володя мастерски исполнял. Заслышав в гостиной звуки гитары, туда прибегают наши дети, и Володя поет им свои песенки, которые сам сочиняет. Приятный баритон певца, к которому иногда присоединяются наших деток «дискантики», вытесняет шелест умных разговоров гостей, не наделенных вокальными талантами. Мы не монахи, бывает, выпиваем. Тогда в шум застолья вплетаются и звуки гитарных струн, и голоса поющих, и звон рюмок, и громкие споры не терпящих возражений гостей, и гвалт детей, почуявших сладкие мгновения стихии свободы. В такие минуты узнать, кто о чем говорит, можно, только приложив к уху ладонь «раковиной». Шум и тишина в нашем доме – понятия вовсе не взаимоисключающие. Нет! Это союзники. Чем дольше шум или если он полон резких, неприятных для уха звуков и децибел, тем сказочнее минуты будущей тишины в доме...

Когда Олег уезжал в Краснодар, забирая с собой детей, а я оставалась в доме одна, первые два дня я наслаждалась тишиной и писала диссертацию, как фанатичка. Потом тишина в доме начинала на меня «давить». Тогда я включала телевизор на «полную катушку» или магнитофон, но тут же выключала, потому что очень скоро эта моя «шумовая декорация» казалась глупостью. Мне не хватало родных голосов! Я скучала по звукам, которые стали уже частью интерьера нашей квартиры.

Однажды я даже отперла кладовку, где дремал в забвении

токарный станочек дедушки Бори. Я даже стала соображать, как его включить. То ли к счастью, а может быть и совсем наоборот, мне это не удалось. Помню только сожаление, с которым я закрыла дверь «домашнего токарного цеха».

Два месяца тишина в доме была придирчивым и очень неговорчивым контролером. Он раздраженно напоминал мне, особенно по вечерам, когда в доме совсем тихо, что папа, увезя детей в Краснодар, создал все условия для работы над моей диссертацией и над рукописью его книги, которую я редактировала! Эта требовательная тишина была наполнена обязательствами, которые я щедро приняла на себя накануне отъезда папы с мальчиками на Кубань...

Наконец я привыкала к тишине, будто приобретала сговорчивую кроткую подругу. Теперь она не укоряла меня за то, что я занималась не всегда тем, чем должна была заполнять время домашнего, почти библиотечного покоя. Я писала свои легкомысленные рассказы, рисовала детям веселые картинки и отправляла их в Краснодар. Писала длинные любовные письма и сразу бежала к почтовому ящику, чтобы отправить их мужу.

Иногда, устроившись с бутылкой кефира и куском батона на нашем диване, я читала письма, полученные от мужа и детей день или неделю назад. Нередко почта приносила мне толстые пакеты из Краснодара от детей с их рисунками или письма от бабушки Зины или от деда Бори о внуках с описанием их отдыха.

Наслаждаясь тишиной в доме, я нетерпеливо «проглатывала» десятки страниц, уложенных в конверты, которые приходили ко мне почти каждую неделю. Письма мужа, переполненные нежностью, как ароматная южная груша, напоминали главы нескончаемого романа. Но все-таки я спохватывалась и садилась к рабочему столу. Наверное, для «очистки совести» я даже вслух перечисляла, что успела сделать за день, как бы отчитываясь тишине, уже доброжелательно поощрявшей мое желание сделать побольше и побыстрее. Так незаметно ускользал день, и к полуночи, погружаясь в сон, я уже полностью растворялась

в тишине. Иногда в мою ночную тишину громкими телефонными звонками врывается муж. Тоже тоскуя, он хотел услышать мой голос. Его баритон просачивался сквозь треск и шум засоренных телефонных каналов и казался мне чужим. Все, что он хотел мне сказать и, наверное, говорил, мгновенно смешивалось с громким моим сердцебиением, гулом, отдававшимся в моей сонной голове. Я понимала, что муж хочет пообщаться со мной по «льготному тарифу», а этот «приз» для его бюджета становится доступным лишь в ночные часы, когда я уже... слилась с тишиной.

Встретившись дома после его поездки в Краснодар, а моей – в Абхазию, если такое путешествие у меня и моих мальчиков случалось, мы уже вместе пользуемся сладкой тишиной уединения, забывая обо всем на свете! В эти «наши минуты» тишина приносит на своих невидимых волнах ровное дыхание детей, шелест ветра, иногда голоса прохожих во дворе, призывное и страстное мяуканье нашего сиамериканского кота Гвоздика, жаждущего оставить после себя потомство...

...Иногда мы устраиваемся за своими рабочими столами. У каждого горит своя настольная лампа. Это волшебные часы! Тишина сторожит наши тайные размышления! Для разума – это восторг эгоизма! Каждый из нас настолько погружен в свои мысли, что никому – ни до кого! Часы такого счастья – награда за то, что неотложные семейные хлопоты, нашими стараниями, уже завершены, как нудные обязательства, которые неустанно прорастают из моих служебных дел. Олег – по уши в своих бумагах. У меня появляется возможность показать самой себе прилежание, и я распаиваю папку с диссертацией...

К полуночи, даже позже, я стелю постель, облачаюсь в длинную «ночнушку», прыгаю под одеяло, но не ложусь, а сажусь. Беру со стула, стоящего рядом с диваном, свою заветную толстую тетрадь и с вожделием распаиваю обложку.

Теперь, когда рутина дня ушла прочь, а моей стонущей совести продемонстрировано прилежание над диссертацией, я устилаю

страницы этой тетради лепестками идей и веселых откровений. Заветные мои выдумки и даже целые строчки, спрятавшись в уголках памяти, терпеливо ждали встречи в чуткой тишине с этой тетрадью. Теперь они укладываются в длинные плотные строчки. Однажды подумалось – персы, наверное, тоже сочиняли свои «диваны», сидя в тишине на мягком диване...

Если я не готова сочинить что-то новое, я читаю уже написанное мной вчера или третьего дня. Правда, это опасный миг – я сразу начинаю хихикать! Читать саму себя иногда очень даже интересно! Но и для этого нужны условия. Когда муж работает, мешать ему не стоит. Однако, заслышав мои «похохатывания», он бежит ко мне на диван. Устроившись на подушках, мы начинаем читать, перескакивая с абзацев, смешивая свои интонации, и у нас получается коктейль эмоций. Позже, в неподвижном полумраке ночи, у самой кромки сна, когда он уже приближается к нам мягкой поступью, мы, выключив свет и улегшись друг против друга, дразним тишину своим шепотом. Именно в эти минуты я и услышала от мужа неожиданные истории о его *родне*. О событиях детства, в котором когда-то жили люди, уже давно Олега не видевшие, даже умершие, но которых он, их далекий потомок, не забыл. Впечатления отрочества и юности Олега – тоже гости ушедших лет.

...Ближе к ночи я снова на диване. Теперь я пишу свое, но у меня сейчас совсем не такое настроение, какое было у мужа в минуты его вчерашних полуночных раздумий. Я пишу совсем о другом. Теперь на страницы моей тетради укладывается все то, что ежедневно носится вокруг меня или приходит ко мне, когда кругом – гвалт, «дым коромыслом». Это забредшие на «огонек» друзья пытаются перещегоолять друг друга, громко провозглашая какие-то важные для них истины, старательно делая вид, что «схлестнулись» друг с другом «идейно». В такие минуты я получаю как бы «вожжой под хвост»! Меня охватывает дрожь от страха потерять мысли, образы, оставляющие быстрый след в памяти. Я сажусь в уголок комнаты, незаметно

беру заветную тетрадь, ручку и быстренько черкаю в ней каракулями, понятными только мне.

Но вот друзья расходятся... Снова наступают минуты, когда в доме совсем тихо, и, едва устроившись на диване, разобравшись в своей писанине, я уже неспешно и старательно укладываю в тетради строчки – равномерно, аккуратно, надежно, как поленья к зиме. Если сморит меня сон и я не успеваю сделать это, назавтра, когда дома уже тихо, но еще не мое время, я сажусь за диссертацию.

Каюсь! Часто бывает, что сажусь я «как бы» за нее. Ручка в пальцах, как лошадь в узде, бежит по страницам не оконченого вчера рассказа, а вовсе не умножает строчки диссертации. Пишу и осуждаю себя ужасно! Клянусь, но сама у себя клянчу еще минутку или лучше часик, чтобы успокоиться, наконец, в финале последнего абзаца рассказа и поставить завершающую точку.

Зачем я это делаю? Не знаю... Но лучше об этом себя не спрашивать. Толку не будет ни от вопроса, ни от сочиненного мною ответа. Но в этом моем увлечении что-то есть! Может быть, я так спасаюсь от тревог? От своих и мужниных? Тревоги есть... Они прячутся в тишине, в шелесте полуночного нашего шепота. Но главное в том, что эти тревоги иногда бесследно растворяются в моем веселом желании из всего услышанного и увиденного мною за день «выделять кренделя».

Так высказался Олег со смехом, узнав однажды из прочитанного моего рассказа день, который он провел явно «не в духе». Однако в моем рассказе муж увидел вовсе не похожие на правду подробности, а лишь веселый вымысел, подсказанный нашей с ним жизнью. Читает Олег, смеется, приговаривая: «Кренделя, да и только!»

А было так. Два дня осталось до моего отчета на кафедре по диссертации, а я, забыв обо всем, как легкомысленная стрекоза, порхаю над страницами своей заветной тетради. Знаю же, что время уходит! В конце концов, неприлично ходить по квартире в длинной до пят «ночнушке», кое-как собирая детей,

быстренько выпроваживая кого в садик, кого в школу. Негоже, не умывшись и не позавтракав, бегать время от времени к раскрытой тетради с неоконченным рассказом, чтобы сейчас, сию минуту, что-то там черкнуть, дописать! Но не могу! Магнитом тянет! Муж рассердился не на шутку...

Я каялась и была кротка, аки агнец! Но рассерженный муж ушел, почти хлопнув дверью. Но это было только «почти»! Ведущий «Акцентов» старался собой владеть, иногда даже дома. Поделом мне! Сижу, понимаешь, за столом, диссертация куда-то заброшена, а через два дня – Ученый совет... Сама еще не умытая, в ночной рубашке. На часах – почти полдень, дети в саду и в школе, к маме не пристают, а в доме уже – рабочая тишина... И что же? Перед глазами лежит «та самая» тетрадка, а между пальцами, как взбесившаяся кобыла, бежит остроносая ручка, которая выводит на расчерченных в клеточку страницах легкомысленные «кренделя».

Каюсь, в тот день необходимость потрудиться сначала на будущее свое и своей семьи мной осознана не была! Поэтому свобода делать, что я хочу, оказалась призрачной! А раз так, то муж мой, прихватив свой гнев в охапку, ушел на работу «не жрамши». Причем для воспитательного «эффекта» сделал он это намеренно! А я? Что я! Моя рука теперь металась слева направо, двигаясь вниз, к основанию листа, быстро удаляясь от одинокого заголовка...

*

ПО СЛЕДАМ СИНЕГО ПОПУГАЯ

«...Утром Испепеляев поссорился с женой. Он ушел из дому не позавтракав. Жена металась от Испепеляева на кухню и обратно, пытаясь, вопреки законам диалектики, примирить непримиримые противоречия: справедливый гнев мужа и ее беспомощность его погасить. Этот хаос, постоянно происходивший в сознании жены, Испепеляев, вдруг, сам, отчетливо и почти научно, обозначил.

— Ну что ты мечешься, как сопля в магнитном поле? – это

сказал не инженер, а гуманитарий Испепеляев, и ему даже самому понравилось это выражение. У жены, конечно, покраснели уши, а на глазах выступила соленая влага, однако, давясь слезами и оскорбленной гордостью, она удалилась в ванную якобы переодеться.

Испепеляев остался перед белой тарелочкой и блестящей вилкой. То, что на тарелочке, в это утро, ничего не появится, он знал по опыту. Так сказать, из практики. Он мог бы и сам открыть алую гусятницу, и ему даже захотелось это сделать, но он тут же увидел свою гордость оскорбленной. «Уйду голодный, – решил он, – а она пусть мучается!» И крадучись пошел в коридор за туфлями, потому что дома ходил в тапочках. Тут жена выскочила из ванной, вся отчаянная и несчастная.

— А почему ты не завтракаешь? – трагическим голосом спросила она в спину ускользящего за дверь Испепеляева... – Знаю, знаю почему..., – шептала она, глядя из окна кухни в зеленый дворик, на дорожку, по которой неминуемо должен был пройти со своим «дипломатом» голодный Испепеляев. – Ну и пусть! Ну и голодай... Боже мой, как я одинока! – как заклинание повторяла жена Испепеляева и побежала к зеркалу посмотреть, как она одинока.

Из зеркала на нее действительно глянуло распухшее разобиженное лицо, еще явно не старое, а в зареванном виде даже очень юное. Жена где-то слышала, что глупое выражение всегда придает человеку молодость. Убедившись, что эта мысль оказалась до странности верной, особенно ее вторая часть, жена Испепеляева незаметно отвлеклась от причин своих слез, отвернулась от разобиженного лица в зеркале, и мысли ее неожиданно приобрели иное, даже приятное направление.

«Если бы он меня не любил, он бы позавтракал. А он любит – и ушел голодный!» – сказала она себе. Эта мысль ей понравилась! Она казалась изящной и, главное, выглядела убедительно перед взором жены Испепеляева. Так было не раз. Если Испепеляев все же завтракал и в порыве отчуждения мыл за собой

посуду, чтобы подчеркнуть, что он одинок и не ухожен, то жена впоследствии думала: «Вот если бы он не любил меня, то он бы не вымыл посуду. А он — вымыл! Он все равно думает обо мне, даже когда сердится». Она тут же прощала его за то, что Испепеляев, в любом душевном состоянии и в любую минуту, сам того не подозревая, делает все так, а не иначе, из любви к ней — жене!

А в эту минуту сам Испепеляев вышагивал по улице, неся перед собой, как древко знамени, портативный французский зонт в сложенном виде. Сила, с которой он нажимал на ручку зонта, выражала меру его возмущения. Отпущенная с давних времен аксакальская борода скрывала волевые складки губ, по которым змеилась гневная улыбка. Глядя холодными глазами на встречных женщин, неповинных в его семейной жизни, Испепеляев, сам того не подозревая, ввергал их в смущение, хотя его мысли целиком были обращены в собственную душу. Там царило спартанское, бронепробойное спокойствие. То, в котором он себя всегда убеждал: «Я спокоен, спокоен, спокоен», — привычно делая на три шага — вдох и на два — выдох.

— Я сам женился на этой женщине. Никто меня не толкал. Мне даже очень мешали! Значит, это не совсем несчастный случай. Я остался жив. Дышу. Работаю. У меня даже дети. Я женился по любви и теперь должен учесть: или я буду тверд — и она со временем исправится, или...

Тут Испепеляев обнаружил, что уже стоит на остановке автобуса. До работы ехать далеко, и сейчас, воткнувшись в автобусе между двумя высокими спинами, он предался прежним размышлениям: «Конечно, я старше и должен быть терпеливым. Да, это нелегко, и я одинок в своих стараниях». Он пробил талончик. «Н-нда-а-а!» — протянул Испепеляев неожиданно для себя и тех двух спин, между которыми продолжал стоять. Глянув в окно автобуса на поголубевшее небо, Испепеляев заметил, что дождик так и не случился. Он хмыкнул: «А зря я захватил с собой зонтик! Зря-а-а-а...» Спины, между которыми

он стоял, одна за другой сошли на своих остановках. Остальные на Испепеляева внимания обращать не стали.

Прислушавшись к собственному внутреннему голосу, Испепеляев заметил в нем какие-то странные перемены. Он стал чище, протяжнее, а выползавшие из каких-то его глубин эмоции с репликами хватались за звуки, как за канат, и весело выскакивали наружу, застревая на лице, губах и щеках. «А все-таки я одино-о-о-ок, как коза среди бегем-о-о-тов!» Испепеляев осторожно оглянулся вокруг: он почувствовал, что это сравнение его рассмешило. Правда, для настоящего смеха его голос еще не созрел. Тогда Испепеляев просто ограничился тем, что опять же внутренним голосом, откровенно себя похвалил за выразительность мышления.

Кажется, он окончательно пришел в хорошее настроение, и, чтобы уже не огорчаться по поводу пропущенного завтрака, о котором, мрачновато бурча, напоминал ему желудок, Испепеляев оптимистично решил: «И обедать не буду! Устрою-ка я себе разгрузочный день!» Идея ему сразу понравилась. Однако разум, привыкший к научному детерминизму, непроизвольно стал искать мотивы такого решения. Завтрак-то он пропустил совсем по другим причинам! Какая же будет внутренняя связь с этим фактом? В смысле, если пропустить и обед? Главное в действиях человека — мотивы и принципы. А принципиальность, даже в абсурде и особенно в абсурде, Испепеляев ценил высоко. Нет, он не был догматиком, а в огромной степени — диалектиком. К демагогам относился осторожно, признавая в них способность делать из диалектики... козла (пожалуй... козу?) отпущения. Это сравнение ему тоже понравилось. Однако тратить время на осмысление связи парнокопытного существа с диалектикой не стал.

Свойство характера Испепеляева — всегда быть диалектиком — даже моясь в ванне или выпекая блины, нередко приводило его жену в отчаяние! Но особенно это обескураживало консервативную в философском смысле тещу. Несмотря на высшее

образование и принадлежность к самой прогрессивной в мире партии, она существовала все еще во временных пластах... средневековья. Там, как известно, превыше всего ценилась родословная и состояние чистоты перед кем-то Неведомым и Всевидящим. В минуты гнева она страстно призывала костры инквизиции, алкала крови, немедленного распятия и пр. При этом она была искренна и всегда хотела, чтобы Испепеляев это видел. Однако теща не успевала за резвым шагом испепеляевской диалектики. Вот сейчас, при ней, он клянет и материт товарища, захаживающего в его, испепеляевский, дом. Теща, подумав, тоже находит в данном божьем создании некоторые недостатки. Вместе они делятся мыслями о несовершенстве природы и невезении на друзей. Жена Испепеляева только за голову хватается, ловя их фразы, бьющие по телу отсутствующей персоны и обжигающие его образ гневным жаром. Но на завтра Испепеляев негодника... прощает! Он уже находит в нем приятные своей душе качества. Негибкая теща, проявившая вчера солидарность с диалектиком, а сегодня застрявшая из-за своего консерватизма в заблуждении, получает нахлобучку за неверие в человека! Жена, приглашенная обеими сторонами в свидетели, обвиняется Испепеляевым в несносном характере и в отсутствии славянской доброты. Она смиренно соглашается, что душа ее темнее погреба, убеждает всех, что лучше нет на свете человека, в которого поверил Испепеляев и с коим успешно восстанавливает мир. «Любите людей!» — требует Испепеляев, расхаживая по квартире. Это продолжается до того момента, пока кто-нибудь в очередной раз не сделает ему... предательский сюрприз.

Тут уж Испепеляев ведет себя двояко. Либо он испепеляет, либо нет. Во втором случае он проявляет такое добродушие, что всем становится холодно.

Он смотрит сверху или сквозь пальцы. Смотрит так, будто бес- смертен. «А! Это вы? Фу, не на что плюнуть!» Обычно так бывает, когда Испепеляев ссорится с начальством, представляя

их физиономии, как мячи у своих ног. В этом случае он складывает руки на груди, как это делал покойный Жорж Плеханов, и повторяет то, что иногда говорят французы: «Ну что ж, не все безумцы в сумасшедшем доме!» Но чаще он произносит собственную фразу: «Ну что поделаешь? Детей-то кормить надо!» И уходит, так и не коснувшись носками туфель мячей-физиономий.

Мысль о детях делает Испепеляева материалистом. Она ставит его на ноги из любого положения, в каком бы он ни находился. С мыслью о детях он даже дважды решился на женитьбу! От двух браков он собрал урожай из четырех детей. Они требуют своего, и папа Испепеляев вкладывает в них всю душу. Он делает это потому, что уверен: женщина в принципе не способна воспитать ребенка! Сделать это может только мужчина. Особенно, если дети — мальчики...

Увешанный детьми своими, детьми — друзьями своих детей и детьми своих друзей, Испепеляев вручную вращает мельницу, перед которой присела бы даже лошадь Дон Кихота. Дети, жены, друзья, сослуживцы — все нашли в Испепеляеве исповедника, все посвящают его в свои внутренние дела и ругают, когда его советы не помогают. Все хором клянут и хвалят Испепеляева, который уже сам чувствует, что вышел из берегов индивидуального духа и начал превращаться в публично созерцаемое явление природы, вроде Ниагарского водопада.

Жены Испепеляева — и та, что в прошлом, и та, что в настоящем, облегченно вздохнули, когда он взял на закорки дело воспитания совместно нажитых детей. Друзья по работе нашли в нем Януса, единого в двух лицах. Они убеждались, что спорить с ним можно было утром и днем. Можно вечером звонить и спор продолжить. Поздно ночью им разрешалось стучаться в дверь его квартиры, чтобы, напившись холодного чая с горчичным сухариком, после охрипших аргументов сонного Испепеляева, с чистой совестью признаться себе, что он их убедил... еще утром! Да, да! Уже тогда Испепеляев все-таки был прав!

Друзья постоянно и периодически разводятся с мужьями и женами. Они посещают дом Испепеляева временами врозь, временами вместе. Он их выслушивает и всем терпеливо объясняет, как сказал поэт, «что такое хорошо, а что такое плохо!» Не одну семью «разбил» Испепеляев и не одну семью «склеил». Как «за», так и «против» семейной жизни у него есть масса аргументов...

На досуге Испепеляев пишет книги, приносящие ему славу, а его семье деньги в нетвердой валюте. И в деле написания книг Испепеляев ухитряется закрутить такую «мясорубку», что убеждает окружающих, будто одна из его книг написана в соавторстве с инженером, пившим у него дома чай! В этом убеждается, наконец, и сам инженер, когда получает половину гонорара!

Приехал Испепеляев-папа и сделал в его квартире из маленькой кладовки на пятом этаже, в центре города токарный цех. Даже дети Испепеляева до седых волос будут помнить об этом счастливом мгновении! Две недели Испепеляев-папа, бабушка его детей, собирал из ненужных в хозяйстве гуманитария вещей универсальный станочек для токаря-универсала. И собрал! Правда, Испепеляев на станочке работать не умеет. Но научится! Он способный...

Две недели станочек испытывали. Он надежный. Все пробки в доме вылетели, и лампочками набиваются помойные ведра. Соседи прикладывают ухо, кто к потолку, а кто к полу, в поисках источника ровного гула. Станочек работает, и жизнь идет под его мерное гудение! Ты как бы плывешь на океанском пароходе, у которого внизу — машинное отделение. И так днем и ночью...

Но совсем не из-за этого Испепеляев поссорился с женой. И не из-за денег. И не из-за друзей. И не из-за их жен, которые горазды стучать и звонить в дверь испепеляевской квартиры все 24 часа в сутки. Нет! Поссорился Испепеляев из-за того, что поздно ночью жена надевает ночную сорочку и бухается спать,

сверкнув острыми пятками. И это Испепеляева возмущает. «Вот, наконец, наступила ночь, — рассуждает он, прислушиваясь к легкому храпу жены. — Дети спят и не мешают. Бабушка Испепеляев выключил станок. И это, следовательно, не может мешать. Друзья, которые не ночуют у нас в доме, тоже спят и не мешают. Которые ночуют в нашем доме, наконец-то, уснули. Я — Испепеляев, проявляя мужскую сознательность, совершенно ничего не требую, как природный мужчина, а она? Спит вместо того, чтобы...» Тут Испепеляев внимательно взглянул на жену. Да, точно! Она все-таки спала. Причем спиной к нему, к мужу. «Спит! Вместо того чтобы встать и писать диссертацию, — закончил он мысленную тираду. — Утром скажу ей об этом. Хватит! Она должна подумать о нашем будущем! Все-таки доктором она получала бы на 200 рублей больше, бессовестная!» Вот почему утром Испепеляев ушел из дому не позавтракав!..

...Возвратившись с работы, уже остыв от утреннего гнева, ему говорить и мириться было некогда. Гудел станок. Ходили друзья. Орала дети. Звонил телефон. И он, и жена крутились с ужином, толкаясь на кухне. Затем Испепеляев в знак примирения начал мыть посуду, отпустив ошалевшего от счастья сына, который, по графику дежурств по кухне, должен был исполнять эту трудовую повинность. Из кухни жена не уходила, чтобы долго и нежно смотреть на испепеляевское лицо, сосредоточенно мелькавшее над раковиной. Она подумала, что завтра, едва начнет убирать квартиру от недельных залежей, обязательно отыщет эту неоконченную диссертацию и допишет последние сорок страниц. «Раз ему так нравится, напишу!» — думала она, глотая чай с сахаром и со слезами радости. Снова добавляла сахар, потому что слезы, даже радостные, все равно соленые. «Напишу! И тогда заставлю его бросить работу. Уедем куда-нибудь, где нас никто не знает, и...»

Но тут она поняла, что это бесполезно: вечером не знают, а через день опять будет полон дом!

— Давай помогу, — говорит жена, отбирая у Испепеляева

последнюю невымытую ложечку. — Спасибо, что ты меня отругал! А то и вправду я совсем опустилась... Завтра же пойду в библиотеку.

— И ты меня извини, — телевизионным баритоном говорит Испепеляев и, чмокнув жену в сырую от недавней слезы щеку, уходит в туалет просмотреть газеты. В туалете — светло и чисто. Звонкие голоса детей, не поделивших игрушку, сюда не доносятся. Хорошее время! Гости еще не созрели для визитов. Они только еще думают, не посетить ли им приветливый дом Испепеляева. Папа Испепеляев, при свете недавно вкрученной лампочки, напряженно размышляет о конфигурации какого-то штуцера, которого нет еще в токарном станочке. Жена, стоя посреди гостиной, разглядывает углы и спрашивает себя, куда же она спрятала от самой себя диссертацию?

Не замечая тесноты туалета, Испепеляев наслаждался тишиной. Вытащил из капроновой сетки положенную женой рукой свежую газету... После внутренней и международной информации Испепеляев решил, что пора выходить, поскольку уже произошло избавление от насыщения. Неожиданно он наткнулся на объявление: «Кто нашел синего маленького попугая, просим вернуть за вознаграждение». Испепеляев увидел рядом второе объявление: «Пропали две лошади черной масти и рыжей. Кто знает что-нибудь о них, просим сообщить». Весело хмыкнув Испепеляев, затягивая ремень на брюках, подумал, что будет, если назавтра друзья откроют свежие газеты и прочтут: «Разыскивается Испепеляев. Масти рыжей. С ним маленькая черноволосая жена. Просим вернуть за вознаграждение. Звонить по телефону 33-03-63 в любое время» ...

*

ДЕЛО О ВЗАИМНОСТИ

Одна поэтесса разводилась с мужем и очень нервничала. Правда, она и раньше показывала мужчинам на дверь, но обычно не проживала на их жилплощади и не носила

их фамилий. Просто своим мягким голосом она просила их забыть ее адрес и телефон, потому что счастье было лишь возможно... Да, да! Пришел конец чувствам. Ужасными оказались у поэтессы и пробуждения, и разочарования. Теперь же ситуация иная. Нельзя без согласия официальных инстанций сказать мужчине, который стал чужим, чтобы не приходил, не мелькал в неглиже, не топтал новый ковер в спальне его собственной квартиры...

В этот момент жизни поэтесса о себе не думала! Ее заботило самое дорогое, что в результате развода и наглого характера ее официального супруга она могла потерять. Она думала об имуществе... Смешно сказать — имущество! Восемьдесят голых квадратных метров жилого фонда, сплошь увешанных произведениями искусства из листового железа. Можно, конечно, было пожертвовать все это в дар какому-нибудь нарождавшемуся сельскому музею. Или передать... в кинотеатр! Пусть между сеансами люди любуются реликвиями недолгой семейной жизни чеканщика и поэтессы. Но произведения эти жутко тяжелы для переноса! Она не захотела их домогаться и оставила висеть на квадратных метрах. О хорошем вкусе поэтессы друзья знали с ее слов. То есть она никогда этого не скрывала. Размышляя о самом дорогом, с чем не хотела расставаться, поэтесса и теперь своему вкусу осталась верна! Бра, светильники, канделябры, гараж, машина, букинистические ценности она гордо презрела, посчитав пошлым задерживать прощальный взгляд на всем этом барахле. Зная, что для нее по-настоящему дорого, она, возблагодарив судьбу, отправившую ее мужа в командировку, все близкое ее хорошему вкусу собрала и тщательно упаковала в два... узелочка. Затем она позвонила двум верным людям. Одного она знала еще с детских лет, поэтому он имел о ней детские представления, а другого она узнала недавно, быстро успев убедиться, что он страстно желал ей свободы выбора творчества и досуга.

«Требуется, — сказала она верным людям, — вынести из моего дома два маленьких узелочка. Одной мне не справиться...». «Заметано!», — не колеблясь ответили они. И вот однажды вечером, в назначенный час, когда время близилось к полуночи, верные люди поэтессы приехали к ее дому на такси. Она ждала их в пустом подъезде и вручила ключи от квартиры, уточнив, где именно лежат узелки.

Верные люди поэтессы поднялись на лифте к дверям квартиры, которую предстояло быстренько открыть и так же быстренько взять два маленьких узелочка с дорогими поэтессе вещами, быстренько спуститься с ними вниз, положить в такси и быстренько увезти подальше от ее разваливающегося семейного очага. Сама же поэтесса ждала верных друзей в полумраке двора и очень нервничала. По своей рассеянности она забыла день и час, когда муж должен был вернуться в дом, под крышей которого они официально еще жили. Фланируя по ночному двору, где ее знает каждая собака и каждый хозяин собаки, поэтесса очень умело изображала женщину, страдающую бессонницей.

Смысл «легенды» поэтессы был прост. Если ее увидит муж, она пожалуется на мигрень. Даже если случится ужасное — он столкнется с верными людьми поэтессы с узелочками в руках и — невероятное — тут же узнает их, то с нее, как говорится, взятки гладки! Она гуляет с мигренью в голове — и ... все!

Эта мысль ее ошпарила. В напряженном мозгу поэтессы, как на телеэкране, стала «раскручиваться» хроника: вот она стоит рядом с такси, вызванным верными друзьями. Неожиданно появляется надоевший своей пошлостью супруг. Он нагло пристает к ней со своими дурацкими вопросами и... Поэтесса, зябко передернув плечами, сжавшись, насколько позволяла ее рубенсовская фигура, отошла от такси подальше и спряталась за угол дома.

...Из подъезда выскакивает друг детства со следами растерянности и волнения на лице и с непричесанной растительностью

выше и ниже носа. Поэтесса мгновенно изображает окончание своей прогулки и, надменно подняв голову с водруженными на аккуратном носике модными очками, скрывается в подъезде. Друг детства — послушно за ней. «Главное, — успела подумать она, — чтобы таксист не обнаружил между этим человеком и мной никаких признаков знакомства. Мало ли что?» Убедившись, что дверь подъезда закрылась, друг детства свистящим шепотом сообщил поэтессе жуткую новость: «Дикое положение! Втолкнули в лифт узелок, но сопровождающий не помещается! Если сначала входит в лифт сопровождающий, тогда, как ты понимаешь, узелок остается на площадке!» Поэтесса задумывается, но только на мгновение. «Пусть он на узелок сядет сверху!» — говорит она леденящим шепотом. «Ага! — радостно сообщает друг детства. — Понял!» И поехал на лифте вверх выполнять инструкцию поэтессы. Через пару минут лифт бухается к ее ногам и она видит свой замысел воплощенным: поверх узелка с дорогими для нее вещами сидит, свесив худые ноги, преданный друг, жаждущий ее свободы и готовый на все ради нее. Поэтесса стоит у лифта, близка к обмороку. Найдя в себе силы, она приказывает верному человеку отнести узелок в такси, сесть в машину и ждать там друга детства. Тот спустился почти сразу, тоже сидя верхом на узелке. Однако поэтесса была вынуждена помочь другу детства выволакивать узелок из лифта, потому что был он не таким мягким и податливым, как первый. Наконец, поэтесса страстным шепотом приказала: «Скорее в машину!». Выключив для конспирации в подъезде свет, она выскользнула оттуда, резко свернула вправо и сразу растворилась в ночной мгле двора. Боковым зрением она замечает, что верному человеку с узелком в руках дорогу к такси преградила какая-то подъехавшая консервная банка с зажженными фарами. Поэтесса мгновенно узнала транспортное средство лучшего друга бывшего семейного очага, расхищаемого ею в данный момент! Высунься она из спасительного укрытия, чтобы помочь другу детства и верному человеку, ей придется что-то срочно

приврать другу семьи, появившемуся так некстати... Тот, конечно, начнет слушать... Вежливый! Еще и предложит свою помощь... Благородный! А если муж явится? Страшно медленно тянутся минуты. Тут еще и таксист занервничал: консервная банка с фарами дорогу перегородила, полночь уже миновала, счетчик тикает, пора уже ехать, хоть куда-нибудь! Наконец, друг детства соображает, что его-то во дворе никто не знает, неважно, с узелком он или без, и, подойдя к таксисту, говорит: «Шеф! Выезжай на дорогу! Все погружено!» Тот радостно — все-таки едем! — начинает материть владельца консервной банки, требуя, чтобы он освободил проезд. А тот не торопится. Ясное дело! Приехал-то он к себе домой! В голове у него уже постель с подушкой, теплый бок жены и сон до утра. А то, что рядом с такси стоит какой-то мужик — это он так о друге детства поэтессы подумал — с каким-то узлом, так что ж с того? В общем, ругаются они лениво-весело друг с другом, а во двор тем временем въезжает машина. До подлости она была похожа на авто поэтессиного мужа с тяжелой рукой чеканщика-профессионала. Он же ничего не знает о том, что поэтесса твердо решила загасить семейный очаг...

Вглядываясь в бока и линии подъехавшей машины, поэтесса с элегическим ужасом встречает свои мысли: «Вот он едет сейчас в полумраке на свет этого очага и еще ничего не знает! Боже мой, это конец!» В голове проносятся новые, такие же страшные мысли о том, что верные ей люди будут квалифицированы как воры, принудившие ее, несчастную женщину, собрать свои женские вещи, вызвать такси, чтобы по их требованию вывезти неизвестно куда!..

Уже готовая потерять сознание, поэтесса дрожащими руками поправляет очки и замечает, что номер у машины — счастливый! То есть совсем не такой, как у их семейного автомобиля, и вообще это совсем другая машина! С потерей сознания можно повременить, успела подумать поэтесса, заметив, что и друг мужа откатил на своей консервной банке в сторону и даже ушел

в свой подъезд. Наконец-то, путь свободен!

Друг детства с усилием, но старательно уложил второй узелок в багажник, верный человек поэтессы назвал таксисту адрес, и машина вырулила на улицу! В машину друг детства не сел. Он жил неподалеку и решил пройтись до своего дома пешком по ночным улицам. Поэтесса, увидев его удаляющуюся фигуру, рванулась было из полумрака, чтобы догнать и поблагодарить, но алиби остановило ее железной логикой: она никого не знает, у нее — мигрень!

В это мгновение навстречу другу детства поэтессы медленно едет машина ее мужа, которого она недавно сделала бывшим. В свете фар своей машины он сразу узнал друга детства своей жены, с которым был знаком. Остановился. Опустил дверные стекла. Галантно с ним поздоровался. «Привет! А чего ты тут делаешь?» — баском спросил муж поэтессы. «Гуляю...» — растерянно улыбнувшись, пролепетал друг детства. Он почувствовал, что ноги его не слушаются и готовы сейчас же уронить его тело наземь. Муж поэтессы пожал плечами. Вдаваться в подробности этого странного променада не стал и поехал к своему подъезду. Друг детства поэтессы задком, тихонько вышел из темноты двора и, скрывшись за углом дома, почувствовал неожиданный прилив сил. Через секунду он припустил во весь дух, вдоль по улице, пока не достиг родных ему стен.

Поэтесса, заметив машину мужа, шмыгнула в соседний подъезд и, убедившись, что он исчез, темными улицами осторожно добралась до дома своих знакомых и тихо постучала в дверь...

...Запахавшийся друг детства опомнился только на собственной кухне, стены которой были увешаны голубыми и розовыми балеринами Дега. Они отвернулись пуантами от уродцев, притаившихся на другой стене, где друг детства поэтессы повесил, для контраста, картинку Босха. Жена друга детства поэтессы заварила гриб чагу. Так она делала в минуты былых потрясений и промолвила сладким голосом, который можно было даже принять за нежный, если не знать ее как женщину,

лишенную сантиментов: «На тебе лица нет, дорогой!» Друг детства, едва справляясь с крупной дрожью, искренне признался жене: «Боюсь я его... Как увижу, так и боюсь!» Тут же убежденно пообещал: «Ходить по той улице, к тому дому я не буду больше никогда!» Жена ничего не понимала, но ни о чем спрашивать не стала. Она хорошо усвоила правило: не задаешь лишних вопросов — значит, имеешь полное взаимопонимание с мужем. Даже не пожав плечами, она молча ушла в постель.

Медленно погружаясь в кошмары, друг детства поэтессы уснул на кухне, положив под голову кастрированного кота Мефодия. Ему снилось, что его запикивают в лифт и выламывают из шахты затем грузят в такси. В лифте нет воздуха, и он задыхается, как жук в кулаке...

...При разделе имущества чеканщика и поэтессы так и осталось невыясненным, когда, кто и куда увез узелочки с дороги — не только для нее вещами. Удивлялась поэтесса искренне. Мужа ни в чем не обвиняла, даже не подозревала. Просто показывала суду свою театральную сумочку и говорила с нескрываемой обидой: «Вот она, посмотрите! Совсем маленькая, в ней уместятся только мыльница и зубная щетка...». Из совместно нажитого имущества, как выражаются стряпчие, не осталось ничего, кроме машины мужа, на которой он уезжал в тот злополучный вечер.

Решением суда машину, как и полагается, разделили пополам, потому что женщины у нас с мужчинами равны в принципе, а тем более в браке. Они на все имеют право. Мы за это боролись! Это достижение нашей социальной системы! Сейчас разведенная поэтесса и ее разведенный муж живут в совершенно пустой квартире. На восьмидесяти совершенно квадратных метрах. Оба, куда надо, ездят на такси, потому что машина разделена пополам. Окончательно разъехаться они не могут. То есть поэтесса не может покинуть эту «берлогу». Это она так назвала мужнину квартиру в одном из своих самых проникновенных поэтических произведений. В общем, разъехаться

не могут, потому что половину ее творческого наследия бывший муж похитил вместе с официальными документами, удостоверяющими ее личность. Причем как личность поэтическую! Взамен он оставил только общих детей, которых она, как мать и даже как поэтесса, с чувствами и эмоциями, должна вывести на верную дорогу жизни.

Пока она выводит их на эту дорогу, процесс творчества не останавливается. Она пишет новые стихи, а муж их тут же похищает и прячет. Теперь бывшие супруги связаны узами взаимности. Он что-то у нее взял, но что-то ей и оставил. Что-то взяла у него она, но что-то ему и оставила. И это «что-то» не какая-нибудь лирическая необъяснимость, вроде нежного чувства, а вполне конкретные предметы — так сказать, реалии быта и творчества.

Эта тяжкая ситуация, тем не менее, вызвала у поэтессы внушительный подъем! Она пишет стихи! Причем едва успевая менять в ручке стержни! А муж, бросив искусство, которым кормился, изучает темные стороны жизни, бывшие ему до сих пор неизвестными. При этом он становится не мрачным собственником, подозревающим свою жену в краже, а цивилизованным человеком и реалистом. Он готов даже понять, что его бывшая жена — личность! Поэтесса! А налаженный быт — первый враг творчества. Особенно если жена еще и хороша собой...

*

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ШКАФ

Доцент Косицына впервые вышла на работу в новом звании профессора. На этот случай, готовясь идти на работу, она достала из полированного шкафа туфли-лодочки без каблука и надела просторное голубое платье с широким белым воротником. Накинула на себя серый китайский макинтош, застегнула его на все пуговицы, всмотрелась в зеркало и задумалась... Чем бы украсить свою, теперь уже профессорскую, голову? Выбор пал на желтый мохеровый берет размером с большую яичницу...

Именно эту «яичницу», придя на кафедру, она и всунула в проем двери кабинета декана, намереваясь первой сказать

ему свое, уже профессорское: «Доброе утро!» Где-то под лопаткой неприятно кольнуло: ее уже опередили! Перед столом декана, развалиясь в кресле, как в пляжном шезлонге, сидел всемирно известный ученый Иосиф Артурович Шурум, пребывавший профессором уже двадцать лет. С его худого умного черепа стекали на плечи длинные, легкие, седые пряди. Замшевый пиджак цвета дубовой коры был кое-где усеян точками перхоти. Длинные ноги, всунутые в джинсы, вытянуты, и без труда можно было увидеть привезенные с малазийского конгресса носки цвета горлышка какаду. Широкие стопы профессора обуты в американские спортивные туфли. Его острые колени морщили ткань, хотя брюки были отличными. В них можно хоть сено косить или картошку на овощной базе перебирать. Даже если вброд речку перейдешь — не промокнут, не испачкаются, а главное — не произведут впечатления дешевых. В общем, брюки у профессора Шурума были что надо!

Едва распахнув двери, Косицына мгновенно все это охватила взглядом и произнесла консерваторским голосом: «Доброе утро!» Собеседники приветливо кивнули, но профессор Косицына, переведя взгляд с острых коленок Шурума на лицо чем-то озабоченного декана, продолжила:

— Простите, Арсений Евдокимович, что беспокою вас и отрываю от беседы... Доброе утро! — повторила она еще раз, уже не глядя на Шурума, ответный поклон которого в ее сторону, посчитала недостаточно убедительным. — Я заглянула к вам исключительно лишь для того, чтобы сказать, что если я вдруг понадобится... — чувствуя, что возникшее внутри раздражение на профессора Шурума произвольно напрягает ее взгляд, Косицына постаралась сделать улыбку помягче, — ...то я буду у себя. Извините, что вмешиваюсь в вашу беседу.

Закончив, она удалилась, закрыв дверь. В кабинете воцарилось молчание. Мужчины, каждый по-своему, вспоминали сейчас: о чем же они беседовали до появления профессора Косицыной?

Арсений Евдокимович ковырнул в ноющем верхнем зубе длинным прокуренным ногтем, который отрос на мизинце то ли случайно, то ли с одобрения хозяина ладони. Иосиф Артурович ухмыльнулся чему-то своему, затем, как ловкий танцор, перекинул ноги одну за другую, скрестил руки на груди, и его лицо стало медленно покрываться мелкими красными пятнами. Заметив это, декан уже по опыту знал, что Иосиф Артурович сейчас явно прихватил в неких своих закоулках разума, битком набитого знаниями, новую идею для статьи, а может быть, и тему своей новой докторской диссертации. Открыв рот, чтобы задать коллеге уточняющий вопрос, декан непроизвольно прислушался. Тонко припевая в плохо смазанных петлях, дверь его кабинета снова стала медленно отворяться. В проеме появился цыплячий мохеровый берет профессора Косицыной, а вслед за ним протискивались серый макинтош вместе с тощим черным портфелем.

— Извините, пожалуйста, — с легким налетом чувства вины на умело подведенных бровях произнесла Косицына. — Я хочу сказать: «До свидания!», потому что ухожу, но вспомнила, что мне надо получить для нашей картотеки шкаф. Его обещал мне товарищ Жедьмо, согласно заявке, которую составила наша кафедра, а товарищ Жедьмо лично ее подписал, обещая содействие.

Пока Косицына все это излагала своим меццо-сопрано, ее тело по инерции продолжало просачиваться в кабинет декана. Остановившись, Косицына испытующе посмотрела на профессора Шурума, который, почему-то испуганно на нее глянув, снова быстро сменил позицию своих ног, прижав пятки к нижней кромке кресла. Декан внимательно смотрел на огромный плоский портфель Косицыной и никак не мог сосредоточиться на ее реплике. Его задумчивость она поняла по-своему. Уже полностью распахнув двери, Косицына заговорила, мгновенно перейдя на привычную лекторскую интонацию:

— Кстати, коллеги! Я в своем пособии рассматривала

производное слово как бинарную оппозицию в плане синхронной этимологии. Однако я никак не могу решить, как мне быть со словообразовательным формантом?

Иосиф Артурович Шурум, немного смущенный взглядом Косицыной, опять коснувшийся его острых коленок, осторожно прихватив двумя пальцами брючину у самого ее основания, мелко дернул вниз, пытаясь прикрыть сизый кусок яркого носка, выступавшего из-за кромки туфель. Поджав губы, он произнес бесцветным голосом робота:

— Анализируйте по принципу матрешки... — по-видимому, Шуруму сразу понравилась эта его подсказка Косицыной. Отстраненно ощупывая взглядом огромный желтый берет коллеги, он, уже играя интонациями голоса, продолжил свою мысль: — В таком случае вы избегнете ошибок. Я лично нахожу их во множестве даже у больших ученых!

— Да, да! — живо оторвав взгляд от портфеля Косицыной, подхватил Арсений Евдокимович. — По принципу матрешки! Декан даже улыбнулся, наверное, вспомнив эту игрушку, которая стояла у него дома, в кабинете, в книжном шкафу, рядом с коньячным набором, привезенным из Армении.

— А не противоречит ли этот метод идеям профессора Богородицкого? — с сомнением, поджав губы, спросила Косицына. Она удобно облокотилась на широкую дверь, уже упершуюся ручкой в стенку. Ее насторожили слова Иосифа Артуровича Шурума! Тот иронически промолвил, успев мельком взглянуть на яркий циферблат своих часов, купленных в Гваделупе, где месяц назад он читал доклад на тамошнем симпозиуме о связи испанского и русского языков.

— А-а-а! Мой вам совет, не занимайтесь гипертрофированным корнеискательством...

Декан, мельком глянув на Шурума, непроизвольно кивнул и стал озабоченно рассматривать собственный ноготь на безымянном пальце. Косицына, поставив между ног портфель, поправила берет, предательски сползавший к ее правому уху.

— Меня интересует, Иосиф Артурович, ваше мнение по поводу прилагательного «невпопадочный». Я выделила здесь суффиксальный морф «н», а также более длинный морф «очн».

Декан, прищурившись, внимательно посмотрел на Косицыну, потом, уже мельком, на Иосифа Артуровича и, явно думая еще о своем, неожиданно хлопнул ладонями по рыжей столешнице своего письменного стола.

— Это дело нельзя оставить без внимания!

— Вы знаете... Я еще как-то не чувствую себя профессором, — понимая эту реплику декана по-своему, почти робко произнесла Косицына. Ее взгляд медленно переходил то к лицу Арсения Евдокимовича, то к равнодушной физиономии профессора Шурума. По-видимому, Иосиф Артурович давно уж перестал замечать, что он профессор. Собеседникам об этом сообщила, наверное, его мимика, и Косицына зарделась. Уже с нажимом она произнесла: — Иосиф Артурович! Мне кажется, что продуктивность морфа «-очн» в слове... — она набрала воздух, произнеся: — «Невпопадочный» — и решительно продолжила:

— Некоторым образом слаба в современном языке и вряд ли существуют какие-либо формальные помехи для образования прилагательного... — моргнув и придерживая желтый берет, закончила почти неслышно: — ...Невпопадный.

— Да? — вдруг неожиданно оживился Шурум. Громко хмыкнув и со значением взглянув на декана. Тот опять рассматривал портфель Косицыной, который та уже подхватила, правой рукой, левой — энергично завершив свою реплику.

Профессор Шурум в раздумчивом недоумении произнес:

— Честно говоря, я об этом еще не думал...

Уловив в его голосе неуверенность, Косицына, уже отодвинувшись от двери и чуть прищурившись, произнесла тоном, в котором слышалось превосходство:

— Подумайте, подумайте! — заметив, что декан как-то нервно заерзал на стуле, она, снисходительно глянув на мужчин и поворачиваясь к выходу, сказала:

— До свидания, коллеги. Я, кажется, задержала вас... Но мне очень интересно было знать мнение Иосифа Артуровича по той проблеме, над которой я сегодня работаю, — прихватив ручку двери, она стала тянуть ее за собой. — До свидания! — повторила она, прикрывая дверь и уже не слыша голоса коллег, произнесших... «До свидания» разными голосами. В их взглядах, направленных в сторону закрывшейся двери, можно было заметить осторожность и уважение.

— Кстати, Арсений, — сказал Иосиф Артурович, поднимаясь из кресла и вытягивая в долгую вертикаль свое худое, плоское тело. — Я себе присмотрел один шкафчик... Нашел на задворках... В бывшем корпусе физиков. Ты дай мне завтра машину, а? Арсений Евдокимович рассеянно кивнул...

От автора. Этот рассказ я случайно оставила на своем столе в папке с кафедральными бумагами. Моя сменщица, тоже лаборантка, делившая со мной одно рабочее место, рассказ обнаружила и не только его прочитала, но тут же со смехом прокомментировала, без особых усилий обозначив кто есть кто. Каждый из прототипов уже назавтра начал демонстрировать мне свое понимание юмора. Тот, кого я назвала Шурумом, ловил меня в коридорах факультета и, аккуратно придерживая меня за плечи, ворковал: «Танечка, ну вы, право же, совершенно зря так разрекламировали мою костлявость. Впрочем, вынужден согласиться: главное — правда типажа!» Мадам, которую я нарекла Косицкой, перестала со мной разговаривать, но особых неудобств я не испытала. Что касается ее научных реприз про «невпопадочный», это сущая правда! Своими ушами слышала и в точности вложила в уста своей Косицкой. Сложнее было с деканом. Он не мог, да и вряд ли хотел, предъявить мне какие-то претензии, однако вольностей в обращении с профессурой кафедры не одобрял. Каждый раз, при встрече, он смотрел на меня веселыми глазами из-под лохматых бровей, но тут же сжимал тонкие губы в строгую складку.

Я научилась в такие минуты моментально изображать кротость и покаяние. Кажется, ему это нравилось. Понять суть рассказа я *доверяю* вам...

*

КАК ВСЕ...

У машинистки машбюро заводоуправления было странное имя Алтанасун, но все звали ее просто — Ася. Была она женщиной молодой, тоненькой, черноволосой, внешне неприметной. Одним словом, как все. И замужем была за обыкновенным человеком: белобрысым, речистым профоргом — Одеяловым. Конечно, и у него были свои особенности. Любил он, например, ерошить свой светлый чуб, трепать такую же блондинистую бороду, вернуть в разговоре крепкое словцо и не проходить без улыбки мимо баб с бровями вразлет и румянцем во всю щеку. Но кто ж об этом знал? Выглядел как все, а что касается особенностей, то они могли обнаружиться только в редких случаях, когда Одеялов уезжал на семинар профоргов, куда-нибудь в нечерноземную Россию или под Полтаву. Вернется, расскажет Асе, что, мол, в колхозе «Только вперед!» под Бердичевом кухарка им готовила знатные украинские щи, а глаза у нее были «синие-синие с загнутыми ресницами, а стать така-а-ая, что...». Ася высокохудожественное восхищение мужа понимала и тихо вздыхала. Нет, глаза и стать... это не про нее. Она была обыкновенная, как все! Ну разве что черненькая, волосы тяжелые, густые, челка касается бровей, а под ними — серые глаза.

Между тем было в Асиной биографии одно замечательное событие. Случилось оно еще до ее рождения, и, конечно, заслуги в том ее вовсе и не было. Отец Аси, бывший моряк Балтийского флота, балагур и выпивоха Мишка Зеев однажды случайно разбил себе губу. Где и как, вспомнить не смог, и наутро, глянув на себя в зеркало, понял: причина слинять с вахты очень даже уважительная! Доложив по начальству, что заболел, Мишка направился в медсанчасть парохода, на котором он служил боцманом.

Заходит в комнатенку и ничего не понимает: смотрит на него женщина, которую Зеев никогда не видел. Оказалось, что был тогда первый рабочий день врачихи по имени Лизир Доба. Была она черноглазой калмычкой с длиннющими косами и решительным подбородком. Так случилось, что встреча эта положила конец холостяцкой жизни Мишки Зеева. Уже через полгода увез он Лизир, которую сразу же стал называть просто Лиза, в свою деревню, в Саратовскую — как он любил выражаться — губернию. Вскоре родилась девочка, и, по желанию строгой и верующей бабки Зеева, дочь назвали старинными именем Анастасия. Шло время, Ася выросла до таких лет, когда надо было получать паспорт. Пошел с ней и папа, чтоб в случае чего уточнить чиновникам какие-то неясности при оформлении бумаг.

Сидят отец и дочь в конторе перед седой тетенькой, а та сразу же вопрос девочке задала, глядя почему-то на папу: «Какой национальности будем записываться?» Поскольку и папа, и сама Ася надолго призадумались (может быть, вопрос не поняли, а может, каждый про себя решал: и в самом деле, какой?) чиновница стала им помогать. «Мама у вас калмычка... Вы, гражданин Зеев, — русский...» Это она в разговоре уточняла, но, по-видимому, — добрая душа — тут же решила и подсказать, чтоб не маялись папа с дочкой и сейчас, и в будущем... «Лучше, конечно, как все... Правда же? Так и запишем — «русская...».

То ли Миша Зеев кивнул, то ли Ася эхом прошептала вслед за чиновницей тоже самое слово, но та уже аккуратно вписала в соответствующей графе: «Русская».

Так в новом паспорте, пахнувшем типографской краской, четким почерком было выведено: «Зеева Анастасия Михайловна — русская». Вручала паспорт уже другая чиновница, но тоже улыбалась. Не забыла сказать Асе, что она «...уже взрослая, самостоятельная девушка...». В общем, поздравила тепло и торжественно, как всех!

Однако поздравлять, как оказалось, было не с чем! Правда,

Ася поняла это только через четыре года, когда разбитной профорг Одеялов увез ее с насиженного места, из родного ее городишка. Здесь Асю знали и помнили почти все. И какая она была слабенькая, и как пил беспробудно ее батя... А мама была у нее сердечной и доброй женщиной. Ни разу на пьяного мужа своего даже голоса не повысила, а просто говорила по-калмыцки: «Э-э-э! Дурной!», тряся косами, разлитыми вдоль спины. Русской никто в округе Асю не считал. Какая ж она русская? Маленькая, черненькая, с густой копной на голове по самые брови, ну прямо как зимняя шапка большого размера на подростке...

В общем, увез Одеялов Асю в свой большой город. Там он институт окончил, на завод определился и вскоре повышение получил. Стали они жить-поживать, и, как только Ася пообвыклась немного, решила она окончить курсы машинисток и устроиться на работу. Одеялов не возражал. И в самом деле, пока нет детей, чего жене в четырех стенах сидеть? Можно и поработать.

Однажды домысла Ася на кухне посуду, быстренько причесалась, надела платье с веселыми цветочками и пошла устраиваться машинисткой. В этот день ей не повезло. В одном месте нужна была машинистка, но уже взяли... Надо же! Вчера, в полдень... В другом месте, в каком-то стройтресте, нужна машинистка позарез, но... со знанием... японского языка. Зашла по объявлению в библиотеку, там машинистку давно искали, сначала обрадовались: «Пишите заявление!». Однако, взглянув на Асю повнимательней, затревожились... Не маловато ли у нее опыта? Успела Ася в тот же день заглянуть еще в одну организацию. Однако и там тоже побоялись... Не маловата ли у нее скорость печатания?

Как и положено, показывала Ася везде свои документы. Их с интересом рассматривали. Почему-то переспрашивали каждый раз: «Зеева? Анастасия Михайловна? Русская?» Ася кивала, невольно думая: хорошо, что она сохранила свою девичью фамилию! Такая она звучная, красивая. Фамилия мужа ее

всегда немного смущала... В общем, возвращали ей документы, приветливо улыбаясь и сочувственно сообщали об отказе, изредка говоря и о причинах.

Асины поиски работы продолжались месяца два. И тут решительный Одеялов захотел сам помочь жене найти работу. Он был уверен, что «бодяга с трудоустройством» — наверняка от Асиной застенчивости, которая тревожит чиновников, уверенных, что кроткие от природы женщины, какой выглядела Ася, — «недотепы» и в делах нерасторопны. Жена не спорила — все может быть — и покорно отправилась с мужем в отдел кадров того завода, где Одеялов трудился. Их выслушал крупный носатый начальник. Внимательно рассмотрел паспорт Аси и бодро сказал: «Надо подумать, куда ж нам ее определить?» Он мельком глянул на Одеялова, еще раз на Асю и вернул ей паспорт.

Одеялов почти торжествовал, попросил жену пойти домой и ждать его звонка. Едва он вернулся к себе в конторку, на его столе зазвонил телефон и Одеялов узнал крутой баритон кадровика.

— Слушай, а у тебя жена... того... точно русская?

— Русская, какие вопросы?

— Хм... — слышалось в ответ.

— Ну, если уж совсем быть точным, — наполовину, — добавил Одеялов.

— Вот видишь, — почти обрадованно воскликнул кадровик и положил трубку.

Одеялов опешил! Не поленился, пересек большой заводской двор, и, когда вошел в кабинет кадровика, тот понял, что профорг настроен решительно. Тут же мягко спросил:

— Для начала садись и послушай моего совета!

Одеялов молча опустился на стул. Поведение кадровика его озадачило. Он точно знал: машинистка нужна!

— Ты на каком свете живешь, Одеялов? Что тебе, русских девок мало было? Сам-то, смотри, каков — орел! Теперь проблему

создал... Мой тебе совет...

Одеялов был мужиком понятливым и не стал, что называется, плетью обуха перешибать, а с советом кадровика пришел домой. С собой он принес с завода бутылку с перекисью и жену стал уговаривать перекрасить волосы в белый цвет. Про разговор с кадровиком жене ни гу-гу! Просто сказал, мол, сделай для смены образа. Ася сначала удивилась. Однако на эксперимент решилась из чистого любопытства. Да и какой женщине не хочется выглядеть привлекательней для мужа? Повозившись с перекисью, показала Ася мужу результат. Правда, его, то есть результата, не было! Волосы такими же черными и остались, только на макушке появилась какое-то рыжее пятно. «Перекись слабовата! — расстроился Одеялов. — Я тебе завтра покрепче принесу». Однако Ася замотала головой и повернула свои очень посветлевшие от перекиси ладони кверху, мол, смотри. Глянул Одеялов и понял: покрепче нельзя!

Ночью ему не спалось. Прислушиваясь к мерному дыханию жены, Одеялов вспоминал разговор с кадровиком и лишь к утру забылся в чуткой дреме.

Перед уходом на работу он решительно повернулся к жене и сказал:

— Паспорт тебе все равно по срокам уже менять надо. Вот ты и займись. Когда про национальность писать будешь, не говори, что русская... Отца ты уважила, теперь мать уважь! Скажи, как есть, — калмычка, и все тут!

— Так я ж Зеева... — не поняв хода мысли мужа, сказала маленькая черненькая Ася. — Опять же имя у меня бабушкино: Ана-ста-сия!

— А ты на мою фамилию перейдешь и будешь по мужу Одеялова, — муж был настойчив, — походила Зеевой Анастасией, пора и честь знать! Жена ты мне, стало быть, и фамилию мою носить должна!

Ася послушно кивнула, подумав, что супруг ее наверняка обиделся, что оставила она свою фамилию после ЗАГСа. Теперь

забыть не может ее упрямства и, пользуясь случаем, сменой паспорта, хочет все по-своему исправить. Одеялов напряженно соображал вслух:

— Я прошу тебя имя сменить тоже. Сестер у матери полно, вот ты и выбери какое-нибудь другое имя, настоящее, калмыцкое. Теток тоже уважить надо, понимаешь? Кто знает, может, не раз еще придется с ними встретиться...

Ася вздохнула. Она так и не поняла, куда это муж клонит? Одеялов немного смутился своей настойчивости и, боясь, что жене покажется, что он груб, обнял ее и сказал почему-то шепотом:

— Глупенькая, ты ж для меня все равно всегда, всю жизнь Асенькой будешь! Это для паспорта надо все сменить! Паспорт что? Документ!

Одеялов поскреб бороду и хитро сощурился. Ася согласилась: паспорт и в самом деле был только документом...

...За хлопотами незаметно и время прошло. Ася получила новый паспорт, где красивым почерком было написано: «Одеялова Алтанасун Михайловна». В графе: «Национальность» красовалось: «Калмычка».

...Дня через два в машинописное бюро завода, где трудился Одеялов, вошла его жена и приветливо всем кивнула.

— Здравствуйте, меня зовут Алтанасун Одеялова, но вы меня можете называть просто Ася!..

От автора: ...По людской странности, мною так и не понятой, моей внешности приписывали самое неправдоподобное происхождение. Эрудиты по части женских физиономий, только однажды глянув на меня, заговорщицки мне подмигивали, сообщив, что корнями я наверняка из... Ирана. Не обращая внимания на мое удивление, тут же интересовались, когда это я или мои родители успели прибыть «оттуда»? До войны или уже после... Недоуменно поднятые мною плечи «физиономисты» толковали по-своему. Они думали, что я, будучи внешне

«не как все», комплекую, а услышав «разоблачения», смущаюсь. Так я побывала в «шкуре» азербайджанки, румынки, абисинки и еще кое-кого...

Про мои настоящие корни никто не догадывался. Однажды, когда я намекнула, что во мне есть... «*абхазская кровь*», собеседник – это был мордастый чиновник с надбровьями, напоминавшими башни старинных крепостей, с густым и лохматым кустарником над маленькими глазками – спросил: «Это в каком смысле?» Я уточнила: «В самом прямом: мама у меня – абхазка!» Чиновник нахмурился. Я решила ему помочь: «Знаете город Сухуми, столицу Абхазии?..» Чиновник слегка прояснил выражение на лице, приподнял крепостные башни, шевельнул кустарником и недоверчиво буркнул: «Так я вам и поверил...» Я не стала ничего доказывать. Но однажды, получив очередной отказ в трудоустройстве, заподозрила, что меня сопоставляли вовсе не с экзотическими этносами, а с давным-давно адаптировавшимся в Белоруссии народом, теперь уже изрядно поредевшим, выходцы из которого вызывают в чиновных кругах хроническое раздражение. Этот рассказ долго отлеживался, но «злоба дня» упорно меня преследовала. Я даже собралась нести свою писанину в какой-нибудь журнал. Правда, без всяких надежд...

*

НА ВЫСОТЕ!

...Поводов пожрать – много! Но голод – не самый благородный из них. Вот, к примеру, семейные праздники. Не говоря уже о всенародных торжествах. Именно тогда люди, чтоб не ударить в грязь лицом, то есть быть не хуже других, часто теряют голову, мысля желудками.

Люди могут обойтись без дворянских кровей и семейной Библии, но, чтоб у них не было зимой для гостей свежих помидоров, не могут! Или салата из кальмаров, или редиски, икорки всякой... Людям стыдно, когда у них на столе случайно оказывается только бутылка водки и... селедка. Но это – крайность!

Уж эти два дефицита, в любом случае, будут добыты, чтоб на стол поставить перед гостями, если, конечно, хозяйева себя уважают.

Ходить во всякие скучные компании я, к примеру, не люблю. Это когда с женами и детьми ходят. Где всех знакомят опять же только с женами и детьми. Такого я избегаю. Я хожу в компании, где собираются, как теперь говорят, по интересам. В самом деле! Ну приведу детей я, а ты — своих. Дети — с детьми... Или я приведу жену, а ты — свою. Жена — с женой, а ты — со мной. Так ведь и на работе — ты да я, а тут опять же: я да ты! Разговор снова про работу, хотя и за жрачкой, ну и, само собой, выпивкой...

Вот был я недавно на дне рождения. Кстати, ранее был... И третьего дня тоже. Нет-нет! Я — не специально! Так получилось: косяком шли дни рождения друзей, знакомых, сослуживцев. А этикет требует: пригласил к себе — иди на приглашение тоже! Ну, значит, пришли мы с женой. Сунули в темной прихожей хозяйевам свои презенты, а им-то и посмотреть некогда, что там! С порога тянут нас сесть за стол. А он уходит... к горизонту!

Я — человек искренний. Приближающийся экстаз меня возбуждает сразу.

На жену — ноль внимания. Уверен, при таком избытии она сама себе найдет занятие. Чай не маленькая и опыт гостевания имеет. Та-а-ак! Что это там такое розовенькое? Проходя к месту, указанному хозяйевами, приглядываюсь. Ба! Да это ж салат из раков и маринованных крабов! Перескакиваю взглядом чуть вбок. Краем глаза замечаю: жена уже присела. Хозяйева нашли ей место, хоть и вдаль от меня, но за этим же столом. Вглядываюсь дальше... Бормочу в недоумении... «А что это там обложено нежными салатными листьями?». Хозяйка, молодец, расслышала и с гордостью отвечает: «Галантин из индейки». Непонятно... Но сдержанно киваю. Среди такого великолепия спешить не следует. Посмотрю-ка я, кто этот галантин есть будет и как оценит, а уж потом сам попробую...

Рядом кто-то поперхнулся, кашляет. «Что случилось?» Это я моего соседа спрашиваю, что по правую руку сидит. Он, чуть сдерживая слезы, сразу ответить не может. «...Салат из перца, чеснока и орехов». Это хозяйка, уточняет, заметив затруднения гостя и не желая вопрос мой оставить без ответа.

Однако я уже никого не слушаю. Батюшки! Где ж я был? Со всем рядом со мной, на подносе лежит... фаршированный поросенок! Классику я уважал всегда!

Пока глаза у меня разбегаются: ветчинные рулетики с хреном, филе с грибами и сметаной, заливная рыба ломтиками, жаркое из оленины... Господи! Неужто и вправду олень? Черт возьми! Тот самый, с рогами? В тундре, что ли, поймали...

И сразу же в холодильник? Ха-ха. Шучу... И то не вслух. Понижаю, с иронией надо аккуратнее — хозяйева обидятся. И в самом деле: не для себя же готовили все это великолепие, — для нас, гостей. Что-то в глазах неожиданно зарябило. С чего бы это? Ага, цветные фаршированные яйца. Всех цветов, кроме красного. Хм! Но отвлекся я лишь на секунду...

— Подайте, пожалуйста, во-о-н с той тарелочки. Какой? Да вон с той, берите побыстрее, а то уже кончается, не успею попробовать...

— Той индейки хотите?

— Это индейка? Да еще и с клюквенным варением? Конечно, конечно.

Успел! Ем...

Все-таки надо чем-то ее заесть! Чем-то полегче...

— Что? Вы хотите этого пирожка? Он с сырным кремом...

— Нет... Пожалуй, давай-ка по-простому: хлеб с икрой!

— С черной, красной?

— Давай-ка и той, и другой, для впечатления...

— Что-то случилось? Почему мы оторвались от главного дела? А... Тост! Надо... Не зря же собрались... Сказали... Дернули водочки. Хороша! Лимонная? Нет?

— Ты что! Скажешь тоже, лимонная... Хлебная! — сердито

смотрит на меня сосед напротив, мол, кому водку скармливаем? Слышу: «Воду из графина пей, раз понятия не имеешь!» Я снисходителен: гость не в настроении, значит, еще не наелся.

Мелодичный голосок хозяйки:

— Ешьте сандвичи! Сандвичи с тресковой печенью. А рядом — тарталетки из песочного теста с куриным мясом и помидорами. Пирожки с фаршем из гусиной печени, салат из раков с горячим пивом... Как не заметили? Вот оно, в том графине...

Жую и балдею. Глазами бы все это вслед за хозяйкиным приглашением откусать! Доносится до меня призыв:

— Пирог с мозгами, заливной карп...

Что-то знакомое, а? Уточняю.

— Морковка, что ли?

И... пугаюсь — хозяйка вся красными пятнами изошла.

— Господь с вами! Это ж айва, запеченная в сметанном соусе!

— Извиняюсь, не разглядел. Может быть, глаза мои осоловели?

— Передайте луковый салат с яйцами, пожалуйста.

Передаю без эмоций — это я уже ел. Вижу, сосед напротив, ну, рядом с тем, кто меня за водку укорял, что-то с наслаждением отхлебывает. Ловит мой вопросительный взгляд и уточняет:

— Суп розитто. Хотите попробовать? Фантастика!

— Спасибо, — отвечаю, — мне бы суп грибной с ушками...

Сосед подмигивает, показывает глазами вправо. А что там? Неподалеку сам хозяин впивается зубами в нежный бочок тушеной в черносливе курицы. Еще осталось... Смогу достать? Да, это почти рядом, но «по дороге» натыкаюсь на говяжий язык с яблочным соусом. Однако не стоит! Спасибо. Лучше вот этот картофель, фаршированный сыром. Хм! Что-то в этом есть... Снова выбираю, благо есть из чего. Вон бараний ливер в сальнике, салат из бараньих ножек, голубцы с мясом и рисом. Нет! Лучше голубцы с изюмом. Быстро перевернутся и место останется...

Слышу голос хозяйки:

— Скоро будет сладкое! Доешьте шашлык из говяжьей вырезки и остались еще овощные тефтели, печень с грибками...

Сосед повернулся ко мне и длинно выдохнул:

— Пошли на воздух, а?

Я согласился...

— Отличная идея. Покурим!..

Вернулись... Чей-то вопрос застрял в моем ухе...

— Танцуешь?

Машу руками, мол, куда там! Ни в зуб ногой. Все мои члены животом сдавило. Слева слышу интригующее...

— Анекдотик затравим? Про дядю... Не хочешь? Понимаю. Мне тоже что-то сейчас не думается, а смеяться — нет сил...

Разговор сзади:

— Вот живут люди! А? Где берут, спрашиваешь? Умеют до-
стать. Тут талант нужен и...

Кто-то тяжело выдохнул в мой затылок влажной теплотой. Слышу тоскливый стон.

— Сколько раз слово себе давал — не жрать! Понимаешь, желудок у меня... А вот не выдержал. Нажрался... Откровенно скажу... Я только все пробовал! Совсем по чуть-чуть. Ох! Сердце подпирает.

Хотел я повернуться. Посочувствовать. Хотя бы для приличия. Слышу голос жены... Нет, не буду отвлекаться... Пошел к балкону подышать. Стою... Зовут! Оказывается, на сладкое... Возвращаюсь, осторожно присаживаюсь. Главное — не задеть локтем чашечки, тарелочки... Голос слева:

— Тебе, что? Чай, кофе? — женщина с глазами-вишенками заботится обо мне. Спасибо... Налил чай, соображаю, что куснуть? Слышу:

— Что ж ты голый чай пьешь? А... Это та самая, с вишенками...

— Соображаю...

— А чего ж тут думать? Вон эклеры с шоколадной глазурью и заварным кремом. Рядом шоколадные ватрушки, бисквитные рулетики, птифуры песочные с сырыми фруктами, а есть

и миндальные...

Ну, спасибо, просветила. Нет... Все равно теряюсь... Однако неудобно... Пора бы что-то выбрать. А соседка не унимается. Наверное, она кондитер или стюардесса. Показывает мне и без запинки перечисляет названия кондитерских изделий прямо в ухо: «...Пирожные ореховые с шоколадным кремом. Ананасы в креме... Рулет из абрикосов и малины, а рядом пьяная вишня в шоколаде. А вот и грильяжные шары. Чуть дальше торт «Ева». Там, справа — торт «Норд» и «Еж».

Смеется... Вконец меня запутала. Рукой махнула, мол, что с вами, мужиками, делать, не понимаете вы это великолепие к чаю. Решил остановиться у «Наполеона». Признаюсь, хотел было «Еву» прихватить, но... Не успел. Бывает. Выпил чаю. Чувствую, что остальное, пожалуй, «съем» только глазами. Так безопасней.

Слышу голос хозяйки...

— Дорогие гости! Приходите завтра — надо же доесть! Сегодня суббота... Помните? Ну так вот, воскресным днем и продолжим. Мы ж друзья! Выручайте. Не пропадать же добру!

...То, что со мной на другой день случилось, бывает только раз в сто лет.

Ага! Просыпаюсь... Жена — рядом. Уже бодрая. Смотрит сочувственно. Что-то стряслось? Она показывает мне красивую открытку. Там написано, что приглашают нас к... Батюшки! Где силы взять? Но придется потерпеть. Врага себе нажить не хочу. Откажешься — жизнь себе испортишь. Жена понимающе кивает.

— Своими глазами видела, как тебе, бедненькому, тяжело было! Но я старалась помочь тебе...

Сочувствует — родная душа! Вздыхаю...

— Вчера визит вежливости был, а сегодня, как говорится: «Надо, Федя, надо!»

Жена у меня женщина с пониманием. В общем, подошло время, оделись и пошли.

Пришли. Порог переступаем, хозяев приветствуем. Слышим: музыка! Прислушались... Секунд через десять в глазах и у меня, и у жены — северное сияние. Стол, как и у вчерашних друзей, тоже к горизонту и даже прогибается. Рядом — танцующие пары скользят. Только круг с женой успел пройти в танце, все замолкло, и хозяйева, усадив нас к столу, «зарядили» тост. Поскольку именинник сегодня сам хозяин, все догадались, что тост должен быть простым: «За именинника!» Чего мучиться, мудрость-то в простоте! Сказали, выпили. И я тоже. Сначала что под руку попало. Совсем чуть-чуть. Хозяйева и теперь жену от меня увели. Заботливые... Поняли, беречь ее надо, потому как она у меня нервничает, когда я за рюмку берусь, а на столе множество красивых бутылок с дороги-и-и-ми напитками...

Для начала стал я изучать, что тут неподалеку от меня налито в бутылках. Смотрю, стоят, как охрана Букингемского дворца. Красивые, стройные. Приятель слева в бок толкает.

— Нальем? Что тебе? Сливянку, терновку, вишневку, спотыкач?

Перечисляет, как таблицу умножения. Без запинки! Разбирается... Потом поворачивается к женщине слева. Лицо вопросительное, сама вежливость — рыцарь! Слышу его баритон.

— Женщинам можно помягче... Коктейль «Мартини» с коньяком или с шампанским. Можно виски со льдом. Совсем чуть-чуть. А может, флип или мазагран? Возьмите соломинку. У вас горло? Стоп, стоп! Что ж вы раньше не сказали? Тогда горячий пунш. Можно пунш и холодный. Глинтвейн тоже хорош. Кстати, знаете, что это? Не знаете? Объясняю: венский напиток. Что там плавает? Ерунда: в белом вине желток, корица и гвоздика... Грог? А вы, милая, оказывается, эрудит! Берите-ка кружку...

А где ж моя половина? Куда усадили? Что-то мне с мыслями собираться стало трудновато. Слышу задорный женский голос от меня через два тела.

— Товарищ хочет ж-женку! Дайте ему ж-женки!

Снова рядом оказался приятель. Тот самый, рыцарь и знаток

напитков. И когда он успел все понять и попробовать, а главное — осознать? Я так не могу... Что за крик?

— Гасите свет!

— Зачем?

— В честь именинника! Сейчас буду де-е-ела-а-а-ать...

— Что он там собирается делать? И все-таки, где ж моя супруга?

— О-о-о!

— Это вкусно? Кстати, а что я выпил? Наливка, кажется.

Ох, не смешать бы, а то... Слышу снова женский голос, но с интонациями лектора:

— Если смешать сироп персиковый, абрикосовый, банановый... Или нет. Давайте сделаем так: смешаем какао, шоколадный, ореховый, гвоздичный... Это почти эксперимент! Эффект будет просто потрясающий. Нет-нет! Той девочке дайте молочный коктейль. Зачем ей рисковать? Правильно, название: «Эг-Ног». Хотите напиток «Пома» или банановый? Выпейте яичное молочко с медом...

Все — всё знают, а я просто пень! Пришла бы моя женушка, мы бы решили, что нам выпить вместе. Тут бы дружно разобрались, что лучше для нас и голову ясной оставляет. Сажу тут, пробую без толку... Хозяин-именинник вступает. Тоже знаток!

— О чем вы говорите? «Красная шапочка» или вот это «Золотое сердце»... Ничего страшного... Вы же видите, я пью! Это? Напиток клубничный. «Африка» называется. Это? «Ку-Жак», парфет, а рядом «Черешневые чары». Кстати, советую мужчинам. «Цыганку»? Тоже... Правда, если только зубы здоровые. Вам лимонад? А-а-а, понял! «Оранжед»! Напиток дипломатов. Испугались? Это так и должно быть! Прямо — пыль в глаза, правда? Это газированная вода лимонная. Готовится просто! И вы можете научиться. Это? Звучит экзотически — кровавый флип «Сократ». А по сути все наше: смородина, лимон, клубника. Конечно, советую попробовать! Что? Лед хотите выбросить? Да вы что! Это ж коблеры. Пусть там лежит! Коблеры...

Нет, в этом названии другая гласная... Вы просто не расслышали. Тут же все приличные люди. Понимаю, шумно... Уточняю для вас: китайский коблер. Сверху положите кусочек вафли...

Увлекло! Я тоже пытаюсь подхватить инструкцию и беру вафлю. Слышу...

— А если теперь полить сверху красным вином вон из того стаканчика, получится «Алая звездочка». Название красивое.

— Нет, «Алая звездочка» мне не понравилась.

Где же моя жена? Ее подруга оказалась рядом.

— Привет! Чего-то ты сосредоточенный...

— Да вот, разбираюсь...

— Потанцуем?

— Давай, все равно как-то растрясись уже надо. Жену мою не видела?

— Нет, а ты уже?

— Что ты, я не успел еще. Тут всего полно... Ладно, потом попробуем.

Пошли танцевать...

Музыка умолкла. Снова — тост. Ага, его моя жена сказала. Оказывается, она сидит совсем неподалеку... Молодец! Хорошо у нее все получилось! Хозяин доволен. А что это за бутылочка с тонким горлышком? Ладно, потом...

...Полегчало. Даже, откуда ни возьмись, место во мне появилось... Вот что значит чувство меры! Подхожу к столу, где бутылочка с тонким горлышком стояла. Не вижу... Но зато слышу знакомый убедительный баритон.

— Это ж надо! Я привык, чтоб там... водка, ну, шампанское, скажем, на свадьбе. На худой конец бутылки две-три сухого. А тут черт-те что! И, главное, ясная голова! Вот что чудно!

— А? Зовут! Остороженько, тут мой стаканчик. Хм! Где же он? Идем-ка сюда...

Здесь что-то стоит. Обалдеть можно: рюмки, бокалы, фужеры на тонкой ножке. Ну зачем все это? Побьют же! Слышу, очередной тост говорят! Пошла... Надо бы и мне что-то сочинить...

Жарковато стало. Подхожу к подоконнику... У окна стоит большой буфет, а та-а-ам! Такой внимательный не я один оказался. Слышу восхищенное:

— Да тут целая коллекция! «Енислеи», «Вардзия», «Дагестан». Наверное, прав приятель, пробовать по чуть-чуть вполне можно. Никаких побочных последствий. Сам чувствую. Голова — ясная, как в зимний полдень. Мой сосед у шкафа с коллекцией напитков — сама галантность.

— Кокте-ейль хочется? Ка-а-кие проблемы? Ради бога, прошу! Та-а-ак, джин «Советский», а где ро-о-ом? Вам дамский? Или английский? Какая разница? Большая, милочка, очень большая... Да-а-ави-и-им лимо-о-о-нчик... Да не в пасть, деревня! Простите, не понял, вы это кому? Мне? Я на пол лью?... Так ты ладони подставь! Ишь, аристократ! Руки он пачкать не хочет... Ладно, иди танцуй! Ну что, получился напиток? Так ты еще и не по-о-онял, что выпил? А я старался, коктейль тебе сооружа-а-а-л...

...Улицу мы с женой переходили очень долго. Правда, к утру домой все-таки добрались...

От автора: ...Каждый по-своему оценивает время, в котором ему довелось жить. Обычно это привилегия писателей, философов, публицистов. Но, мне кажется, не надо обладать особой наблюдательностью, чтобы заметить в своем времени, присущие ему особые черты. Жить «как все...» было сравнительно легко. Стоять в очередях, гоняться за дефицитом, радоваться, когда что-то «выбрасывали», купить с рук «модную шмотку» было массовой привилегией. Особняком стояли в году дни, которые именовались «событиями» или «праздниками», хотя и они претендовали на моральный стандарт по имени «скромность». Однако часто только претендовали, потому что праздники для иной семьи являлись шансом получить возможность резко вырваться на «высоту». Показать людям — есть «порох в порохницах»! Доказать окружающим, что, мол, и мы «не лыком

шиты!» Принимать гостей нам с Олегом приходилось часто. Правда, наш стол не поражал разносолами. Он был символическим «портом», к которому «пришвартовывались» наши приятели и знакомые. Случалось, что гостями оказывались и мы, натываясь на столы, которые буквально ломились от яств... Однажды попала я с Олегом на день рождения нашего давнего приятеля. Впечатления мои, в тот памятный вечер, были перегружены увиденным, точно так же, как и желудок моего мужа, неосмотрительно увлекшегося количеством и качеством всего увиденного и... услышанного. К несчастью, нам, назавтра, пришлось идти на другую вечеринку, иначе обид не оберешься! Гостеприимство и в этот раз было просто сногшибательным! Главенствовал принцип: «слушай» и «употребляй». Красноречие хозяев конкурировало с их гастрономическим искусством. Желание угодить гостям преобладало над их возможностью все испробовать. Конечно, без «последствий» эти «праздники» не проходили, хотя, справедливости ради, замечу, что дня через два вся избыточная гастрономия из организма удалялась, впечатления улетучивались и наступали наши будни нормального питания. И все же эти два застолья из моей памяти не удалились. Количества энергии, затраченной хозяевами на поиски продуктов, их переработку, изготовление яств и все прочее, хватило бы на освещение целого района, а гастрономическое великолепие успешно конкурировало с их тщеславием...

От редактора: Современные политологи называют семидесятые годы «эпохой Брежнева», делая акцент на периоде советского процветания и сытого благополучия «развитого социализма». Критические оценки этой эпохи на страницах политологических сочинений, с указанием на застой в экономике, и в политике страны, вызывали недовольство апологетов «общества, строящего коммунизм». Рассказ «На высоте!» — тот самый случай, когда показанное автором изобилие, наглядно свидетельствует о непривычности для «широких масс трудящихся» состояния продуктового многообразия, выливающегося

в кухонное и кулинарное разнообразие, способное вызвать у людей состояние «*едадного*» самоубийства и алкогольной «*потери сознательности*». Рассказ полон скорее горькой иронии, нежели сатирического осмеяния востребованной сытости, приход которой приветствовался современниками той эпохи. Признаков культуры застолья нет, как и нет реального удовольствия от продуктового разнообразия как свидетельства устойчивого и сытого бытия. Продемонстрированное автором гастрономическое изобилие выглядит, скорее, как экзотический феномен, вызывающий приступы обжорства или алкогольной избыточности, характерной для тех, кто был осведомлен о вчерашнем полуголодном существовании с «*...бутылкой водки, куском хлеба с селедкой на столе...*»

*

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Жил-был Иван-царевич. Отправился он как-то побродить по болоту и выпустил сдуру стрелу. Ему бы свиснуть и домой пойти, а он – дурак и есть – попер в сапожках за мелочью – какой-то стрелой. Все вы знаете, чем дело кончилось. Оно кончилось тем, что нашел он царевну-лягушку, которая после превратилась в красавицу-раскрасавицу. И рад был Иван-царевич безумно, что так ему повезло, что она лягушкой не осталась. А то, как бы он людям в глаза смотрел, с кем бы на пиры ходил, от кого бы детей рожал? Вот ходил он и гордился. Гордился и радовался. А потом как-то встретил он красивую женщину в кофейне, на проспекте. Она была, как все и даже замужем, стройна-нестройна и даже полновата, если с непривычки сравнивать ее с царевной. Иван-царевич потянул чуткими ноздрями, но ничем болотным от незнакомки не пахло. Хотел было он к ней подойти, но не успел. Опередил его какой-то разбитной мужичок в зеленой курточке. Он подошел к незнакомке и похлопав ее по тому месту, на которое Иван царевич и глаза-то опустить не смел, сказал басом:

– Похудеть бы тебе, а?

И вдобавок прижал ее к себе весьма крепко. Царевич охнул и подумал, смиряя кровь, что это, мол, муж. Но мужик в зеленом мигнул карим глазом и вышел из кофейни, а незнакомка, откусив пирожное, загадочно улыбнулась и отпила глоточек кофе.

...Подойти к ней Иван-царевич не решился. Расплатился он в втихомолку за коржик и побрел в свое царство к лягушке. Встретила она его ласково и спросила:

– Что печален ты Иван-царевич? Какая беда на тебя свалилась?

Едва Иван-царевич раскрыл рот, чтобы по привычке поведать все свои беды царевне-лягушке, но вовремя спохватился и каким-то десятым чувством понял – тут уж царевна-лягушка ничем ему не поможет.

На следующее утро вышел он побродить, да забрел опять в кофейню. Толкался там, даже кофе-чашечку взял, но все напрасно – незнакомка, которую он с нетерпением ждал, так и не появилась. Вышел он и побрел домой к лягушке, повесив буйную голову. И только он повернул к болоту, как вдруг мягкая рука в бежевой перчатке сжала его запястье. Он рванулся, обернулся, перед ним, загадочно улыбаясь, стояла вчерашняя незнакомка.

– Ведь вы хотели меня видеть? Вам в какую сторону?

– Мне в болото, – глупо брякнул Иван-царевич.

– Тогда давай зайдем ко мне, – сказала незнакомка, тут же спросив: – А у вас есть деньги на такси?

Иван-царевич заметался. В горле его стало холодно. По длинным ногам забегали мурашки. Голубые глаза заполыхали огнем. Он страстно пожелал, чтобы у него оказались деньги на такси.

– Подождите меня минуточку, – сказал он. – Зайдите вот в кофейню, а через пять минут я к вам подъеду.

Незнакомка кивнула и двинулась в сторону кофейни, благосклонно одарив Иван-царевича долгим взглядом.

Иван-царевич, что было духу помчался на болото. Он влетел в свою избушку, трижды стукнул об пол ногой и гневно крикнул: «Ну жена, где ты? Появись!!» И рядом с ним сразу появилась царевна-лягушка с тревожными, болотными глазами и звездой во лбу.

— Чего ты гневаешься, Иван-царевич? — спросила она сладким голосом. — Чего твоей душеньке угодно?

— Моей душеньке угодно денег на такси! — выпалил Иван-царевич.

— Сколько тебе надобно? Тысячу или две?

— Рубль! — стараясь сохранять независимость, сказал Иван-царевич и сразу почувствовал, что в его кулаке похолодело от круглого металлического рубля.

В кофейню он прибежал запыхавшись, но незнакомка терпеливо ждала его. Он показал ей круглый рубль и спросил:

— А где у вас тут стоянка этого такси?

Незнакомка по-матерински улыбнулась и к великому блаженству Ивана-царевича погладила его по русой голове.

— Сколько тебе лет? — спросила она, как спрашивала его в детстве матушка-царица.

— В следующем году будет двадцать четыре, — почти басом ответил Иван-царевич.

— Ну ладно, пойдем покажу тебе, где такси, — сказала царственная незнакомка, и они пошли к стоянке.

Весь вечер, ночь и следующий день Иван-царевич не расставался с красавицей-незнакомкой. Он рассказал ей всю свою жизнь и даже прочел стихи, которые не читал никому, кроме лесных дятлов и диких коз. Биографию его она выслушала, по-прежнему улыбаясь и кивая, а в конце почему-то сказала:

— Знаю я эту сказочку!

— Да нет, — сказал он и страшно обиделся. — Ты что не веришь, что я царевич и что у меня есть царевна-лягушка?

— Верю, — сказала она и поцеловала в его нецелованные, юные губы.

Иван-царевич сразу понял, чего ему не хватало в его жене. «Все же правильно, что ее превратили именно в лягушку,» — за чем-то подумал он, однако сразу испугался кары за свои мысли. Поэтому прибавил:

— Она хорошая, хорошая. Она очень хорошая. Умеет все и сегодня дала мне рубль, и все может. Она — волшебница.

— Кто волшебница? — перестав целовать Ивана-царевича, спросила незнакомка и разняла белые руки, обвивавшие шею Ивана-царевича.

— Моя жена! — сказал Иван-царевич и втянул голову в плечи, ожидая, что восхитительная незнакомка сейчас ударит его или вцепится ему в волосы, как делала царица-матушка, бия смертным боем полюбившихся батюшке дворовых девок.

Однако незнакомка ничуть не рассердилась. Она задумалась, подняв красивую бровь, и серые ее глаза стали прозрачными и невинными.

— Как бы я хотела отдохнуть где-нибудь в лесу, у реки... — сказала она. — В домике, подальше от людей, — и тут она посмотрела прямо в глаза, сидящему у ее ног Ивану-царевичу. — Вот мы с тобой могли бы пожить там... Ты петть умеешь?

— Умею, — сказал Иван-царевич и, помолчав, добавил: — Меня жена научит. Она все умеет и сегодня даже тысячу рублей мне предлагала.

— А ты, дурачок, не взял, — сказала незнакомка и снова обняла царевича за шею. — А почему ты не взял? Почему огорчил свою женушку?

— Я возьму! Завтра, — послушно сказал Иван-царевич.

— Позвони мне на работу, — сказала незнакомка, — часов в двенадцать. Мы вместе сходим и попьем кофе.

— Ага, — блаженно сказал Иван-царевич и осторожно поцеловал незнакомку в лобик. Незнакомка покраснела от внутреннего смеха, но он принял этот румянец за цвет смущения, и сердце его упало не то чтобы в пятки, но все равно было оно уже не на месте.

С той поры прошло три года. Иван-царевич по-прежнему был влюблен в свою незнакомку. Он уже отдохнул с ней на берегу реки в домике. Исполнил множество ее желаний. Незнакомка вместе с ним писала стихи, а он пел ей песни. Она успокаивала его, когда кто-нибудь в очередной раз крепко прижимал ее к груди и говорил басом: «А ты здорово поправилась!» или «Ну молодчина, как ты похудела».

Иван-царевич хмурился, а незнакомка объясняла ему, что незнакомые, бородатые мужчины, в куртках зеленых, коричневых и бежевых, которые время от времени обнимают ее на улицах, коридорах и на остановках такси, ничто для нее не значат! Хотя она, безусловно, могла бы сделать с ними все, что угодно и даже больше, но она не хочет этого делать, потому что ей нужен он, только он, Иван-царевич, бедненький и одинокий, так несчастливо женатый на своей глупой, зеленой лягушке.

Он успокаивался... Но ненадолго, потому что мужчин вокруг было много, а он отвык от них в своем зеленом болоте. Да и представления о женщинах у него были совершенно другие: он невольно всех женщин сравнивал со своей царевной-лягушкой и ему хотелось, чтобы все, как она, делали все, что он только пожелает...

Что касается незнакомки, то она его не ревновала. То есть она его ревновала с той точки зрения, что ей бы не хотелось, чтобы он тревожил свою лягушку ради кого-то другого – и кто-то другой пользовался всем теми волшебными и простыми чудесами, которые дарил ей его простодушная и незатейливая любовь. Пожалуй, она боялась совсем другого. Она боялась, что когда-нибудь лягушка очнется, продерет свои болотные глаза и все поймет. Ускачет она прочь от Ивана-царевича на свое болото и не откликнется, и не обернется царицей. А что тогда ей делать с царевичем? На ком тогда его женить? А он еще топнет ножкой и заупрямится. И что тогда делать? Самой превратиться в лягушку?

– Дурачок ты мой, – сказала незнакомка, – не понимаешь

ты своего счастья, – и поцеловала царевича в юные губы. Царевич зажмурился и подумал: «А подарю-ка я ей лягушку, ей богу, подарю! А что, завтра же принесу в платочке!» И ударил по струнам гитары...

*

НЕ КЛЮЕТ

Однажды, как это теперь очень модно, собрались за круглым столом несколько умных людей. И решили они поделиться своими умными мыслями не только друг с другом, а с человечеством. Человечество, как предполагалось, будет благодарное, оно не выключит телевизоров, не уйдет в кухню за бутербродом, а прильнет душой и глазами к экранам и будет слушать умных людей. А чтобы не было пресно, людей взяли разных. Был тут врач, была актриса, был даже директор. Было еще несколько интересных личностей, которых не показали крупным планом. И был, конечно, ведущий – без него никак нельзя! И все шло так хорошо, что лучше и не надо! И называлось все это – актуальное интервью. Шло все, как по маслу – как было написано в сценарии. Мысль за мыслью... Все по порядку... Никто не волнуется. Все знают – кто, когда и что скажет. Одним словом – замечательно! Ведущий всем этим оркестром дирижирует и в душе радуется – какие замечательные люди! И так он умилился, что решил задать им вопрос, которого не было в сценарии, ну вроде, как бы сымпровизировать.

– А приходилось ли вам, – спрашивает он, ломая схему интервью, – встречать людей, которые смотрят тебе в глаза и... в р у т? То есть лгут... Прошу прощения...

Тут происходит легкая заминка. Актриса смотрит на камеру. Врач плотно сцепляет пальцы и заглядывает в свой листочек. Директор поглаживает подбородок левой рукой и трогает лоб правой. Ведущий продолжает:

– Вот я встречал. И, знаете, удивляюсь. Ведь на что надеются люди? В наше время – ложь, лицемерие – это ведь уже крапленая карта, это вчерашний день! Ан нет! Живучий порок,

не правда ли?

Камера жужжит. Актриса облизывает блестящие губы. Врач наклоняет набок голову. Директор нервно смотрит на свои красивые часы.

— Я предлагаю, — продолжил ведущий, — осветить эту проблему с точки зрения человека. Прошу вас, Марина Сергеевна, — говорит он, обращаясь к актрисе.

— Но... — начинает актриса нерешительно, — литература прошлого дала нам, актерам, возможность познакомиться с представителями, так сказать, этого порока. Над такими ролями работать крайне трудно. Другая эпоха. Иная мораль. Нет... Это трудно. Трудно, потому что я лично, в своей жизни, таких людей не встречала, — говорит Марина Сергеевна и улыбается блестящими губами. Оператор фиксирует ее ясный взгляд.

— А вы, Семен Менделеевич, — спрашивает неумный телеведущий, обращаясь к врачу.

— Патологические случаи отклонений в психике моих пациентов, конечно, имеют место, — говорит врач. — Это предмет особого разговора. Нарушения в генотипе, травмы, другие объективные причины, ведущие к потере контроля над сознанием, к сумеречным состояниям и навязчивому бреду, знаете, бывают. Это область патопсихологии... Но в быту, так сказать, в личных контактах, вне стен клиники, я с таким явлением, как лживость, не сталкивался.

Врач делает паузу, наклонив голову на бок, словно прислушиваясь, что он проглотил.

— Да, не случилось. Мне никогда никто не лгал... — он придвинул к себе листочки, лежавшие перед ним.

— Да вы просто счастливые люди! — широко улыбаясь говорит ведущий. — Видимо, это связано с тем, что с врачами все люди, являясь их пациентами, чрезвычайно откровенны! Не так ли? Да и с представителями искусства, мы, грешные, стараемся выглядеть лучше, чем на самом деле, — делает он поклон в сторону прекрасной Марии Сергеевны. — Ну, а вот интересно,

что скажет Андрей Иванович, как руководитель крупного объединения? Уж вы-то знаете жизнь во всем ее объеме и со всеми ее, так сказать, изъяснами.

— Хм... Хм... — откашливается директор. — Я, знаете ли, полностью согласен с предыдущими э-э-э товарищами и хотел бы продолжить ту мысль, что в наше время, как показывает мой богатый личный опыт, такого явления, как ложь, уже не существует. Мне лично не приходилось с этим сталкиваться... Да... Хм, хм...

И тут, как назло, время передачи заканчивается, и ведущий едва успевает проститься с телезрителями. Участники передачи выходят из студии в холл, перекурить и неутомный телеведущий спрашивает:

— Неужели вам никогда не врал?

Надо признать, что участники телепрограммы — умные люди, сохраняющие в неприкосновенности свои принципы, мысль, высказанную ранее, подтверждают.

— Нет, никогда... — они вежливо прощаются и расходятся...

Работа завершена, ведущий одевается, отправляется домой. Обедая дома, он невольно восхитился: каких необычных людей ему сегодня подбросила судьба! И невдомек ему, что взять интервью все равно, что поймать золотую рыбку. А она ведь далеко не всегда клюет! А если крючок увидит, то и вовсе не клюнет. Вот значит, вильнула она хвостом и ушла в синее море, кормить своих деток...

От редактора: В конце семидесятых - начале восьмидесятых приходилось мне работать на телевидении. Однажды, беря групповое интервью, я решил симпровизировать и задать вопрос моим собеседникам, так сказать, за пределами сценария. Честно говоря, я рассчитывал на искренность моих гостей и даже на их находчивость, намереваясь «ударно» завершить наш разговор, который протекал очень живо и длился что-то около сорока минут. Каково же было мое потрясение, когда

я откровенно *влип* в тягучую «*несознанку*» всех интервьюируемых. Будучи шокирован, я не стал упрямиться и распрощался со всеми. Прихожу домой. Рассказываю эту историю Татьяне. Назавтра она представила мне эту ироническую новеллу...

*

МИР ТЕСЕН

...Жил-был Кузьма. Родители его, этого Кузьмы, были из сельских. Образования, как надо, он не получил. Так – чему-нибудь и как-нибудь. Квартиру и чтоб ездить туда-сюда родители, на свои трудовые, ему обеспечили. А по сути, был Кузьма одинок, как сирота: жениться он не захотел. Ни в кого не влюбился, что ли. Да и в кого было влюбиться в их деревне? К тому же этот Кузьма был такой, что если бы и влюбился, то не женился бы ни в коем разе. Взгляд у него на это дело был особый. Скучно ему было смотреть на женщину, если он про себя знал, что это его жена...

Как-то едет он с похорон. Родственник у него последний помер от старости. И встречает Кузьма кореша, прямо на дороге. Приятеля, значит, Федюню. Тот встрече обрадовался и говорит:

– Зайдем ко мне! Давно ты у меня не был. Я тут совсем недалеко живу.

Ну, чтоб не обидеть приятеля, Кузьма согласился. А что Кузьме этот Федюня? Это ж не мужик. То есть не того аха! Просто существо мужского полу. А ежели откровенно, не мужик он и не баба – интеллигент, одним словом! А Федька, завидя Кузьму, расчувствовался, чуть ли не целоваться лезет. Аж горит весь от радости. А наш Кузьма... Он – холодный, рассудочный, стало быть. А вот Федюня горит...

– Я, говорит, стихи пишу... Даже в университете учился.

Наш Кузьма в университете не учился. Стихи не пишет. Письмо какое-никакое напишет. Скажем, к женщине... Даже подписывает его по-простому: «Твой Кузя». Нет, по-культурному тоже может. Но не любит... Дело это долгое, канительное. Получается,

что с Федюней они – полные противоположности. Однако это даже интересно для обоих.

Ну посидели они за картошкой с огурчиками. Подняли каждый по запотевшей, а потом Федюня своему приятелю Кузьме говорит:

– Слушай, меня ж на день рождения позвали! Может, составишь мне компанию?

– Что так прямо на голову и свалимся с тобой? – спрашивает Кузьма.

– Да, они люди свои, – говорит Федюня. – Зато в их доме девушки есть молодые. Одна такая, как луна, а вторая, тоже ничего, только шибко серьезная. – приглушил голос Федюня и признался. – Я в первую влюблен...

Наш Кузьма, услышав про это, аж присвистнул.

– Раз такое дело... Ну, ты влюблен... Ты и иди... Я в такие игры не играю.

И отказался. Но день рождения был уже назавтра, и Федюня говорит с интересом:

– Мы сегодня так просто зайдем. Вроде как в разведку. Вот увидишь, нас пригласят! А через день, придем, как положено. Ну, заявимся, как приглашенные. Идет?

Задумался Кузьма. Ему бы отказаться от такой канители, но решил он с приятелем согласиться. Вот такая история случилась. Сбивают иногда с толку хорошего человека всякие там трепачи, про которых там, на Западе, говорят, что они «хиппи». Одним словом, приехали они к тем девкам. Мамаша сразу так говорит, приветливо:

– Приходите завтра на пироги... Не беспокойтесь... У нас все запросто и все по-простому!

А сама, как раз сразу замечает, что Кузьма ее старшей дочке очень даже подходит. Она в девках засиделась. Может, что и получится с Кузьмой. И, как бы между прочим, у Федьки спрашивает, улучив минутку, когда они вдвоем оказались:

– Федюнь, скажи, холост он, твой приятель? Алиментов

не платит?

Тот, глянув на свою симпатию, тихо ответил:

— Ну что вы, матушка, Кузьма — человек порядочный!

Посидели они, чаю выпили. Федюня — со своей полненькой, а Кузьма — со второй. Однако долго не сидели. Как чашечку чаю допили, так и стали собираться. Не то чтобы Кузьме что-то не понравилось, но та, старшая, ему одну школьницу-одноклассницу напомнила. Да! Была такая — все норовила сесть так, чтоб юбочку не помять. Все складочки пальчиками разбирала. А Кузьма любил, чтобы женщина, то есть баба, понимала толк во всем и ценила. А главное, свое счастье знала. А не то, чтоб все вокруг да около, к тому же еще потом сам и извиняйся за свою скотскую натуру. Этих недоразумений он не любил. В общем, и тут при встрече не подал он той, старшей, никакой надежды.

Вернулись они на дорогу. Кругом — темень. Тишина. Ну Федюня приятеля своего не отпустил. Затащил к себе ночевать. И все ему в уши лил, какая у него девушка хорошая. А Кузьма возьми да и брякни:

— Девушка как девушка, а посмотри, так, может, еще и дура!

Обиделся Федюня страшно. Ну прямо чуть ли не в драку лезет. Но не на того напал. Наш Кузьма из-за бабы хоть бы и чужой, хоть бы своей драться не станет. Тем более что видит ее впервые.

— Да пошел ты! — сказал Федюня в сердцах.

Но Кузьма уже и захрапел на своей раскладушке. Вертелся Федюня в кровати и думал — надо было или нет дать Кузьме по роже, за слова про его девушку? И про день рождения ее думал. Про тот, что у девушки его случится завтра. Я к тому все об этом рассказываю, что из-за него все потом и случилось, будь оно неладно...

В общем, приходят они в тот дом. Встретили их чинно, за стол усадили, выпили. Закусили. Потом танцы объявили под радиолу с пластинками. И тут в этой шумихе вызывают Кузьму в коридорчик, и, хихикая, пацан какой-то сует ему записочку

в руку. Пожал плечами Кузьма, думает: читать или плюнуть? Настрой у него после наливочки был вальяжный: «Дай, — думает, — прочту!» Открыл — а там ему в любви объясняются и жениться предлагают. Тут уж он нахмурился. Он таких шуток не любил. Поймал он этого постреленка, что записочку передал ему, и велел тащить к нему того, кто писал. Подождал, покурил, походил вдоль коридора.

Видит, идет к нему та самая старшая девица, глазки в пол. Та, с которой он вчера полвечера убил. Выходит... Помолчала... А потом бухает!

— Решай, и все тут!

Кузьма в руки себя взял. Сразу отказывать не стал. Себя стал ругать, мол, старый он для нее, а она такая молодая и все равно разлюбит его, после первого же ребенка. А она не молчит. Говорит на его слова:

— Нет и нет!

Чует Кузьма, побежит сей момент за мамой, которая уже вроде как и согласна. Тогда Кузьма сказал, что это он ее разлюбит после первого же ребенка. А может и раньше. Потому что одно дело влюбиться, а другое — жениться. Она обиделась страшно. А наш Кузьма, чтоб показать ей свою полную свободу и правоту, пошел к гостям и весь вечер прихлестывал за ее толстой сестричкой — просто так, из лихости своего настроения. Та оказалась очень даже приветливая, и так они утанцевались, что даже не заметили, как начался скандал. Он начался, потому что старшая сестра обиделась и пошла на кухню плакать. Приятель Кузьмы — Федор, с пьяных глаз начал ревновать. Начал Кузьму поливать бранными словами при людях. Тот, конечно, не стерпел. Федьке этому сильно вдарил по башке. Но... Не расчитал... Покалечил... Не стал разбираться, ушел, хлопнув дверью. Одним словом, домой уехал. А тут его и в командировку по делам отправили. Когда вернулся, решил он все поменять в жизни. Разменялся городами, чтоб не встречаться случайно на улице с этими придурками...

...Прошло какое-то время. Про эту историю Кузьма забыл. И как-то по делам приехал он к одному человеку потолковать. Так получилось, что у того был домашний праздник. Женится он поздновато, но годовщину свадьбы своей решил отпраздновать, а тут и Кузьма к нему по делам своим является. Видит, жена этого хозяина квартиры его приветствует. Оказывается, она и была той самой девушкой, которую он тогда за себя не взял. Конечно, время прошло, но Кузьма смутился, когда ее узнал. А она – нет!

– Здрасьте, – говорит, – приятно видеть у себя в доме земляка. Друзья мужа – мои друзья, – говорит. И все такое, прочее. И вроде бы из того, что было тогда с Кузьмой и с ней, вовсе не помнит.

Конечно, Кузьма этому не поверил. Даже обиделся. Не было с ним такого никогда, чтоб баба, то есть женщина, так себя показывала с ним. Задумался он, выкуривая сигарету. Крепился. Потом сказал он этой женщине, что, мол, заскочу как-нибудь, повспоминаем мы с вами кое-что, как земляки, если вы против не будете.

– Что вы, что вы! – говорит она. – Муж как раз дома будет, и мы вам будем рады.

«Ишь ты, – подумал Кузьма, – не на того напали!» И не пошел в этот дом, когда мимо проходил. Подловил однажды момент, когда она была дома без мужа. Зашел...

Она заметно испугалась. Халатик на груди запахла. Приветствовала его и молча пригласила присесть. И тут Кузьма и говорит:

– А не бросить ли тебе твоего деятеля?

А у нее не простой, как Кузьма, муж был. По заграницам ездит. Одним словом – птица! Она изображает полное непонимание. Начинает говорить, мол, что было – то сплыло. Видит Кузьма, что она его не понимает. Говорит ей откровенно:

– Я, если решусь на крайность, так даже могу взять тебя за муж по закону.

Однако она опять не понимает! То есть она понимает, но теперь ей обидно, что она этого сделать никак не может, потому что ему – никаких хлопот, а ей – менять мужа-дипломата на него, Кузьму-шофера. А там еще неизвестно, может быть, этот Кузьма и хвостом вильнет!

– Вы свой характер уже показали, – говорит она тихо, – и сделали мою сестру несчастной!

Это она про Федьку вспоминает, сообразил Кузьма, который ему морду набил тогда и по неосторожности... Одним словом, было дело. Узнал он, что сестра ее выскочила замуж за курсанта морского училища и теперь по году ждет его у синего моря.

– Не такая я, – она говорит, – чтоб от одного мужа к другому скакать. Мой Сидор Осипович ценит меня, потому что я не Анна Каренина какая-нибудь. Я – постоянная. Вы, Кузя, ешьте шоколад, а я буду вас любить, оставаясь при своем муже, но не дам вам никакой надежды... Извините...

Вот так нос ему утерла! Встает Кузьма со стула. Она сразу проходит в сенцы. Подает ему пальто. А в глазах – слезы. Кузьма шапку надел, пальто в охапку взял. Ей сказал откровенно:

– Эх вы, бабы, не понимаете вы своего счастья!

И с тем ушел...

Где Кузьма щас, не знаю. Давно его не видел. Он больше в нашем таксопарке не работает. Наверное, завербовался, в Сибирь, что ли. Вот до чего баба довела. Я чего его вспомнил? Отдыхал я по профпутевке в санатории. От скуки взялся читать. Сунули мне Пушкина Александра Сергеевича. Времени полно – прочитал. Ну совершенно такая же история, как случилась с Кузьмой! Ну скажу я тебе, мир тесен! Оказывается, Пушкин такого же мужика, как Кузьма, знал. Только он не шофером был. И звали его не как моего приятеля, а Евгений...

*

ИНОСТРАННОЕ СЛОВО

Один поэт сказал: «Я делаю себе карьеру, как будто я совсем

ее не делаю». Но лично я таких людей не встречал. Может, такие люди и бывают или они – исключительно поэты? Кто ж знает...

Вот, скажем, мой приятель. С детства в кружок какой-то ходил и никогда по улице на велосипеде не гонял. Или, там, в три пальца что-нибудь сложить, или в два свиснуть – не было такого! А вот теперь он – большой специалист. Талант. Голова у него так устроена – топтать одну тропинку. Жена его правильно моей жене сказала: «У него на уме – одна работа, ему не до зарплаты». Я спросил его однажды: «А чего ты пуп рвешь? Карьеру что ли делаешь?» Так он не понял вопроса! Говорит: «Мне интересно...» Теперь я его не понял. Спрашиваю: «А что тебе интересно? Ну будет на твоём заводе эта самая гайка крутиться не как надо, а по-твоему, однако на других заводах ее же снова обратно повернут!» А он покашлял так и говорит: «А прогресс? Движение вперед!» Ну тут я понял, что он не видит реальной жизни. То есть он ее, конечно, видит, но просто плюнул. И по привычке не расстраивается. Работает. Как ты, вот, куришь, а бросить не можешь, хоть и знаешь, что вредно для твоего здоровья и жизнь сокращает. Так и он. И что с такими людьми? Уважаешь их, конечно, из жалости...

Ну я, к примеру, просто не угадываю своих способностей. Не подумайте, как вы подумали. Да, я простой человек. Привыкли мы тыкать человеку в нос: «ты без образования» или «ты с образованием» ...Мне эти дипломы ничего не говорят о понятии жизни. И с образованием есть этот самый умственный труд, как говорят, самый тяжелый. И без образования есть, что и руки при нем и все из этих рук валится. Тут главное, чтоб человек знал, а он не знает. И такого народу – тьма!

Вот мой сын в школу бегаёт. Так я вам скажу у них эти педагоги – как раз такие люди. Все они хорошо помнят, что, кто, когда и где сказал! Ну прямо на лавочке со всеми великими сидели и семечки лузгали. Походил я на эти родительские собрания. Слова им не скажи! Сразу тебе про авторитеты говорят, мол,

так и так. А вы, мол, так и эдак – поперек им. Так я вам скажу, что такие люди наших детей и портят. «Ты что, – спрашиваю я своего мальчика, – с Галкой не дружишь? Такая девочка аккуратненькая». А он мне говорит: «Она – дура! Не знает, сколько будет пять плюс семь». А разве это в жизни главное? У братана мова, к примеру, два высших образования. Но разве я с этим вылезая? Нет, я не вылезая. Мне это ни к чему.

Или возьмем других людей. Есть такие, что им только скажи, дескать, тут подумать надо, и они уже начинают думать. Это им раз плюнуть! И думают не про что-нибудь одно, а про все сразу: и где понимают, и, лучше всего, где не понимают. Там особенно широко думают. Потому как там – больше свободы мысли. И никакие факты их не стесняют. Эти, наоборот, авторитетов не признают. Сами, значит, на лавочку садятся и всех слушают! Это, я считаю, тоже дурь. Мое мнение такое. Мода, правда, такая есть, называется: «уметь мыслить». То есть он не знает, но как будто знает. Всякие там КВН и викторины. Ты – слово, я – слово. Называется: «мозговой штурм». Эти специалисты «мозгового штурма» не сейчас появились. Давно они уже есть. В основном из них состоит текучесть кадра. У меня самого племянник такой. Приходилось толковать, когда в музей ко мне заходили. Я в музей тогда работал в гардеробе. Послушаешь его, ну не человек – сорока! Из него сразу этот «мозговой штурм» выскакивает. Этим я не уважаю. Не понимают они в жизни, что к чему. А только к фокусам приспособлены. С одной стороны, что они знают? Все как будто. А с другой? Как будто ничего! Потому что с такими знаниями их ни в одной отрасли народного хозяйства применить нельзя! Не специалисты. Слишком широкий профиль. Такие тоже карьеры не сделают. И это правильно...

Конечно, верно у нас понимают про место в жизни. И про ориентацию молодежи. И я вот тоже своего мальчика думаю не так в жизнь вести, как нас в свое время вводили. Братан у меня имеет два высших образования. Я говорил об этом. Десять лет

коту под хвост, и к жизни не приспособлен. Я ему карьеру сделал. Хочу прояснить, что такое эта карьера. Ну какая же это карьера, если ты работаешь как вол и ни про что другое не думаешь? Даже если в свое удовольствие. Карьера – это когда ты работаешь через себя. И против себя. Волокешь камень в гору. И вот доволок, сел. Вот она – карьера! Можешь с высоты глянуть и без суеты отдышаться. Уважение почувствовать, о жизни задуматься.

Вот, опять же, братан мой, к примеру. С детства у него была страшно жадная память. Он без всякой надобности запомнил ответы в примерах, телефоны, дни рождений, имена, там, всяких иностранных послов, стихи – само собой, номера лотерейных билетов. Жуткая память! Рекламные плакаты, объявления об отключке горячей воды, сводки погоды – все мы у него спрашивали. А сосед-бухгалтер доверял запомнить проценты выполнения плана, чтоб за отчетом в контору лишний раз не бегать. Сейчас это открыли, как человек все помнит. А тогда – не знали. Просто видели, мол, та-ака-ая память – все жрет! А к чему? Что в цирке выступать с этими цифрами выполнения плана или с отключкой горячей воды? Так люди в цирк ходить перестанут. Это им и без цирка вот где сидит!

На собрания, опять же, не за деньги ходят. Братан мой, когда молодой был... Ну что с него взять – дурак! На спор выучил словарь какого-то восточного языка. Так чтоб его экзаменовать, специально из Москвы приезжал какой-то профессор. Ну поступил братан мой в институт, на английский. А сейчас у нас на английском все говорят, а кто не говорит, так понимает! Ну, выучился он, и говорят ему ехать в деревню Гуси. Он и поехал. Я ему говорю, хватит дурака валять, интеллигента избражать. Пора в жизни устраиваться. Взял я его к себе в музей, где я в гардеробе работаю. Хорошо было, тихо, но плохо, что заработная плата – 90 рэ. Огляделся я и говорю ему, сделай бумагу, что надо тебе по научной работе второе высшее образование иметь, потому что не станешь же ты с посетителями музея

говорить на иностранных языках? К чему им твой португальский диалект, сам подумай. Да и память, опять, своего просит – пропадает без упражнения. А потом директором станешь...

В общем, на историческом он пять лет убил. Ох, сколько он теперь уже помнит! Не башка, а стол находок. А комиссия по распределению снова, значит, вызывает его и, опять же, предлагает ехать в деревню Гуси преподавать уже историю! Тут я сам к ним пошел и говорю, что мой брат тут не от Гусей, а был оправлен от музея. Извинились они и вернули моего брата в музей и снова на 90 эр в месяц положили. Тут я совсем взвихрился. Смешно сказать, два образования, а стыдно даже зарплату называть, ну эти 90 эр. Я в гардеробе работаю, и то 100 рэ платят, а он умственным трудом занимается в музее, и так платят ему несознательно. Моя жена иной раз говорит мне, мол, что за муж, кто получает меньше моего? А мой брат и вовсе не женится с такой зарплатой.

Читаю в газете объявление... Требуется на бензоколонке инженер по технике безопасности. Взял я своего братана и устроил там. Теперь он там прочно стоит на ногах! С одной стороны – два образования высших. Опять же, уважение к нему, а с другой? Зарплата с двумя нулями, плюс бензин, что тоже приятно. И с третьей стороны – чем не карьера? Присматривает, что б кто заехал – не курили, потому что огнеопасно. А пожарную инструкцию он наизусть знает, хоть щас спроси на португальском, английском, чешском. Может и по-нашему. И все знаменитые пожары знает, начиная, когда Рим сгорел. Где вы найдете такого специалиста? И номер нужной машины запомнит.

Я к нему перешел сторожем, так что могу два пальца сложить и свиснуть в нужном месте. А вы говорите – легко. Презираете, мол, она сама по себе карьера. Брехня это, говоря по-русски, чтоб все само собой. В истории не было такого факта. Даже вот поэт и тот сказал, что, мол, делаю, конечно, но под другим видом. Уважаю и я его. А про карьеру не все понимают, слово-то иностранное...

*

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛИСЬ
АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ С АНТОНОМ БОРИСОВИЧЕМ

Глава первая.

В которой рассказывается, кто такие Андрей Иванович и Антон Борисович, в чем они сходны и в чем различны, что их разъединяет, а что объединяет...

Славный пиджак у Андрея Ивановича! Отличнейший! А в какую полоску! Серую с синим, в зеленый и сиреневый тон, с коричневой искрой. Взгляните, ради бога, на него, если он станет с кем-нибудь говорить. Взгляните сбоку... Описать нельзя! Купил еще, когда Наталья – жена его – была чемпионкой по спортивной гимнастике. Та самая, которая потом стояла на голове, посетив банкет поэтессы, той самой, которая потеряла в скверике Союза писателей мохеровое пальто, наполовину связанное...

Прекрасный человек – Андрей Иванович! Какая квартира у него на Восточной! Внутри, со всех сторон, навесы из стеллажей. Под навесом – везде ковры и диваны. Андрей Иванович, когда делается слишком жарко, скинет с себя пиджак и исподнее, сам останется в одной рубашке – отдыхает, глядя, что у него стоит на стеллажах и полках. Какие у него книги по искусству, какие альбомы. Чего там только нет! Мане, Сезанн, Лотрек, Дали, Коро, Босх и даже Петров-Водкин.

Прекрасный человек – Андрей Иванович! Он очень любит дыни. Это его любимое кушанье. Как только отобедает и выйдет, и в одной рубашке, на середину комнаты, тотчас приказывает жене Наталье принести дыню. И уж сам разрежет ее, соберет семена в особую бумажку и начнет кушать. Потом велит Наталье принести авторучку китайскую с вечным пером и сам, собственной рукой, сделает надпись: «Дыня съедена такого-то числа». А если при этом были какие-нибудь гости, то добавлял: «Участвовал В. Дунаев». Или: «При сем смотрели: В. Добриков и Т. Катур».

Академик Красин, долгих лет ему жизни, всегда любовался, глядя на здоровый цвет лица Андрея Ивановича. Да, лицом он очень недурен. Прекрасный человек – Андрей Иванович! Его знает и небезызвестный всем Петр Родионов, который, когда едет мимо голодный, то всегда заезжает к нему. А Виктор Иванович Зиновьев, владелец прекрасного мотора для токарного станка, тот самый Зиновьев, который живет в Москве, когда соберется у него человек пять гостей, всегда говорит, что никого не знает, кто бы так исполнял долг христианский и умел жить, как Андрей Иванович.

Боже, как летит время! Уже прошло около десяти лет, как он женился. Детей у него долго не было. У Антона Борисовича есть дети и бегают часто по двору. Андрей Иванович всегда дает каждому из них по бублику или кусочку дыни, или грушу. Наталья, жена его, всегда носит в сумочке ключи от комодов и погребов. Андрей Иванович держит у себя ключи от письменного стола и от большого шкафа, что стоит у него в спальне. Не любит он, когда у него в спальне кто-то чужой ночует. Это ему действует на нервы. А женка его – девка здоровая, ходит в джинсах со свежими икрами и щеками.

А какой Андрей Иванович работающий! Каждый вечер одевает пиджак и идет на машину считать программу. Взошедши в помещение, где стоит машина, Андрей Иванович, раскланявшись во все стороны, обыкновенно берет в руки карточки и, выбрав нужную, включает машину. Машина как загудит! Андрей Иванович закатит глаза и очень хорошо подтягивает басом. Когда же окончится служба, Андрей Иванович никак не утерпит, чтобы, придя домой, не выпить чешского пивка и не пососать вяленой красной рыбки. На худой конец, если работа не ладится и машина врет, Андрей Иванович, обругав глупую машину, заворачивает в обчитанный рулон с колонками цифр колбаску, заходит, часиков в двенадцать, к приятелю своему Антону Борисовичу...

Андрей Иванович очень любит, когда ему кто-нибудь делает

подарок или гостинец. Это ему очень нравится. Особенно если гостинец сделан вкладчину на приличную денежную сумму. Например, комплект для туриста: палатка, спальный мешок, фонарь, удочки, ружьишко, ботиночки в размер и на нетрущейся подошве. Акваланг, если нырнуть захочется, и ружье для подводной охоты, канаты, лодочка с мотором, ведерки, ножи и прочая мелочь, позарез необходимая такому заядлому туристу, как Андрей Иванович!

Очень хороший человек и Антон Борисович. И хоть его двор не возле двора Андрея Ивановича, они также между собой – приятели, каких свет не производил. Владимир Алексеевич Добриков, который до сих пор ходит в баевых брюках по два рубля за метр, сшитых даром на Борисовской фабрике спецодежды, обыкновенно говорил, что Андрея Ивановича и Антона Борисовича сам черт связал веревкой. Куда один, туда и другой плетется. Антон Борисович с виду был женат. Хотя поговаривали, что он не однажды женился, но это совершенная ложь. Я хорошо знаю Антона Борисовича и могу сказать, что он даже не имел намерения жениться. Откуда только у него взялись эти дети? Так даже пронесли было, что поэтесса Наталья, что привезла Антона Борисовича в Минск из глуши города Саратова и моментально поженила его на своей подруге... Поговаривают, что дочь этой поэтессы одновременно дочь Антона Борисовича! Но выдумка эта так нелепа, гнусна и неприлична, что я даже почитаю вздорным опровергать ее перед просвещенными читателями, которым, без всякого сомнения, известно, что уж по крайней мере от двух мужчин – Андрея Ивановича и Антона Борисовича – у поэтессы Натальи никогда не могло быть детей, поскольку данная поэтесса считает, что оба эти почтенные мужчины принадлежат более к женскому полу, чем к мужскому. Поскольку жена Андрея Ивановича, а также жена Антона Борисовича проживают не помня руки мужской и нечем им похвалиться, как тем молдавским крестьянкам, которые утром у колодца собираются не только по воду, но и обнажить

плечо или бедро, чтобы показать фиолетовый синяк с яблоко или подкову от зубов мужних, опять же синего цвета и похватать тем самым сильной мужней любовью. Ни поэтесса Наталья, ни молдавские крестьянки не могут считать Андрея Ивановича и Антона Борисовича мужчинами в полной мере.

Эти редкие друзья, несмотря на большую приязнь, не совсем сходны между собой. Лучше всего можно узнать их характеры из сравнения: Антон Борисович имеет дар говорить чрезвычайно приятно. Господи, как он говорит! Это ощущение можно сравнить только с тем, когда у вас что-то ищут в голове или потихоньку проводят по вашей пятке. Слушаешь, слушаешь и голову повесишь. Приятно. Чрезвычайно приятно! Как сон после купанья. Андрей Иванович, напротив, больше молчит. Но, если влепит словцо, то зато из политического анекдота. Андрей Иванович упитан и румян, выше среднего роста. Антон Борисович ниже ростом и больше распространяется в толщину. Голова у Антона Борисовича похожа на редьку хвостом вниз. Голова Андрея Ивановича похожа на редьку хвостом вверх. Андрей Иванович после работы лежит в одной рубашке под навесом из стеллажей. К вечеру надевает пиджак и идет к машине считать программу или в другое место, скажем, в кафе «Сузорье», куда он поставляет лекции по изобразительному искусству, или отправляется на природу половить перепелов (это летом), или катается на лыжах в лесу. Антон Борисович весь день лежит на дому и на работу не ходит. Если день не жаркий и нет лекций, репетиций и деловых свиданий, то он никуда идти не хочет. Если утром вздумается, то пойдет по магазинам, купит творожочку с кефирчиком и опять – на покой. В прежние времена, бывало, позвонит Андрею Ивановичу, узнает, как там у него, и сам расскажет, как у самого.

Чрезвычайно тонкий человек – Андрей Иванович. В порядочном разговоре никогда не скажет неприличного слова. Он тот же час обидится, если услышит его. Антон Борисович иногда не обережется. Скажет... Тогда, обыкновенно, Андрей

Иванович встанет с места и проговорит:

– Довольно, довольно, Антон Борисович! А еще и ведущий программы «Университет этикета!», говорит такие богопротивные слова!

Андрей Иванович очень сердится, если ему попадает в борщ муха. Он тогда выходит из себя, тарелку отодвинет и на хозяина уставится...

Антон Борисович чрезвычайно любит купаться. Когда сядет по горло в воду, велит поставить в воду стол и самовар. Очень он любит пить чай прямо в ванне. Антон Борисович бреет щеки и подправляет бороду в неделю два раза. Андрей Иванович – один раз в год. Антон Борисович любопытен чрезвычайно! Боже сохрани, если начнешь ему рассказывать, но не доскажешь! Если чем-нибудь бывает недоволен, тотчас же дает это заметить. По виду Антона Борисовича чрезвычайно трудно узнать, доволен он или сердит. Хоть и противно ему бывает, но не покажет вида.

Андрей Иванович несколько боязливого характера. У Андрея Ивановича – борода лопатой и в таких широких складках, что если бы раздуть, то в ней можно было бы поместить всю Круглую Площадь, со стоянкой такси и гастрономом. У Антона Борисовича – большие выразительные глаза стального цвета и рот несколько напоминает букву «ижицу». У Андрея Ивановича глаза маленькие желтоватые, совершенно пропадающие между густых бровей и пухлых щек, а нос – в виде спелой сливы. Антон Борисович, если попросит у вас сигарету, наперед спросит: «Можно ли закурить и не против кто табачного дыма?» И, если перед ним мужчина, скажет: «Смею ли просить, милостивый государь, об одолжении...», постоянно помня, что всю болотную республику учит этикету. Если перед ним окажется дама, непременно приблизит лицо свое к лицу курящей дамы и, заглянув ей глубоко в глаза, со значением скажет: «Смею ли я просить, не зная имени, отчества и фамилии, об одном одолжении?» И когда дама видом своим покажет, что она на все

готова, попросит у нее, потупясь той в высокую грудь, всего лишь бычок сигареты...

Андрей Иванович берет у вас из рук прямо всю пачку, вместе со спичками. Закурив, пробубнит: «А ну-ка сбегай за пепельницей!» С незнакомыми же он обычно делает вид, что не курит, потому что просить ему гордость не позволяет, а одолжить незнакомому человеку – поступок, не имеющий перспектив и смысла.

Как Андрей Иванович, так и Антон Борисович очень не любят блох. И оттого ни Андрей Иванович, ни Антон Борисович не пропустят случая узнать друг у друга, чем и тот, и другой выводят блох у своих кошек. При этом, заглазно, Антон Борисович осудит Андрея Ивановича за то, что тот кастрировал своего кота Филарета. А Андрей Иванович осудит Антона Борисовича за то, что завел дома трех котов, два из которых не кастрированы, а третья и вовсе кошка! При этом они оба с завистью подумают об огромной трехкомнатной квартире совсем без кошек, принадлежащей их приятелю Кабову. Вздохнут, втайне выбравив его за то, что тот животных не держит оттого, что исповедует еврейскую веру...

Впрочем, несмотря на некоторые несхожества, как Антон Борисович, так Андрей Иванович – прекрасные люди.

Глава вторая.

В ней можно узнать, чего захотелось Антону Борисовичу. О чем происходил разговор между Антоном Борисовичем и Андреем Ивановичем и чем он окончился.

Утром, это было в июле месяце, Андрей Иванович лежал под навесом стеллажей, на диване. Воздух сух и переливался струями. Андрей Иванович уже успел побывать в букинистических магазинах в городе и за городом. Успел переставить шкаф из гостиной в спальню, а комод из спальни в гостиную. Успел сделать лаковой кисточкой мазок-другой на разрисованной

мистическими пейзажами стене, в закутке, который называется отхожим местом. Успев исполнить все это, лежал он теперь, оглядывая свои покои и думая про себя: «Господи, боже мой, какой я хозяин! Чего у меня только нет? Книги, альбомы, ковры, семейная посуда с гербами, жена, лыжи, палатка, пиджак в полоску, два шкафа, сын, чешская сковородка, два выходных пальто с мехом нутрии, одна курточка синего цвета, много ботинок и чистошерстяная борода... Чего ж нет у меня? Хотел бы я знать, чего у меня нет?» Задав себе такой глубокомысленный вопрос, Андрей Иванович задумался. А между тем глаза его отыскивали новые предметы, среди которых лженаучная тридцатитомная Энциклопедия строгих времен издания, в которых ругательски выругивалась любимая Андреем Ивановичем кибернетика, кинематика и генетика, заодно с голографией. Причем, как ни странно, приводились очень веские, опровергающие эти науки, политические наблюдения и аргументы. Энциклопедия эта была подарена Андрею Ивановичу приятелем его, Антоном Борисовичем, не подозревающим о существовании кибернетики, кинематики, генетики и голографии, в силу своего гуманитарного образования и тонкого политического чутья, выработанного годами, проведенными в стенах одного департамента, когда Антон Борисович еще не оставлял надежд сделать громкую политическую карьеру. Гражданская казнь постигла Антона Борисовича столь же неминуемо, в городе Саратове, как в свое время она постигла Николая Гавриловича. Но Антона Борисовича не возвели столь высоко, поэтому он не пал слишком низко. Ему, правда, не бросали розы экзальтированные девицы благородных сословий, но он и не дышал нестерпимо чистым сибирским воздухом. Он просто, как это говорят, нашел себя в другом. И это другое оказалось режиссером Карским, с которым отныне Антон Борисович, подарив Андрею Ивановичу тридцать томов завравшейся Энциклопедии, делает по сей день самую популярную программу о том, «как себя вести», а на самом деле обо всем, но не об этом – программу

«Акценты».

Таким же утром, в июле месяце, Антон Борисович с отцом своим Борисом Антоновичем отперли захламленную, пыльную кладовку в скромной квартире Антона Борисовича, расчихавшись от вылетевшего навстречу запустения. Антон Борисович кликнул было жену, но та знала, что муж зовет ее на предмет ревизии кладовой – не откликнулась. Антон Борисович и Борис Антонович, проклиная все на свете, занялись уборкой кладовки, сами, без посторонней помощи. Что ни появлялось оттуда, из кладовки, все удивляло Бориса Антоновича. Сначала вынесли залежалое платье и повесили его на балкон. Скоро – старый свитер с обтрепанными рукавами, потянул их на воздух и обнял полинявшую кофту, которую забывчивая жена не выбросила, потому что поленилась отпороть замечательную застежку-молнию. Затем выволокли пальто с отъеденным молью воротником, в котором когда-то Антон Борисович приехал из Саратова в Минск. Затем появились белые казимирированные панталоны, которые когда-то натягивались на ноги Антона Борисовича, которые теперь можно было натянуть разве что на его пальцы. За этими панталонами появились другие, в виде буквы «Л», потом появилась вельветовая коричневая толстовка, которую сшил себе Антон Борисович, когда готовился вступить в ряды человековедов и исследовал души и судьбы одной за другой забредавших в его дом красивых и порочных женщин. Толстовка должна была придать ему простоты и мудрости. Именно в этой толстовке он выработал тот особенный, с прищуром, заинтересованный взгляд, который обычно и толкал падших и еще только падающих женщин на откровенность с мудрым Антоном Борисовичем. Именно в те времена он отпустил было усы, а затем и бороду. Наконец, одно к одному выставилась швабра, похожая на шприц, торчащий в воздухе. Затем завертелось, что-то похожее на шаль, но оказалось, что это тряпка, бывшая юбкой покойной бабушки жены Антона Борисовича – Татьяны, сбежавшей по продуктовым делам в ближайшие магазины.

Ветер, трепавший все это тряпье, вытащенное из кладовки, делал из всего имущества вертеп, который развозят по городам кочующие пройдохи. Тут хлопнула дверь квартиры, которая оповестила возвращение жены Антона Борисовича с покупками.

– Татьяна! – придушенным пылью голосом, крикнул из кладовки Антон Борисович.

Жена Татьяна, бестолковая в хозяйстве баба, поспешно залезла в кладовку и через минуту, кряхтя, вытащила на себе старинное седло с оборванными стремями, стертymi кожаными чехлами для пистолета, с черпаком, когда-то алого цвета, с шитьем и медными бляхами. «Вот глупая баба, – подумал Борис Антонович, – она еще вытащит и самого Антона и будет его проветривать на балконе!» И не так уж и ошибся Борис Антонович. Минут через пять из кладовки, весь в извести и паутине, обмотанный разноцветными вязальными нитками, до слез чихая, выполз Антон Борисович и жена его, Татьяна, потащила его на балкон, с восклицаниями, несколько более удивленными, чтобы поверить в их искренность, стала разматывать с него нитки и одежной щеткой сбивать с плеч мужа известковую пыль.

«Что это значит, – думал тем временем Борис Антонович, заглядывая в ,наконец, опустевшую кладовку. – Уже все вынесли, а я не вижу того токарного станочка, который я багажом переправил им еще прошлой зимой, да еще потом приехал и сам его, в этой треклятой кладовке, установил и приладил. Что ж это он, – подумал Борис Антонович о станочке, как о живом, родном существе. – Где он? Неужто она выбросила?» Он с новым, свежим чувством зависимости и неприязни поглядел на тощую невестку, которая стояла и счищала с мужа пылицу. Волосы Татьяны колошматились на ветру, и она была похожа на неумело сделанную метелку.

«Эх! – снова подумал Борис Антонович. – Конечно, она выбросит, а он, сын, и не заметит. На что ж этот станок ему?

А вещица была славная. Я давно ее по деталям собирал, хотел для себя сделать. А ему, сыну моему, оставил. На что ж ему? Не токарь, а станок держит – нечто и такое чудо бывает? Вот если б его от книг оторвать, да научить! Да, к металлу, к железу, чтоб душой приварился, тогда и станок ему дорог будет. Тогда и руки просить будут – позабавиться... Эх, баба, баба!» – закончил свои раздумья в пустой кладовке угрюмый Борис Антонович и еще раз, исподлобья, глянул на Татьяну.

А та, как назло, в эту же секунду засмеялась и показала ему весьма хитрый оскал, в котором издали чернело окошечко от недостающего зуба. Антон Борисович, в ответ, тоже чему-то засмеялся и погрозил жене пальцем.

А дело было так. Зашел как-то Андрей Иванович к Антону Борисовичу, когда того в доме не было, что случилось очень редко. И встретила Андрея Ивановича Татьяна. Она, как раз по дому прибиралась и запиховала в кладовку подобранные в углах вещи. Но вещи эти не помещались и вываливались все время из двери, поскольку что-то там внутри мешало! Андрей Иванович, переступивши порог квартиры Антона Борисовича и увидев такое, спросил Татьяну:

– Что это у тебя, старуха, там такое стоит?

– Видишь сам. Станок, – жалобно сказала Татьяна и сделала несчастное лицо.

– Какой станок?

– Кто его знает, какой. Если б он был мой, то я, может быть, и знала бы, из чего он сделан. Но он мужнин!

Андрей Иванович подошел поближе и начал рассматривать станочек со всех сторон и позабыл рассказать Татьяне только что испеченный в их кругах анекдот.

– Оно, должно думать, железное, – спросила Татьяна, кивнув на станочек.

– Гм! Железное... Отчего же оно железное, – раздумывая, проговорил Андрей Иванович, разглядывая станок и глаза его загорелись. – А давно эта штука у твоего мужа?

- Может быть и давно, — схитрила Татьяна.
— Хорошая вещица, — сказал Андрей Иванович. — Я выпрошу его. Что ему делать с ним? Или променяю на что-нибудь. Что, старуха, завтра он будет, если я забегу?
— Дома будет...
— А что с утра делает? Лежит?
— Лежит...
— Ну хорошо, я приду к нему.

Андрей Иванович взял сумку с полотенцами и прочими банными принадлежностями, проверил, на месте ли билетик в баню, поскольку любителей ходить в баню с бассейном в их городе было больше на улице, чем приличных людей, и ушел.

Еще не успели облететь листочки в городском парке, а уж Антон Борисович, уступив клятвам в дружбе и верности и обещаниям по гроб жизни помогать Антону Борисовичу в освоении технического минимума, исходивших от Андрея Ивановича, который называл Антона Борисовича не иначе как «дорогуша» и «родной ты мой», а также приговаривал: «век тебя не забуду», отдал Андрею Ивановичу станочек, который так тому понравился.

— А когда отец привезет мне новый станочек, — к ужасу Татьяны сказал ему наивный Антон Борисович, — тут уж ты мне поможешь с мотором, лады?

— Чтоб мне не сойти с этого места! Чтоб я всю жизнь сыром гадил! — сказал весьма приличный и прекрасный человек Андрей Иванович, — Все достану, только скажи! Да за такой станок, какой-то паршивый мотор!! Конечно, дорогуша!

И он пожал обеими руками руку Антона Борисовича, и они оба прослезились, и до поры до времени на том и расстались...

И вот, наконец, Андрею Ивановичу представился случай доказать Антону Борисовичу свое дружеское к нему расположение. Папа Антона Борисовича, Борис Антонович, привез ему еще один токарный станок. И все в этом станке было прекрасно! Только мотор не тянул. Станок требовал большей мощности.

Антон Борисович решил токарное дело все-таки освоить. Перейти, если к не массовому, не серийному, то хотя бы штучному производству чего-нибудь, что в теории называлось: «сделай сам себе шахматы», а в практике сводилось к обработке деревянного валика, который Антон Борисович обдирал начисто вначале с одного конца, а, после поворота заготовки, обрабатывал с другого конца. Иногда он даже с одного конца подрезал торец, обтачивал начерно, обтачивал начистоту и снимал фаску. С другого конца он проводил те же операции из тех же четырех переходов. Переналаживать станок часто не приходилось, поскольку Антон Борисович осваивал обработку лишь одной детали, но тем не менее время тратилось непроизводительно из-за малой мощности мотора. Для увеличения числа скоростей и получения возможности снимать стружку большего сечения шпинделька бабка нового привезенного Борисом Антоновичем станка была снабжена так называемым «перебором». Приведенный в движение ступенчатый шкив мог двояким способом передавать движение шпинделю непосредственно от шкива к шестерне, и тогда, при вращении шкива, столько же оборотов делал и шпиндель. Но в этом станочке вращение шкива передавалось через шестерни, и в результате число оборотов шпинделя сильно уменьшалось, хотя и возрастал крутящий момент. Включение и выключение перебора производилось рукояткой. Таким образом при работе на малой ступени шкива получалась большая мощность, а при работе на большей ступени шкива получалась меньшая мощность. Антону Борисовичу нужны были значительные скорости, чтобы обрабатывать малые диаметры, то есть сравнительно мелкие детали, которыми являются в шахматах пешки. Иными словами, следовало снимать стружку малого сечения... И тут, когда в дымке забрезжили точеные самодельные шахматы по пятьсот рублей комплект из белых и черных, все дело встало из-за мотора малой мощности. Антон Борисович решил воплотить в жизнь обещание Андрея Ивановича.

Как-то утром, когда Андрей Иванович подошел к двери квартиры Антона Борисовича, первым делом он услышал изнутри кошачий концерт, потом детские вопли и высокий истерический вопль жены Антона Борисовича, и все это перекрывал голос ее мужа: «Отойдите мерзопакостники, дайте открыть дверь!» Дверь открылась и мимо Андрея Ивановича пробежала разношерстная стая сиамок, за которыми гнался серый дворовый кот с розовым носом, а за котом бежали Антон (тощий старший сын главы семьи, с таким же именем, загадочный мальчик, сочетающий в себе глубокий ум и странную тупость, которая теперь среди горожан называется упрямством), Игорь (рыжеватый шустренок, на ходу кувыркаящийся через голову и вопящий басистым детским голосом) и настырный третий сын Антона Борисовича – Ярослав, сжавший кулаки и выдвинувший вперед челюсть в погоне за хохочущим Игорем. Выскочившая за ним жена Антона Борисовича – Татьяна, от неожиданности, при виде Андрея Ивановича, выронила семейный кокемятный ремень и остановилась, чтобы поздороваться и отдышаться. В коридоре было развешано на вешалке сорок одежды. Пол устилала двадцать четыре пары уличной и домашней обуви пяти размеров, не считая сваленных в кучу трех сломанных велосипедов, с колес которых, как лианы в джунглях, свисали оборванные цепи.

Татьяна встретила Андрея Ивановича поклоном и, зазевавшись, стояла на одном месте. Андрей Иванович был весь залит дождем, который в это время не любит шутить и обливает пешеходов, с головы до ног, холодным потоком. Из этого можно было увидеть, как сильно было желание Андрея Ивановича войти и согреться пустым чайком (ибо ничем другим бесхозная и бесхозяйственная Татьяна обычно не угощала). Однако Антон Борисович опередил его. Мгновенно натянул ему на плечи куртку, порванную в нескольких местах, жившим когда-то в этом доме псом (ныне сбежавшим), сунул туфли и, схватив под белы руки приятеля своего, Андрея Ивановича, выволок его

в подъезд, а затем во двор в дождь, ветер, сумерки и мокрядь.

Антон Борисович, опасавшийся простуды, тем не менее решился выйти в такую пору, изменив даже своему всегдашнему обыкновению приглашать гостей к себе и не ходить в гости, показал, вольно или невольно, как хотелось ему приобрести обещанный ему Андреем Ивановичем мотор и как сильны были противоречия в семье Антона Борисовича между ним и женой Татьяной относительно этого мотора, что он даже не решился при ней просить Андрея Ивановича об этом одолжении.

Через час оба приятеля, совершенно вымокнув, оказались перед дверью уютной и тихой квартиры Андрея Ивановича. Дверь им открыла хозяйственная и полная невысказанности жена Андрея Ивановича – чемпионка Наталья. Едва увидев, что это муж с Антоном Борисовичем, она потеряла к гостям интерес и, зевнув, исчезла за замаскированной дверью, совершенно слившейся со стеной. Дверь эта вела во вторую комнату в квартире Андрея Ивановича, но была устроена так, что никто никогда не догадывался, что у Андрея Ивановича две комнаты, а не одна. Знали об этом только некоторые друзья, из тех, кто засиживались до того времени, когда уже нельзя было их отправить домой, а надо было уложить спать. Тогда-то им раскрывали секрет, что будут они спать на столе в гостиной, а Андрей Иванович располагался в кроватях, стоявших в другой комнате.

Комната, в которую вступил Антон Борисович, была совершенно темна, потому что окна были зашторены. Но тут солнечный луч, продравшись сквозь дождь и шторы, принял радужный цвет и, ударяясь о противостоящую стену, рисовал на ней пестрый ландшафт из темно-зеленых с золотыми перьями обоев и маленького портрета Архиепископа всея Руси, висевшего с Инструкцией Первого Отдела в блестящей рамочке. Бронзовая лампа была зажжена по случаю хмурого пасмурного утра, и от этого все в комнате превращалось в какой-то чудный полусвет. Промокший Андрей Иванович ускользнул скинуть плащ, и Антон Борисович, оглянувшись еще раз, снял курточку,

туфли, сунул плоскостопные ноги в домашние чуваки хозяина на рыбьем меху и собрался уже опуститься в кресло, как вдруг грудь его толкнуло холодом: он неожиданно увидел, что Андрей Иванович уже вернулся в банном халате с капюшоном, сшитом Натальей в знак любви и верности; в халате, слишком декольтированном даже для мужчин, он увидел, что Андрей Иванович возлежит на ковре, разостланном на полу. Волосатая грудь, волосатые колени и, видимо, волосатый живот убедили Антона Борисовича, в отличии от Андрея Ивановича, наделенного белой и гладкой кожей, что Андрею Ивановичу не холодно, раз он в халате.

— Помоги бог, — сказал Антон Борисович, смутившись наготы хозяина.

— Дорогуша, родной ты мой, Антон Борисович, — отвечал голос из угла комнаты, — извините, что я перед вами в натуре. Я тут недавно с горы упал, уже перед самой вершиной и так, батенька, трахнулся!

Тут Андрей Иванович повернулся спиной к Антону Борисовичу и, взметнув полы махрового халата, обнажил загорелое бедро, на котором, как чернильная клякса, сидел фиолетовый, в розовых разводах синяк, величиной с большое яблоко. Тут Антон Борисович мог убедиться, что Андрей Иванович без всего... Даже без рубашки.

— Ничего, — сказал Антон Борисович, оценив синяк. — Как почивали вы сегодня, Андрей Иванович? — спросил он издали.

— Почивал, с тревогой... А вы, Антон Борисович, почивали?

— Почивал сладко.

— А я все на этой проклятущей машине все ночи вкалывал. Никак не отосплюсь!

— Так вы теперь и встали? — спросил Антон Борисович, вспомнив, что Андрей Иванович пришел к нему утром, а сейчас, должно быть, около полудня.

— Я теперь встал? Бог с вами, Антон Борисович! Как можно

спать до сих пор? Я только что приехал с вычислительного центра. Прекрасные частные машины видел по дороге. Ездят гады, а ты трясись в автобусе. Они едут бесплатно, а ты в тесноте и за свои деньги. И морды у всех такие мягкие, злчные. Наталья! — вскричал тут Андрей Иванович, — принеси Антону Борисовичу чаю с нашим клубничным вареньем. Там еще с вечера поэтесса со своим Нориковым не все съели...

— Хорошее время сегодня, — сказал Антон Борисович.

— Не хвалите, Антон Борисович, — черт бы его взял. Некуда деваться от дождя!

— Вот все учу, учу вас, а вы не смотрите телепрограмму «Акценты» и все чертыхаетесь, Андрей Иванович. Вспомните мои слова, да уж поздно будет: достанется вам на том свете.

— И вам достанется, — отвечивал Андрей Иванович, смущенно улыбаясь в бороду.

— А что наш моторчик, — сказал Антон Борисович, — помню, вы говорили, что кто-то в Москве может его достать?

— Да, есть один человек, — тонко сказал Андрей Иванович и как бы слегка стал косить, и забегал глазами. — Я ему позвоню, договорюсь. А может и сам в Москву поеду, месяца через три-четыре. К нему заеду, если по дороге будет и попрошу у него моторчик, если дома его застану и если он не уехал куда-нибудь, то есть если он по-прежнему в Москве живет, — сказал Андрей Иванович и надул губы, как будто даже нахмурился, словно рассердился на какую-то мысль, то ли свою, то ли услышанную от собеседника своего.

— Может, я чем-то обидел вас, Андрей Иванович, — спросил Антон Борисович, имевший большой опыт по части физиогномики.

— Полно, уж полно, Антон Борисович, — замахал руками Андрей Иванович.

Тут Наталья внесла чай и прозрачную литровую банку, бледно-розовую до дна, а на дне еще алую, поскольку там обрелось варенье.

— Но, Андрей Иванович, — действительно сказал Антон Борисович, — все-таки чем-то я вас обидел, хотя, кажется, не тронул, ни жены, ни родичей ваших.

— Ерунда, пустое, — попытался увернуться Андрей Иванович.

— Ей-богу, я не обидел вас, Андрей Иванович. Просто мне по-зарезу нужен мотор. А сам я его достать не могу. Вы же говорите, что он у вас есть. И где — рукой подать — в Москве!

— Странно, что перепела до сих пор нейдут под дудочку, — сказал Андрей Иванович, желая перевести разговор на более приятную тему.

— Как вы себе хотите, — сказал любивший ясность больше приличий Антон Борисович, — думайте о чем угодно, только я вас не обидел ничем!

— Не знаю, отчего они нейдут, — говорил Андрей Иванович, как бы не слушая Антона Борисовича. — Время не пришло этому товарищу в Москву звонить. Тонкое это дело, — сказал он и посмотрел в глаза Антону Борисовичу ясным, детским взглядом из под лохматых и как бы натертых, с розовой кожей, бровей. — Надо попросить его так, чтобы он дал. И надо найти человека, который бы к нему заехал и мотор взял из рук в руки.

И Андрей Иванович сделал страдающее лицо, как будто у него началось расстройство желудка.

— Смею ли просить об одолжении? — спросил Антон Борисович. — А не дадите ли вы мне, Андрей Иванович, телефончик этого человека? Я бы с ним, от вашего имени, договорился.

— Телефон я дам, — уныло сказал Андрей Иванович и поднялся, чтобы достать из знаменитого пиджака, в трехцветную полосу, свою записную книжку. — Вот, запишите, Антон Борисович: Москва, Бибирево, улица Мурановская, дом 13, квартира 73. — Тут Андрей Иванович перевел дух и совсем уныло продолжил: четыреста шесть — семьдесят девять — семьдесят два, Зиновьев Виктор Иванович...

— Спасибо, дорогой Андрей Иванович. Вы не волнуйтесь, я сам с ним договарюсь.

— Только, — сказал Андрей Иванович, и губы его свело, будто он попробовал гнилой лимон, — только никому, ничего и ему тоже. Понятно? Что я вам, что вы себе, что он нам. Ясно?

— Ясенько! — пребывая в эйфории, ответил Антон Борисович уже с порога и убежал к себе, в свой адский домашний очаг, чтобы с нетерпением дожидаться вечера и позвонить таинственному товарищу Андрея Ивановича — Зиновьеву Виктору Ивановичу.

День для обоих приятелей прошел в хлопотах. Следующий день для них тоже прошел в заботах. И день за этим днем прошел в бегах. Андрей Иванович, намеревавшийся провести свой трудовой отпуск ни где-нибудь в Мяделе или Жодино, а в золотой Праге, бегал по инстанциям, получая иностранные паспорта под свою и женину личности, а также узнавая количество иностранной валюты, могущей отяжелить его просторные карманы. Жена, не разгибаясь, сидела за шитьем, делая себе наряд, от которых чехи должны были все разом лишиться чешского языка, а словаки — перейти на междометия. Наталья была знатоком своего дела. Это она следовала правилу, усвоенному еще в спорте: «Чем меньше женщина одета, тем легче жизнь устроить ей». Поэтому из двух головных платков она сшила вечернее платье, от которого, если его можно было заметить, уже нельзя было оторвать глаз!

Андрей Иванович, как бы ни был занят, все думал, как же это так нашло на него затмение, что дал он Антону Борисовичу телефон своего товарища Зиновьева, владельца прекрасного мотора для станка. Ведь на этот самый мотор он давно глядел с вожделием и растил мечту в своих садах, и пас там своего товарища Зиновьева исключительно с целью, когда-нибудь, что называется, «потрогать его за вымя». Или, говоря прилично, сорвать с их знакомства созревший плод в виде мотора для токарного станочка. Ведь сколько лет строилось это здание. Сколько надежд возлагалось на этот мотор. А надо сказать, что Андрей Иванович, в отличие от Антона Борисовича, был

неплохим токарем, несмотря на белую кость и высшее образование. Да и жена его Наталья считалась по документам не только инженером, женой, но и инструктором по токарному делу! Так что мотор он приглядел не как профан по вывеске, а со знанием содержания и тонко. И вот надо же, когда товарищ Андрея Ивановича – Зиновьев Виктор Иванович – уже проникся симпатией, то есть когда он уже намеревался самолично предложить Андрею Ивановичу мотор, в обмен на чешскую оправу для очков, которую Андрей Иванович, побывав в Праге, выслал бы ему в Москву, когда уже должна была закрутиться вся эта собранная машина, черт дернул его рывком Антону Борисовичу, что у него есть в Москве товарищ, у которого есть мотор. Андрей Иванович, сколько ни думал, не мог понять этого своего порыва. Ну сказал бы просто: «Поищу возможность достать». Так нет, сказал: «Есть мотор!» И добавил: «В Москве!» Слово было сказано. Произнесено. Под гипнотическим воздействием Антона Борисовича, который своим бездумным поступком – отдачей станочка и энциклопедии – подтолкнул рационального и здравомыслящего приятеля своего – Андрея Ивановича – на встречный безумный поступок – отдачу Антону Борисовичу обещанного мотора. Под гипнотическим воздействием чувства, названного между ними дружбой, Андрей Иванович дал Антону Борисовичу телефон Виктора Ивановича и тем самым выдал ему ключи от склада, потеряв мотор для себя! Понять этого своего поступка он не мог! Не мог, как какой-нибудь неотесанный мужик, сказать Антону Борисовичу: «Мотор этот есть, но не про тебя! Я сам на него глаз положил». Нет! Не смог! Воспитание не позволило. И тогда он решил не прямо, а намеками отговорить Антона Борисовича от этой затеи.

Вечерком, поплавав в бассейне, он чистый и доброжелательный, постучал в дверь квартиры своего приятеля. Антон Борисович, ничего не подозревая, открыл дверь. Андрей Иванович, рассиявшись, зашел еще раз посмотреть, подойдет ли мотор к станку, поскольку мотор он знает, а станок не знает. Антон

Борисович с восторгом повел его в каморку, где стоял злополучный станок. Попробовав, как тянет старый моторчик, поблуждав на станок слева, сверху и сбоку, Андрей Иванович рассказал два свежих анекдота, чем привлек в компанию жену Антона Борисовича Татьяну, имея в виду найти в ней союзницу своего коварного замысла. Когда они отсмеялись, Андрей Иванович, быстро глянув на Татьяну, на станок и на благодушного Антона Борисовича, спросил, как бы продолжая шутить:

– Скажите, пожалуйста, а на что вам этот станок?

Татьяну такой поворот дела заинтересовал, и она сразу закивала.

– Что вы будете с ним делать, – продолжал, как бы посмеиваясь, Андрей Иванович. – Ведь он вам не нужен!

– Как не нужен, – возразил Антон Борисович, не соображая, куда клонит Андрей Иванович. – Точить шахматы, например.

– Господь с вами, Антон Борисович! Когда же вы будете точить? Разве после второго пришествия! Насколько я знаю, вы еще ни одной пешки не выточили. Да и ваша жена не так уж Господом Богом устроена, чтоб точить. Вы имеете осанку и фигуру важную, как же вам стоять у станка, когда ваш костюм состоит из рубашки, брюк и жилета, когда вы никогда даже не снимали галстука и запонок! Вы ведете программу, в которой, между прочим, говорится о культуре речи! Вещаете на всю нашу республику. А в станке этом токарном есть детали, которые не во всякой речи прилично называть! Я, прошу прощения, ну например: «передняя бабка» или еще хуже, я извиняюсь, «задняя бабка». Дальше и продолжать не стоит! Ну привыкнете вы так вот выражаться, что тогда? Нет, вам нужно иметь покой и отдохновение. Да! Вам нужны приличные поступки. Послушайте, отдайте этот станок мне, забудьте про мотор и останемся друзьями!

Татьяна горящими глазами смотрела на произносившего эту речь Андрея Ивановича, из чего он мог заключить, что его слова, по крайней мере, на нее произвели необыкновенно

живописное впечатление! Слушая сам себя со стороны, он бы тоже сказал: «Как я говорил! Боже, как я говорил!» Но Антон Борисович поднял брови и сделал лицо воробья, который раздумывает: клевать или еще раз посмотреть? И решил еще посмотреть!

— Как можно, — сказал он, делая вид, что все это шутка, — этот станок дорог мне как память об отце. Он сделал его для меня. Он в нем выразил себя! И ему было бы обидно, если бы я и э т о т станок, — сказав это слово, он сделал на нем ударение, — отдал вам, Андрей Иванович. Таких станков теперь не сыщешь нигде. Отец месяц у меня жил, света белого не видел, собирал его своими руками... А теперь, так вот, вдруг, отдать его? Как можно? Это вещь мне необходимая.

Татьяна потрогала пальцем кончик своего носа, пожалала плечами и ушла, потеряв интерес к разговору. Она знала, что сбить с толку Антона Борисовича удастся либо сразу, либо уже никогда!

— На что же она необходима, эта вещь? — спросил Андрей Иванович. В его голосе послышался сарказм.

Антон Борисович, набрав в легкие воздух, проговорил с воодушевлением:

— Как на что? Вот дети растут... Слава тебе, Господи, теперь я думаю, что вырастут они не лоботрясами. Отчего я не беспокоюсь об этом? Да потому, что у меня стоит в кладовке токарный станок!

— Станок, — почти презрительно произнес Андрей Иванович, — да это наполовину металлолом!

— Что ж, — почти примирительно согласился Антон Борисович, — мотор и вправду не тянет, но его можно поменять! Нужно поставить сюда большей мощности и смазать все детали конопляным маслом...

— Из ваших слов, Антон Борисович, я не вижу дружеского ко мне расположения, — сказал Андрей Иванович. — Вы ничего не хотите сделать для меня в знак приязни.

— Как же это вы говорите, Андрей Иванович, что я вам не оказываю никакой приязни? Как вам не совестно! Вы обещаете мне этот мотор три года, а я ни разу не напомнил вам! Когда вы едете в заграницу, всегда просите у моей жены напечатать вам аккуратно анкету. И разве я или моя жена отказывали вам в этом деле? Сыночек ваш играет с моими детьми и кошками. Я ничего не говорю: пусть себе играет, лишь бы ничего не трогал!

— Ну, да ладно, Антон Борисович, — примирительно пробурчал Андрей Иванович! — Не хотите станок отдать, предлагаю поменяться!

— И что ж вы за него дадите, — удивленно спросил Антон Борисович.

— Я дам вам за него альбом Сальвадора Дали, того самого, с которого мы с вами когда-то снимали цветные слайды. А я дам вам настоящий альбом! Вы за него, если умеючи продадите, получите кучу денег! Да, у вас любой с руками оторвет...

— Не знаю, Андрей Иванович, как вы можете об этом говорить. Даете за станок, черт знает чего. Дали!

— Отчего же Дали — «черт знает, что такое», Антон Борисович?

— А вы бы сами посудили хорошенько, Андрей Иванович! Это ж станок, вещь известная. Подарок, можно сказать, моего отца. А чего хорошего заметили вы в Дали? За кого вы меня принимаете, чтоб я альбом...

— Хватит, хватит! Не буду уже... Пусть вам остается ваш станок. Пускай себе сгниет и перержавеет, стоя в углу в камерке. Не хочу больше говорить о нем!

После этого приятели умолкли.

— Идите пить чай, — позвала из кухни Татьяна, жена Антона Борисовича, и поставила к чаю ванильные сухари.

— Говорят, — начал Андрей Иванович, удобно усаживаясь на стул, — что в «Голос Америки» пробрался советский диктор и теперь читает по их каналу нашу «Правду» от первой строчки

до последней.

— Да, я тоже слышал о дикторе, — улыбаясь подтвердил Антон Борисович. — Не изловили его? Или они там сами себя не слушают?

— Трудно сказать, — ответил Андрей Иванович, окуная в чай вкусные ванильные сухарики, одновременно высасывая из сухарика вкусную горячую влагу и опять опуская его в чай. Подняв голову, он закончил фразу: я полагаю, что они хотят, чтобы мы приняли турецкую веру?

— Ишь, дурни, чего захотели, — сказал Антон Борисович, опуская весь сухарик в блюдо, поливая его из маленькой чашки горячим чаем.

— А мы тоже на них вещаем. Нет, говорим, примите сами нашу веру!

— Мы их побьем, как думаете, Андрей Иванович?

— Конечно! Так не хотите поменять станочек на Дали, Антон Борисович?

— Мне странно, Андрей Иванович! Вы, кажется, человек, известный своей ученостью. Аспирант, без пяти минут кандидат наук, а говорите как недоросль.

Антон Борисович, отбросив сухарик, поднялся.

— Садитесь, садитесь, Антон Борисович, — замахал руками Андрей Иванович. — Бог с вами! Пусть он там околеет. Не буду больше говорить о нем.

Татьяна поставила на стол закуску: любимое сало Андрея Ивановича, намазанное красным перцем, очень мелкого помола. Из этого было ясно, на чьей она стороне. Допив чай, Андрей Иванович закусил салом. Неожиданно воодушевившись, Андрей Иванович сказал почти звонким голосом:

— Послушайте, Антон Борисович, а что если я к альбому Дали отдам вам еще и древесно-стружечных плит для антресолей? В этом году вам все равно нужно будет делать антресоли, а?

— Ей Богу, Андрей Иванович, прежде чем с вами говорить, нужно гороху наестся! (Это еще ничего! Порой Антон

Борисович и не такие фразы отпускает). Где видано, чтобы станок меняли на древесно-стружечные плиты?

— Напоминаю вам, Антон Борисович, ДСП вместе с альбомом Сальвадора Дали!

— ДСП с Дали на мой станок? Никогда! — Антон Борисович нахмурил брови. — Поцелуйтесь со своим Дали, а коли не хотите, так с чертом!

— Ох, Антон Борисович, вас только зацепи! Нашпигуют ваш язык горячими иголками на том свете! После разговора с вами надо с мылом руки вымыть!

— Позвольте, Андрей Иванович, напомнить вам. Станок — вещь благородная, самая любопытная забава, притом к тому же приятное украшение моей каморки!

— Вы, Антон Борисович, разносились со своим станком, как дурень с писаной торбой, — с досадой стукнул об стол кулаком Андрей Иванович. Он уже начал понимать, что обещанного мотора ему не видать, как своих ушей. Догадался и Антон Борисович о том же, насмешливо глянув на Андрея Ивановича.

— А вы, Андрей Иванович, не можете, так не обещайте! Ну кто вы после этого? Трепло!

Если бы Антон Борисович не сказал этого слова, то приятели поспорили бы между собой еще минут пять и разошлись, каждый при своем. Но теперь случилось совсем другое! Антон Борисович понял, что Андрей Иванович ничего делать не собирается и не соберется. Если сам Антон Борисович не достанет этот мотор у его товарища Зиновьева, то мотора у него как не было, так и не будет!

Андрей Иванович понял, что дело швах. Номер телефона его московского приятеля Зиновьева есть у Антона Борисовича, так случилось, что Андрей Иванович собственноручно дал его Антону Борисовичу... Оставалась только крохотная надежда, что Антон Борисович сейчас рассорится, раскричится и швырнет ему Андрею Ивановичу этот номер телефона на той бумажке, где записал, и тем все и кончится. Таким образом в горячке

спора сам же он и лишит себя мотора. Но Антон Борисович, сделав скорбное лицо, сказал:

— Раз вы, Андрей Иванович, так заняты, что не можете съездить в Москву или позвонить своему товарищу, то есть Зиновьеву, насчет мотора, то и не звоните. Не надо. Чего ж вам утруждаться? Езжайте себе в Прагу. Отдыхайте...

С тем Андрей Иванович и ушел, тая надежду, что Антон Борисович сам не решится звонить его, Андрея Ивановича, товарищу Зиновьеву. Однако Антон Борисович, напротив, очень даже решился. Он позвонил, поговорил, сославшись на знакомство с Андреем Ивановичем, который любезно дал ему этот телефонный номер, сказав, что мотор у его товарища Зиновьева имеется в наличии. Виктор Иванович сразу же попросил очки. То есть все шло по заранее продуманному сценарию: мотор взамен на очки, а кому мотор, московскому приятелю Андрея Ивановича, было без разницы. Антон Борисович ничего Зиновьеву не обещал — очки из Праги — дело не его, а Андрея Ивановича! Разговор был о моторе, и сейчас он, между Антоном Борисовичем и московским приятелем Андрея Ивановича и состоялся! Так что обе стороны все устраивало и расстались они дружески и в хорошем настроении. Назавтра, когда в Москву пришел поезд из Минска и уже собирался отправиться назад, Зиновьев передал мотор проводнице Люде Волосюк, с указанием имени Антона Борисовича, который сам ее найдет и сам все возьмет, и сам же, как они с Зиновьевым договорились, отблагодарит проводницу. Так и случилось на следующее утро, когда поезд Москва-Минск подъехал к городской платформе и Люда открыла двери своего вагона. Антон Борисович, уже стоял на платформе и вручал симпатичной девушке букет роз. Девушка передала ему пакет с мотором, и Антон Борисович, с чувством глубокого удовлетворения, зашагал в сторону привокзальной автобусной остановки. Придя домой, Антон Борисович набрал номер Зиновьева, чтобы сообщить об успехе давно запланированной Андреем Ивановичем операции,

превосходно исполненной им — Антоном Борисовичем.

Как вежливый человек, Антон Борисович, после разговора с Зиновьевым, позвонил Андрею Ивановичу и сообщил ему, что хлопотать больше не следует, поскольку все хлопоты он взял на себя. В том смысле, что сам переговорил с его московским товарищем Зиновьевым. Сам обо всем с ним договорился, уже получил мотор в руки. В разговоре заметил, что потратился на розы проводнице и на том свой разговор с приятелем завершил. Не забыл Антон Борисович добавить, что товарищ Андрея Ивановича Зиновьев передавал ему горячий привет и ждет пражскую оправу к очкам с нетерпением! Только Антон Борисович хотел положить трубку, как услышал взволнованный голос Андрея Ивановича:

— Что вы такое сейчас мне сказали, Антон Борисович? — его голос стал постепенно повышаться, напоминая фальцет. Так с ним бывало в минуты начинающейся истерики.

Набравшись терпения Антон Борисович лаконично повторил:

— Я сказал, что мотор уже у меня, а вам привет от вашего товарища из Москвы по фамилии «Зиновьев».

Каково же было удивление Антона Борисовича, когда он услышал следующую фразу Андрея Ивановича:

— Как же вы могли... Нет, как вы смели, забыв приличия и уважение ко мне, проболтаться, что мотор предназначен не для меня, а для вас?

Вконец озадаченный Антон Борисович потер пальцем переносицу, но только что высказанного запрета Андрея Ивановича вспомнить не смог. Весь предыдущий разговор о моторе, москвиче Зиновьеве и т.п. пронесся в его голове, как погодный циклон.

— Андрей Иванович, что поносного в том, что мотор для меня, а не для вас? Чем вы думали, когда меня слушали?

— Я повторяю, — теряя дыхание, повторил Андрей Иванович, — как вы посмели, в противовес всем приличиям, выставить

меня перед моим товарищем Зиновьевым вралем?

— Начхать вам на голову, Андрей Иванович! Что вы там раскудахтались?

— Я повторяю вам, — почти зашипел Андрей Иванович, — какого черта вы совались не в свое дело? Теперь отношения между мною и моим товарищем Зиновьевым более невозможны, поскольку он считает меня вралем! Я-то просил мотор для себя! А вы, Антон Борисович, раскрыли, что мотор для вас!

— Но позвольте, — уже не на шутку гневаясь, сказал Антон Борисович, — какого хрена вы тогда дали мне телефон и наобещали мне достать этот чертовый мотор! И почему я виноват, что наврали вы?

— Потому что вы разгласили тайну, что мотор для вас! — почти завизжал Андрей Иванович.

— А разве это тайна? — спросил Антон Борисович. Но спрашивать было уже некого. Андрей Иванович бросил трубку и упал лицом на подушку, скрипя зубами. Мотор, как НЛО, удалялся с его горизонта, унося с собой его, Андрея Ивановича, хорошего товарища Зиновьева...

Антон Борисович сидел в столбняке перед своим домашним телефоном. Он моргал глазами так часто, что становилось страшно. Так у него бывало, когда он был сильно сердит. Телефон зазвонил, Антон Борисович, взяв трубку услышал там визжащий голос Андрея Ивановича:

— Я вам объявляю, — кричал в трубку Андрей Иванович, — что я вас знать больше не хочу!

— О-о! Большая беда, — не выдержав, вскричал Антон Борисович. — От этого я не заплачу!

— Ноги моей больше не будет у вас в доме, — закончил Андрей Иванович и, положив трубку, взял заранее приготовленные чемоданы и отправился на вокзал, где стоял поезд Минск-Прага.

Пребывая в полном недоумении, Антон Борисович силился понять, почему Андрей Иванович пытался соврать незнакомому Антону Борисовичу, однако своему товарищу, Зиновьеву?

Андрей Иванович, сидя в уютном купе международного экспресса, досадовал, что его так позорно поймали на мелком вранье, которое ничем и никак не могло быть извинено, потому что не имело ну совершенно никакого смысла, а диктовалось черт знает чем: желанием изобразить, что между Андреем Ивановичем и его товарищем, Зиновьевым, никаких других не-престижных людей не будет. А вот, поди ж ты, не получилось — встрял-таки этот, теперь уже крайне неприятный тип — Антон Борисович!

*

СТАЛКЕР

Солнышко светило, птички пели, и ничто не выглядело зловеще. Лектор Приступа лежал на пригорке, разбросав руки-ноги и закрыв глаза. Ветерок пробежал по лбу. Легкие трепетали от озона. Сердце прыгало. Мысли отсутствовали.

— Хорошо, — подумал Приступа.

— Да, неплохо! — сказал приятный баритон.

— Что? — спросил себя Приступа и раскрыл глаза. Сел. Огляделся. По полянке, как угорелые, бегали его дети. Жена жевала бутерброд и задумчиво нюхала травку. Приступа снова лег и снова закрыл глаза. Но, не почувствовав одиночества, он стыдливо застегнул верхнюю пуговицу рубашки. По привычке он напомнил себе — все материально!

— Иногда, — согласился баритон.

— Не иногда, а всегда, — сердито подумал Приступа... и осекся. Он сел. Потом встал. Потом обошел место, где только что лежал. Никакого дурмана рядом не росло. Кустов просто не было. Наоборот — была большая полянка и пригорочек.

Приступа глянул вверх. И точно! Над ним стояла тучка.

«Вот оно что...» — хотел подумать Приступа, но как материалист запретил себе так подумать. Однако он пошел к жене и, показав на тучку, сказал:

— Собирается дождь, поехали домой.

Жена вздохнула. Стала собираться. Дети заорали и разбежались, кто куда, чтобы не ехать домой.

– Идите ко мне, паршивцы, – багровея вскричал Приступа.

– Считаю до трех...

– Раз, – сказал баритон.

– Раз, – прокричал Приступа на весь лес.

– Раз уже было, – сказал баритон, тут же произнеся: – два!

– Три, – заорал Приступа.

– А где же два? – спросила жена. – Два еще не было!

– Да оставьте меня в покое! – сказал Приступа в сердцах. –

Как это не было? Раз, два, три...

– Раз, два, три, – сказала жена, нюхая травку. – Дети! – позвала она. – Мы уходим!

И пошла по тропинке. Тут же на тропинку выскочили дети с криками:

– Ура-а-а!!

«Галлюцинации... – подумал Приступа. – Раздвоение личности. Доработаешься, пока прокормишь такую ораву.

И весело засвистел.

– Дети – наше будущее, – сказал баритон...

Это было в воскресенье, 11 мая, в три часа дня, в лесочке, на конечной остановке 19-го автобуса.

Через неделю лектор Приступа пил чай с друзьями у себя на кухне. Жена Приступы, размешивая жиденький чай, задумчиво спросила, что думает общество о биологических полях? К месту она вспомнила, что бабка у нее была знахарка, лечила молоком и сырым куриным мясом, которое прикладывала к переломам. Кроме того, жена Приступы вспомнила, что все женщины в ее роду, с четверга на пятницу, видят вещие сны. Лектор Приступа махнул на нее рукой и заговорил о международном положении. Но его друг, молодой гениальный поэт В. Забурдаев-Штут, с загоревшимся взором сказал, что он в е р и т.

– Кому ты веришь? – возмутился лектор Приступа. – Он верит этим гадалкам и американцам! Да они уже поставляют

Египту новые виды вооружений...

– Я верю, что она видит вещие сны... – тихо сказал Забурдаев-Штут и снял модные очки, глянув на него своими близорукими и оторопелыми, как у козы, глазами. От такого поворота Приступа потерял важную политическую мысль. Неожиданно, молчавший до того турист и охотник, физик-ядерщик Вали-Иамин, предупреждая поднял розовый волосатый палец.

– Между прочим, по теории относительности Эйнштейна... Скажем проще... Если мы задумаемся, случайно ли возникла жизнь на нашей планете... Упрощая окончательно – это вопрос о том, можем ли мы это узнать?

– Интересно, что биологическое поле можно увидеть, если сложить и облизать два пальца на темном фоне, – сказала жена Приступы.

– Сколько пальцев сложить? – спросил Приступа и начал складывать три пальца в народную комбинацию. – Чувствуешь поле? – спросил он, показав близорукому поэту эту фигуру.

– А я верю, – сказал поэт, – верю в мистический путь познания.

– Ты неправ, Федор, – сказал Вали-Иамин. – Познание само по себе условно. Как я могу познать свой разум? – спросил он. И обвел всех зелеными, бесстыжими глазами.

– Да, он не может, – сказала молчавшая до сих пор жена Вали-Иамина – Люба Никитенко. – Объясни почему, Яшечка – попросила она и сразу пересела подальше от Вали-Иамина Якова.

– Потому что, – отдельно и шевеля щеками, сказал Яков, размахивая руками и широко расставив свои ноги, обутые в тяжелые ботинки, – система не может сама познать себя. Эту систему может познать только система на порядок выше...

– Агностик, – хрипло сказал лектор Приступа, – А еще физик!

– Вселенная познаваема, – запричитал Яков. – Ты просто меня неправильно понял. Люба, скажи ему!

— Мы можем бесконечно познавать вселенную, — детским голосом сказала Люба и покачала стройной розовой ногой, — но открыть первопричину жизни и постичь разум...

— Поэтому надо верить, — перебил ее Забурдаев-Штут. — А ты не веришь, потому что ты, Приступа, и жена твоя, и дети — все вы — члены профсоюза и обыватели. А Христос, он верил! И поэтому мог...

— Что мог? — жуя, спросил Приступа. — Вот я недавно лежал на солнышке и сам с собой разговаривал. Разными голосами. Это что, мне теперь верить?

— Где? — разом воскликнули Яков и Федя.

— На конечной 19-го автобуса, — сказал Приступа. — В лесочке, на полянке, баритоном. Ты — сам себе... А он — тебе...

— А почему? — сладостно спросил Забурдаев-Штут.

— Потому что устал. В отпуск пора. Восемь лет без отпуска.

— Не согласен! — сказал Яков. — Это не ответ. Надо ехать на место...

— Да ну вас! — рассердился Приступа.

— Боишься? — закричал Забурдаев. — А ты не бойся, раз такой материалист и веришь в светлое будущее.

— Пожалуйста, — холодно сказал Приступа. — Хоть завтра. Поедем!

И они поехали. 17 мая, в три часа дня, на конечной остановке 19 автобуса высадились: коренастый, белобрысый Приступа в джинсах и легкой рубашечке в красную клетку, с термосом на боку. Долговязый Забурдаев-Штут в парадном вечернем костюме с бархатной поэтической бабочкой, с пятнами на бледных щеках. И Яков Вали-Имамин, в полном туристическом обмундировании, со спальным мешком, ведром и плащ-палаткой, в сапогах, из левого голенища которых торчал топорик, а из правого — кривой и длинный нож.

Лесом шли спокойно. Приступа свистал. Вали-Имамин заминал дорогу, ставил на стволах деревьев меточки. Забурдаев-Штут нервничал. Близоруко наткнулся на древесные

стволы, отталкивая их потными руками. Наконец, вышли к полянке.

— Вот, — сказал Приступа. — Там я лег. Жена была под деревом, вон там...

— Метров пятнадцать, — прикинул Вали-Имамин, добавив: — могла не слышать.

— А вокруг бегали наши дети, — сообщил Приступа. — В разбойников играли. Орали.

— Дети не в счет, — пробурчал Яков, оглядывая округу.

— И в этом game ты все равно расслышал? — шепотом спросил Забурдаев-Штут и вытер пот со лба.

Приступа поднял голову, ткнув пальцем в небо.

— Над мой еще тучка висела. Я еще подумал, что будет дождик, — сказал он.

— Но дождика не было, — уверенно сказал Яков, придиричиво взглянув на него.

— Не было, — кивнул Приступа.

— Вот видишь... — только и мог сказать Федор, машинально оттянув бабочку.

— А потом вы уехали. Так? — Яков снова строго глянул на Приступу.

— Да! Я позвал детей, — уточнил Приступа, — кричу — р а з!!!

— А «Он» — д в а! — белыми губами пробормотал Федор.

— Ну да! А потом я кричу: т р и! И мы пошли. Они бегут впереди, мои мерзавчики, а я думаю, что это все-таки дети. Они — наше богатство!

— Вслух думаешь? — уточнил Яков Вали-Имамин.

— Нет... Про себя. Ну этим... Внутренним голосом.

— Так это не ты, а «ОН» сказал, что дети... — и, не договорив, поэт сполз вдоль ствола одинокого дерева, на который опять близоруко наткнулся, на землю. Яков бросился к нему и стал в волнении обмахивать его топором. Топор пускал зайчики, которые мелькали по неживому лицу Федора. Он открыл глаза и, увидев занесенный над собой топор, истошно заорал. Яков

отскочил и матерно выругался. Приступа открыл термос и, попивая из крышечки, растирал свободной рукой ноющее к непогоде колено.

Забурдаев-Штут поднялся и снова прижался щекой к корявому стволу дерева.

— Я верю, — одними губами прошептал он. Сев на землю, он проговорил. — Когда вы стояли спиной там, — он показал пальцем позади себя, — на том месте, я сам своими глазами видел собаку. Она посмотрела на меня. И потом исчезла. Собака — это символ верности. Это знак. Ты, Приступа, еще прозреешь. Мне не надо идти туда, — он понизил голос, — т у д а, — повторил он и повернул нос в сторону пригорка, — чтобы поверить. Я и здесь верю, потому что он, — Забурдаев-Штут указал медленным, длинным жестом на Приступу, — он не обратил внимание на то, что он считает своим внутренним голосом, говорило не его голосом, а чужим. Он видел это в образе тучи. Это символ его легкомыслия. А я — в образе собаки...

— Собака — дурной знак, — полыхая щеками и зелеными глазами категорически отрезал Яков Вали-Иамин. — Давай вернемся.

— А ты не пойдешь т у д а ? — одними губами спросил Федор, показав на противоположную сторону поляны.

— Зачем? — живо отозвался Яков. — Я тоже верю. Только не в Христа, конечно. Это, извини меня, примитивно на данном этапе развития науки. А я верю так... Вообще. Как многие ученые, которые, кстати, всегда были очень далеки от религии. Они пришли к мысли, что они, веря... Столкнулись с явлениями, которые привели их к некоторым вещам, которые, понимаешь, я не могу тебе объяснить...

— И что же, Яша, ты тоже столкнулся с такими явлениями? — спросил вдруг Приступа, рассеяно упустив суть нити разговора приятелей.

— Ты что? — почему-то испугался Яков. — Я ж работаю со всем над другой проблемой. У меня — закрытая тема. Топливо.

Но я верю вообще... Так сказать, с общенаучной точки зрения. С точки зрения философской... Я не замыкаю себя в рамки идеологии. Забурдаев-Штут встал, воздел руки к небу и нараспев прочитал:

В молчанье кроется таинственная власть.

Поруганный Христос был нем перед Пилатом.

И Бога обрела земная злая страсть

В его молчании — пронзенном и распятом...

— Ну вот, — сказал Приступа, — а еще клуб самодеятельной песни представляешь. Молодежь воспитываешь. Ты бы его, — обратился он к задумчивому Вали-Иамину, — спросил, что это за позиция?

— А я сам тоже верю, — с вызовом сказал Вали-Иамин.

Забурдаев-Штут, глубоко вздохнув и раскачиваясь на долгих ногах, сделав шаг-другой, речитативом произнес:

Нет между двух миров общений.

Кто умер, тот, как луч, погас.

В нем плоти нет для проявлений,

Он не воздействует на нас.

— А я вот верю, что я бессмертен, — объявил Приступе нахальный Яков. Глаза его нежно охватили горочку, лесочек и синее душное небо. Приступа думал улыбнуться, сказать, что он тоже не прочь пожить лишний десяток лет, но Яков стоял как каменный. Щеки его пылали, и волосатая рука крепко сжимала топор. Приступа седьмым чувством материалиста понял, что Вали-Иамин не шутит. Он вздохнул, выругал себя дураком, что с дураками связался...

— То ли еще будет, — ясно произнес баритон.

— Ох! И не говори, — вздохнул Приступа.

*

ТОЛСТЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

В наше время тоже встречаются люди благородные. С прожилками голубой крови. С тенденциями в бирюзу. Любящие

наводить дымку и тонко чувствовать.

Тонко намекать и тонко улыбаться. Чувство превосходства так глубоко сидит в ихней селезенке, что не мешает им даже растворяться в плебейской среде, даже портить свои белые руки, вкалывая в разных там шабашках, нося бревна, строя разные коровники и нужники. Они не боятся мозолей, эти интеллигенты духа, и, если надо, отстроят свой Зимний Дворец собственными руками, сами вставят стекла в оконные рамы, навесят двери и вычистят ковры. Примитивная гордость, из-за которой их предки, оттопырив мизинец с большим и указательным пальцами, зажимая трепещущие ноздри, цедили сквозь зубы: «быдло воняет», давно признана нецелесообразной. Интеллигенты духа не отказываются от окружающей среды, ибо, выучив азы марксизма, могут с уверенностью сказать, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. А быть свободными и жить – они хотят. И живут кое-чем, конечно, жертвуя из вековых устоев. Например, сохраняя по крови дворянскую, материнскую линию, робко вплетают в нее крестьянскую красную нить. Эта красная нить проходит по их анкетам в качестве первомайского призыва: «Мы из крестьян». Вне анкеты, в устном существовании, эта черта их биографии снова окрашивается легко бирюзовой дымкой и на голубом облаке выплывает фигура бабушки, дворянки без кровавого меланжа, чисто голубой, хранящей привычку сочинять на английском прелестные стихи и тонко чувствующей все отклонения в сторону обобществления личности. С такой бабушкой в биографии приятно показаться в приличном обществе, о ней можно завести салонную беседу, пуская бледными губами мохеровые колечки дыма в благополучный сумрак своей отдельной квартиры. «Ах, как я обожаю пить чай с вашей бабушкой», – скажет с гордостью наиболее приближенный друг дома и поправит фальшивую позолоту кандидатского пенсне. «Он – единственный человек, с которым моя бабушка пьет чай», – прокомментирует интеллигент, пустив еще одно колечко густого дыма и мечтательно

подняв глаза к потолку с непрявленными на нем купидонами, сокрушенно продолжит: «Я вам скажу, что бабушка чуть не упала в обморок, когда однажды, моя жена пришла к ней в гости... в белых брюках». В этом месте жена сделает плутоватое лицо, чтобы было совершенно ясно, что она допустила не моветон, а просто решила поддеть бабку и сделать это со знанием предмета – весьма тонко.

Скажите честно, кто из вас может поговорить в обществе о своей бабушке? Может быть, вы? Ну-ну, расскажите, как ваша бабушка выгребает навоз на ферме и задает корм домашней скотине. А, может быть, вы? Давайте послушаем за чаем, как ваша бабка пыхтит на базаре, нагруженная картошкой и свеклой, как она, раскорячась, моет пол и ругает вас, на чем свет стоит за то, что наследили. Или вот вы, мадам, расскажите, как ваша бабушка в кои-то веки поехала в санаторий да и выскочила там, неофициально, замуж за сторожа, а он оказался пьющим и привязчивым, как собака. Увы, всего этого не расскажешь. Вот и получается: бабка – явление не новое, но приятное! И все это вместе называется родословной. Правда, сейчас это слово опошлено охотничьим клубом и собачьими выставками. Ну да, можно сказать иначе – генеалогия.

– Фу, – скажет легкомысленный общественник, – какая генеалогия? Все люди – братья!

Правильно. Но чьи братья? У вас стоит дома что-нибудь из медной скульптуры? Я имею в виду статуэтки. Слоники? Прекрасно! А у вас? Матрешки? Так и должно быть. А у интеллигента духа стоит бюст! Что? У вас тоже – бюст? Это не тот! У кого дома есть голова по плечи – это называется бюст.

– У меня писатель. Горький.

– У меня этот... Ну, такой в очках...

– Чехов? Тимирязев? Макаренко? Не знаете... А интеллигент духа знает. У него тоже стоит беленький бюст за стеклышками серванта...

– Ух ты! – говорят специалисты мозгового штурма, –

Наполеон! Где достал?

— По наследству. Бабка в прошлый приезд спихнула. Она в юности переболела лихорадкой бонапартизма. Бредила по-французски. Даже хотела уйти в монастырь...

«Странно! — подумала еще несколько наивная жена интеллигента духа. — Вчера ночью, когда я хотела погасить сигарету об его эполеты, Петечка сказал мне, что это Николай — Государь Всея Руси». Не удержалась, спросила у мужа:

— А разве это не Николай, дорогой?

— Ты что? — с лезущими на лоб глазами восклицает интеллигент и проталкивает жену в коридор за цветное стекло кухонной двери. Вернувшись к гостям, которые классовым чутьем уже подозревают в Наполеоне Николая, интеллигент духа с замечательной раскованностью, говорящей о подлинной свободе воззрений, крайне добродушно ухмыляется свежим губами цвета болгарских помидоров и, бухаясь на прежнее место, изрекает:

— А может и Николай. Нам-то откуда знать?

И гости, с уважением, понимают, в каком доме они находятся.

— Между прочим, — продолжает интеллигент духа, — мой дядя, самых честных правил, собрал уникальную коллекцию... э-э-э всяких, разных штук, и я все к ней подбираюсь. Да! Между прочим его жена говорила мне, что мы приходимся, по линии его деда, родственниками самому Георгию Валентиновичу.

Потревоженная тень великого социал-демократа вдруг обретает плоть, и потрясенные гости во все глаза глядят на хозяина, находя в нем тот же нос горбинкой, те же усы и почти такой же жилет. Что-то общее есть в повороте головы, когда он отпивает из чайника. Нет, определенно, приятно поговорить с благородным человеком.

О! Он терпим. Он приглашает в гости, он даже сам готовит. Но как он готовит! Он готовит прекрасно! И прекрасны в его блюдах не столь соусы и вина, мясо и салаты, сколь тот комментарий, с которым интеллигентный человек может подать к столу снесь. Он потчует своих, гораздо менее тонких, гостей,

приговаривая:

— А каких фазанов настрелял я прошлым летом. Не то, что эта курица!

Или...

— Какие форели пла-а-а-вали. Прямо бери руками. И ловили! — в доказательство он показывает слайды, где он стоит с фазанами, висящими на ягдташе, ровненько, красочно и достоверно. С форелями, переполняющими красивое новенькое ведро. И это тоже достоверно.

Вот вчера он ездил в Киевскую Лавру. Завтра — в Суздаль и Вологду. Послезавтра — на Курилы. Потом он сидел в задумчивости на берегу Байкала. Через некоторое время он бродит по каменной и расцвеченной мечетями Бухаре, снимается на фоне белого солнца в Самарканде. Главное — уметь планировать отпуск и выбирать маршруты командировок. Главное — иметь стандартную анкету и нестандартный уровень жизни. Главное — внутренняя эмансипация, раскрепощение духа на фоне полной общественной активности. Главное — не есть все меню подряд, а уметь выбрать и составить такой стол, который сразу даст тонко понять, что ты не какое-то там быдло, ударник и молодой специалист, а интеллигент, ходящий в баню и бассейны, знающий природные ресурсы на ощупь, а не по телевизору. Главное — гармоничное развитие личности в сторону сколачивания своего тесного интимного круга, где все знают, кто ты и где ты, и то знаешь, что почем.

...Не надо открытого текста. Ведь вы всего не знаете. И я не могу объяснить вам всех тонкостей. Для этого надо знать меня, как я себя. Вот такой тонкий намек на жирное обстоятельство. До свидания — мон ами. Встретимся на баррикадах...

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ
Перевод бумаги – Т. Юргановой

Пролог

...Почти теряя сознание, он дополз до кисточки торшера и, зубами прихватив ее, дернул вниз. Яркий белый свет ударил ему в лицо так, будто на щеки выплеснули кипящее молоко. На мгновение он ослеп, но мысль неотвязная и упорная дотащила его сюда, не дала ему потеряться в безднах подсознания. Он с усилием раскрыл глаза и свободной рукой оперся о столик. С трудом стал на четвереньки. Потом почти выпрямился и оказался вровень с торшером. Свет теперь был запрятан за зеленую обивку и ярился там, укрощенный, вырываясь вверх и обжигая потолок ясным четким кругом. Он с усилием запрокинул голову и долго сосредоточенно смотрел на этот круг, пытаясь что-то вспомнить.

И тут тяжелая, грязная, потная рука опустилась на его плечо. И дыша ему прямо в ухо, человек, в бороде которого мусор путался с сединой и крошками уже зачерствевшего хлеба, этот тяжелый и дурно пахнувший человек, спросил, брызгая слюной и шепелявя:

– Ну, что скажешь?

И сам ответил себе:

– Ничего ты не скажешь. А я скажу...

И закатив желтые несвежие белки к потолку произнес наизусть, как с детства знакомую молитву:

– Азия. Это неподвижность и тысячелетие пребывания на одной точке. У арабов, персов, турок господствует фанатизм, у индусов (жирный человек пожевал губами) – чувственность... Китайцы скованы внешним педантизмом... Америка... Австралия... Они интересны лишь постольку, поскольку отражают европейскую современность. Их искусство лишь до некоторой степени искусство. Они не низменны, не возвышены... Африка? – человек пососал грязный, длинный ноготь, сплюнул прямо

на ковер и подтянул штаны. – Африка, мой мальчик, вот кто поможет нам выбраться из тупика и застоя.

И тут тот, который стоял рядом с ним, вспомнил, чего же он хотел все время вспомнить. И прошептал:

– И Иисус? Богоматерь с Божественным Младенцем...

Икнул. Бородатый обвел блуждающим взглядом комнату и, поймав глазами лицо своего собеседника, тоже плывущее куда-то и нечеткое, ответил, крутя головой, как вол на араба:

– Титаны не ответственны за пигмеев! – и, оттолкнув падающего на него, бледного, высокого, ушел куда-то в сторону.

Бледный и высокий упал и слушал бешено бегущее куда-то сердце, и все думал:

«Куда же оно?» А оно падало, падало и падало, и в угасающем сознании, как колесо фейерверка, крутилось на потолке белое пятно света, и кто-то грязный и толстый, раздирал свою черную бороду и шепелявил:

– Назад к получерным народностям или совсем черным неграм... Культура, в сущности, где-то с краю...

И падал на этот край.

Глава 1

*Прививка от рекламы, или как сказали бы в Москве:
«Кто придет первым?»*

...К маленькой вилле, сколоченной из грубо пригнанных золотых слитков и оклеенной под дерево, а-ля птичий глаз, лихо подкатил двухместный мотоцикл марки «Далак». За рулем сидел долговязый лохматый чеп. Он вырубил зажигание, сдвинул на узкий лоб серебристые очки и, как паук из угла, ловко спрыгнул с мотоцикла на пыльную траву.

Солнце плавилось в полуденном мареве. Внимательно оглядев пустынную дорогу и еще внимательней прищурясь на тень, плывущую над садом, в которой пряталась вилла, чеп повесил очки на руль, а сам двинул по дорожке, ведущей к воротам. Подойдя к воротам, чеп вытащил из заднего кармана спичечный

коробок и, постучав по крышке, прислушался. В коробке что-то зашуршало. Чеп поцеловал коробок и что-то прошептал прямо в квадратную наклейку: там была крест-накрест перечеркнутая женщина, роющая землю лопатой, и написано: «Где Мона Лиза?»

— Вперед! — сказал сам себе чеп и ногой открыл ворота.

В это время, на втором этаже виллы, в маленькой комнате шел ленивый, разморенный жарой разговор. Полнокровный мужчина в клетчатой красной рубашке, со спрятанным в джинсы животиком, медленно скреб волосатую грудь и так же медленно перекачивал по зубам жвачку. Перед ним туда-сюда мелькала женщина в белых, хлопковых шортах и в желтой майке с надписью: «Эй!», причем на левой груди глаз был закрыт, а на правой — открыт. По ее талии шли зубы. Это желтое лицо на майке все время прыгало перед глазами потеющего мужчины, и он, чтобы успокоить нервы, иногда опускал глаза и душевно рассматривал свою спокойную красную клетку.

— Уот а ю синкин эбаут олл зе тайм? — раздраженно спросила женщина.

Она докрашивала мизинец и дула на ноготь, любуясь цветом. Перестав дуть, она округлила губы и произнесла еще раз голосом детской куклы:

— Ну так спрашиваю по-человечески — о чем это ты думаешь?

— А я по-человечески отвечаю, — сказал мужчина, — ни о чем, — и показал пальцем кружочек-нолик. И хихикнул, — ни о чем, ни о чем, щас как вдарю кирпичом.

— Дурак, — спокойно сказала женщина. — Иди хоть туалет докрась.

— На золото эта краска не ложится, — сказал мужчина и снова хихикнул.

— Плитку наклей, пластмассовую, — сказала женщина. — Все я должна соображать.

И она вздохнула. Над ее головой проплыло большое облако скуки.

— Апельсинов хочется, — выдохнул мужчина и в груди его стало пусто. Женщина пожала плечами, и брови на желтой майке сердито сдвинулись.

— У тебя всегда идиотские желания, — напомнила она. — Зимой тебе хочется стрелять белых медведей, а летом жрать апельсины.

Мужчина шевельнул губами, но не успел ответить, потому что дверь распахнулась и на пороге, не входя, остановился долговязый чеп.

— Архелаю привет! — сказал он, впрочем, без энтузиазма.

Женщина протянула ему пальчики. Чеп поцеловал обе ручки и добавил, дернув плечами, как вор на Бродвее:

— Привет и жене Архелая! Фризи, ты время здесь гробишь, сидишь перед этим енохом, — и, слыша, как нос щекочет вдохновение, прочел с завываньем, из чего было ясно, что читает свое: — «Приди ко мне, моя букашка,

Твой муж — репейная дворняжка!»

— Здорово! — со вздохом выдавил мужчина, но не встал, а сел поглубже, незаметно задвинув за занавеску целенькую пачку сигарет «Конгресс».

Фриза два раза лениво хлопнула ладошами и кукольным голосом сказала:

— Вольф, посмотри наш туалет. Архелайчик покрыл его черным лаком.

— Я схожу попозже, — сказал Вольф, — сейчас пока не хочется. Кстати, — сказал он вдруг и остановился посреди комнаты, как вкопанный, — Еду я к вам, а на Лонг-Брод авеню дают апельсины. Я подумал, брать вам или не брать? Дай, думаю, заеду и спрошу.

И Вольф нежно посмотрел на Архелая, протянул руку и, перегнувшись через его плечо, достал из-за шторы пачку «Конгресса».

— О! — промычал он, распечатав пачку и закуривая. — А между прочим, Фризи, — он посмотрел опять на Архелая, — твой

муж уже не любит апельсины?

Фриза вздохнула и сказала что-то внутренним голосом.

— Дорогая, — сказал Архелай и достал из заднего кармана джинсов сеточку-паутинку.

— Возьми машину, купи килограммов восемь-двенадцать. В общем немного, все равно на днях уезжаем.

— Куда это? — вскинулся чеп и сделал глаза как два блюдецка.

— В Африку, — лениво сказал Архелай и поерзал на стуле. — Есть там местечко — каменный век на 160 миль вокруг ни одного человека. Лиственницы и девственный лес. Хорошо...

— Девственницы и лиственный лес, — вслух подумал чеп и тоже вздохнул.

— Так я возьму восемь килограммов, — громко сказала Фризи. — Больше тебе не сожрать. Я их не выношу, у меня от них за ушами чешется.

И побежала вниз. Через минуту из гаража появился коричневый, как шоколадка, «Малекс» и, подняв столб пыли, выехал на шоссе.

— А теперь поговорим, — сразу, потеряв задумчивость, с улыбкой мима сказал Вольф и, вытянув губы трубочкой, отправил друг за дружкой четыре колечка дыма, словно развалил воздушную пирамидку.

Послушав спиной, что Фризи уехала, Архелай еще секунду сидел, как гюрза перед прыжком. Поняв, что уехала, прыгнул, крепко обнял его, два раза хлопнул по спине и чуть пониже, вытащил из пачки «Конгресс» сигарету и, затянувшись, с удовольствием сказал:

— Щас, пока мы с тобой тут одни, я продам тебе одну хорошенькую, свежую тайну, — Архелай захихикал. — А ты потом плач и кусай свои уши.

Он взял чепа Вольфа за длинную руку своей твердой, толстенькой рукой и, пыхтя от удовольствия, повел его, через много комнат. Чепу надоело идти, и он сказал веско:

— Люди видели тебя между вокзалом и почтой. Кого ты там

пас?

От неожиданности Архелай остановился и, взяв со стола бамбуковую пепельницу, замахал перед своими толстыми щеками.

— Жара, — дипломатично сказал он. — Как в аду.

— Не сыпь пепел, — сказал чеп, забирая пепельницу. И, ухватив Архелая за ворот рубашки, снова спросил. — Так кого ты пас, Архелайчик?

Отпустив, Вольф набычился, уставившись на него.

— Вольфуша, — запричитал Архелай, — что ты? Ты, правда, как будто нервничаешь? Никого я не пас. Никого и ничего там нет.

И он перекрестился.

— Бог накажет, Архелайчик, — напомнил чеп. — Так что же там было, чего теперь нету?

— Тсс... — сказал Архелай и поманил чепа пальцем. Они вошли в боковой коридорчик, где почему-то висели гимнастические кольца. Пощупав стенку Архелай чуть толкнул ее. Она поддалась, обнажив нишу, в которой стояли всякие непонятные чепу вещи. Банка краски, точило, рама без картины, стоптанные замшевые туфли ужасающе большого размера, будто в них прыгала кенгуру, и полмешка чего-то с надписью наискосок: «70 кг.». Архелай раскрыл мешок. В нем оказалась картошка.

— Вот, — сказал Архелай, — там.

Он опять ткнул пальцем в мешок и моргнул от радости сразу двумя глазами. Вольф с уважением посмотрел на Архелая, потому что на сумасшедших всегда смотрят с невольным уважением, и подумал, что когда у него туалет будет из золота, он тоже, может быть, обрадуется мешку картошки...

— Машиночка, — тем временем прошептал Архелай, — маленькая, беленькая... С нормальным шрифтиком... С ленточкой... Красненькой и черненькой... Нетто — три килограмма. Двести тридцать монеток, но можно бумажными... — и тут он чутким ухом уловил звук шуршащих шин. Одним движением захлопнув тайник, Архелай, вытерев об чепа перепачканные

картошкой руки, схватив Вольфа за рукав, понесся вниз. Вольф бежал за ним и не сопротивлялся. В башке его шла работа, конца которой не было видно.

У самых ворот они столкнулись с Фриззи, которая вылезала из машины, красная от жары и злая.

— Апельсины, — сказала она с непередаваемым выражением и помахала пустой сеткой, потом фыркнула и прошла между чепом и Архелаем, раздвинув их руками, как кусты.

— Только ты ей пока ничего не говори, — зашептал Архелай. Глаза его выцвели и наполнились слезами.

Чеп оседлал свой «Далак», надвинул на лоб серебристые очки и спросил:

— Давно это у тебя?

— Уже второй день, — сказал Архелай. — Я никому не говорю. Никто не знает. Только тебе, как другу.

— Такое дело не скроешь, — сказал чеп, думая о своем. — Это и дурак заметит, — и посоветовал, — но жрал бы ты больше апельсинов. Может, и поправишься...

И тут же рванул с места.

— А-ай, яй-а-ай! Ля-ля-а-а! Что-о-о-о! За-а-а девчонка... — громко запел Архелай и, играя бицепсами, пошел к своей вилле.

.....

Лежа ночью без сна и думая о сумасшедшем Архелае, чеп Вольф терзался двумя противоречивыми чувствами. Он очень хотел рассказать всем эту потрясающую новость и в тоже время ему страшно было, что об этом кто-нибудь узнает. Сломленный этими противоречиями, он встал и голый пошел к телефону. Сел на холодный стул и, держа скользкий телефон на костлявых коленях, при свете луны, набрал семизначный номер: 0000007.

— Я хочу тебе признаться, — шепотом сказал он человеку на том конце провода, — сегодня наш общий знакомый нес такую ужасную чепуху, галиматью и ахинею, что я заметил, что он как будто, вроде словно бы каким-то образом, отчасти даже

и сошел с ума...

Человек на том конце провода разгреб грязными ногтями спутанную бороду и, пожевав масляными губами и шепелявя, сказал:

— Зайди. Поговорим.

Из трубки сразу засвиристело: пи-пи-пи-пи-пи... Чеп торопливо оделся и выскользнул из дома.

Дверь ему открыл сам бородатый и мятый человек. Из-под теплой нижней рубашки курчавились волосы, длинные ногти чернели, обозначая этой черной границей концы узких и даже каких-то неожиданно-дамских пальцев, растущих из очень волосатой руки. Брюки держались на выдохшейся резинке, завязанной непонятным узлом.

— Я не помешал? — в смятении на чепа даже иногда накатывала деликатность.

— Нисколько, — повернувшись спиной и двигаясь вглубь небольшой комнаты, где горела поздняя настольная лампа, сказал бородач. — Я все равно не сплю. Пишу тут кое-чего... Кое-кому.

Он хрипло закашлялся.

— Вот послушай.

Он взял со стола недописанную страницу и прочел: «Наша Земля, наше Солнце, Сириус и Вега, и прочие гордые и яркие носители громких имен похожи на губки в океане вакуума, который не только окружает их, но и пропитывает собой. В роли посредника выступает фотон — частица, не имеющая массы покоя. Хотя она не исключение, но все остальные частицы на той стадии развития Мегалактики не имели массы покоя и обрели ее, лишь когда температура упала ниже критической для вакуума точки...»

— А что это? — спросил чеп, поднимая с полу тетрадку.

— Это так, ерунда, сочинение одному юному бакалавру. Проблема актуального перевода и адекватность текста. На материале Гомера...

— С древнегреческого? — спросил чеп, обнаружив в памяти следы знаний.

— Да, пришлось вспомнить, — с некоторой скукой сказал бородатый, как будто его заставили вспомнить теорему Пифагора.

— А что, трудно быть сумасшедшим? — спросил невыспавшийся чеп.

— Смотря кому, — ответил бородатый. — Настоящий сумасшедший, он на хохмочки не поддается. Ему по плечу большие дела.

— А Архелайчик сошел с ума, — сказал чеп.

— Архелай? Невозможно, — обиделся бородатый. — Он не реалист, осторожный человек. И потом, — бородатый сощурил хитро глаз и сел спиной к лампе, — от чего ему сойти, сам подумай? Нет, ему сойти — кишка тонка.

— А от картошки, — не согласился чеп. — Он апельсины жрет и унитаз у него из розового мрамора, а тут нашел в своем хламике мешок старый с картошкой и душа не выдержала, стронулась... От контраста.

— И как ты это заметил?

— А очень просто! — оживился чеп. — Он и сам заметил. Говорит — это у меня уже два дня... Представляешь? И так спокойно об этом говорит. И даже радуется. А ты как у себя заметил? — Вдруг спросил чеп и посмотрел на спрятавшееся в тени лицо бородатого.

— Наверное, когда понял, что могу все, — сказал бородатый и обвел корявой рукой пространство над столом, заваленным книгами и торопливыми, мятыми рукописями.

— Вот! А он понял над мешком с картошкой. Стоит над этим мешком и трясется от радости. Говорит: «Машиночка маленькая, беленькая, а шрифтик нормальный, ленточка тю-тю черненькая и красненькая, нетто — три килограмма, — передразнивая гнусавил чеп, — всего двести тридцать монеток, можно бумажными...» Во бред, а? А ведь не пил. И курил мало.

— Совсем и не бред, — обиженно сказал бородатый, — а просто

твой Архелай в мешок машинку спрятал. И даже я тебе по описанию марку могу сказать, — бородатый задумался и стал грызть ноготь на мизинце. — Ну да, — сказал он, — конечно. Портативная машинка «Юникс - Люкс». Экспортный вариант. Спецзаказ с нормальным шрифтом. Чистый вес — три килограмма. Размер с настольную книгу. Цена 230, можно бумажными. Где только он ее достал? Их уже пять лет как не было в продаже...

— Ух, сволочь, — медленно поднимаясь, сказал сильно побледневший чеп. — Ух, Архелай! А еще сумасшедшим прикидывается...

И, не попрощавшись, с белыми губами и глазами как две тарелки, вышел вон. Через минуту на улице раздалось сердитое тарактенье и удаляющийся шум мотоцикла «Далак».

— Эх, — вздохнул полуночный творец многих рукописей и сказал громко: — А мне наплевать на Шекспира. Я его как актера ни во что не ставлю. В этом мы с Львом Николаевичем оба одинаково думаем. И никакие Станиславские нами управлять не могут-с! Да-с!

Он поднялся со стула и раскланялся на три стороны.

Глава 2

Продать, чтобы купить, или то-то условно-человеческое

Дверь всегда была открыта. Чеп Вольф зашел на кухню, брезгливо отодвинул переполненную пепельницу и пустую трехлитровую банку айвового варенья, на внутренней стенке которой прилипла выбившаяся из сил муха. В раковине было полно посуды. На сковородке, как гипсовые, желтели холодные спагетти. На столе валялся лак для ногтей, две пуговицы, полбуханки черного хлеба, вилка и блестела лужица, подсыхающего молока. В холодильнике было пусто, если не считать маленького газетного свертка в морозилке. Чеп почувствовал голод и вытянул свертки, оставив часть газетных строчек на прозрачных холмиках льда.

Сверток со скрипом разворачивался. Промерзшая бумага хрустела. Чеп развернул и свистнул: перед ним лежало бикини – верх и низ. Голубое в красный горошек. Мочалка, расческа с капельками замерзшей воды и пудреница с сердечком на бежевой крышке. Он понял, что Сабина вчера была дома. В ванной было пусто. В остальных трех комнатах – тоже. Вещи валялись где попало, как будто каждый раз, когда кто-то брал их в руки, происходила катастрофа. Человек исчезал, а вещь оставалась, сохраняя тот характерный вид естественности падающего предмета, который есть у всех брошенных на ходу вещей.

Повсюду лежали клубки разноцветных ниток и маленькие рекламные проспекты на все случаи жизни. На пыльном рояле, прислонясь к огромной вазе богемского стекла, стояла знаменитая картина «Спящая Венера». Венера во сне положила руку на уже немного выпуклый живот, а вторую руку закинула за тяжелые светло рыжие косы. А рядом с Венерой чьей-то заботливой рукой была поставлена цветная картинка из модного журнала с рекламой сиднейских панталон.

Чеп хмыкнул и, пройдя веранду, толкнул коленом дверь комнаты Сабины. Стало больно, потому что дверь оказалась закрытой. Вольф стукнул кулаком и крикнул: «Сабина, чего закрылась? Эй, Сабо!» Он повернулся спиной, с наслаждением забухал по двери пяткой. За дверью послышалось движение, и Сабина – это был ее голос, негромкий и вкрадчивый – зевая спросила:

– Это ты, Эфи? А который час?

– Полдень, – проорал чеп.

– Какой ужас, – тихо и по-прежнему сонно сказала Сабина.

– Открой! – потребовал чеп.

– Я не одета, – сказала Сабина. – У меня не тот вид.

– Да ладно, – сказал чеп. – Я не буду на тебя смотреть. Очень надо! Открой!

– Эфи, дорогой, – сказала Сабина прямо в ухо чепа за тонкой дверью. – Будь умницей, наполни мне ванну, хорошо? И свари

кофе, я сейчас выйду.

– Ла-д-но, – сказал чеп и пошел в ванну.

Открыв сразу оба крана, он еще постоял минуту, задумчиво глядя на бегущую воду и машинально закатывая рукава. Потом обошел все комнаты и рассовал вещи по местам. На это у него ушло некоторое время. Но он, зная Сабину, не торопился. Потом он забежал в ванну и выключил воду. Поискал глазами хвойные пакетики и, найдя, разорвал один и высыпал содержимое в воду. В ванной сразу запахло лесом.

Вольф подошел к двери Сабины и надавил плечом. Дверь по-прежнему была заперта.

– Ванна готова! – крикнул чеп.

– Спасибо, дорогой, – отозвалась из-за двери Сабина.

– Вставай! – крикнул чеп.

– А кофе? – спросила Сабина.

– Кофе после ванны, – строго сказал чеп.

– Хорошо, – покорно согласилась Сабина из-за двери.

– Я пошел мыть посуду, – крикнул чеп.

– Не кричи, я слышу, – с укором ответила Сабина.

Чеп кивнул и отправился на кухню. Вымыв посуду, он взял швабру, налив полведра воды, закатал штанины до колена и пошел в комнаты.

Чеп Вольф когда-то служил во флоте, и это ему очень пригодились, особенно когда он познакомился с Сабинкой. Он мог за десять минут привести ее квартиру в прибранный вид. Квартира из сухопутного кабака превращалась, вдруг, в проветренный, пронизанный солнцем и пахнувший свежей водой корабль. Когда чеп домывал коридор, тягая за собой ведро, из комнаты, наконец, вышла Сабина. Она была совершенно голая, хоть и в банном халате. Но чеп заранее знал, что она голая. Это было написано у нее на лице. Лицо у нее было гордое и с насмешкой в близоруких глазах. Она качнула бедрами, подняла руки над головой, потянулась и пропела:

– Ах, как хорошо! – и пошла в ванную, заперев за собой дверь.

У Сабины иногда появлялось настроение, куда бы она ни входила, сразу запирается. Чеп знал за ней эту привычку и связывал это с нервами, которые знатно распатались за время ее законного брака с этим мультимиллионером, американцем Флораном Керчевым, в роду которого были славяне.

Вольф сварил кофе и постучал в дверь ванной.

— Кофе! — объявил он игриво, как режиссер-инспектор в цирке.

— Потом, — лениво ответила Сабина и плеснула рукой по воде.

— Тогда я сметаю к Биллу в лавочку, — сообщил чеп, — и привезу что-нибудь пожарать.

— Купи апельсины, — простонала разнеженная Сабина.

Вольф сразу вспомнил Архелая и ужасно разозлился. Он пнул ногой в дверь ванны и сказал:

— Все апельсины оптом скупил и сожрал Архелай! Я куплю вырезку и жаренный картофель.

— Еще, пожалуйста, сельдерея, капусту и бананы, — жалобно сказала Сабина.

— Ладно! — размягчился чеп. — Кофе в термосе.

И вышел, сильно хлопнув входной дверью.

Через две минуты после ухода Вольфа Сабина вышла из ванной, поблескивая высокой мокрой шеей, и, стоя перед зеркалом, покрасила ресницы, посмотрела на себя огромными, как аквариум, дымчатыми глазами и расчесала на строгий прямой пробор длинные пепельные волосы — сначала в левую сторону, потом — в правую. Затянув потуже пояс на белоснежном махровом халате с вышитыми по рукаву красными бабочками, она выглянула на улицу из окна веранды. Мотоцикла Вольфа уже не было. Сабина, напевая, подошла к своей комнате и достав из кармана ключ, открыла дверь.

— Выходи, — шепнула она и сразу попала в объятия, стоявшего за дверью высокого чернобрового креола. Она провела его на кухню и заботливо налила ему в маленькую чашечку дымящийся на солнце кофе, а пока он пил его, сидела рядом,

облокотившись спиной о стену и запрокинув голову. Длинные ее глаза с удовольствием и подробно изучали гибкого креола. Это был Азан Хариеса, молодой скрипач откуда-то из Океании, кажется, с островов Зеленого Мыса. Сабина не очень ориентировалась в географии и в пространстве из-за своей близорукости. И по причине этой же близорукости, она часто вынуждена была сильно приближать к себе людей, чтобы в них разобраться. Азан допил кофе и, с беспокойством прислушиваясь к шумам на улице, сказал, подняв на Сабину печальные смоляные глаза и почему-то краснея, что делало его смуглую кожу бронзовой:

— Ты, конечно, не расскажешь Вольфу. Мы с ним служили вместе на «Беспечной Эвридике» ...

Сабина тонко улыбнулась и, подойдя к креслу, села к нему на колени. После долгого поцелуя, она проводила его до двери и, поцеловав еще раз, сказала томно:

— А как же вы могли служить вместе? Вольф — такой хамло грубый и самодовольный.

Азан Хариеса пожал плечами и взялся за ручку двери. Тут дверь распахнулась и на пороге появился Вольф с сеткой-паутинкой, в которой лежали свертки. На шее у него висело целое банановое ожерелье.

— Привет, старик, — сказал он Хариесу и сунул ему в руки сетку. — Тащи на кухню, — приказал Вольф и надел на шею Сабине холодное банановое ожерелье.

У Сабины по спине пробежала дрожь, и она сильно побледнела:

— Ты чего зашел? — спрашивал тем временем Вольф, идя на кухню. — Давно он меня ждет?

— Минуты две, — сказала Сабина и спросила Азана: — Мистер Хариес, вы позавтракаете с нами?

— Да ты зови его просто Азан, — посоветовал Вольф, разрезая ножом белую тушу копченой курицы и раскладывая порции на три тарелки.

— Я пойду оденусь, — сказала Сабина, выходя прочь.

— Ну, как дела, старик? — весело спросил очень довольный Вольф и поставил на стол хлеб. — Держи, — бросил он Азану нож, — мажь маслом, — и пододвинул тарелку с нарезанными ломтями пшеничного хлеба. — Ага, кофе она уже выпила, — продолжал Вольф, моя чашку. — Слушай, старик, — болтал он, радуясь чему-то, — а хочешь я продам тебе Иерусалимское издание Библии всего за восемьдесят монет?

Глаза у Хариеса загорелись.

— Значит, договорились, — весело сказал Вольф. — Понимаешь, есть одно дело. На него надо 230, без этого не выйти. Хочу тут натянуть нос одному пижону и сделать Сабине хороший подарок...

Вошла Сабина в зеленом струящемся платье, с разрезами до бедра, широкими рукавами, собранными высоко у плеча, и села за стол, положив перед собой белые, чуть тронутые загаром руки. На ней не было никаких украшений, только на волосах блестело солнце и в глазах прыгали маленькие зайчики-смешинки. Глядя на нее, Вольф и Харриес замолчали...

Глава 3

Тонкие душевные движения, или Птицы перед зеркалом

Получив в обмен на Библию 80 монет, Вольф простился с Азаном на перекрестке, ведущем из нового города в старый, и поехал в знаменитый аристократический бар «Царь Соломон». Там, на восьмом этаже, в нише у фонтана он, как и ожидал, увидел прима-модистку Беару Мюд, женщину, казалось бы, из ничего сделавшую себе имя, деньги и карьеру. Беара была не одна. Она сидела ровненько, как хрустальная рюмочка, с хрустальными бесцветными глазами и смотрела на знаменитого баса Карапага Тезада, гремевшего в этом сезоне. Тезада нигде не мог появиться без толпы поклонниц, рвущих его на части, но сейчас он сидел здесь, с Беарой Мюд, в полном и, видимо,

продолжительном уединении. Это говорило о том, что Беара может то, чего не могут все остальные женщины.

Вольф испытывал к Беаре сложные чувства. Он побаивался ее и в то же время гордился знакомством с ней, но вытерпеть ее рядом больше часа было для него невозможно. Беара внешне держалась в стиле инженерю. У нее было наивное лицо с милыми, рассыпанными по плечам, золотистыми веснушками, которые она умело приглушала парижской пудрой. Пухлые мальчишеские губы были подкрашены бесцветной помадой и всегда блестели, сохраняя свежий, сельский, естественный цвет. Пушистые, короткие ресницы, подкрашенные оттеночной, коричневой тушью, были единственным заметным косметическим акцентом на ее, казалось бы, совершенно естественном лице. Волосы она носила чуть ниже мочки уха, и они были чуть выгоревшего, светло-коричневого тона, напоминавшего горожанам, что где-то есть лето, солнце, речка. Кроме того, Беара была известна тем, что не носила ничего кроме платья. Тело ее было свободно, и шумные складки ситцев, шелка, бязи, крепдешина свободно плескались вокруг. Сегодня она была в полупрозрачном платье из домашнего желтоватого льна. Кружево вилось по подолу, игриво оттеняя загорелые ноги. Беара сидела босая, но каждый палец на ее ноге был ухожен и поблескивал ноготком. На шее была намотана вереница разноцветных тончайших бус, которые дрожали, колыхались и путались, внося в каждое движение Беары, то легкое смятение, которое так передается мужчине.

Беара коллекционировала недоступных людей и, заполучив их, терпеливо выдерживала их общество некоторое время, и, продолжая сохранять ореол неповторимости, неожиданно исчезала с горизонта, оставив недоступного в одиночестве. Она мало разбиралась в людях и вряд ли ценила их по-настоящему. Люди были ей скучны и никак не могли повлиять на ее представления о жизни. Она, как рыболов, снимала с крючка попавшуюся рыбку и бросала ее в ведро, взглядом

задумываясь о следующей. Поэтому ее часто настигала скука, которую на не могла объяснить, а могла только развеять.

Вот и сейчас, увидев подошедшего Вольфа, она ужасно ему обрадовалась и, любезно простившись с опешившим Карапаго Тезада, повисла на долговязом Вольфе, шепча:

— Пойдем быстрее, я тебе кое-что расскажу.

И, пока они в лифте спускались в бар, Беара Мюд рассказала Вольфу, что Карапаго Тезада был знаком со знаменитым Ализио Миффери, который в восемьдесят лет женился на шестнадцатилетней солистке варьете, что Тезада увез ночью эту солистку от Миффери, а через месяц бросил ее в каком-то городе на гастролях в Австралии. И она с горя ушла к аборигенам и стала младшей женой какого-то столетнего вождя, которого ночью отравила, за что племя съело ее на рассвете, потому что шаман по костям предков узнал, что убила вождя именно она...

Сказав это, Беара Мюд вышла из лифта и, облизав пересохшие губы, сказала:

— Кстати, ты знаешь, что случилось вчера у сэра Хью?

Вольф не знал сэра Хью, но покорно выслушал историю его семейного скандала, в котором оказалась замешано очень большое количество людей и несколько их общих знакомых. Пока они ждали у стойки фруктовый коктейль, который заказала Беара Мюд, и порцию аравийского коньяка для Вольфа, Беара рассказала ему суть закулисного скандала в той фирме, где она занималась рекламой, а заодно и несколько очень живых историй о его друге – скрипаче Азане Харриесе, который неплохо преуспел среди некоторых местных дам. Но кто эти дамы Беара сказать точно не могла, заметив, что это неважно и Вольфу будет неинтересно.

Тут принесли коктейль и коньяк, и Беара, отпивая маленькими глотками и посматривая на свои острые ноготки, и любуясь своими белыми пальцами с крапинками детских веснушек, спросила Вольфа, не нужна ли ему машинка, размером с небольшую книгу, беленькая, шрифт нормальный и всего

за двести тридцать монет?

Вольф сжал в пальцах тонкое стекло, в котором плескался коньяк, и, с ужасом посмотрев на Беару, впервые подумал, что она, наверное, может читать мысли.

— Можно купить, — сказала Беара, сделав паузу и рассматривая хрустальными бесцветными глазами с четкими зрачками заросшее щетинкой худое лицо Вольфа.

— Где? — только и мог выдохнуть Вольф.

Беара высокомерно улыбнулась и сказала:

— Альбом Шагала цветной и воспоминания княгини Дашковой. Идет?

Это была сделка. Вольф сдался.

— Идет, — мрачно сказал он, представив ту полку в своем доме, на которой стоял его любимый Шагал, и увидев мысленно тисненый золотом, желтый переплет кожаного тома воспоминаний царской фрейлины.

— В пять у меня, с деньгами, конечно, — сказала Беара Мюд и, соскочив с вертушки, как деревенская козочка, пошла вдоль холла, ступая по перуанскому, пестрому ковру загорелыми ногами.

Вольф с неожиданной ненавистью посмотрел ей вслед. Он не понимал, что помогает ей брать людей и высыпать из них то, что нужно, как ребенок высыпает деньги из копилки. Конечно, Вольф не был психологом. Как не умела читать мысли и Беара Мюд. Она действовала не умом, а инстинктом, и инстинкт подсказывал ей, что ничто не заинтересует живое существо так, как его собственное отражение. Поэтому с каждым она говорила только о его делах. И всегда была в выигрыше. Человека притягивает он сам, как птицу притягивает зеркало, и она скачет перед ним пока не захлопнется ловушка...

ГЛАВА 4

*Некоторые соображения Бендета Сойбла,
или Ягнята пасутся напрокат.*

Бендет Сойбл оглядел стол и, прищурившись, взял двумя пальцами веточку майамского укропа, и отправил в рот. Он долго жевал укроп и думал о понедельник. «Понедельник, – думал он, – день здоровья и хороших мыслей. Хорошие мысли не приходят в жирную голову. Они приходят натошак. И в тишине. В понедельник не ходят в гости. И не сразу берутся за служебные дела. В понедельник все отдохнули. И в понедельник можно голодать. «Голодать, – думал Бендет Сойбл, – хорошо, когда у тебя есть деньги и ты можешь сделать это, согласуясь с теорией, а не с карманом... Вот я голодаю, – Бендет Сойбл посмотрел на себя в стекло картины, висевшей на стене. Картина изображала Юдифь, любимую героиню Сойбла, наступившую на голову мертвого Олоферна. – Разве я не ем? – продолжал свои мысли Сойбл. – Я ем травку. Какую травку? – опять спросил сам себя Сойбл, как будто разговаривал не с собой, а с ребенком, который никак не может понять что-то. – Какую травку? – и сам ответил: – Не травку, которая под окном, – и тут Сойбл захохотал, трясся плечами и так хохотал, что даже очки запотели. Но, подойдя к стене, он, вдруг, сразу стал серьезным и, послонявив палец, аккуратно потер ободок чеканки, изображающей царя Соломона, идущего по винограднику. – А высоковитаминизированную травку из магазина «Луга и огороды», лучшего овощного магазина фирмы «Пикус и Сын».

Бендет Сойбл взял кружочек морковки и, жуя его, раскрыл свой любимый журнал «Ньютоново Яблоко» – еженедельник изобретателей, издаваемый с разрешения Конгресса, на деньги, отчисляемые от доходов компании «Дик, Боб, Вик и Ты», полуофициальной организации на паях ИТР и банкиров. Сойбл был в свое время председателем местной лиги рационализаторов и имел более сорока патентов на изобретения – большие и малые. Нельзя сказать, чтобы он изобретал только так, от нечего делать. От игры ума. Деньги тут тоже были не на последнем месте. Но к деньгам Сойбл относился не как раб, а как хозяин. Он говорил: «Я заработал – платите!» И сурово сжимал губы,

делая под очками колючие глаза. Когда нашлись любители ставить на его проектах свои фамилии, Сойбл плюнул на технический прогресс и сказал: «Если все дело в деньгах и вы думаете, что Сойбла можно купить за деньги, то...» И показал обществу рационализаторов фигу, написав рапорт об отставке. И сразу стал рядовым инженером.

После работы он больше не подходил к кульману и, вообще, не говорил на тему техники. И вдруг общественность узнала, что Сойбл является тонким знатоком и ценителем искусства. Он стал регулярно появляться в местной телекомпании и по его сценариям стали мелькать там и сям небольшие телевизионные шоу.

– Вы занялись искусством? – ехидно спрашивали рационализаторы.

– Я коплю на машину, – глубокомысленно отвечал Сойбл и называл всех дураками.

Насчет дураков ему очень везло. Они вились вокруг него всех пород и расцветок. И каждого дурака он показывал своим подрастающим детям и объяснял:

– Дураки бывают большие и маленькие, глупые и не очень, но все равно – дураки, страшные и смешные. Но всех их объединяет то, что они д у р а к и.

Насчет друзей он не высказывался. Но были некоторые, которых он избегал, и некоторые, с которыми он часто встречался. Причем существенной разницы между теми и этими не обнаруживалось. Вероятно просто одних Бендет Сойбл считал дураками состоявшимися, и с ними не водился, а других – дураками не состоявшимися и, как всех не состоявшихся, жалел инстинктом сильного человека, опекал, соля их идеальные представления своим практическим скептицизмом, который малопривычен, как и всякое удобрение, но зато полезен в разумных дозах. Вот такой человек был Бендет Сойбл. Ах да! Еще у него была жена Юдифь. Она преподавала музыку, учила детей играть на арфе. Считала, что женщина, если она мать, имеет право

на все, как в очереди, так и вообще. А если не мать, то такую женщину надо терпеть и прощать. Терпеть и прощать – была та древняя заповедь, по которой жили все женщины ее рода, который начинался с той самой первой Юдифи, которая терпела и прощала, пока случайно не наступила на голову Олоферну.

Бендет Сойбл читал журнал «Ньютоново Яблоко», когда на столе зазвонил телефон. Сойбл суетливо дернулся, но вспомнил о понедельник, о том, что при голодании нельзя нервничать, и, медленно обойдя обеденный стол, который всегда был накрыт в полную силу в их доме, только с четвертого звонка взял трубку и приложил ее к уху.

Звонил журналист Орсо Юлда. Он говорил, что ничего не может доверить телефону.

– Конечно, – сказал Сойбл, – я понимаю! Кому ты объясняешь? Наши телефоны...

– Сойбл, – кричал Юлда, – ты меня хорошо слышишь?

– Слышу, да! – сказал Сойбл. – А что?

– Открой сегодняшний номер «Памвы», – кричал откуда-то издали Орсо.

«Памва» была газетой конглаков. – Там есть раздел «Разыскивается». Ты меня слышишь?

– Слушаю, – спокойно сказал Сойбл, которого нелегко было воодушевить, но уже встал с кресла, ища глазами «Памву».

– Прочти в третьей колонке слева с шестой по четырнадцатую строчки, – кричал Орсо. – Я к тебе сейчас заеду. Ты будешь дома?

– Я – дома, – сказал Сойбл, – приезжай, – и громко повторил в трубку: – Я жду тебя.

Он заходил по комнате, засунув руки подмышки. Бендет ходил и соображал... На всякий случай включил телевизор. Там шла предвыборная дребедень, и диктор с голубым лицом мрачно читал свежие новости. Сойбл слушал и сердце его стучало, а в ушах шумело, как в морской раковине.

Да нет... По телевизору ничего ужасного не передавали.

«Может, еще не знают», – решил Сойбл и похолодел... Он вспомнил, что сам тоже еще не знает... Рука его потянулась к полосе «Памвы». Тут в комнату вошла жена Сойбла, Юдифь, легкая, узкая и пахнущая варением. На щеках ее, как всегда, светился очень нежный румянец. Когда Сойбл смотрел на Юдифь, он почему-то всегда вспоминал детство. Хотя детство у него было не тяжелое, а даже веселое. И юность была шумная и заполненная всякими интересными событиями и даже некоторыми сумасбродствами (когда Сойбл участвовал в кампании: «Смех любит всех»), когда он на смех любил разбираться во всех нецензурных словах, которыми перебрасывались докеры, хотя в его, Бендета, семье, даже «Нет!» произносили с осторожностью и вообще всякое прямое действие считали признаком говорящим об ошибках в воспитании.

Так вот, когда Сойбл смотрел на Юдифь, он чувствовал себя, примерно так, как садовник, утверждающий, что на этом кусте вырастут только чайные розы, и готовый поэтому для поддержки законов, в которых он один был знаток, даже иногда и припудрить эту розу, лишь бы она выглядела еще более чайной. Короче говоря, Юдифь соответствовала образу жены, заложенному в генах Сойбла, и, даже если бы она решила несколько оживить этот образ, Сойбл мягко, но непреклонно указал бы ей на эту ошибку.

Юдифь поставила на стол салат из свежей капусты и немножко потопталась, склонив голову набок и раздумывая, стоит ли нарушить симметрию еще одним блюдом...

– Юдифь, – басом спросил Сойбл, – у нас все в порядке?

И посмотрел на нее поверх толстых желтых очков.

– У нас, да! – весело ответила Юдифь. – Бенди, хочешь еще салата?

– Юдифь, подумай, – сказал Сойби.

Юдифь остановилась, стряхнула крошку со стола, не на пол, а в ладонь, зажав крошку в ладони, потянула узкими ноздрями воздух.

— Кажется, ничего не горит. Таймер в порядке.

Она с удивлением посмотрела на Сойбла. Глаза ее вдруг округлились и наполнились ужасом.

— А что с л у ч и л о с ь? — шепотом и визгливо спросила она.

Бендет вытер пот со лба. И сказал:

— Сначала спокойствие. Я думаю, что Бог не оставит нас. И поможет. Все-таки он тоже еврей.

Раздался резкий звонок в дверь. Сойбл вздрогнул и выронил «Памву».

— Открой, — пересохшими губами сказал он. — Это Орсо.

Подойдя к столу, взял веточку укропа. Веточка дрожала в его пальцах.

.....

— Бен, — взволнованно закричал с порога маленький загорелый блондин Орсо и, хромя, стремительно подошел к Сойблу, сильно шлепнув его по плечу. — Бен! Такая удача бывает только раз в жизни! Неужели мы ее выпустим? Неужели не укротим? Неужели не объездим?

Орсо был по натуре ковбой. В крайнем случае — боевик, но стать Джеймсом Бондом ему мешали два обстоятельства. Во-первых — убеждения, что, впрочем, не всякий раз его останавливало. Во-вторых — хромота, из-за которой он не мог появиться в Голливуде. Но в остальном это был ковбой первых времен покорения американских прерий. В душе это был пионер и искатель золотой жилы. Миф о богатстве, которое дает свободу, очень сильно занимала его воображение. А воображение у него было самозапускающееся и работало не всегда в ладу с весьма аналитическим рассудком. Денег у него никогда не было, потому что он не умел их ценить. Они у него шли по самой короткой дорожке из кармана на прилавок, не проходя по пути никакие накопительные сосуды. Поэтому, с одной стороны, желания его удовлетворялись быстро, а с другой стороны, желания эти постоянно подавлялись и вели себя порой, как дрессированные звери: милые, способные, послушные, но которых почему-то

не раздают зрителям в качестве домашних животных.

Итак, Орсо обладал качеством загораться желаниями. И качеством их подавлять. Когда два эти случая совпадали, то есть, когда он вновь загорался ранее подавляемым желанием, наступал кризис, обвал, стихийное бедствие, короче говоря — цунами. И вот сейчас в таком состоянии цунами Орсо перешагнул порог спокойного и уравновешенного дома Бендета Сойбла. Если бы Юдифь умела разгадывать за весельем не просто смех, а играющие страсти, она бы не смотрела так безмятежно на сияющее лицо Орсо Юлды.

Набрав в легкие побольше воздуха, Орсо оглянулся на Юдифь и спросил:

— Бен, у тебя есть деньги?

— У Бенди есть, — закивала Юдифь. — Мы как раз взяли из банка. Бенди хочет купить «Рюрик» голубого цвета.

Орсо вдруг оглушительно захохотал и продолжая хохотать, опустился на диван.

— А я и не подозревал, что ты любишь машины, Бен, — наконец, справившись со смехом, сказал он и грустно добавил: — тогда, конечно, извини.

— А что случилось? — одними губами спросил Сойбл и выключил телевизор. В комнате стало тихо.

— Что случилось? — снова спросил Сойбл, протягивая Орсо свежий номер «Памвы».

Орсо еще раз вздохнул и, ударив себя по колену, сказал:

— Нужны 230 монет. Желательно прямо сейчас.

— И до... ? — спросил Сойбл.

— И до конца парламентских каникул, — ответил Орсо, добавив: — Я хочу приготовить для ваших моралистов одну микстуру.

— Политика? — осторожно спросил Сойбл.

— Ну что ты. Это педагогика. Ты же меня знаешь, — Орсо, широко улыбнувшись, очень ясно посмотрел на Бена.

Бен вообще не доверял людям с ясными глазами. Он поэтому

и на Юдифи женился, потому что у нее глаза были темными, цвета крепкого чая.

— Педагогика — это хорошо, — сказал Сойбл.

Орсо вздохнул. Что и говорить — это была педагогика. Орсо занимался тем, что брал взрослых людей за руки и спрашивал у них: обещали они или нет? «Обещали» — говорили люди. «Так выполняйте!» — говорил Орсо и делал ясные глаза. И тут люди вели себя по-разному. Одни спохватывались и старались увернуться, лстиво улыбаясь и жалуясь на судьбу, борьбу противоречий, обстоятельства и неумолимые законы развития общества. Другие, напротив, не вырывались, а хватали за шиворот Орсо и волокли его за собой, собирая толпу из молчунов и ораторов и вопя, что где это видано, где слыхано ставить в зависимость от одного конкретного человека целый исторический процесс! И как это ненаучно и дешево упрекать в такой сложной международной обстановке. И как же это несерьезно, обращать внимание на какое-то там данное слово и неисполненное дело, когда можно сказать, и не такие события грозят отправить всех нас в тартарары!

Тогда наступала очередь Орсо. Он начинал обкладывать таких деятелей сначала циркулярами за их собственноручной подписью. Потом он уходил в библиотеки и находил там сторонников среди не современников, а людей, способных внушить уважение, хотя и не способных хоть что-нибудь сделать. И, наконец, он обращался к общеизвестному мнению — стихии, правда, управляемой не разумом, но каким-то в сумме здоровым инстинктом — может быть, чувством справедливости (а если бы так поступили со мной?), а может быть и чувством страха (а если так поступят со мной?). Хотя порой и чувством мести (а вот теперь и с вами так поступили!). Обращать человечество к его упраздненной и, как доказано, совершенно не существующей душе, было основным занятием Орсо. На это он не жалел сил, времени и денег. Его гуманистическая диалектика ежедневно билась о людскую косность, как море бьется о скалы в надежде когда-нибудь

подточить их и обратить в добродушный песок. Но Орсо не унывал. Уже сама возможность сказать заврашемуся Хомо-Сапиенс(у), что он заврался, приводила Орсо в восторг. Такое у него было хобби, что поделаешь...

...Сойбл вынул из шкафа пуховый платок. Развернул его и достал оттуда деревянную шкатулку, открыл ее и положил на стол перевязанный желтой ленточкой газетный сверток. Бендет аккуратно развязал бантик, и ленточка распалась. Сойбл развернул газету и отсчитал Орсо двадцать три раза по десять.

— Я тебя знаю, — сказал Бендет Сойбл, вручая Орсо эту пачку, и больше ничего не добавил.

Когда Орсо ушел, Бендет Сойбл взял свежий номер «Памвы» и уже совершенно спокойно в отделе «Разыскивается» прочитал: «Разыскивается мужчина, купивший 12 июля в магазине «Скул-бой» пишущую машинку «Унис - Люкс». Просим джентльмена явиться за паспортом». Сойбл зевнул и перевел взгляд на рубрику «Деловые люди». Там сообщалось: «Ягнята напрокат. Владельцам лугов с апреля по октябрь напрокат предоставляются ягнята. Они дешевле, чем сенокосилки. Обращаться: фирма «Лейк и Овн» по средам». И Сойбл облегченно вздохнул. У него нет луга...

ЭПИЛОГ

Таким образом, мы ответили на пять вопросов, на которые всегда надо отвечать: Что? Где? Когда? Как? Почему? Осталось ответить на последний не столь существенный, но тоже любопытный вопрос: «Что из этого вышло?»

Купив машинку, журналист Орсо Юлда немедленно скрылся из города, страстно желая немедленно напечатать первые страницы своего морального трактата.

Купив машинку, чеп Вольф сразу передумал дарить ее высокомерной Сабине, рассудив, что коль на носу его собственный день рождения, то логичнее сделать подарок имениннику. А сделав себе этот подарок, он великодушно простил Архелаю

его коварство и, позвонив на виллу по телефону, сказал Фризи:

— Привет, дорогуша. Имею честь пригласить вас ко мне на банкет по случаю моего появления на свет. Из подарков можете дарить что угодно, кроме той пишущей машинки, которая стоит у вас в кладовке, в мешке из-под картошки. Я себе такую уже купил. Привет Архелаю.

Послушав тихое молчание Фризии, злорадно потер руки. Архелай не отпирался. Он признался почти сразу. Фризи простила его, когда узнала, что деньги он взял у мамы.

— Отработаешь. Поедешь в Китай собирать рис. Там как раз нужны интеллигентные люди, — сказала Фризи кукольным голосом и посмотрела на Архелая такими тихими круглыми глазами, что Архелай, увидев себя в ее больших зрачках, подумал: уж так ли любит его Фризи, как говорят об этом друзья? И они стали собираться на банкет. Пришли вовремя. Фризи, зримо привязанная к алощекому Архелаю, и Архелай, незримо привязанный к Фризи и послушный ее круглому неподвижному взгляду, как птичка, послушная взгляду кошки, независимо сидящей на окне.

Банкет прошел замечательно. Все делали то, что обычно не имели обыкновения делать. Это называлось «расковываться». И все расковывались, совершенно как лошади, которым позволено скакать, подбрасывая к хвосту копыта, сверкая глазами и потно дымя боками. Архелаю нельзя было наедаться, и он наелся. Фризи надо было танцевать, но она не танцевала, жене Орсо нельзя было курить, но она курила. Имениннику Вольфу обязательно следовало оставаться трезвым, но он сразу напился. Женщине высокого роста нельзя было приходиться в белом с грудью навывпуск, но она пришла. Беаре Мюд не следовало обнажать спину с несколько раздраженной кожей, а она обнажила. Бендету Сойблу не следовало пить водку, однако он выпил... самогона, поверив, что это новый вид бальзама. Жене Сойбла, Юдифи, не надо было всматриваться в тарелки и общие вилки, тем более говорить об этом. Увы! Она говорила. Юному клерку

Майклу не следовало приводить сюда свою беременную жену, он все-таки привел. Беременной жене Майкла не хотелось идти, тем не менее она пришла. Сестру Вольфа Таччи никто не приглашал, представь — она явилась! Ей следовало остаться и присмотреть за братом, и она раньше всех ушла. Режиссеру Луку Янски следовало прийти трезвым — пришел сильно навеселе. Двум-трем актерам, бывшим на банкете, благоразумно было бы молчать, увидев в обществе бородатого, всклокоченного человека, в грязном пиджаке, они же без умолку болтали! Бородатому человеку следовало бы быть помоложе для всех тех глупостей, которые он осуществлял, он продолжал оставаться старым. Полузnamenитому художнику-портретисту, писавшему когда-то портрет именинника, можно было бы оставаться художником. Он же, схватив гитару, прокричал, что будет петь цыганские романсы, но спел какой-то уличный куплет. Наконец, Сабине логично было бы провести этот неожиданно освободившийся вечер в объятиях Азана Хариеса, скрипача и крелола, вместо этого она, отправив его на острова Зеленого Мыса, пришла поздравить чепа Вольфа с днем рождения и в спешке подарила ему чей-то, стоявший в прихожей, зонт.

И наконец, еще раз, чеп вел себя совершенно невообразимо. Он не провожал гостей и таким образом не знал, кто пришел, а кто просто еще раз входит. Кто вышел, а кто ушел совсем. Кроме того, чеп Вольф на всеобщее обозрение выставил маленькую беленькую, размером с небольшую книжечку, весом в три килограмма пишущую машинку. И гости ходили и щупали это приобретение Вольфа, передавая его из рук в руки, пока не наскучило. А когда наскучило, включили музыку, выключили свет и стали танцевать.

...Когда наутро чеп, мучаясь головной болью, все-таки уговорил себя, что должен подарить Сабине машинку, потому что, кажется, есть свидетели, что он давал это клятвенное обещание, и пополз к торшеру, чтобы еще раз посмотреть на свою машинку, прежде чем она станет ее машинкой —

МАШИНКИ НЕ ОКАЗАЛОСЬ!!

В ужасе чеп перевернул свой дом вверх дном. Потом подъехал к Сабине и впервые в жизни перевернул вверх дном ее дом. Потом поехал к Архелая и удостоверился, что в мешке с картошкой по-прежнему только одна машинка. Потом побежал к Орсо и долго объяснял его жене, что машинка б ы л а, но е е н е т у! Жена Орсо сказала, что подозревает всех, кроме себя. Это вдохновило Вольфа. Он побежал к Сойблу. Сойбл посоветовал ему обойти всех гостей, которых он помнит, а потом тех, которых не помнит. Спросил:

— Больше ничего не украли? — узнав, что ничего, сказал: — Ну и слава богу!

К вечеру совершенно обессиленный и несчастный чеп пришел к бородатому старому человеку в грязном пиджаке и решил задать ему вопрос. Бородач выслушал его с философским спокойствием и сказал:

— Кому она не надо, тот не возьмет. А кому надо — тот возьмет, конечно. Тем более что вещь очень не любит, когда она валяется на дороге. — и спросил: Ты везде искал?

— Везде, — уныло сказал чеп.

— Поищи там, где ты не искал, — сказал бородач. — Я по этому поводу хочу тебе напомнить слова Пифагора, я как раз вспомнил одну его хохмочку. Послушай: «Пифагор сказал как-то, обращаясь к пятнице: «Почаще вспоминай дела, которые делаешь в пьяном виде!»

— Ага, — сказал несчастный чеп и пошел домой. Дома он долго вспоминал, но ничего не вспомнил, кроме дыма, водки и слов. Слова дым и водка, это он знал точно. А вот где кончались слова и начинался дым, который переходил в водку, он точно вспомнить не мог. Он подозревал всех и всем завидовал. И таким образом всем льстил. Конечно, льстил, удивляясь находчивости того, кто так красиво увел у него пишущую машинку. Ведь зависть, как сказал Коллинз, — самая искренняя форма лести. И чеп Вольф пошел аналитическим путем. Кому он завидовал

в данную минуту больше всего, тот и виноват. Орсо? Но его не было в городе, а во-вторых — у него была машинка! И возмущенный чеп, удивляясь своей наивности, почувствовал, что вот теперь, наконец, он прозрел. Он возмущился хитрости Архелая. Немедленно позвонил ему на виллу и сказал четко и страстно:

— В последний раз спрашиваю, где машинка?

На что Архелай послал его очень далеко и одновременно близко. Чеп, опустив голову, пошел туда, куда его послали. Посмотрел и... точно! Она стояла там. Белая на белом. Нетто — три килограмма. Робко прислонившаяся к белому кафелю. Своя родная, карманная. Чеп Вольф завопил: «Эврика!» и побежал красить унитаз в черный цвет.

*

САПОЖНЫЕ МОДЫ (Сказка для взрослых)

Утром король примерял новое платье. То есть, говоря нормальным языком, костюм: пиджак, жилет, сорочку, брюки. Он остался доволен и подписал ведомость на оплату портным и сапожнику. Сапожник, правда, числился формально, потому что туфли король покупал в Европе, но ставка сапожника сокращена не была и на этой должности грелся один из племянников канцлера.

Казначей оплатил по ведомости: две трети — портным и одну треть — сапожнику. Портные возмутились и спросили:

— А за что сапожнику?

— Видите, — сказал казначей, — подпись короля в финансовом документе.

Портные были не из местных, жили в королевстве всего какой-то год и за головы свои не дрожали. Поэтому они вернулись в королевские апартаменты и, пока король поправлял галстук, изложили ему свои претензии.

— В самом деле, — сказал король, — сапожник ничего не делал. Это несправедливо.

— Так подпишите, чтобы ему не платили, а деньги вернули нам, — сказали портные.

— Зачем? — удивился король. — В государстве все равны, и вы сами можете добиться справедливости, если чувствуете, что правда на вашей стороне.

И король улыбнулся здоровыми молодыми зубами.

Портные пошли к казначею и уже более громкими голосами стали требовать, чтобы им заплатили все сполна, а фиктивному сапожнику не давали из казны ни монеты.

— А не заплатите, — пригрозили портные, — мы соберемся и уйдем из вашего королевства.

— Мы люди такой профессии, которая всюду нужна. С голоду не пропадем, устроимся, — это сказал тот портной, который был постарше, и выкатил на казначея серые, близорукие глаза.

Казначей вызвал сапожника и спросил его по-мирному, не уступит ли он свой аванс этим двум портным, которые сшили королю парадное платье?

— Еще чего, — сказал сапожник и показал принесенные журналы сапожных мод. — Я занимаюсь научной работой, веду картотеку обуви, пишу историю подметок.

Он разволновался, снимая и надевая на красивые узкие пальцы перстень с топазом. Топаз стал похож на молотый кофе, пересыпанный золотым порошком. Казначей даже залюбовался, хотя и был материально ответственным мужчиной.

— Давайте ведомость, — сказал сапожник и расписался. Получив деньги, он ушел, скрипя аргентинским сабо на черепаховой подошве.

После обеда казначей открыл окошечко и первое, что он увидел, были лица портных, которые хмуро на него глянули и спросили:

— Ну как наше дело?

— Расписался, получил, а ведомость я закрыл, — ответил казначей и впервые порадовался, что отгорожен от посетитель крепкой решеточкой и бронированной дверью.

— К кому надо идти? — спросил старший портной и пригладил вьющуюся шевелюру.

— Идите лучше домой, — сказал казначей, — и не ввязывайтесь в это дело. — Сапожник, — шепотом добавил он, — племянник нашего канцлера, так что ничего у вас не получится.

— Безобразие, — сказал худой, младший портной, и на его рыжем лице проступили веснушки. — Куда смотрит общественное мнение?

Казначей сделал лицо оскорбленное и одновременно извиняющееся, как если бы кто-то важный наступил ему на ногу. Портные плюнули и, размахивая руками, двинулись по коридору, а казначей еще некоторое время сидел и напряженно прислушивался. А потом, на всякий случай, захлопнул окошечко кассы.

Портные дождались следующего дня, потому что они всегда присутствовали при одевании короля и давали ему советы, а когда король отпустил камердинеров, старший портной поведал ему, что воз и ныне там, в смысле, что канцлер устраивает своих родственников и...

— Безобразие, — сказал король раздумчиво. — А может быть господин канцлер не знает, что у него племянник такой... фрукт? Сходите к канцлеру, ведь вы же правы, черт возьми!

И король подмигнул младшему портному и снова улыбнулся молодыми белыми зубами.

Пошли портные к канцлеру. Он выслушал их хмуро и вежливо. Сказал, что скоро правительство будет пересматривать штатное расписание и должность сапожника, как временная, будет упразднена.

— Портным же, — добавил канцлер, — напротив, прибавят жалование.

Услышав подобное, портные подобрели, сказав:

— Раз такое дело, черт с ним, пусть этот сапожник попользуется в последний раз.

И веселые пошли в свое ателье, решив на радостях

пропустить чарку-другую. До вечера они пели длинные хмельные песни и говорили, что все-таки король, что ни говори, — славный парень.

Через два дня канцлер вызвал их и так же хмуро, но вежливо зачитал подписанный королем строгий выговор за пьянку и халатное отношение к своим обязанностям. День им записали как прогул. Казначей сообщил им, что он не был оплачен, когда они встретились с ним, и зачем-то добавил: «Я же вас предупредал!»

Через пять дней в газетах было опубликовано новое штатное расписание, по которому сапожник назначался главным модельером королевского платья, а портные штатными сотрудниками его отдела без повышения в зарплате. Портные снова сели и выпили. На этот раз они не говорили, что король хороший парень. Напротив, они, когда покупали колбасу в лавке, сказали, что «король сопляк и дерьмо, вот только рожа у него гладкая. Мол, канцлер его подсиживает».

Утром портные проснулись и на работу не пошли, а сразу отпрашивались увольняться. Они явились к казначею и потребовали расчет. Казначей послал их к бывшему сапожнику, то есть теперь к главному модельеру. Сапожник-модельер, не глядя, подписал им увольнительные прошения и тут же позвонил канцлеру.

— Дядя, — сказал он, играя на столе арпеджио своими длинными пальцами, — к тебе придут сегодня эти конфликтные, да, из швейного цеха, так ты отметь там в личном деле их деловые качества.

Портные уволились и несколько дней сидели в кабаках, рассказывая собравшимся свою удивительную историю. Слушали портных сочувственно. Однако не высказывались, а только глубже погружали носы в пиво. Проели портные все деньги и снова пошли наниматься на работу. Однако перед их появлением с витрин ателье и магазинов срочно убрали таблички «Требуются портные» и поворачивали их другой стороной,

на которой было написано: «Закрыто». Казалось, никто в королевстве не хотел больше шить новых платьев, а все решили сначала до дыр износить старые.

В королевской газете «Золотая корона» появилось открытое письмо ассоциации портных королевства, в котором с гневом и возмущением писалось об отщепенцах, тунеядцах и хулителях, позорящих высокое звание простого королевского портного. Под письмом подписались все по алфавиту, кто когда-либо держал в руках иголку.

Младший портной расстроился и заплакал. Старший, который знал толк в общественной жизни, нехорошо выругался и пошел на аудиенцию к королю. Стражник остановил его и потребовал пропуск во дворец.

— У меня пропуска нет, — сказал портной.

— Тогда я не пропущу, — сказал стражник.

— Каждый имеет право пойти к своему королю, — сказал портной. — Ты что не слышал о гражданских свободах?

— Проваливай, — невозмутимо сказал стражник. — Нужен будешь, король тебя найдет.

И, действительно, король нашел. Уже утром стражник, стоявший накануне у ворот дворца, стоял у ворот домика, где жили двое портных. Он разбудил их громким стуком в дверь.

— Собирайтесь, и чтобы духу вашего не было, — сказал он и махнул рукой в сторону границы. — Иголки и нитки оставьте. Приказано, чтоб с собой ничего не брать.

Еще день назад портные возмутились бы, а теперь только открыли рты, как только стражник, возвысив голос, рявкнул:

— Приказ короля!

У границы портные еще раз оглянулись на стены королевства, но стен не увидели. Вокруг дворца бушевало людское море. Это было утро праздника, утро торжественной ежегодной процессии в честь короля. Они вспомнили, что ведь почти всю последнюю неделю газеты были полны сообщениями о подготовке к праздничному шествию. Сообщалось, что модельер-

сапожник взял обязательство перешить к этому дню лично все королевские платья, устранив в них недостатки и перегибы, допущенные незадачливыми портными. Остальные страницы были письмами возмущенных подмастерьев, которые пророчески говорили, что новое направление в швейном деле, открытое модельером-сапожником, очень и очень скоро заставит все соседние государства обратить взоры на их королевство.

Полосатый пограничный шлагбаум снова опустился и портные, засунув руки в пустые карманы, пошли по пыльной дороге навстречу своей новой судьбе. А ликование на дворцовой площади достигло предела. Речь канцлера сменилось речью казначея, а потом выступил модельер-сапожник, и, наконец, под всеобщее ликование, на площадь перед дворцом вышел сам король.

Он надел на уже начинающую лысеть голову, золотую королевскую корону, а в его руке был зажат королевский жезл – символ государственной власти. На ногах были деревянные марокканские штиблеты с золотыми шпорами, а японские плавки завершали ансамбль.

Солнышко светило вовсю! Качались пальмы. Дул горячий тропический ветер. Народ с завистью глядел на короля, которому одному на площади не было душно. Не было жарко. Король мудро учел погодные условия. И здоровье вливалось в его тело через свободно дышащие поры.

— Что естественно, то не безобразно, — говорили женщины, стараясь не очень есть глазами его величество.

— А ты заставила меня нацепить этот дурацкий галстук и носки, — роптали мужчины, потев под шляпами.

— Господи, — сказала жена, — ты всегда только о себе и думаешь, а ребенка совсем затоптали!

Муж подхватил сынишку на плечи, и ребенок, как желтая бабочка, появился над головами, совсем рядом с трибуной. Он зажмурился от ветерка и солнца, потом растопырил глаза и показал пухлым пальчиком на увитую цветами трибуну.

— А король голый! — С восторгом произнёс малыш.

Стоявший почти рядом дирижёр вздрогнул, быстро поднял руки и грянула весёлая музыка. Ошалевший от увиденного народ, бросая шапки вверх, громко закричал: «Ура-а-а-а!» А переведя дыхание, начал кричать: «Браа-а-а-а-во-о-о!»

*

СОБАЧИЙ ВАЛЬС

Тофик Генотошвили был маленький мальчик с прозрачными ушами. Шортики на его худой попке складывались, как крылья летучей мыши. Смуглые ножки и синие колени мелькали влетом, когда он бегал по двору за жирной кошкой тети Айшен – Мадонной. Мама неведомо как, но почувствовала, что Тофик музыкально одаренный ребенок. В гостях у дяди Зигера Тофик отказался от сушеного изюма в меду и убежал на террасу. Там мама и застала его: он ходил по роялю. Рояль тихо урчал, то высоко, то низко, октава за октавой. А Тофик, как муравей, перебирал ногами, сцепляя пятку с носком, потом поднимал ногу и прижимал к носку пятку. С тех пор мама таскала Тофика по музыкальным родственникам. Он пел заунывно и жалобно, поворачивая черными глазами туда-сюда. Родственники угощали Тофика шоколадкой и разрешали приходить заниматься, если он поступит в музыкальную школу.

Тут умные люди сказали маме Тофика, что главное – здоровый ребенок, а талантливые они все плохо кончат. Мама критически посмотрела на маленького, хлипкого Тофика. До школы оставался год, и мама решила отправить сына в деревню. Бабушка встретила Тофика жалобными причитаниями, как будто дни его были сочтены. Она всего его обцеловала, перекрестила и, сопровождая свои всхлипывания всяческими пожеланиями счастья и удач на голову Тофика, провела его в большой одноэтажный дом, где было одновременно и тесно от старой незатейливой мебели, и просторно от чистых окон, смотрящих прямо в сад. Мама пошла с бабушкой в летнюю кухню, старший сын

бабушки и мамин брат, который работал дома, потому что у него не было ноги и он ходил на деревянной пике, оставивший след круглого копыта, выглянул им навстречу и поднялся высокий и худой, широко раскинув руки и принимая маленькую и круглую маму. Но он ее не обнял, а только сжал крепкими ладонями ее голову и поцеловал в пробор. Тофика оставили одного.

Он сначала обошел двор, опасливо посмотрел на петуха, воинственно наклонившего голову, когда мальчик приблизился к нему. Мимо пробежала, деловито переваливаясь боками и мерно качая крохотной головой, индюшка. Тофик чуть не задохнулся от восхищения. Он попытался поймать индюшонка, бегущего следом, но тот ловко увернулся и пролез сквозь изгородь на ту сторону двора. Из-за двери кухни выбежала белая в рыжих рваных пятнах собака. Она была поджарая, с вислыми ушами и быстрым розовым языком. Собака остановилась возле Тофика и посмотрела на него, слегка наклонив морду рыжими, в крапинку, глазами. Тофик тоже наклонил голову и посмотрел в глаза собаке. Так они постояли несколько секунд, и вдруг собака упала набок, словно сдохла. Но тут же подняла голову и вильнула хвостом. Тофик понял и тоже бухнулся на теплую сухую траву. Положив под голову острый локоть, он снова посмотрел в рыжие глаза собаки и, хмелея от собственной смелости, протянул руку и погладил когтистые собачьи лапы. Собака доверчиво закрыла глаза. Тофик подвинулся ближе и погладил ее бок, то белый, то рыжий. И подумал – как хорошо у бабушки!

Через два дня маме надо было на работу, и она как-то утром уехала, даже не разбудив Тофика. Дни без мамы пролетали быстро, и сначала Тофик чувствовал грусть, но только перед сном, когда небо чернело и от травы тянуло сыростью. Но воспоминания, полные шорохов лета, звериного дыхания, птичьего писка и возни всего дня, который Тофик ощущал ступнями ног, когда ходил по деревенской траве, сливались с радостью жизни, когда засыпал.

А далеко в городе, думая о Тофике, засыпала его мама.

Она грустила и вспоминала, какой Тофик нежный и тихий. Она вздыхала и сожалела, что сердилась на него, что ей всегда было некогда выслушать его нехитрые вопросы, вникнуть в его события. Она издали видела Тофика лучше и сожалела, стерева между собой и им всю пыль суеты, усталости, спешки. Она засыпала и чувствовала, что где-то у нее есть сын и он ждет, когда она к нему приедет. И никому из них никогда не снился роуль...

*

СЦЕНИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ.

*...А вместо сердца – пламенный мотор!
(Народная примета)*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

*Будут представлены по мере
совершения ими действий.*

АКТ 1

Сцена первая

Темная прихожая в квартире Гановых. Мяукают кошки. Открывается дверь и вваливаются неизвестные. Их четверо. Мужчина в фамильном пальто с воротником из норки. Женщина в белой шубе, женщина в черной шубе и мужчина в ду-бленке. Поблескивают очки. Это гости.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. Кто здесь?

ВТОРОЙ ГОСТЬ. Нет, сам ты кто, сначала отвечай!

ЖЕНЩИНА В БЕЛОЙ ШУБЕ. Опять меня он раздевает. И по рукам я чувствую – не муж. (Первому гостю) Нет, сапоги и платье не снимай! Тут холодно и грязно.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОЙ ШУБЕ. Озябла я и на сердце тоска. И все как мышь притихли.

(Свет гаснет. Полный мрак и рев мотора. Женщины вопят, мяукают кошки, звонит телефон)

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ (*щелкает зажигалкой*). Я здесь и здесь она.
А это кто? Жена Попова?

ЖЕНЩИНА В БЕЛОЙ ШУБЕ. Ах, Вова, это ты!

ДОБРИКОВ. Да, в некотором роде.

ПОПОВА. А где мой муж, который гадит сыром? (*Гул мотора нарастает*)

КРАТУР. Уж ветер выгнул плечи парусов, а где Попов?

ПОПОВ (*глухо*). Я здесь. Я тут. Давно. Неоднократно.

Всех слушай. А беседуй редко с кем. (*Вспыхивает яркий свет. Становится светло и тихо. Добриков стоит с зажигалкой. Попов дует на нее*).

ПОПОВ. Живи богато, но без вычур.

Рядись, во что позволит кошелек,

Как я и как моя жена.

ДОБРИКОВ. С тобой я за руку здороваться не буду.

Я прост с людьми,

Но не запанибрата!

Хоть ты осанкой -

Вылитый король...

КРАТУР. Вылитый?

Куда?

ПОПОВА. И ты, Андрюша, иди за мной

И до мозолей рук не натирай

Пожатьями со всяким встречным.

(*Уходят в освещенную комнату. За женой Попов несет сумочку, Добриков – тапочки. В прихожей остается так никем и не раздетая, в шубе до пят поэтесса Кратур*)

КРАТУР: Считать все это игрой воображенья и не верить?

Давно ли предлагал свою любовь с учтивостью...

(*Садится на стул и снимает сапоги. Сидит босая в шубе.*)

Да, Добрикову верь в одном:

Что молод он и меньше в поведенье стеснен, чем я.

ДОБРИКОВ (*Появляется и бросается на колени*). Ты здесь кого-то ждешь?

КРАТУР. Я думаю, как шарф тебе связать, длинною в шесть или двенадцать метров!

ДОБРИКОВ (*огорченный уходит*)

КРАТУР: Пускай твоей беседой дорожат.

Не торопись на встречу.

Сцена вторая

На маленьком диване лежат вповалку предыдущие действующие лица. По ним ходят кошки. Невдалеке стоит стол с какой-то едой. Над головами гостей клубится дым, как над сонным вулканом. Входит Кратур с очень длинным вязаньем и садится на колени к Добрикову. Он продолжает беседовать с Поповым. Кратур вяжет.

ПОПОВ. Подробностей разгадки я не знаю. Но...

ДОБРИКОВ. Но, в общем, вероятно это знак

Грозящих государству потрясений.

ПОПОВА. Андрюша, расскажи Володе анекдот.

ПОПОВ. Спокойно, чехи. Кто-то там идет.

(Все прислушиваются. За окном шумит ветер)

КРАТУР (*недоуменно*). К чему такая строгость караула,

Стесняющая граждан по ночам?

(*Целует Добрикова в губы, продолжая вязать*)

ДОБРИКОВ (*Попову*). Чем вызвана нехватка колбасы, нехватка рыбы, водки и салата, соревнования, обязательства и толпы усердных в будни и в воскресный день? Что кроется за этою горячкой?

КРАТУР. Зачем мы здесь? Кто объяснит мне это? (*С чайником и заваркой входит Ганова*)

ГАНОВА. Олег Борисович справляет день рождения...

ПОПОВ. По крайней мере слух таков.

ГАНОВА (*расставляя чашки*). Когда женились мы, имелся договор, скрепленный с соблюденьем правил чести, что он – гуманитарий и навеки им останется... (*Глубоко вздыхает*) Вы слышите? (*Снова нарастая слышен подземный гул*)

КРАТУР. Одна ли тут игра воображенья,
Как ваше мнение?
ДОБРИКОВ. И в общем, вероятно, это знак,
Грозящих государству потрясений...
КРАТУР. Он – гений!
ПОПОВ (*прикладывая ухо к паркету*).
Добр, ты проникай в судьбу страны
И отвратить ее еще не поздно...
ПОПОВА (*становясь на колени, шепотом*).
Откройся мне!
Быть может, ты при жизни закопал
Сокровище, неправдой нажитое?
(*Шепотом Добрикову*) Держи его...
ДОБРИКОВ (*хватает Попова и выворачивает ему руки*)
ПОПОВ. Сказать, как долг любви и преданность внушают?
ДОБРИКОВ. Скажи!
ПОПОВ. Отпустишь, так скажу.
ДОБРИКОВ (*в растерянности*). Так бить или не бить?
ПОПОВА. О нем скорбеть я буду, себя не забывая (*вздыхает*)
ПОПОВ. В глубоких вздохах этих что-то есть,
Нельзя ли выразить их попонятней?
КРАТУР. Ужасно есть хочу!
Изюму, меду, гуся...
ДОБРИКОВ (*отодвинув Попова*). Но ты сегодня ела и снова хочешь есть?
КРАТУР (*неистово*). Хочу! Хочу! Хочу!
(*Добриков и Кратур уходят на кухню, как всегда выяснив отношения*)
ПОПОВА. Ушел куда-то с телом бедной жертвы.
ПОПОВ. Душа в тревоге и утрачена.
ПОПОВА (*целует мужа в лоб и разглаживая ему бороду*).
Сквозь бред в нем блещут искорки добра, как золота крупницы
в грубом камне.
(*Гул мотора. Ганова роняет поднос с чашками на пол*)

ПОПОВ (*Гановой*).
Да не сходи с ума, прогресс технический – волна.
К нему привязано простонародье.
Тут судят все на глаз, а не умом.
ГАНОВА. Я вижу только кару,
Но не знаю, за что она?
ПОПОВА. Сильную болезнь врачуют
Сильнодействующим средством. (*Выходит*)
ПОПОВ (*Вскакивая*). Я думаю, что так оно и есть...
Отец его, а ваш, простите, свекор,
Станок поставил. Завершил процесс.
Процесс установления мотора.
И вот он заработал и гудит!
На три тыщонки будет оборотов.
Как в аэропорту, сквозняк и гул. Я угадал?
ГАНОВА. Глядишь как в воду.
ПОПОВА. Так объяви же Ганову войну!
ГАНОВА. Станочек был и есть тех войн виновник.
Он как сучок в глазу души моей.
(*Входят Кратур с Добриковым*)
КРАТУР. Мой бывший муж ходил на зайцев.
И был он болен тьмой, как в светопреставленьи.
ДОБРИКОВ. Нет, это неспроста, что тут мотор гудит.
И что Попов пришел на День Рождения.
Что Кратур мужа вспомнила и что Попова
Хотела сокровище в паркете откопать,
Когда к нему Попов прикладывал
Свое пылающее ухо...
Такую же толпу дурных примет,
Как бы бегущих впереди события,
(*Падает на пол и слушает*)
И лучше бы дома стояли без жильцов,
Чем тут в домах жильцы невнятицу молили.
(*Входит Ганов*)

ГАНОВ. Ах вот вы где! Чего стоите? Идемте, покажу, как мой работает мотор. Как вертится, собака!

Сцена третья

(Те же вокруг станка и мотора)

ГАНОВ. Включаю... *(Включает станок. Он гудит)*

ДОБРИКОВ. Пусть облакам докладывает пушка,

И гул небес в ответ земным громам

Со звоном чаш смешается.

ПОПОВА. Когда мы ходим в баню?

КРАТУР. Я в пятницу пойду. Пойду в железку.

На плечи творогу куплю, на грудь – кефиру,

На живот – арбузной мякоти, а на лицо...

Нет лучше ничего яичницы в сметане!

ПОПОВА. Я ничего не знаю лучше трав, гормонов и

Купального халата, когда стоишь на голове

И делаешь шпагат, а муж кричит

Над листиком салата...

КРАТУР. Я тоже завела бы мужа, но вот детишки...

Они помеха для всего на свете.

ПОПОВА. Да, дети – вредная привычка.

Мы своего снесли в анатомичку.

ПОПОВ. За сто рублей...

ГАНОВА. Как? Вы продали ребенка?

ПОПОВ. У мамы он на молоке и хлебе!

ГАНОВА *(перекрестившись)*. Я о душе подумала и тебе.

ПОПОВ. Да-да, ты думай о душе. Моторчик будь здоров!

Протянет лет пятнадцать. Крути хоть целый день,

Не заржавеет стервь...

ГАНОВА. Близка к потере я рассудка...

ПОПОВ. Да не сходи с ума, я помогу. Угу?

ГАНОВА *(обращаясь ко всем)*. Пойдемте, что-нибудь съедим, что есть.

(Отходит в сторону. За ней – женщины и Добриков.)

ПОПОВ *(Ганову)*. Хочу тебе совет я дать...

ДОБРИКОВ *(Ганову)*. Держитесь в совещаньях с ним границ, дозволенных статьями...

ГАНОВ. Хорош станочек, а?

Я выточу на нем жене полдома безделушек,

Бутылочку, настольные приборчики для ручек,

Штук восемь карандашниц я задумал,

Одну осуществил...

Ты видел на столе стоит такой дедок?

ПОПОВ. Я видел. Но в супруге холодок ты этими безделками воздвигнешь.

Еще чуть-чуть и ты жены лишишься,

которая и мать твоих детей.

ГАНОВ. Я тебя не понимаю. Я подарил тебе один станок. Жена, не скрою, тут меня уговорила. Но этот подарить тебе я не могу!

Отец мне сделал личными руками. Он дорог мне.

ПОПОВ. Отец?

ГАНОВ. Станок. Отец. Мне дороги и тот, и этот! Я их люблю обоих.

ПОПОВ. И мотор...

ГАНОВ. Да, без мотора, ну, какой станок? Мотор. Его люблю я тоже.

ПОПОВ. А дети? А жена?

ГАНОВ. Ну тут любовь совсем другого сорта. Тут сравнивать нельзя.

ПОПОВ. Но надо выбирать.

Нельзя любить всех сразу, ты же знаешь,

Что женщины не согласятся быть любимыми

за чем-то и за кем-то

От случая, меж делом, на досуге, и в общем,

мимоходом, не всерьез.

ГАНОВ. Ну ты меня разжалобишь до слез.

Мне жаль их всех. И жаль тебя.

Станок, мотор, отца, жену, и деток.

ПОПОВ. Станок ты не жалея. Он – прошлых пятилеток.
Он без души
Металл...Железо...

ГАНОВ. А мотор?

ПОПОВ. Мотор ты мне отдашь. Станок отцу отправишь.
Жену в семью вернешь и
На ноги поставишь своих детей.
Веди свои «Акценты». Ну... Книгу
напиши, а мне верни мотор.
А хочешь – подари Седьмого Ноября.
Я подожду. Ты выноси идею, а через восемь месяцев
к тебе заеду я...

ГАНОВ. Какая ж ты свинья! В тебе святого места нету! А мой
отец? Отец...

ПОПОВ. Ну, Ганов, полно хмуриться без толку!
Взгляни на это дело дружелюбней.
До коих пор, потупивши глаза,
следы отца отыскивать в моторе?
Так создан мир: отец-технар, а ты гуманитарий.
Какой пример
Ты детям подаешь? Все книги в буки отнесут они.
И будут, как
Отец твой, технари! Ни этикета, ни философов, ни баб.
Максим – шофер;
А Игорь твой – прораб. А Ярослав, наверное,
наладчик, ремонтник-слесарь
В Минской водокачке! *(Решительно)*
Отдай мотор, не накликай беды!
Не сносишь головы и бороды.

ГАНОВ. Ты, кажется, пришел меня поздравить
с днем рожденья?
А не рождать мне новые мученья... *(Идут к столу)*

Сцена четвертая.

(Добриков и Кратур лежат в постели, не спят, размышляют.)

ДОБРИКОВ. Не заставляй меня просить напрасно. Останься
здесь, не ездь в город Брянск.

КРАТУР. О, тело! Если б ты само могло стать паром, в воздухе
росой растечься.

ДОБРИКОВ. Не надо было есть гуся и жрать пирог, и запивать
какавом.

КРАТУР. Я не могу отказывать себе во всем.
Я отказалась ехать в Брянск к
Курчавому поэту с беременной женой, который сам
беременный стихами.
Что, мне и есть теперь нельзя,
когда я отказалась от события, к которому
Влеклась, как будто голод рос от утоленья?!

ДОБРИКОВ. О, мерзость! Боже! Боже!
С какой же безраздельностью твоей
Дух заполонили грубые начала! О, женщины!
Вам имя – вероломство!
Еще не износились нитки в свитерах,
которые ты мне в любви вязала.
Еще ношу твои я голубые плавки,
что мне ты подарила, потому что
Тебе тесны они после закуски.

КРАТУР. Володя, я согласна считать твои слова игрой вообра-
женья... Силы небесные – исцелите его!

ДОБРИКОВ. О, конечно! Я очень горд, мстителен, самолюбив. И
в моем распоряжении больше гадостей, чем мыслей, чтобы эти
гадости обдумать... И времени, чтобы их исполнить. Какого дья-
вола люди вроде меня толкутся между небом и землей? Все мы
кругом обманщики. Пойду к маме. И буду до утра переписывать
свои старые стихи, которые еще так чисты и так прекрасны. Ка-
кой я был светлый гений, пока не встретился с тобой... *(Уходит)*

КРАТУР. Надо позвонить его мамаше и сказать, чтоб заперла его покрепче. Чтоб он разыгрывал дурака только с домашними. Господи! Зачем я только пила водку? И зачем я пошла замуж? Нет, шалишь. Довольно. Никаких свадеб. Кто уже в браке, пусть остаются в супружестве. Остальные пусть воздержатся. Господи! Кака-а-а-я икота! (Останавливается) Любовь? Он поглощен совсем не ею. Теперь над рифмами до самого утра он голову ломает. И дойдет до отупенья! Когда вернется после представления, скажу ему, чтобы вымыл пол. Ужасно наследили...

Сцена пятая.

(Попов и Попова лежат в постели, не спят, размышляют.)

ПОПОВ. Заклинаю тебя былой дружбой, любовью, единомыслием и другими, еще более убедительными доводами: без изворотов со мной.

ПОПОВА. В твоих глазах, мой дорогой, есть что-то, что твоя сдержанность бессильна затушевать.

ПОПОВ. А Добриков и Кратур сегодня не придут сюда?

ПОПОВА. Бог с тобой! Ты бредишь. Мы их обогнали по дороге.

ПОПОВ *(вскакивая)*. Ну вот, я знаю. Направляются сюда, чтоб предложить свои услуги. *(Звонит телефон. Попов снимает трубку)* Алло, я спал, я только что из ванны. Кто там меня тревожит, черт возьми?

ПОПОВА. Кто?

ПОПОВ. Да Добр резвится... *(Говорит в трубку)* Пойми ты, друг мой. Я тебе сочувствую. А Кратур – стерва, что выгнала тебя в такую ночь... Но если я тебе сейчас открою, то ты мне перепутаешь все карты. Я оч-ч-чень занят. Ясно? Будь здоров. *(Ложится в постель. Снова телефонный звонок. Попова берет трубку)*

ПОПОВА. Нет, не был, не звонил. Не знаю... Не хотела б. Нет. Не могу. Никак. Одна. И буду до утра. Андрюши нет. Наташа дорогая, тебе всегда открыта дверь, но не сейчас. Ты понимаешь? Да, да. Ты сегодня мои не нарушай порядки. У нас, увы, другие

планы. Заходи. До завтра, дорогая. *(Ложится в постель)*

ПОПОВ. Что там у них? Опять поссорились?

ПОПОВА. Не знаю. Я слушала не очень хорошо.

ПОПОВ. А что же значат твои слова – «Ты понимаешь, да?»

ПОПОВА. Мужчины меня не занимают.

ПОПОВ. И, следовательно, я ...

ПОПОВА *(зевая)*. Догадываться вместе – глупее нет игры.

ПОПОВ. Моя догадка предупреждает вашу откровенность. И ваша верность не полиняет ни перышком.

ПОПОВА. Как благородно рассуждает! Спокойно ночи. Дорогой Андрей.

ПОПОВ. Да, черт возьми, спокойной ночи. Как женщины рассудочны теперь. Я думаю, их к этому принудили последние нововведения.

Сцена шестая

(Ганов и Ганова лежат в постели. Не спят. Размышляют.)

ГАНОВ. Я хотел бы, чтобы это не было скрыто от вас. Хотя и в таком случае, я ничего не выиграл.

ГАНОВА. Я потерплю, раз все идет к развязке.

ГАНОВ. Мне кажется, когда-то мы дружили. А впрочем, что ж на свете нет чудес: как волка ни корми, он смотрит в лес.

ГАНОВА. Где чувство в силе – страшно пустяка. Где много любят – малость велика: уже к концу подходит сил моих запас. В последний раз я спрашиваю вас – семья или мотор? Я жду вам приговор.

ГАНОВ. Я объясню тебе устройство мотора в станке. И ты его полюбишь. Я покажу тебе резцы и ручку, коробку скоростей... и бабку.

ГАНОВА. Стара я для страстей. Не стыдитесь только показывать. И без стыда объяснять, что это значит.

ГАНОВ. Вы злюка, вы злюка! Я не буду смотреть вашу пьесу!

ГАНОВА. Отчаянье, заволокло мой взор.

Будь проклят ваш наследственный мотор!

Недобрый вихрь, разве в небытии мои надежды
и мечты мои.

ГАНОВ. Ах, не вопи! А лучше выпиши власть. И да минует
жизни нас напасть. *(Засыпает)*

Сцена седьмая

(Появляется тень отца Ганова)

ОТЕЦ. Что ты задумала? Опять отдать станок?

ГАНОВА. Как? Вы приехали? А где же телеграмма?

ГАНОВ. Отец, ты здесь? А где же мама?

ОТЕЦ. Я не приехал. Я явился. По облакам. Во сне. Приснился.

ГАНОВА: Не приближайтесь, я боюсь!

ГАНОВ. Вы снитесь или я вам снюсь?

ОТЕЦ. Когда-то я считал хороший почерк пошлою чертой. Но
он мне пригодился, я написал, что отдаю станок. И так красиво
начертил его устройство. Ах, мне и в этом небо помогло!

ГАНОВА. Для вас я очень выгодный соперник. Со мною рядом
ваше мастерство тем явственней заблещет.

ГАНОВ. Не в добрый час мне выпадает счастье.

ОТЕЦ. Где мой станок? Лежит в кладовой, стынет прах.

Вот сколько жертв из стали она нагромоздила.

(Показывает на Ганову)

Она свела и первый.

И второй мечтает одолеть.

Не верь ей, сын, она гуманитарий.

ГАНОВА. Я предчувствовала, что дело не обойдется без пояс-
нений. Он не в себе. А ты, мой муж? Я знать хочу, на что бы ты
решился, когда бы я разобрала станок и вынесла в ведре иль от-
дала Попову?

ГАНОВ. О, змея!

ГАНОВА. Рыдал бы? Дрался? Голодал? Пил уксус? Крокодилов
ел? Ты думал глоткой взять? Могу и я!

ГАНОВ *(отцу)*. Не обращайтесь на нее вниманья. Когда пройдет
припадок, она опять придет в себя и станет тиха, как голубь.

ОТЕЦ. Увижу у станка, так глотку перерву.

Теперь пора ночного колдовства.

Скрипят гроба, и дышит ад заразой.

Сейчас я мог бы пить живую кровь и на дела способен,
от которых я утром отшатнусь.

ГАНОВА. Приятно видеть и похвально, муж мой, как отдаешь
ты горький долг отцу. Но твой отец и сам отца утратил, и так
же тот. На некоторый срок обязанность – натешится подарком.
Но утверждаться в хобби с закоренелым рвением нечестиво.
Мужчины недостойна эта блажь. И обличает недостаток дел
слепое сердце, пустоту души и грубый ум без должного разви-
тия.

(Отец со стоном исчезает)

*Супруги Гановы просыпаются. Включают свет и со страхом
смотрят друг на друга.*

ГАНОВЫ *(хором)*. Ушел! Мы раздражаем его своими спорами.
Своим открытым проявлением насилия.

ГАНОВА. И с ним бороться глупо и бесцельно.

ГАНОВ. Я получил по почте сообщение, он выслал нам пристав-
ку для станка. Теперь смогу точить я своды для нашего моста
на площади Свободы. Пойду запру станок, чтоб кошки не топ-
тали его своими лапами. Не поцарапали ногтями.

ГАНОВА. Побежал, нововылупленный, со скорлупкой на го-
ловке.

ГАНОВ. Что ты сказала?

ГАНОВА. Строчку пьесы.

ГАНОВ. Так напиши там, что уже к о н е ц.

Глава пятая

Настроения мгновений...

*...Здесь настроения мгновений
Запечатлелись навсегда...*

...Однажды мы повздорили с Татьяной даже не помню по какому поводу. Как обычно было между нами, разошлись по комнатам «остывать». Я открыл ящик своего стола и вытащил оттуда папку с письмами, которые там хранились. Таня давно просила меня посмотреть какие стоят того, чтобы быть упомянутыми в книге, над которой она тогда иногда работала. Я не был настроен перебирать нашу переписку и папку вытащил сугубо машинально, подчиняясь логике давней просьбы жены. Кстати, часто подсознательно мы делаем именно то, чем следует заняться немедленно, чтобы повлиять на своё настроение или возникшую ситуацию. Поняв это, я, как говорится «усмехнулся себе в усы» и начал читать стопку писем. Был воскресный день. Дети играли на дворе, их голоса изредка долетали до пятого этажа нашей квартиры. Неожиданно для себя я просидел над письмами что-то около часа. Скрипнула дверь. Ничего не слыша, я сидел за своим столом. Почувствовав прикосновение руки жены к моему плечу, я непроизводно вздрогнул. Именно в этот момент я читал письмо жены ко мне в Краснодар, в котором она неведомо почему и по какому поводу писала о Чукотке

и океане, который гладил берега, никогда не виданной ею северной земли. Почувяв её дыхание над моим ухом, я повернулся к ней и сказал слова, которые вывел сейчас в заголовке этой главы. От недавней бытовой распри между нами не осталось и следа. То, что письма и в самом деле есть «настроения мгновений» теперь сомневаться не приходится. И всё же слова Гёте: «*Письма сохраняют, чтобы никогда их больше не перечитывать. В конце концов их уничтожают из осторожности, и так безвозвратно исчезает самое непосредственное дыхание жизни для нас и для других.*» стали для меня предупреждением в момент, когда, спустя сорок лет, я пересматривал архивы умершей жены. Теперь, я хочу показать «настроения мгновений», которые «запечатлелись навсегда», храня «дыхание жизни» уже ушедшей, но незабываемой личности...Здесь не будет отчётливой хронологии писем. Они рождались спонтанно и так же спонтанно я их буду публиковать. Главное в них – то настроение, с которым они писались. Мгновения, по поводу которых рождались эти настроения, растворены между строчками писем. Они переживались и осмысливались живым человеком.

Таня — Олегу

Здравствуй, Алька!

Ну вот, можно считать, еще один день закончился. Сейчас полдесятого вечера. Мальчишки спят. В квартире тишина. Раньше мне хотелось, чтобы наступила, наконец, тишина. А сейчас — очень уж тихо. И ты не ворчишь. И телевизор, как назло, заглох. По радио — сплошные оперные арии. Постигаю истину — в труде спасение. Сейчас для разминки пишу тебе, а потом — за свои научные изыскания.

Целый день «висю» у матери над душой: звоню, проверяю Алькин режим. Раз уж решили «дать мне облегчение», доверить бабушке с дедушкой старшего, а мне опекать вместе с детсадовским персоналом только Игоря и Ярика, буду держать «ухо остро»! Так оно и есть: ни черта (pardon!)

родители не придерживаются режима. Вот сейчас звонила, говорю: «Уже 5 минут десятого. Альке пора спать». Мать мне отвечает: «Он с дедом на балконе. Сидят, разговаривают. Минут через пятнадцать уложу». Тоже мне — совет долгожителей, буддийские монахи, уединились для постижения мудрости...

Я оторвала в календаре все листики до 9 сентября и сложила их отдельной стопочкой. Дни, которые прошли, — справа, а которые еще остались, — слева. Сейчас правая пачка — тоненькая, а левая — толстая. Она толстая, но незаметно подтаивает и скоро станет тонюсенькой... Но до этого еще целая неделя в августе и неделя — в сентябре. Всего две недели. Ты только не считай меня бессовестной: я скучаю совершенно без всяких тайных призывов. Просто неудачно так — в этом году мы не видели Ильку, а Илька — нас. Так что ты расскажи ему про братанчиков побольше и посмешнее и постарайся нацелкать множество Илюшек — чтобы Алька до следующего года этими фотографиями держался. Да, слушай, писем от тебя нет и нет. А я очень хотела, чтобы ты рассказал, как тебя встретили Илька, Лена, Анна Наумовна. Как они устроились на новой квартире, что там за друзья во дворе — в общем, все твои первые впечатления. Я почему прошу, ведь ты подробно не расскажешь. А если будешь писать, то и расскажешь, и сам потом перечитаешь.

Я знаю, что ты ужасно всем озабочен, устаешь, но хотя бы страничку вечером нацарапай — я буду ждать сама, а об Ильке буду читать малышам: они тебя каждый вечер вспоминают. Алька твердо знает, что ты уехал к Илюше, а значит, ты недалеко, почти дома. Он только спросил, когда ты приедешь. Я сказала: «Через три недели». Он поинтересовался: «Это долго?» Я говорю: «Долго, но не очень». Он немножко скис, но на этом успокоился.

Игореша вечером, около семи, подходит к двери, задирает мордашку и поет: «Па-па! Па-па!...» Ведут они себя отлично.

Игореша – веселый, мы с ним играем, «дружим». Только услышит музыку, сразу просится на руки: танцуй с ним! Сегодня, пока играли польку, он так кружился, что сел на попку и моет головой, как лошаденка.

Мама купила им три трикотажных свитерочка. Один небесно-голубой (это принцессе Алюне), два – цвета опавших листьев (светлая ржавчина). Вот в «ржавых» мы и ходим гулять. В этом свитере Игорь «загорается» – щеки розовые, реснички и брови золотые, а голова чуть ли не рыжая! Алюня остается пепельным блондином, только глаза становятся синие, на лбу и под носом появляется «интересная бледность».

Кстати, Алька, ключи твои я так и не нашла. Завтра перетрясу шкафы. Может быть, там? Постарайся вспомнить – не потерял ли ты их? Илюшке от нас приветы и поцелуи. Какой он стал, напиши! Что в нем нового появилось? А что исчезло? Лене и А.Н., к слову и при случае, тоже приветы от меня.

...Сегодня видела сон из периода оккупации Италии. Карabinieri, зенитки, прожекторы, залив, южная ночь и чистая итальянская речь, чуть глуховатая и шепотом! Может, на этот раз скажешь, что, если меня загипнотизировать, я заговорю по-итальянски? Оказывается, не надо меня гипнотизировать! Мне достаточно просто задремать, и я уже... Gracia, итальянка. Сегодня думала о цыганских танцах. Что особенного? А знаешь что? Цыгане – единственный народ, который в танцах не изображает: ни трудовой процесс (сбор урожая и пр.), ни животных (павлины, слоны и т.п.), ни сценки из таборной жизни. Ничего. Танец у них всегда – выражение любви, и только! А знаешь, это здорово! Наверное, только танцем любовь и выразишь. Как-то ты мне рассказывал о цыганском таборе и цыганских танцах...

Есть еще японская пословица: «Женщина, которая не умеет танцевать, не умеет любить». Ах, Юрганов, хватит

болтать о любви. О ней не говори – о ней все сказано, как в той песне.

Хотелось бы не очень под старость написать о тебе большую, красивую, романтическую книгу. Да ты ведь зазнаешься и пропадешь от гордости. Верно? Это я тебя на «мушку беру». Чувствуешь? Целую крепко в светлую головушку. Не зазнавайся, Юргаша. Пиши мне хотя бы на почтовых открыточках.

Я скучаю, но еще не очень. Вот когда совершенно заскучаю, ты уже приедешь. Так что грустить вроде и ни к чему. Пожалуйста, не ходи поздно по улицам. И один. Будь умницей. Спокойной тебе ночи, мой хороший.

Твой кораблик.

Таня — Олегу

Ясноликий!

Трепетно пишет тебе стриженная Мать Детей Твоих. Напрасно я думала, что нервы мои крепки, а фантазия от Бога – убога. Увы и ах! Нервы мои тоньше той самой тонкой паутинной пряжи, которую плетет в кладовке наш искусный домашний паук Том. А фантазия моя ярче перьев. Ничто не может сравниться с этим теплом и тем настроением, которое ты подарил мне. Разве что тепло янтарного и тепло-го кубинского рома, когда его подносишь к губам в серебряном наперстке...

Ночь я спала спокойно, и мягкий лунный свет, пробиваясь сквозь фантастические цветы и заросли на легких шторах, капризно набросил сеть на мое усталое тело, утонувшее в белоснежном облаке подушки, согретое ворсистыми лапками верблюжьего одеяла.

И знаешь, что мне снилось? Удивительно, но мне снилась... Чукотка. Она была вся в розовом снегу и лежала, переливаясь, как огромная перламутровая раковина. Снег на берегу шуршал. Глубинно-синее тихое море подкатывало к снегу и, шипя,

входило в него. И опять, как будто его кто-то оттаскивал, отползло. Но это ты увидишь, когда приедешь на Чукотку. А я видела еще и то, что ты никак не увидишь, потому что было это во сне. Море это и ясное зимнее небо были необычны. И знаешь почему? Потому что в них не было холода. В них была только ясность, было скучное солнце, был прохладный воздух, а на кончиках волн — это самое главное — вместо белой пены легко плыл белый снег. Не лед, а снег! И это, снежное, шуршало, волны терлись друг о друга, сквозь снег проглядывала глубина. Все было северным — даже розовое тугое солнце. Только не было холода, была только свежесть.

И тут я увидела у самой воды высокую длинноногую девочку. В нежно-розовом свете ее смуглые ноги казались темно-золотистыми. Фигурку ее облегал пушистый, белее снега, маленький купальник, а за плечами билась под ветерком тоже пушистая, короткая, искристо-розовая мантия. Смуглое ее лицо разгорелось, под сведенными бровями блестели агатовые горячие глаза, а черные косы были хитро уложены на легкой головке, и какой-то снежный, пушистый, холодный цветок венчал все это.

И вот эта девочка обернулась к морю и, ступая по снегу смуглыми ногами, дотрагиваясь до хрустящего льда розовыми пятками, вошла в воду, начала купаться в снежных волнах, а затем выбежала, такая же яркая, свежая и горячая. И всех, кто пугливо стоял на берегу, начала манить рукой. Ужасно хочется пойти за ней в это торжественное, праздничное, зимнее море.

...Вот такие я вижу сны, а тут вдруг орет Огонечек и я несу его пописать. Потом он не успокаивается, закатывает ор, и я кладу его к себе. Он обнимает меня за шею, и мы с ним засыпаем. Он сопит, а я чувствую на губах запах и пух его головки. Так мы беспробудно качаемся в гамаке Морфея до полдевятого. А в полдевятого Ярик, возмущенный своим мокрым одиночеством, возвращает нас в реальность. Реальность

хмуро-солнечная. Дождь собирается, да вот никак не соберется...

Целую тебя, Таня.

Таня — Олегу

Мой дорогой и прекрасный Олег!

Сегодня я неожиданно получила от тебя в подарок бандероль с замечательным платьем. Оно действительно мне идет и очень милое. Спасибо тебе за то, что ты представляешь меня загорающей и отдыхающей. Во всяком случае, в этом платье у меня действительно вид южной шпаны, сбегавшей из-под маминог строгого глаза. Цвет мне очень идет, карманчики тоже веселые.

Мне радостно осознавать, прелесть моя, что ты хранишь обо мне такие славные воспоминания. Надев это платье, я действительно представила себя миниатюрной булочкой с пышными формами и блестящими коленками. Но, увы! в действительности я несколько меньше в объеме и значительно выше ростом. Поэтому, мой дорогой, я сохраню это платье как кусочек Краснодарского солнца, которое ты прислал мне в подарок. А также буду при вечернем свете надевать его и таким образом воображать себя продвинутой к тому идеалу, для которого оно было тобой куплено.

О научных делах. Полностью переделала статью о методике и шкале жанров. Напечатала 13 страниц одного только обоснования. Можно и шире, но это я сделаю в диссертации, а это вариант для статьи. Все идет хорошо. Ох, не взглядишь бы! Методикой газеты, композицией газетных жанров и вообще многим никто не занимался. Это признание было написано в «Вестнике МГУ» за 1977 год!!! Работать очень интересно и совсем не утомительно. Устают только глаза. И очень не хватает времени.

Обратила внимание, что исследования по жанрам сплошь и рядом описательные, а не аналитические. Все прекрасно

усвоили программу предмета «Русский язык» и упражняются. Есть интересные работы, но это в основном статьи и брошюры, разбросанные и фрагментарные. В общем, представление я имею. Сейчас пробегаю теорию жанров по диагонали, чтобы проверить свою интуицию. Да, иду интуитивно-логическим путем. Он в такой ситуации самый верный. Одновременно штудирую «Словарь лингвистических терминов» и «Литературоведческий словарь». Это важно, потому что моя работа — на стыке. Надо набраться терминов, чтобы быть во всеоружии. Работы УЖАСНО МНОГО. Воистину, пока не начнешь работать, реальный объем представить невозможно. Но — буду делать. Глава диссертации — это же только 30 страниц, я успею больше, конечно. Но когда дойду до примеров, дело пойдет медленнее. Тут уж я ни при чем! Вообще-то работаю.

С 1 августа буду в отпуске. Значит, дней десять чистых до вашего приезда у меня будет. К тому времени я, возможно, буду писать уже прямо на машинку по порядку. У нас стоит жара: плюс тридцать! Балкон открыт настежь. По квартире гуляет легкий ветерок, кругом чисто, потому что с утра я затеяла уборку, и вот сейчас, в начале первого, все закончила и до пяти просижу в библиотеке. Воды горячей у нас нет, поэтому после библиотеки поползу к матери мыться. Оттуда, часиков в десять, приду домой, в чистые и пустынные апартаменты.

Как вы там? Алюня почему-то мне ничего не пишет, чай, грамотный уже! Не болеет ли? Его последнее письмо вдохновляет меня на подвиги, особенно когда сижу в библиотеке. Ваши фото стоят по всей квартире, и я на них поглядываю, правда, только поздно вечером, потому что раньше дома не появляюсь. Целую всех мальчишек: Ильку, Альку, Огня, Ярусю. Ильке еще и персонально жму лапу.

Пишите мне. У вас же есть время. И вообще, драгоценный супруг мой, необыкновенное создание природы, я взяла

для тебя из нашей библиотеки афоризмы (кажется, Лихтенберга). Там есть много чудесных мыслей, но ни одна из них не греет так мое сердце, как те лучики и улыбки, которые я нахожу в твоих торопливых почтовых посланиях.

У меня иногда возникает ощущение, что я, как ребенок, жду от тебя чудес...

Всем поклоны и приветы. Всех целую. А тебя еще и обнимаю нежно.

Между делами сочинила для деток песенку.

Четыре капитана
Вставали утром рано,
Чтоб отдохнуть у бабушки и отдохнуть у дедушки,
Стоять на травке мокрой,
Смотреть в цветные стекла.

Четыре капитана
Достали из кармана
И спрятали от бабушки, и спрятали от дедушки
Четыре вкусных жвачки
На случай — качки.

Четыре капитана
Служили без обмана
И помогали бабушке, и помогали дедушке,
Не плакали, не дрались,
А в море отправлялись.

Четыре капитана
В четыре океана
От бабушки уплыли, от дедушки уплыли
В ладошках тишины
В цветные сны.

Здоров ли Игореша, а то я его видела во сне голеньким...

Целую. Мама.

Таня — Олегу

Здравствуйте, Яринька и папа!

Получили ваше письмо. Читали-перечитывали несколько раз... В деревне наши дети всем понравились. Кавказцы щелкали языками и говорили: «Хорошие дети, красивые дети». Все, как сговорились, удивлялись цвету волос: «Абхазцы или русские?» Бабушка говорила: «И те, и другие». Они кивали: «Глаза светлые, в нашу породу». Я молчала. Что возражать, когда кругом глаза светлые. Нашлись очевидцы, которые говорили, что у меня тоже раньше были светлые волосы. Игорь речек «взял» глазками, Алик — своей независимостью...

Дети не отходят от дворового пса Рекса. Он большой и добродушный, его берут на охоту перепелов гонять. Так вот, дети наши в этого Рекса просто влюбились. Цельми днями они лежат с ним в обнимку, таскают для него кости и мамалыгу, гладят его, смотрят ему в глаза, и он тоже ходит за ними по пятам. Когда мы засобирались поехать на полдня в гости к родне, Рекс выл и скреб лапами. Думал, что дети уезжают насовсем. Дети называют Рекса — Кексом, так им понятней. Игорь поймал курицу, приволок тете Анюте на кухню и сказал: «Сжарь Кексу курицу!» На веранде сидит сорокопудка, это птичка-приманка для ястреба. Глаза у нее заклеены, она привязана за ножку. Алька стоял под ней в задумчивости, а она вдруг какнула ему на темечко! Он побежал мыть свою светлую макушку, а мы ползали от смеха. Бедная птица от нашего хохота оступилась и, как канатоходец на страховке, повисла вниз головой на ниточке. Еле ее усадили на место, потому что она отчаянно клюется.

Дети заработали кучу денег, потому что здесь принято, если ты впервые видишь ребенка, давать ему деньги. Так что и Ярик в этом смысле принес бы нам «доход».

Хочу приехать в Минск за два-три дня до окончания отпуска, сходить в кино, акклиматизироваться. Вообще-то здесь скучно. Ску-у-чно-о-о! Книгу твою читает вся род-

ня. «Бабиня» сначала прочла книгу в одиночестве, про себя, а теперь перечитывает вслух «избранные места». Диана, моя сестричка, взяла с меня слово, что я ей буду пересылать все твои новые книги. Что и говорить, писателей здесь пока не было. Одна из наших родственниц, которую мы все зовем ласково Киса, называет твою книгу энциклопедией. «Как умно, как тонко, — говорит, — всякому человеку, и молодому и старому, есть что для себя взять и чему поучиться!»

Времени много, читаю и я. После Фейхтвангера прочла том новелл Андре Моруа. Потом современный роман о супругах «Путь к сердцу» (Чушь!), Д. Гранина «Искатели» (Схема!). Сейчас читаю Тура Хейердала «В поисках рая» и «Аку-Аку» о его раннем путешествии на остров Пасхи. Это — интересно.

Молодой Хейердал похож на нашего Андрея С. — такой же гуманист и оптимист... Дети придумали новое слово. Алик ссорится с Игорем, и я говорю: «Вы девчонки или мальчишки?». Алик отвечает: «Нет!» Я спрашиваю: «Как так нет?» Слышу в ответ: «Мы не девчонки и не мальчишки!» «А кто же вы?» Слышу ошеломляющий ответ: «Мы — некты!» (вообрази: от слова «никто» сделали «некты». Я — никто, ты никто, а оба мы — некты).

Сегодня 25-е, у тебя передача. Дети жалеют, что они не в Минске. TV у нас нет, а там, где есть, принимают только Москву. В кино здесь не ходим. Читаем абхазские и грузинские сказки. В деревне я наткнулась на книжку «Огненный бог Маранов» Волкова (из серии «Волшебник Изумрудного города»). Уволокла эту книжку без зазрения совести, и сейчас мы ее читаем. Вообще, за это время мы научились долго и терпеливо слушать. Алику можно читать часами, а Игорь больше 30–40 минут не выдерживает... Устает.

Алька уже быстро читает и сам. Сегодня рассматривал карту и как заорет: «Мама! Азербайджанское море!» Я спрашиваю: «Где это?», а сама думаю: ай да азербайджанцы! А на карте написано: «Оз. Боджан». Он прочитал: «Озевод-

жан», ну и решил: Азербайджан. А уж если написано по голубому – значит, море!

Дети загорели. Алик поправился. У него теперь здоровый вид. Вечерами ходим на пристань смотреть огни пароходов. Алик читает названия. Игорюня выгорел, Алик – тоже. Загар ровный, но не черный, потому что не хотим их «жарить», ходим на море с самого утра. Один день загораем, другой – делаем перерыв.

Теперь о тебе: что значит «не работаю...», «не могу мобилизоваться...» Не болеешь? Напиши еще одно письмо, подробное: как тебе понравились фотографии детей, как у тебя с деньгами? Что с книжкой о настроении?...

Целую.Таня.

Таня — Олегу

Доброе утро, Олежек!

Целую всех, приветы родителям и Саше.

Только что отправил тебе встревоженное письмо, ведь как вы долго не писали. А когда вернулась, обнаружила в ящике извещение на заказной пакет от тебя из Краснодара. Конечно, сразу же побежала на почту... В твоём письме есть прекрасные страницы, и я понимаю, почему все же хорошо публиковать письма (хотя раньше это осуждала), причем, что меня особенно поразило, так это то, что ты, как и в прежние времена, умеешь и хочешь писать мне обо всем, что внутри тебя «кипит». К сожалению, это сегодня очень большая редкость. Люди разучились писать письма. Мужчина предпочитает посидеть за бутылкой чего покрепче, чем написать письмо. Конечно, ты прав, словам сейчас не верят, поэтому испытывают отворачивание к ним, как к «словесам». Но, с другой стороны, наша литература, искусство, драматургия, кино годами пытаются что-то сказать о современнике, а сказать могут крайне редко, и всегда это или случайные, или странные «попадания в точку».

Далее. Ходила вчера в театр. Смотрела «Восемь любящих женщин». Актеры переигрывают, впервые хотелось уйти после первого действия. Но из-за Люды и Галки сидела. Юмор, который переходит в сатиру, а затем в истерику – вещь неприятная...

Еще была в кино. Смотрела расхваленный фильм «Вернемся осенью». Справа сидели алкоголики, слева – пенсионеры. И тех и других нельзя было тревожить. А фильм – ужас! То есть, как ты говоришь, «...16 тысяч за сценарий». Такие сценарии пишутся в клозете! «Экипаж» не смотрела, хотя идет совсем рядом, в «Мире». Не хочу. Не доверяю нашему кино. А ходить на «грандиозный пожар» – жаль времени. ...Завтра выхожу на работу. От этого заранее тошно. Нет, не от работы, а оттого, что снова попаду в институтское, кафедральное болото: «Где, кто, с кем, о ком...»

К Ирине – страшная антипатия. Это человек, который хорош, когда ему надо! И, откровенно говоря, я презираю интеллектуально бесплодных людей: за нее тему выбирают, за нее план делают, за нее решают, а она – кивает!

Конечно, занимаясь самоанализом, я думаю, что во мне говорит зависть: она – преподаватель, а я – нет. Но в данном случае если и зависть, то только к месту преподавателя. Не хочу ходить в лаборантах. И знаешь почему? Потому что лаборант обязан, как мебель, присутствовать при всех заумных беседах. А это тошно! Только поэтому. Печатание документов и обращение «Танечка» меня совсем не раздражает.

Как жаль, что ты приедешь только 15! Это же целый месяц! Но... Надо так надо!

Кстати, 18-го у Людды Т. день рождения, она пригласила нас на всякие вкусные вещи. Хорошая она баба, очень даже прозорливая, без распространенных предрассудков и даже со своеобразным умом. Но до чего же однообразна! Прямо какой-то телеграф без точек и запятых.

Была в гостях у Бори К. Зашла на полчаса, на чаек,

а просидела до 12-ти. Поговорили по известной тебе программе. У К. действительно очки: одно стекло розовое – на запад, а одно серое – на восток. Б-о-ольшой дефект зрения. Надеюсь, от глупостей его уберегут не убеждения, а хотя бы покупка машины и такой-сякой покой, отлаженный быт и, может быть, представь себе, даже его своеобразная ирония.

Что до его «половины», то она, по-моему, может жить везде. Ее не томит, не греет и не беспокоит. Она только учитель игры на арфе и лозунг: «Почему я не могу этого сделать за свои же деньги?»

Конечно, это яхватила через край. Я прекрасно знаю, как все у них непросто. Но вдобавок к этому «непросто» они лишены оптимизма и добродушия, которое является проявлением доброты (как у Темкиных, например).

Ну, все. Пиши.

Целую. Таня.

Таня — Олегу

Здравствуй, Олежка!

Получила твое письмо, в котором ты пишешь, что приедешь в понедельник. Ничего я не сержусь – очень интересно сердиться на дорогую мне жизнь и пр. Сколько привезешь денег – столько и отдадим. Не хватает – перезаймем и отдадим. Ничего. Ты об этом не думай. Лучшие почитай о наших новостях. Игорь и Алик теперь ходят в школу вместе. С этой недели у обоих вторая смена, и уходят они в 12.50. Я бегу на работу, выхожу с ними, работаю с 13.00 до 18.00. Потом – домой. Они уже дома или приходят сразу после меня. По утрам я дома. Уроки делаем вечером, потому что по утрам они отдыхают, бегают во дворе, смотрят фильмы, ходят в музыкальную школу. Туда Алика и Игоря взяли в подготовительный класс, правда, позже Игоря взяли в первый, потому что попалась хорошая учительница, сказала: «Пусть он у меня посидит два года в первом, если не справится. А справится

– пойдет во второй». Алик ходит в подготовительный, на гитару, к весьма симпатичному учителю – бакинцу. Зовут его Гайфуллин Нариман, а вот отчество невозможно выговорить. Молодой парень. Сказал мне: «Через два года будет играть». Значит, на будущий год, возможно, он возьмет Алика в первый класс. На сольфеджио я Игоря и Алика записала к одной учительнице, чтобы ходили вместе и чтобы Алик Игорю растолковывал...

Альке купила гитару, а Игорю – балалайку. Денег хватило, но с натягом. Правда, пока за школу денег не взяли, сказали, что сделают перерасчет.

Учительница у Игоря хорошая. Сразу окрестила его Плу-тончиком. Это молодая русская тетя, незлобивая, понимает, что дети есть дети. У Алика учитель тоже скорее эдакий чернявый товарищ, нежели «казенный козел», каких много в школах.

Ася Акимовна, ты ж помнишь, учительница Игоря по русскому языку, вlepила ему двойку. Я сразу же пришла в школу и долго выясняла за что. Потом, уже на завтра, отвела Игоря в школу, взяла Асю под руку и пять минут «пела» ей, что Игорь выучил и знает. Она поставила ему двойку за то, что он забывает в правиле слова «признак предмета», «действие предмета» и даже само слово «предмет». Она вызвала нашего сына к доске, но – вот стервь! – на другое правило! Правда, после двойки поставила четверку. И так будет, я чувствую, всякий раз: чем больше двоек, тем больше объяснений. Как говорится, кто кого.

У Алика первые пятерки. По всем предметам подряд. За лето прочитал всего Шерлока Холмса и еще какие-то две-три приличные книги. Скорость чтения уже хорошая, и устные уроки делает быстро. Письменные уроки – тоже быстро, но нужно следить, притормаживать, чтобы заставить проникнуть вглубь. Иначе «скачет по верхам».

На работе у меня запарка. Планы кафедры, учебные

отчеты. Печатаю больше дома, так как стараюсь побыстрее с работы удрать. Еще на мне висит методичка, за которую я еще не бралась. Часы в этом году мне не дали. Кстати, ни одному почасовику не дали, так как все забрала приехавшая доцент Д., для которой штатной единицы не нашлось, и ее взяли почасовиком. Мне понравилось, что некоторые наши преподаватели расстроились, что мне не дали часы, и высказали это завкафедрой Ш. Тот пожелал мне побыстрее закончить диссертацию...

С тех пор, как приехали мальчишки, я за нее не садилась. Вот ты приедешь, начну стучать по вечерам на машинке. Я бы и теперь «шлепала», если бы не кафедральная запарка. Вот возьму с понедельника свою законную отгульную неделю и буду дома.

Тебе пришло очень хорошее письмо из Алтайского края, от товарища, который прочел твою книгу и тоже придерживается мнения, что под лежащий камень вода не течет и что давно пора засучить рукава и заняться проблемами управления. Он написал в издательство с просьбой дать твой адрес. Письмо тебе не пересылаю. Оно большое, не хочу, чтоб потерялось.

Ну вот кратенько все. Бегу на работу. Большие приветы всем домашним. Игореша уже тренькает на балалайке и поет: «Барарайка, барарайка, под столом сидит хозяйка». Алька выводит кошачий концерт на гитаре, изображая из себя а ля Мишель Боярский.

Живем дружно. Смотрим Холмса. Игорь чуть плаксив, хочется ему быть маленьким. Мы – Алик и я – его любим и не ругаем, а помогаем ему во всем. Скучаем по папе и Ярику. Гвоздик (ты не забыл нашего сиамского кота?) хочет кошку, правда, почему-то чаще после рыбы. Кажется, я сожрала сухарик, отмеченный страстью Гвоздика. Но, как говорится, такова судьба. Прощайте ненадолго.

Таня

Таня — Олегу.

Октябрь 1980 г.

Здравствуй, Алька! Получила твою открыточку, в которой ты просишь написать, как проходят мои будни, пока тебя нет рядом...

Хоть сегодня и понедельник, но уже с утра ко мне пришли буквально друг за другом все кому не лень. Не буду тебе перечислять, сам догадайся – и попадешь в точку. Гомон стоял, как на ярмарке! Хорошо, у нас друзья нетребовательные, сами и чай нальют, и посуду после себя помоят. Наши дети отправились к «бабине».

Неожиданно пришел ко мне отец. Оказался не один, а с тетей Машей, его сестрой.

Хорошо, что с расспросами о моем здоровье она не ставала, чем спасла себя же от моего настроения, которое в таких случаях сразу портится. Она сунула мне «презент» и минут десять пребывала во всеобщем «гостевом» гомоне, раздававшемся в нашем доме. Наверное, нервы ее сдали, и она удалилась вместе с братом-отцом-дедом.

По счастью, именно в тот момент в нашем доме рассеялась «ярмарка» и я осталась на пару с Людой Т. Она возбужденно глянула на яркую, как спинка какаду, сумку, только что подаренную мне тетей Машей, но особенно на лежащую в ней пуховую штуковину. Уважив ее любопытство, я вытащила штуковину, и мы, почти одновременно вскричав с Людой: «О-о-о!», вспомнили про комиссионку. Внутри пуховой штуковины, оказавшейся жакетом времен юности тети Маши, лежал пакет с коробкой конфет и... пирожками. Люда стала весело и громко смеяться, приговаривая, что бедная голодная тетя действовала прямо по «Фроиду», мечтая после прогулок по ЦУМам и ГУМам попить с племянницей чай, заедая пирожками. Люда средствами балета тут же изобразила мне приход папы и его диалог со мной о жизни. Она прикладывала ладони к вискам, как мартышка, что должно было означать

синие старые тузовские уши, оттягивала ногу, гнула спину, что должно было показать старческую неотразимость нашего донжуана. И очень похоже она изобразила, засунув руку по локоть в разрез своей юбки, как отец рылся в своем брючном кармане и звенел круглым рублем, спрашивая: «Дать тебе (то есть, кажется, мне), что у меня в кармане или не дать? Нет, не дам! Ты же все равно не возьмешь!» Это я тебе документальный текст привожу...

Вот уж я насмеялась, глядя на этот театр одного актера, точнее, одной балерины! Мы собрались было «слинять» за дверь в направлении комиссионки, но Люда неожиданно вытащила из своей сумки пакетик. Развернула его и вытащила две копченые тюльки, похожие на жареные портняжные булабочки. По соседству с тюлками лежали два ноготка южного чеснока. Кто-то из моих гостей, справившись с соблазном, не выпил единственную бутылку пива, стоящую в нашем холодильнике. Мы с Людой тут же присели прямо на кухне и...

Идти в комиссионку только с пушистой «штуковиной» тети Маши оказалось непрактичным делом, и я полезла в шкаф. Вытащила вещи, которые тут же приговорила к «утрате перспективы» для меня, и мы с Людой, быстренько запаковав приличный сверток, помчались вниз по лестнице. На улице Люда грациозно остановила машину, царственно продиктовала водителю свои условия и, не забыв мне сказать: «Я плачу, ясно?», плюхнулась вместе со мной на заднее сиденье. Мы неслись к самой дальней комиссионке. «Там все оторвут у нас с руками!» – заявила Люда, и спорить с ней я не стала. Пока мы ехали, Люда уже в сотый раз рассказала мне о своем романе с Арнольдом П. – железобетонным культуристом, и все время, а главное, очень кстати же знаешь, как я к нему и к ней отношусь... В общем, повторяла слово «кретин», но почему-то с итальянским акцентом. Потом, без перехода, стала неожиданно рассказывать про Д.,

от кулаков которого ты и спасал ее, и тот же эпитет – «кретин» – повторялся бесчисленное множество раз с таким же акцентом. Уже почти у порога комиссионки Люда вспомнила анекдот про кретинов, но я его, наверное, должна была услышать уже на обратном пути к дому.

Народу оказалось столько, что пришлось встать в очередь. И тут Люда стала рассказывать разные истории, случавшиеся с ней в банях. Признаюсь тебе, мои скулы уже стали ныть и хотелось небольшой передышки. Но оказалось, что очередь, услышав эти истории Люды, проявила к ним огромный интерес. Множество голов повернулось в нашу сторону, что Люду ужасно вдохновило! Хохот с каждой минутой становился все громче и громче. Раздалась просьба уже из «головы» очереди кое-что повторить, поскольку расслышать там детали историй, сквозь смех толпы, было невозможно.

Ты себе представить не можешь, какой стоял хохот. Вновь заходившие забывали спрашивать, кто за кем, и очень быстро образовалась бесформенная толпа. Тут голос подал мужчина лет 35, застенчиво сообщив, что бывают разные травы: приворотные, отпугивающие, от желудка и давления, даже от ожогов. Сначала я не поняла, к чему это он? Потом «врубилась». Оказывается, Люда уже стала рассказывать, как ее подруга, моясь в бане, всплакнула, что никак не может привлечь к себе внимание молодого соседа, на которого «положила глаз». Почуввав, что «спец по травам» может помочь ее подруге, уж не знаю, кого она имела в виду, Люда вжала в угол этого дядечку и стала его выпрашивать, какую травку и как заваривать в разных случаях жизни. Потом оказалось, что думала Люда все-таки о себе, потому что вспоминала случаи, в нормальной жизни, по-моему, абсолютно невозможные, но случившиеся именно с ней! Дядя серьезно на все ее вопросы отвечал, а поскольку «семинар» для Люды шел в полный голос, очередь, слушая подробности, в изнеможении стонала!

Тут распахнули дверь своей клетушки, куда сдавались приемщицей приобретенные на комиссию вещи, работницы магазина, которых обычно никто никогда не видит. Хохот очереди оторвал их от дел, и работа магазина была почти парализована.

Представь итог: кроме нас, ни у кого из очереди шмотки не приняли! Вот она, волшебная сила искусства! Представь, очередь не расстроилась! Люду, как кинозвезду, забросали вопросами, из которых я поняла главный: «Придете ли вы завтра?» Люда с легким капризом ответила: «Нет, комиссия закрывается...»

С этой уморой мы сдали тряпья, она и я, на сорок рублей каждая! И хотя это пока в квитанциях, глядишь, со временем они обернутся «кредитными билетами».

Люда предложила перешить мои венгерские шелковые брюки на шелковую юбку, уверенно заявив, что я буду в ней, «как цветная змейка».

Я появилась дома уже совсем к вечеру и просидела над пишущей машинкой почти до утра. Дети ночевали у «бабини», а я с легким сердцем сделала свою норму, которую выполняю, несмотря ни на что!

Даже спина не устает, а попка стала просто квадратной, как в тех американских помидорах, тайна которых еще пока не раскрыта.

Но все-таки дело идет хорошо. Весь вопрос в том, сколько можно успеть физически, потому что остановок в работе нет. Главные усилия – набор примеров. Набор и классификация. Вообще, красивая получается работа. Хочется сделать книгу, потому что в диссертацию попадут только крохи. Настроение радостное, могучее и вообще оптимистическое.

Только иногда, к вечеру, когда дети крепко спят, позволяю себе взгрустнуть, поглазеть на дорогое лицо моего Альки и даже вести диалоги с плоским фото. Обо мне не волнуйся. Живу я славно, работаю, нахожусь в хорошей внутренней

форме. Галка привезла мне много ягод поречки. Мама Люды Т., любя тебя, прислала целую корзинку крыжовника. Так что я потребляю витамины. Наш кот Гвоздик привязан ко мне, как собачка, и понимает все слова и интонации. Писает только в ванночку, какает – орешками. Идиллия!

Алька, родной, мне только жалко, что к приезду домой с тебя сойдет на этих лекциях сто потов и ты, напавшийся, впряжешься в новый учебный год в своих институтах.

Вчера меня очень насмешила Наташа. Знаешь ее приятеля – Сашу из Харькова? Так вот, он написал ей письмо с приветствиями нам с тобой и поделился личными впечатлениями, что я... симпатизирую Володе Б. Правда, идиотское впечатление? Но Наташе это понравилось.

Б. к нам часто заходил, и Ната сегодня в 11 вечера звонила и спрашивала, не тут ли он, раз дома его нет. У нее возникает необходимость шутить, в то время как я совершенно заморожена тем, что в доме пусто и существую я без моего Альки, как будто без души. Иногда смотришь на свои 31 и думаешь: не поздно еще раз признаваться в любви? И когда понимаешь, что не поздно, хочется и признаться, и сохранить это в тайне. Но, конечно, не от тебя. Люблю тебя очень-очень нежно.

Мама-Таня.

Послесловие редактора

Оценивая литературный опыт Татьяны Юргановой, я исходил из собственных представлений, сложившихся в процессе получения университетского образования и освоения мною трех других профессий – социологии, этики и психологии, ставших для меня ключевыми в оценке всех моих жизненных обстоятельств и профессиональных проблем, с которыми я имел дело почти 60 лет активной жизнедеятельности. Работа над главной книгой покойной жены «Автопортрет любви без ретуши» завершилась публикацией, но некоторое время (почти год) ее рецензионная оценка оставалась без достойного воплощения. С появлением Интернета границы общения резко расширились и тексты книг стали доступными буквально для всех, кто владел языком изданных экземпляров. Сайт Lib.ru сыграл представительскую роль для книги Татьяны Юргановой. В 2007 году редакция Минского журнала «Неман» получила электронную копию рецензии Максима Землянского на роман Татьяны Юргановой «Автопортрет любви без ретуши». Автор статьи – бывший гражданин Белоруссии, ставший иммигрантом в Канаде. Редакция стала готовить его рецензию к публикации на страницах журнала. По разным причинам, в которые я не хочу углубляться, статья напечатана не была.

Однако ее текст я получил и опубликовал в своей книге «На перекрестках судеб», вышедшей в свет в России 2018 году. Все мои старания найти Максима Землянского в Канаде не увенчались успехом, а просьбы в редакцию журнала – дать его адрес по рассылке – тоже остались без ответа. Вместе с тем статья канадского автора оказалась блестящим образцом литературоведческого анализа текста книги «Автопортрет любви без ретуши», и мне показалось уместным опубликовать ее в этом мемориальном сборнике «Мгновения», посвященном памяти Татьяны Юргановой. Ниже представлен текст этой рецензии.

Максим Землянский

Движение жизни... Дыхание жизни...

Из всех связей, возникающих между людьми, самой непостоянной, самой запутанной и изменчивой является связь между писателем и читателем.

Антони Эшли Купер Шефтсбери,
английский философ и моралист XVII века

Письма сохраняют, чтобы никогда их больше не перечитывать. В конце концов их уничтожают из осторожности, и так безвозвратно исчезает самое непосредственное дыхание жизни для нас и для других.

Гете. «Родственные натуры».

В конце 2006 года в Минске вышла в свет книга Татьяны Юргановой «Автопортрет любви без ретуши (Роман в дневниках, письмах, записках и размышлениях)», издательство «Четыре четверти», 2006 г., 682 стр. На форзацах книги сообщено, что Юрганова Т.А. умерла двадцать пять лет назад, не закончив книгу, завершённую ее мужем – Юргановым О.Б. На обложке – улыбающаяся, миловидная женщина, лик которой «всплывает» из рукописных страниц, раскиданных по всему пространству обложки и форзацев. Издатель сообщает, что книга – «...роман о любви, супружестве и материнстве, о трудном родительском опыте...»

1.

Фабула романа Т. Юргановой достаточно проста. Мужчина, среднего возраста, женатый, отец пятилетнего сына... Зовут его Олег. Тяжкие жизненные испытания выпали на его долю. Около двадцати лет он вынужден был неистово бороться с туберкулезом тазовых костей, долгие годы был прикован к постели, испытал тяжкие страдания, учась ходить, остался хромым на всю жизнь, но сумел создать характер и судьбу. Находясь на лечении в Саратовском НИИ ортопедии и травматологии, он закончил университет, работал социологом, женился, стал отцом.

Через пять лет в семье наступил затяжной кризис. Олег пришел к убеждению, что развод с женой неизбежен, но рождение сына останавливало его. Однако решение было лишь отодвинуто, хотя Олег продолжает убеждать себя, что, может быть, «стерпится-слюбится».

Сюжет романа развивается на основе писем и дневников главных действующих лиц. Одного из них мы уже знаем, это Олег. Второй главный персонаж романа – Татьяна. Юная женщина, младше Олега на 10 лет. Живет в Минске, куда Олег попадает почти случайно. Однажды, когда он пребывал в трудных раздумьях о семейном разладе, приблизившись почти вплотную к решению развестись с женой, в его саратовской квартире появилась странная пара: молодая поэтесса Наташа, родом из Минска, и ее любовник, поэт, старше на 30 лет. Они гастролировали по городам Поволжья, в надежде заработать, и попали, наконец, в Саратов – без крова и денег. Олег их приютил, но вскоре Наташа призналась ему, что очень хочет расстаться со своим сожителем. Услышав о планах Олега разменять саратовскую квартиру на такую же в Минске, Наташа призналась, что там родилась и тоскует по родителям и семье. Из ее рассказа следовало, что она – девятнадцатилетняя девушка, с поэтическим дарованием, уехала из Минска в Москву в поисках «творческого покровителя». Там, волею случая, она познакомилась с поэтом, который предложил ей не только покровительство, но и «поэтическое турне» по городам и весям Поволжья. Так они оказались в Саратове. Она хочет порвать с ним, но боится его ревности. Тоскует по маме с папой, но тоже... боится их гнева. Узнав со слов Олега о назревшем в его семье кризисе и подступающем его решении с женой развестись, Наташа рассказывает ему о своей подруге – Татьяне. Так поездка в Минск становится «логичной», не говоря уже о том, что его жена не против отправить его в Белоруссию, чтобы попытаться найти там подходящий вариант обмена квартиры. Олег умело «разводит» Наташу с ее любовником

и отправляется в Минск с тещей, прихватив с собой Наташу. Ее родители несказанно рады возвращению дочери. Благодарны Олегу и матери его жены за возвращение Наташи под отчий кров. Предоставляют возможность пожить у них, пока с обменом не станет что-то проясняться. Там же происходит и знакомство Олега с Татьяной – студенткой журфака Белорусского Университета. Мать жены Олега решает возвратиться в Саратов, но Олег продолжает хлопоты по обмену. В конце концов, он, устав от безвыходной ситуации с обменом, от этой затеи отказывается. Он сообщает жене, что в Саратов не вернется и просит у нее развода.

Между тем общение Олега и Татьяны довольно быстро привело их к взаимной интеллектуальной и душевной близости. Он вовсе не связывает их общение со своими планами. Давно созревшее решение случайно совпало с трудными жизненными обстоятельствами, разрешить которые Олег мог только решительными действиями. Попытки остаться в Минске кажутся ему почти невыполнимыми. Олег, будучи образованным и эрудированным человеком, предлагает крупному столичному номенклатурному функционеру себя... в качестве «интеллектуального раба». Тот соглашается. Берет его под свое покровительство. Вскоре Олег получает прописку и работу в Минске. Вместе с тем он постепенно осознает, что Татьяна с каждым днем становится ему все дороже и желанней. Нет! Свои отношения с ней он не форсирует. У Татьяны – любовник Юрий Т. Правда, к моменту знакомства с Олегом, ее связь с ним весьма неустойчива.

Совершенно случайно Олег знакомится с родителями Татьяны, но они почему-то заподозрили его в намерении «вскружить голову» их дочери, жениться на ней, чтобы прописаться в Минске и завладеть квартирой! Как ни убеждала их дочь в ошибочности такого вывода, родители Татьяны – люди со связями в органах прокуратуры и милиции – сумели спровоцировать подозрения властей на Олега и начали его травлю. В условиях

недоумения, тревог, связанных с преследованием Олега столичной милицией, Татьяна отвечает на его чувства и порывает с Юрием Т. Между тем, несмотря на все препятствия, Олег прописывается в Минске, получает престижную работу в Министерстве легкой промышленности и молодые люди готовы заключить брак. Они сняли квартиру и живут вместе. Вскоре Татьяна сообщает любимому, что беременна. Оба этому рады. Олег уезжает в деловую командировку в Гомель.

Однажды он звонит домой и узнает от хозяйки квартиры, что Татьяна собрала вещи и ушла. В полной растерянности Олег возвращается Минск. Встреча с Таней, разговор с ней ставит Олега в тупик! По неведомым и непонятным ему причинам, которые Татьяна и сама не может толком объяснить, она отказывается с ним жить и возвращается к своему бывшему любовнику. За самовольство Олега увольняют с работы. Квартирная хозяйка, ссылаясь на «новые планы», отказывает ему в жилье. Олег оказывается на улице – без работы и без денег.

Пытаясь отвлечься от тягостных событий и хоть что-то заработать, Олег берет заказ от крупного столичного журнала на статью. С утра до вечера он работает в библиотеке. Там он знакомится с женщиной по имени Элла, его ровесницей, которая заканчивает заочное отделение ВГИКа и безуспешно пытается написать дипломную работу. Возможность помочь женщине показалась Олегу хорошим шансом заработать. Однажды благодарная Элла, будучи женщиной одинокой, приглашает Олега «под крышу» к себе домой, в надежде что он поможет ей завершить дипломную работу. Плата за работу – жилье под крышей. Это оказалось очень кстати! Уже наступили холодные осенние дни. Деньги на жизнь заработать пока не удается...

...Татьяна живет у родителей. Сроки ее беременности растут. Она ждет, когда ее любовник выйдет из тюрьмы, куда посажен за хулиганство и собирается... выйти за него замуж. Влиятельный родственник Эллы устраивает Олега на часовой завод. Его жизнь, казалось бы, снова начинает входить в нормальную

колею. Непонимание всего случившегося с Татьяной, логика ее действий, ее беременность вовсе не лишают Олега тех чувств, которые он к ней питает. Однажды он приходит на Главпочтамт. В окошке «До востребования», где он изредка получал письма от родителей, ему вручают конверт, в котором он обнаруживает записку от Татьяны. Она пишет, что поняла, что любит только его и готова ждать возвращения Олега к ней сколько угодно долго.

Счастливым, Олег встречается с Татьяной. Не раздумывая ни минуты, он отвергает связь с Эллой, будучи убежден, что наконец-то стало возможным его счастье с любимой женщиной, беременной его ребенком. Наступает пора их супружества. Рождаются дети, они подрастают и радуют родителей. Олег написал несколько книг по психологии, преподает в различных вузах Минска, ведет авторские программы на радио, телевидении, становится известным журналистом. Вместе с тем отношения с родителями жены остаются враждебными, хотя и супружество, и появление детей не помешало Татьяне закончить университет, блестяще защитить диплом, поступить в аспирантуру, работать над кандидатской диссертацией.

Время перелистывает годы счастливого брака. Таня терпеливо и старательно записывает в своих дневниках «продукты» прорастающего разума детей: сочиненные ими песенки, стишки, веселые истории и прочее. Диссертация и ее литературное творчество – написание остроумных и очень ироничных юмористических рассказов – целиком захватывает Татьяну. Ничто не обещает драматической развязки в судьбе супругов. В становлении характеров детей обнаруживаются тревожные признаки, но Олег, как человек весьма изобретательный, придумывает множество неординарных форм воспитания сыновей. Не отстает в этом и его жена...

И все же трагедия случилась: по неосмотрительности матери Татьяны и ее подруги врача-онколога у Татьяны развивается рак груди, с метастазами, проникшими в головной мозг.

В возрасте 32-х лет она умирает, оставив мужа и трех сыновей: 10, 9 и 6 лет...

2.

Каждая книга имеет свои истоки. Оттуда берут начало события, герои повествования, их мысли и поступки. Наверное, у всех авторов, приступающих к первой книге, написанной на биографической основе, ее главный исток – жизненный опыт. То, что прошло через чувства и разум... Роман «Автопортрет любви без ретуши» – тот самый случай.

Татьяна Юрганова родилась 29 июня 1949 года в столице Белоруссии, в Минске. Ее юность и зрелость пришлось на годы, которые назывались «развитым социализмом», «эпохой стагнации», «началом конца советской империи» и т.п. Духовная атмосфера того времени еще заметна в стереотипах множества нынешних сограждан, живущих на просторах России и стран СНГ. Разумеется, пришлось как-то приспособиться к реалиям нового времени, однако недавнее прошлое – прожитая жизнь! В ней – истоки страстей и ошибок, открытий и утрат, счастья и горечи. Прошлое до сих пор отзывается эхом в нынешних судьбах сограждан. Как говорил знаменитый австрийский психоневролог Зигмунд Фрейд: «Единственный человек, с которым вы должны сравнивать себя – это вы в прошлом. И единственный человек, лучше которого вы должны быть – это вы сейчас». Но такая логика немислима трудна, потому что в прошлом – корни сохранившихся привычек и жизненных представлений. Усвоенный нравственный опыт, которым человек пользуется, хотя он уже нуждается в переосмыслении. Я веду речь и об опыте литературном, потому что роман Т. Юргановой – пример бесстрашного рассказа «о времени и о себе...»

...На пороге ушедшей в Лету эпохи росла девочка, которая написала однажды в своем отроческом дневнике: «...Не люблю своего отца...» На старте бескомпромиссной юности она ушла из дома. Тому были причины: переживания мучительных

нравственных противоречий личности, вступившей в конфликт с неприемлемыми для нее ценностями семьи своих родителей. Сделав трудный выбор в собственном браке и супружестве, в противовес стандартам выгоды и корысти, царившим в ее родительской семье, Татьяна предложила читателям личный опыт любви.

Став матерью, молодая женщина обрела немалые тревоги за судьбу трех своих сыновей. Истоки ее тревог были очевидны, поскольку растить и воспитывать детей пришлось в эпоху лжи и политических мистификаций, экономических химер и тотального дефицита, браваурных литавр Агитпропа и всевластия чванливого чиновничества. Наблюдая взросление своих сыновей, Татьяна скрупулезно записывает материнские впечатления, открыв на страницах своей книги еще один исток своего повествования: материнскую заботу и тревогу о судьбах детей, до возраста любви которых дожить ей было не суждено. Наконец, эта женщина, чей ум, таланты, научные идеи, казалось бы, обещали неизбежный успех и расцвет, а супружеская любовь была истоком жизненного счастья – гибнет по вине врача. Гибнет, успев рассказать читателям книги не только о радостях бытия, но и об опасных истоках людских драм и трагедий: невежестве и безответственности, губительных для надежд, мечтаний и доверия...

Вряд ли драма личности, в частности, переживания автора книги, жившего в эпоху, отделенную от наших дней почти сорока годами, может рассчитывать на некую уникальность. Время неповторимо! Оно – исток нравов и поступков людей. Причина страстей у врат жизни и смерти. Готовность рассказать о нем. Роман Татьяны Юргановой «Автопортрет любви без ретуши» – не исключение. У него – живые родники: письма, дневники, записки, размышления, наблюдения автора за событиями, происходящими в ее семье. Книга – авторское послание Татьяны нынешнему времени. Это рассказ о духовной эволюции личности, начавшейся с девичества, продолжающейся вплоть

до самых последних дней ее жизни.

В робких полудетских поэтических откровениях отразились первые впечатления юной жизни, раскиданные по страницам школьного дневника. В диалогах и спорах Татьяны со сверстниками в годы юности. В откровениях молодого ума заметны пунктиры привлекавших ее идей. Контуры духовных интересов, эстетических вкусов и нравственных ориентиров. Отчетливо они оформились в письмах к мужу, в материнских размышлениях, а также во множестве ироничных новелл, включенных ею в текст романа. Авторская ирония высвечивала, словно фонариком, в полумраке тамошнего быта, истоки людских пороков.

...Когда детство, отрочество уже осмыслено зрелостью, если это произошло достаточно рано, личность приближается к глубоким раздумьям о любви. Однако истоки этих раздумий отравлялись царившими в ее родительской семье ложью, корыстью, пошлостью и откровенной бытовой грязью. Не спасали Татьяну от гнета разочарований и ее сверстники. Глядя на романтический трепет ее чувствований, они, дети времени Большой Лжи, были полны сарказма и недоумения. Без опоры на родительскую мудрость и такт, в окружении духовно беспомощных сверстников, Татьяна с трудом пробиралась сквозь препоны собственных нравственных фантазий, в которых преобладали красочные эмоции и... доверчивость.

Столкнувшись с реальными противоречиями любви, страшась показаться «белой вороной», мучительно осознавая отчаянную раздвоенность, Татьяна шаг за шагом приближалась к утверждению в собственном опыте моральной ответственности любви. Духовное отчуждение родителей, непонимание друзей и ровесников, которые могли усвоить лишь скромный статус «попутчиков» ее судьбы, стало истоком ее душевных блужданий, которые привели ее в запутанные лабиринты. Наконец, выйдя оттуда, став женой, Татьяна вступила в материнство, окунувшись в жизнь любимой и любящей женщины. Этот исток книги открыл мир неосознанных желаний юности

и глубоких страстей восторженной души личности, совершавшей поступки, забытые через минуту или врезавшиеся в память навсегда. В каждой строчке дневника молодой женщины, откровенно названном ею «В лабиринтах любви», растворена эта жизнь. Ее следы – на каждой странице многочисленных писем к мужу. Итак, истоки романа Т. Юргановой «Автопортрет любви без ретуши» – реальная жизнь, с ее правдой повседневности, пропитанной мельчайшими подробностями судьбы личности, оказавшейся у роковой черты в самом расцвете лет...

3.

...Первая часть романа – «В лабиринтах любви» – состоит из четырех глав, целиком заполненных письмами Олега и дневниками Татьяны... Это исповедальные документы, которые полны искренности. Чтобы почувствовать запечатленное в них дыхание жизни, явно недостаточно только прочесть их! Гораздо важнее понять, по какому поводу они были написаны. Как справедливо заметил М.М. Бахтин: «...Говорящий не сообщает только ради сообщения, но обязательно исходит из объективной значимости сообщаемого (его истинности, красоты, правдивости, нужности, выразительности, искренности)». Под «говорящим» вполне можно представить и человека, записывающего свои впечатления в дневник или отправляющего письмо конкретному адресату. То есть автор дневниковой записи (письма) «...исходит из объективной значимости сообщаемого...», потому что запись в дневнике (сообщение в письме) прорастают из единого корня – мировоззрения.

Смысловой контекст дневников и писем заряжен энергетикой чувств автора, его отношением к предмету сообщения или к адресату письма. Чтобы запечатлеть в дневнике, письме, уловленное умом движение жизни, ее дыхание, осязаемое чувствами, автор мобилизует ресурсы словесной культуры, стилистические возможности родного языка.

Запись в дневнике (или письме) открывает внутренний мир автора, убеждает (а может быть, и подвергает сомнению)

в истинности, красоте, правдивости, выразительности, искренности написанного. Дневник, письмо – документы, как правило, вполне адекватно отражающие реальность. По правдивости и точности передачи движения жизни, ее дыхания эпистолярные тексты могут претендовать даже на статус протокола (франц. *Protocole*, от греч. *Protokollon* – лист манускрипта), в котором автор запечатлел события, поступки, характеры современников... Ценность книги, в которой использованы эпистолярные источники еще и в том, что по форме и сути она становится исповедальной. Нетрудно представить соблазн писателя, в руки которого попали такие исповедальные «протоколы». Особенно когда в них есть образцы блестящей стилистики, передающие авторские чувствования, когда внутреннее «Я» личности пишущего обнажено, чуть ли не до нервных волокон... Не менее двух третей романа Т. Юргановой составляют ее личные исповедальные «протоколы» и эпистолярное архивы ее мужа, раскрывающие внутреннее «Я» каждого из них.

Между тем, как только автор начинает работать над романом, привлекая эпистолярные материалы, он принимает на себя совершенно особый статус: «Я – со стороны». Мгновенно перед ним возникает дилемма, а какие документы использовать? Что открыть для читателя? То есть вероятность подвергнуть публичности исповедальные «протоколы», письма заставляет автора повествования критически их оценить. Спросить себя, например, в самом ли деле эпистолярные материалы, которые автор привлекает к роману, показывают «...истинность, красоту, правдивость... выразительность, искренность...»? Согреты ли они глубокими чувствами? Честен ли взгляд их авторов на себя? Достаточно ли объективна оценка ими «попутчиков» судьбы, могущими стать персонажами романа?

Не думаю, что эти вопросы оказались простыми для Т. Юргановой. Статус «Я – со стороны» наверняка заставил ее снова окунуться в глубины своей памяти, вернуть время, обстоятельства, читая старые письма и дневники. В момент этих раздумий

автор уже обрела новые роли – жены, матери – и обогатила свой жизненный опыт новыми впечатлениями и поступками. Наверняка стали гораздо строже ее критерии оценки себя, спутников ее судьбы, мотивов совершенных ими поступков в прошлом и в нынешнее время. По-видимому, писатели исповедальных романов размышляют о своем праве подвергнуть публикации эпистолярные материалы, а их авторов, если они стали попутчиками их судьбы, сделать персонажами повествования.

И все же, решение было принято. Исповедальный роман «Автопортрет любви без ретуши» написан. Издан. Попал в руки читателей. Я осмеливаюсь утверждать, что обращение его автора к эпистолярным материалам, отражающим истории главных героев романа – Олега и Татьяны – настолько уместны, что способны целиком захватить внимание и чувства читателя истинностью, красотой, правдивостью, выразительностью, искренностью человеческих переживаний.

Публикация записей многолетних наблюдений Татьяны-матери за пробуждающимся интеллектом детей, показ оригинальных образцов их словесного творчества, ее размышления о буднях воспитания сыновей, о взаимоотношениях с родителями, знакомство читателя с ироничными ее рассказами – дают редкую возможность ощутить движение жизни, дыхание семьи! Читатель видит, как взрослые и дети вовлечены в сложные противоречивые отношения, в которых страдания сменяются счастьем, любовь – враждой, где мать, отец, дети – причина и следствие этих противоречий, а их корни – в нравах тамошнего социума. Искренность и откровенность Т. Юргановой заставляют современного читателя пристально вглядываться в реальность, которую она подробно запечатлела, вольно или невольно сравнивая ту правду с нынешним временем. Содержательный и смысловой контекст каждого рассказанного в романе события показывает характер главной героини повествования, одновременно являющейся автором романа, и отражает ее язык, стиль, эмоции, умонастроения. В главах: «Школа? Школа! Школа...»,

«Осваиваем окружающий мир», «Наши «международные контакты» – стиль изложения упрощен, сух. Интонации исповедальности приглушены, потому что настроение автора подается фактологией. Читатель скорее вынужден осмысливать происходящие в повествовании события, нежели сопереживать его участникам.

Но вот перед нами главы: «Корабль Павел Корчагин», «Когда малыш пробуждается», «Домашние животные: трудные истины и деликатные вопросы», «В словах ищу я мысли след...», «Веселые вральки и превратности фантазии». В них – новые грани личности Татьяны-мамы, а неожиданные яркие события в жизни семьи провоцируют и стиль изложения, насыщенный материнской исповедальностью и эмоциональностью. Текст в этих главах настолько энергичен, что представляется стихийной рефлексией молодой мамы, окруженной своими малышами. Тогда же на страницах повествования появляются десятки реприз подрастающих сыновей, как свидетельство их пробуждающегося ума и словесного творчества...

На первый взгляд, книга Т. Юргановой – исповедь о трудной, но счастливой любви и материнстве умной, неординарной женщины. Но, если позволительно назвать исповедь ее автопортретом, я готов утверждать, что заметил в повествовании не один и не два, а... множество автопортретов любви! Олег – один из главных персонажей романа – создает в своих воспоминаниях автопортрет любви времен брака с Леной. Она – его первая жена. Потом – Вера. Долгие годы он был безнадежно в нее влюблен. Встретившись с Татьяной, он создает еще один автопортрет любви. Разумеется, то же делает и Татьяна. То есть она создает автопортреты любви времени чувств к Юрию Т. Стало быть, в романе действительно целая галерея автопортретов любви. Конечно, различен их «масштаб». Разнится манера живописания, используемая палитра красок... Начну с Татьяны. В качестве «холста» ею (впрочем, как и всеми остальными «художниками») используется личность, ставшая объектом

любви. «Живописец» использует краски-поступки (отношения, оценки, суждения и прочее), которые извлекаются им из палитры собственного нравственного опыта. Из ресурсов чувств и ума. Разумеется, автопортрет любви – метафора. Однако, надо признать, что она точно отражает нравственные, мировоззренческие, психологические грани характеров создателей подобных полотен...

Всмотримся в автопортрет девичей любви Татьяны. Он – в первой части романа, в главе «Наше время до...». Влюбленная шестнадцатилетняя девочка уподобила «холсту» одноклассника Жору. Ее мазки яркие. Порой резки и даже нелепы. Однако заметны все новые и новые краски-поступки, извлекаемые из палитры чувств автора. Иной раз, не доверяя очень робкому опыту чувств, выразительность живописи Татьяны обретает акварельность поэзии. В девическом дневнике – множество ее стихов, разбуженных любовью. Читатель замечает в ее отроческом автопортрете яркие, сочные тона красок, извлеченных из поэтической палитры...

Четыре года спустя она создает новый автопортрет. Однако, созерцая его, читатель полон недоумения! Девятнадцатилетняя Татьяна уподобила «холсту» сразу две личности – Юрия Т. и Олега, тщетно пытаясь создать... единый автопортрет любви. Читая главу «Наше время после...» в первой части романа, мы неотрывно следим за «творческим процессом» автора. Но предсказать его финал невозможно! Вскоре автор оказывается во мраке лабиринтов чувств. Странная, полная жестоких противоречий композиция ее автопортрета любви являет читателю наивную фантазмагорию из нелепых амбиций. Рухнувших надежд. Страсти. Боли. Отчаяния. Воистину процесс создания ее автопортрета на двух «полотнах» мучителен. Он полон драматизма и для автора, и для влюбленных в нее мужчин! Наконец, устав от тяжелого душевного смятения, странных фантазий, чувства вины и самообмана, Татьяна отказывается от создания автопортрета любви к Юрию Т. Однако, уподобив «холсту» только

личность Олега, осознав, что только он и есть единственный любимый мужчина, Татьяна уже не верит в возможность отразить в красках своей палитры реальные чувства. Она обращается к нравственной палитре Олега: к его письмам о любви... к ней (Часть первая, глава «Наше время «после...». Часть вторая, глава «Как выплыть мне из этой глубины, как разгадать значенье слов и взглядов...»). Для нового автопортрета Татьяны эта палитра – щедр! В ней волшебство искренности чувств. «Живописец» осторожно, даже робко, начинает смешивать краски палитры Олега со своими. Осторожно и все более уверенно укладывает их на «холст». Наконец, момент истины избавляет разум и воображение женщины от нелепых противоречий. Татьяна «пишет» свой автопортрет любви десять лет. То есть весь период супружества с Олегом. Вплоть до последних дней жизни... (Часть вторая, «Самая трудная глава»)

Между тем с началом счастливого супружества и материнства Татьяны галерея ее автопортретов... множится! Не прерывая работы над автопортретом любви к мужу, женщина, обретшая статус матери, создает новые автопортреты любви к сыновьям. В них яркие краски эмоций и фантазии автора. Кстати, и теперь Татьяна-мать черпает краски не только из собственной палитры, но и из палитры отца детей. Главным в галерее автопортретов любви Татьяны было возникшее еще в отрочестве интуитивное стремление к правде человеческих чувств и отношений. В двадцатилетнем возрасте, создавая автопортрет любви к Олегу, она ощущает влияние нравственного «эхо-эффекта» отрочества. По-видимому, его и уместно назвать принципом «без ретуши». Он стал определяющим на старте формирования ее личности. Стремление к правде чувств, к справедливости стало определяющим в оценке главных персонажей и попутчиков судьбы. Этот принцип стал моральным императивом Татьяны, будучи итогом ее нравственной эволюции.

Галерея собственных автопортретов соседствует с фрагментами полотен, созданных остальными персонажами романа.

Выполнены они уже в знакомой «технике»: с использованием красок-поступков, извлекаемых авторами из палитры собственного нравственного опыта. Укладывались краски на «холсты» – личности, объявленные авторами любимыми и дорогими. Однако в этих «автопортретах» так много странного и непонятного! Приходится долго и безуспешно искать в них искренность и гармонию. Созерцая их, читатель, не по своей воле, оказывается в мрачном смысловом тупике!

В автопортрете любви родителей Татьяны читатель отчетливо видит итоги их опыта, обреченного на моральное и эмоциональное бесплодие! Он с изумлением разглядывает автопортрет любви матери к дочери. Едва различимы краски в ее автопортрете любви к мужу. Причина все та же: их скудость очевидна. Иногда полотно густо замалевано аляповатыми пятнами лжи и лицемерия! (Часть первая, глава «Наше время – «после...», стр. 137.) В палитре матери – черно-белые краски пошлых стереотипов: хромой мужчина оскорбителен в роли мужа ее дочери! Появляются ядовитые цвета амбициозности: вторая беременность дочери – глупость! Наконец, жажда отвратить дочь от мужчины, который матери столь ненавистен – мрачные краски автопортрета любви к ней. Разум матери пропитан психологией корысти. Ее буквально раздирают противоречия! Она десятилетиями неистово пропагандировала коммунистическую идеологию правящей партии! Вступила в ее ряды на склоне своих лет. Из всех сил старалась казаться «своей» в официозе «системы». В итоге ее чувства к дочери-жене, к дочери-матери полны непроходимого чванства (Часть первая, глава «Мое время «до...», стр. 79. Часть вторая, глава «И хлеб и слезы, и любовь»). Трагизм противоречий характера матери Татьяны – главный исток ее презрения к мужу с его изменами и пьянством. Между тем стремление жены обуздать эти пороки супруга, даже ценой его возможной гибели – вершина ненависти к нему. В палитре красок ее ума – страх развода. При социализме этот акт опасен для ее карьеры. В итоге – лицемерие.

Автопортрет «любви» матери и к дочери, и к мужу являет собой уродливое полотно, вставленное в раму с фальшивой позолотой! Отец Татьяны тоже был поглощен созданием автопортретов «любви» и к жене, и к дочери. Здесь множество кривых и грязных мазков. Разумеется, извлеченных из палитры его личного нравственного опыта. Читателю может даже показаться, что муж и жена нередко меняются палитрами. Они не замечают сходства красок и «композиций» на полотнах их автопортретов, искаженных следами ретуши...

В галерее подобных автопортретов – следы моральной деградации социалистической обыденности. Она опасна для окружающих дисгармонией, резко сужающей духовный объем до размеров инстинктов. От наглого давления «живописцев» на личность «любимой дочери» неизбежна душевная боль! Особенно в годы нравственного становления ее характера. Ситуативно и материально она зависит от родителей. Это вынуждает ее идти на мучительные компромиссы. (Часть вторая, главы «Университеты супружества», «Первенец», «Осваиваем окружающий мир», «Самая трудная глава»). Нравственная палитра родовых спутников судьбы Татьяны, обнаруженная в их автопортретах, очевидна и в нынешние времена. Увы! Найти аналогичные персонажи в сегодняшнем дне – не составит никакого труда. Наследство прошлого живуче. Вот почему роман «Автопортрет любви без ретуши» так современен.

4.

Словесных портретов героев или описание их внешнего облика в повествовании нет или автор уделяет им минимум внимания. Персонажи представлены в динамике поступков, обусловленных их ролями и субъективными мотивами, которые виртуально могут «живописать» их облик с помощью фантазии читателя. Действия одних персонажей неизбежно провоцируют события в жизни других, оставляя нередко очень глубокий след. Например, никак не описана внешность безвестной нянечки из яслей, которая разбавила сырой водой молоко, дала

его малютке (брату-близнецу Татьяны), в результате стала виновником его смерти от дизентерии. Нет портрета медсестры, едва не убившей Игоря, сына Татьяны, неверным выбором группы крови перед процедурой переливания (Часть вторая, глава «Осваиваем окружающий мир»). Это персонажи-«знаки». Поступки, совершенные ими, представляются автором как пунктир, показывающий опасное направление движения жизни, как туманное облако яда, отравляющего дыхание жизни. Аналогична ситуация, описанная в «Трудных письмах к Хронологу» в первой части книги, где речь идет о тяжелых последствиях прививки от туберкулеза Олегу. Сходны по смысловому контексту описанные в тех же письмах, тяжкие будни искалеченных болезнью детей, юнцов, оказавшихся заложниками невежества или хамства порочной «системы». Словесно-портретная «скупость» автора, отказывающегося от описания и собственной внешности, по-видимому, чем-то оправдана. Вспоминаются слова М.М. Бахтина о том, что трудно создать «...образ собственной наружности в автобиографическом герое словесного произведения...» И еще: «В словесном творчестве не существует, да и невозможна чисто живописная законченность наружности, где она сплетена с другими моментами цельного человека». «...Другие моменты цельного человека...», персонажи «второго плана»: мать, отец, подруги, коллеги по работе, которые выступают в повествовании только в роли «катализаторов» эволюции характеров главных героев – Тани, Олега и их детей. Этим, по воле автора романа, ограничивалась их роль. Они – персонажи-функции, и автор не удостоивает их внешнего облика, а только в подробности излагает их поступки, как следствия исполнения ими персональных ролей в событийном контексте романа. По-видимому, автор дает возможность воображению читателя самому представить и характер, и облик этих людей, полагаясь на известный принцип: поступок – слепок нравов, а нравы – зеркало эпохи. Этот принцип и поныне доступен каждому более или менее думающему человеку, у которого есть

опыт сожительства с моральными и психологическими типажми современного ему общества. Например, мать Татьяны, считая, что и третья беременность для дочери «нежелательна», без ее ведома уговаривает подругу-гинеколога спровоцировать, при амбулаторном осмотре, «отсроченный» выкидыш. Просьба излагается конспиративно, по телефону. Персонажи «заговора» остаются за «кадром» повествования, читателю очевиден только итог – выкидыш и описанное состояние Татьяны, когда она узнает, кто к этому «руку приложил». Читателю понятно преступное умонастроение матери-врача, поэтому больших усилий ему не потребуется, чтобы представить ее облик. Мать – персонаж-функция, попутчик судьбы Татьяны. Как и врач-гинеколог – персонаж-знак. Автору нет необходимости представлять ее в портретно-описательном виде. Или еще. Мать Татьяны, уже в роли жены, подвергает пьющего мужа серьезному риску утраты жизни, тайно от него подсыпая в кефир сильнодействующий препарат. Мотивы поступка читателю ясны. Женщина-врач, она же супруга, понимает последствия! Глотка пива достаточно, чтобы муж забился в пугающих конвульсиях... Облик этой женщины усилиями воображения читателя вполне представим. Вместе с тем в своих иронических новеллах (Часть вторая, глава «Когда в доме совсем тихо») Т. Юрганова обнаруживает совершенно иной подход к манере словесного изображения персонажей. Они показаны в художественном ракурсе. Я бы сказал, что в живописании внешности героев своих новелл Татьяна Юрганова стилистически щедра и остроумна... Тем не менее в романе – целая галерея не виртуальных, а графических портретов, которые читатель может созерцать воочию. Я имею в виду работу художника-иллюстратора, представившего свои художественные версии главных героев повествования: Татьяны, Олега, их детей. Не только дневники и письма оказались содержательной основой романа Т. Юргановой «Автопортрет любви без ретуши», но и... фотографии. Они были сделаны мужем автора и для художника-иллюстратора стали основанием

для графической интерпретации. Об этом читатель не узнает ни из текста романа, ни из предисловия к нему, написанного мужем автора. Стилистика портретных иллюстраций мне показалась вполне соответствующей стилистике самих фотографий. Вполне возможно, что автор иллюстраций – художница из российского города Владимир – Татьяна Солодилова – не рискнула отдаться субъективной художественной «редактуре» оригинала, а пошла вслед за фотографическим изображением. Читая роман, просматривая фотографии, художник-иллюстратор получает в руки «...жизнь другого вне себя...» (М.М. Бахтин) и осуществляет процесс эстетизации «...другого...». Иллюстратор делает это, опираясь на изложенную в романе жизнь «Я – другого». При созерцании его фотографического облика, график формирует в своем воображении художественный образ. Каждый из них содержательно связан с конкретным фрагментом повествования, в котором даны очень краткие намеки на облик главных героев. У портретов-иллюстраций – своя задача. Например, спровоцировать у читателя, при чтении романа, ощущение внутреннего состояния героя. Иллюстрация на странице 50, на первый взгляд, изображает молодого человека с достаточно уравновешенным, может быть, романтизированным обликом. Тем не менее, вглядываясь в портрет и читая текст письма от 20 декабря 1961 года, к которому эта иллюстрация предназначена, читатель уже видит следы пережитого на лице персонажа.

Сопоставление текста романа и приложенной к нему иллюстрации – занятие для воображения и чувств читателя, в то время как при восприятии поступков персонажей второго плана он должен подключить еще и свой нравственный опыт. Имея фотографии, сопоставимые с возрастом, временем жизни и эмоциональным состоянием оригинальных прототипов-персонажей, художник видит только внешнюю динамику их лиц. Читая роман, иллюстратор находит в тексте и воплощает в портрете смысловой контекст этой динамики. Во внешнем облике

персонажа отражается движение жизни, в которую персонаж был вовлечен. Свидетельство этого движения: события, факты, поступки, о которых рассказано в романе. Глядя на фотографию оригинала, ставшего персонажем повествования, связывая его с описанными в нем событиями, художник-иллюстратор осуществляет, при работе над портретом, акт целевого эстетического и этического синтеза. Иначе говоря, он воплощает в конкретном образе не только эстетический, но и нравственный контекст личности оригинала-персонажа, а не ограничивается лишь копией его внешнего облика.

При чтении текста романа и одновременном созерцании иллюстраций читателю предстоит увидеть все то, что стало доступным художнику. Поэтому мастерски сделанные иллюстрации в книге, как правило, становятся для читателя своеобразным художественным комментарием прочитанного. Мне неизвестно – сама ли Т. Юрганова или ее муж решили привлечь фотографии для художественной интерпретации оригинального облика главных персонажей романа, включая и детей. Если применить к роману строгие жанровые критерии, этот шаг мне кажется весьма смелым. Однако его оправдывает исповедальность романа, тем более что читатель видит замечательные иллюстрации, а не фотографии. Художник Т. Солодилова приняла на себя не только задачу – создать портреты. Она стала «поводырем» читателя, ведя его по галерее персонажей – детей и взрослых, показывая их духовную и психологическую эволюцию. Воображение читателя, благодаря таланту Т. Солодиловой, стало художественно оснащенным при восприятии им словесных автопортретов любви главных героев романа. Однако стилистика иллюстраций – памятных для этих персонажей мест (беседка, скамейка, улица, дом) сильно отличается по манере исполнения от стилистики портретной графики. Как мне показалось, это вызывает у читателя ощущение досадного диссонанса...

5.

«Автопортрет любви без ретуши» – роман-рефлексия. Современный читатель оказался перед фактом ярких противоречивых чувствований мужчины и женщины, раскрывших ему душу. Он «захвачен» их откровениями. Ему хочется понять мотивы действий героев, бесстрашно предоставивших на суд свои исповедальные «протоколы». Однако понять мотивы разрыва женщины с мужчиной, ребенка которого она носит под сердцем, читателю нелегко! Непросто разобраться и в ее желании передать ребенка, зачатого от любимого мужчины, другому, с которым она собирается заключить брак, чтобы осуществить свое желание, включиться в его «нравственное совершенствование»... Читатель растерян: он с трудом улавливает логику поведения героини. На страницах романа неистово бурлят яркие страсти, а поступки главной героини оказываются за гранью... здравого смысла! Это и есть рефлексия! Она отражает поступки Татьяны, спровоцированные ее чувством вины перед Юрием Т., когда она предпочла ему Олега. Татьяна предоставила бывшему любовнику некую «компенсацию» за утрату им, по ее вине, семьи и сына, появившегося в его первом браке. Мера этой «компенсации» – ребенок Олега, который ей бесконечно дорог. Простодушный читатель запутался в лабиринтах страстей человеческих. Он привык руководствоваться простыми, ясными схемами отношений мужчины и женщины. Однако романы-исповеди возникли в эпоху, когда надо было и с к а т ь причины душевной дисгармонии личности и п о н и м а т ь логику событий, происходящих вокруг нее. Найдя причины, предполагалось понять их корни. Попытки понять логику в созерцаемых событиях требовали огромных усилий разума и недюжинного жизненного опыта. Недаром исповедальная литература обрела писателей, которых мы нынче величаем классиками, например Гете, с его исповедальным «Страданием юного Вертера». Читатель, под влиянием такой литературы, осознавал ценности и противоречия современной для него эпохи, им чувствуемой

и осмысливаемой.

Разумеется, в нынешнее время возникли иные моральные парадигмы эволюции душ человеческих. Противоречивость чувств и поступков мужчин и женщин, одаренных любовью, красотой и талантами, современники склонны усматривать не трудности в обретении истины, а нелепые препятствия на пути друг к другу. Пусть даже так! Однако человеческий опыт преодоления преград на пути морального выбора, выращивание в душе нравственных ценностей и сегодня сопоставимы по «температуре» страстей с переживаниями соплеменников, живших в давно ушедшей эпохе. Страданиями, надеждами, любовью, ненавистью полна жизнь человеческая и сегодня. Раз так, то рефлексия никуда не делась, оставаясь спутницей человека разумного и чувствующего.

Хочу вспомнить или уточнить: рефлексия — форма сознания, точнее, его высшего типа — самосознания. Она отражает м и р о п о н и м а н и е человеком, чаще того, кто ощущает дисгармонию, духовный разлад в обществе. Разумеется, и теперь никуда не исчезли дисгармония и разлады. Среди нас живут те же люди, которые на себе испытывают эти реальности. Вот почему, придя к современному читателю из семидесятых годов прошлого века, герои и события романа «Автопортрет любви без ретуши» будут поняты. Исповедальность, рефлексия изложения делает автора своеобразным «пассажиrom» в купе для двоих. Эффект вагонного купе был замечен классиками давно, а «Крейцерова соната» Л. Толстого стала образцом исповедального монолога-рефлексии, растянувшегося на все пространство этого повествования.

...Вглядываясь в краски душевного автопортрета Татьяны, осмысливая ее неожиданные, а порой и вовсе странные «композиции» — поступки, нынешний читатель способен их понять, обратившись к «палитре» собственного нравственного опыта. Скорее всего, его опыт окажется бессильным и придется изрядно «поломать» голову, чтобы разобраться в скрытой логике

поступков героини-автора. Почему для молодой женщины было до странности очевидным принадлежность ребенка только ей? Именно этим, как она считала, фактом, следовало оправдывать ее «манипуляции» судьбой будущего сына Олега. Для нее было реальностью и то, что она любит... обоих мужчин(!). Ну да, конечно, один из них слабый, ей жаль его. Она себя чувствует виноватой, и ей хочется «поднять его с колен», а в качестве «поощрения его самосовершенствования» она желает сделать его отцом «своего» ребенка, зачатого в любви с другим женщиной. Он — этот другой мужчина — сильный. Он тоже любим Татьяной. Она верит в силу его духовной самореализации. Утрата им семьи и сына — его личный выбор. Она не виновата в этой драме. Напротив, к страданиям от потери жены и сына Юрия Т. приложила руку она. Стало быть, она обязана быть с ним рядом, чтобы вызвать его к новой жизни. В рефлексии поступков нередко утрачивается нравственная логика. Разум, где она созревает, туманится чувствами и становится пленником иллюзий. Татьяна говорит, что, когда выйдет замуж за Юрия Т., она сохранит привилегии Олега как отца ребенка. Обещает, что ребенок будет носить его фамилию! Читатель понимает: «проект» нелеп! Однако Татьяна искренне убеждена в «справедливости» такого компромисса. Он якобы разрешает конфликт притязаний на счастье обоих любимых ею мужчин!

...Юрия Т. сажают в тюрьму за хулиганство. У Тани настало время ожидания. Вольно или невольно она вернулась к размышлениям о последствиях своего решения, которое она наполовину уже исполнила — оставив Олега. Теперь множество его писем, полученных до ухода от него, помогают ее самосознанию понять не только моральную ущербность ее решения, но и опасность такого выбора для судеб трех человек: Юрия Т., Олега и ребенка, который скоро родится. И тут возникла рефлексия паники. Она возбуждается страхом за судьбу ребенка. Что случится, если рядом с ним, по ее, матери, воле окажется «слабый» Юрий Т., а не «сильный» Олег? В письмах Юрия

из тюрьмы нет успокоения, наоборот! А в письмах отца ребенка – отвергнутого ею мужчины – Татьяна видит идеи любви, свидетельство ума и воли. Она с ужасом осознает, что ждет ее и будущего ребенка, если она осуществит свои «моральные фантазии». Рефлексия паники обращается в рефлексию неистовой, почти безнадежной надежды на любовь, на возвращение отвергнутого ею мужчины. Тогда-то и было написано письмо к Олегу: «Милый Аля! Я буду ждать твоего звонка каждый вечер, начиная с девяти часов, и делать это буду бесконечно, до тех пор, пока ты не получишь это письмо и не решишь, что надо позвонить мне... Целую, родной. Таня». В исповеди юной женщины, блуждающей по лабиринтам чувств, читатель окунается, наконец, в рефлексию счастья. Оно полно оптимизма. В нем – открытие, сделанное Олегом: «В любви супружеской начала материнства...» В этих словах, ставших названием второй части романа, заключена философская сущность любви, в которой приоритеты принадлежат материнству. Символ супружеской любви – ребенок. С его рождением в браке ценность женщины удваивается, потому что она обретает особый статус – матери. Правомерно признание в любви супружеской и начала отцовства. Обычно оно отодвинуто во времени, когда «вступление» мужа в права отца – воспитателя – будет соответствовать готовности подросших детей почувствовать и принять его власть и влияние! Как не вспомнить слова всемирно известного психолога Эриха Фрома: «Мать – это тепло, мать – это пища, мать – это эйфорическое состояние удовлетворения и безопасности... Отец – тот человек, который вводит ребенка в большой мир...» Любовь женщины к ребенку, растущему в ее чреве, пусть пока еще инстинктивная, неосознанная, дарованная Природой постепенно обращается к его отцу. Реальность любви к Олегу оказалась отсроченной. Она прорастала, как упрямый росток сквозь толщу асфальта, в душе юной женщины, неискушенной в нравственных исканиях. *Н а ч а л а* материнства – в супружестве Татьяны, в любви к ней Олега, спасшей

ее от гибели в мрачных лабиринтах недоумений, домыслов и нелепых фантазий.

Рефлексия, спровоцированная душевными противоречиями, приобретает философский контекст, который эстетически запечатлен автором на страницах романа. «Проблема души, – пишет М.М. Бахтин, – методологически есть проблема эстетики...» Красота страстей человеческих, мир горестных переживаний, утрата доверия, измены, возрождения чувств, обретение счастья взаимного понимания – по сути и есть «...проблемы души...», выраженные в исповедальной рефлексии, которая и была автором, Татьяной Юргановой, эстетически запечатлена в романе.

Двадцатилетняя женщина, плотно спеленатая противоречиями любви, едва переводя дыхание, пишет в дневнике: «В наступающих сумерках в маленькой кухне сидит человек. Он почти нереален – он плывет в гаснущий за окном день... Это светлый человек. Светлолицый, светлоголовый, весь золотой, с блуждающей улыбкой, со светлыми глазами... И кажется, что сам он – маленький, прекрасный остров, который вот-вот уйдет под воду, исчезнет с последней полоской света...» Тридцатилетний влюбленный мужчина, осознающий ужас грязной клеветы, услышанной в свой адрес от любимой женщины (Веры), которой он готов принести воистину бесценные, хоть и нелепые жертвы: свое доброе имя, руины семьи, нежные чувства к сыну пишет: «...Передо мной лежала распластанная и беспомощная *ж е н щ и н а*, и все вокруг померкло для меня. Была только телесная красота... омытая мной от грязи и снова сиявшая, манящая своим неудержимым порочным соблазном...» Мать троих детей, женщина, счастливая в супружестве, но буквально по макушку погруженная в заботы и научные изыскания, пишет в письме мужу: «...Мне снилась...Чукотка. Она была вся в розовом снегу и лежала переливаясь, как огромная перламутровая раковина. Снег на берегу шуршал. Глубинно-синее тихое море подкатывало к снегу и, шипя, входило в него. И опять,

как будто его кто-то оттащивал, отползало...» Можно было бы привести множество фрагментов романа, свидетельствующих о мощных залежах «культурного слоя» языка и стиля, извлекаемых мужчиной и женщиной, влюбленных друг в друга, чтобы эстетически запечатлеть свою рефлексию.

Т. Юрганова – автор романа – находилась в конкретном месте своего бытия. Она – «субъект» событий, происходивших в ее семье, затем слившихся в «линию жизни» ее, мужа и детей. Она рефлексивна, как любой человек, наделенный способностью чувствовать и думать о сущем. Рефлексирует по поводу поступков своих, мужа, детей. Запечатлевает происходящее вокруг. Татьяна Юрганова делает это художественно. Она эстетически повествует о пережитом. В итоге появляются главы книги, замечательные по экспрессии и эмоциональности: «Корабль Павел Корчагин», «Когда малыш пробуждается...», «В словах ищущу я мысли след...», «Домашние животные: трудные истины и деликатные вопросы». Случается иная рефлексия, когда мать погружается в сумрак тревожных перемен в характере десятилетнего старшего сына, которые рожают тягостную беспомощность родителей (Часть вторая, «Самая трудная глава»).

В тексте романа порой снижается художественная привлекательность, в пользу информационной. В нем наступает нравственная драма матери, уже осознающей свой уход из жизни. Сужается диапазон этической и эстетической рефлексии. Она становится горькой. Тем не менее повествование обогащается и мыслями, и чувствами. Говоря словами М.М. Бахтина: «Эстетическое созерцание и этический поступок не могут отвлечься от конкретной единственности места в бытии, занимаемого субъектом этого действия... Для эстетической точки зрения существенным является следующее: я для себя являюсь субъектом какой бы то ни было активности, активности видения, слышания, осязания, мышления, чувствования...» даже на исходе жизни автора романа (добавлю я). Иначе говоря – запечатленные личностью движения жизни, ее дыхания, как это случилось

в исповедальном повествовании Т. Юргановой «Автопортрет любви без ретуши», отразило острый реализм нравственно-эстетических переживаний женщины, которой не суждено было дожить до возраста любви своих детей...»

Приложение:

Все представленные цитаты извлечены из книги М.М. Бахтина «Эстетика словесного творчества» Москва, Искусство, 1979 год. 423 стр.

«Настало время, когда я готова была признать, что рассказывание детьми собственных историй или намеренное переделывание ими читаемых мною сказок, сюжетов детских мультиков, рисование картинок и есть то, что уже можно назвать словом: «творчество». С наступлением четырёх-пяти лет у моих сыновей стало появляться что-то новое. Ум каждого сына преподносил свои сюрпризы. Довольствуясь тем, что дети, как бы между прочим, подбрасывали мне свою «продукцию» в «Амбарную книгу» или в зелёную папку, где хранились их рисунки, размышляя над всем этим «материалом», я понимала, что по своей природе все дити – творцы и мои – не исключение! Но считать их в чём-то особо одарёнными у меня не было никаких оснований.»»

«Я пишу на страницах моей тетради всё то, что ежедневно носится вокруг меня или приходит ко мне, когда кругом – гвалт, «дым коромыслом». Это забредшие «на огонёк» друзья пытаются перещеголять друг друга, громко провозглашая какие-то важные для них истины, старательно делая вид, что «схлестнулись» друг с другом «идейно». В такие минуты я получаю как бы «вожжой под хвост»! Меня охватывает дрожь от страха потерять мысли, образы, оставляющие быстрый след в памяти. Я сажусь в уголок комнаты, незаметно беру ручку, заветную тетрадь и быстро черкаю в ней каракулями, понятными только мне.»»